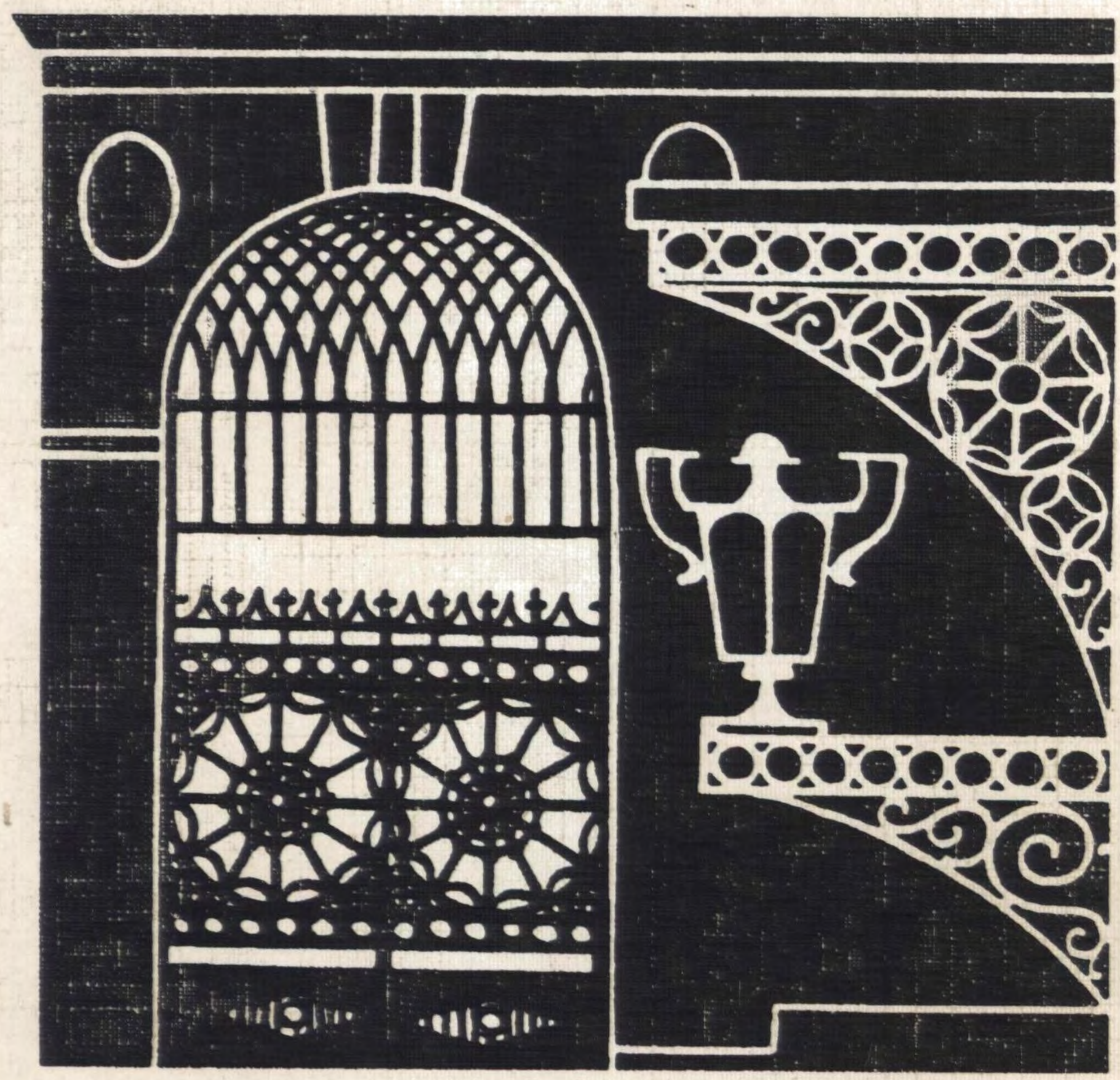


ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

IX

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы IX конференции
21 – 23 марта 2001 г.

I часть

Калужский государственный
объединенный краеведческий музей
БИБЛИОТЕКА
Инв.№ К – 7542

«Полиграф-Информ»
Калуга–2001 г.

ББК 63.4
В74

Редакционная коллегия: ***Бессонов В.А.***, заведующий отделом новейшей истории Калужского государственного объединенного краеведческого музея; ***Иванов В.А.***, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к.и.н.; ***Марголин В.А.***, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, к.б.н.; ***Марченко Н.В.***, заместитель Генерального директора Калужского государственного объединенного краеведческого музея по научной работе; ***Прошкин О.Л.***, заведующий отделом археологии Калужского государственного объединенного краеведческого музея; ***Телеганова Е.А.***, заведующая отделом природы Калужского государственного объединенного краеведческого музея; ***Черников А.П.***, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, д.ф.н.; ***Шмытова И.В.***, ученый секретарь Калужского государственного объединенного краеведческого музея, к.б.н.

Организация, проведение конференции и выпуск настоящего сборника осуществлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Калужской области (грант № 01−01−65001 г/ц)

В74 **Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья**: Материалы IX конференции 21 − 23 марта 2001 г. I часть. − Калуга: «Полиграф-Информ», 2001 г. − 320 с.

ISBN 5-93999-029-0

Сборник посвящен результатам археологических, исторических, этнографических, естественно-научных исследований в Верхнем Поочье. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: специалистов-историков, этнографов, археологов, ботаников, зоологов, экологов, краеведов, студентов, учащихся старших классов общеобразовательных школ.

ББК 63.4
В74

© Калужский государственный
объединенный краеведческий музей, 2001 г.
© «Полиграф-Информ», оформление, 2001 г.

ISBN 5-93999-029-0

Дорогие друзья!

От всей души приветствую всех участников IX научной конференции «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья»!

В этом году конференция будет проходить в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры. Проблемы, которые вы обсудите, самым тесным образом связаны с возрождением интереса россиян к своим православным истокам.

Отрадно, что инициатива проведения таких конференций была поддержана 15 лет назад краеведческим музеем и департаментом культуры и искусства Калужской области.

Ваша сегодняшняя встреча приурочена к 180-летию со дня рождения выдающегося математика и механика − Пафнутия Львовича Чебышева, родившегося на Калужской земле.

В рамках трехдневной работы вам предстоит обсудить широкий круг вопросов. Сюда войдет обобщение новых знаний о природе, обществе, быте и культуре населения громадного региона − от Орла на юге до Москвы на севере. Создание системы биологического мониторинга Калужской области, определение воздействия радиоактивных элементов на живые объекты в районах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС − все это важные вопросы, требующие сегодня особого внимания специалистов.

Желаю всем участникам конференции успешной и плодотворной работы, новых научных открытий и достижений!

Губернатор
Калужской области ***А. Артамонов***

**Оргкомитет конференции благодарит
Департамент культуры и искусства
Калужской области
и лично Директора Департамента
ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВИЧА ТРИШИНА
за помощь в издании сборника.**

Г. А. Массалитина, к.и.н., национальный парк «Угра»
И. Н. Модин, к. г-м н., МГУ им. М.В.Ломоносова

Изучение памятников археологии Калужской области с привлечением методов естественных наук

В последнее время тема сохранения археологического наследия для будущих поколений исследователей стала весьма актуальной. Методика полевых работ, уровень наших знаний, техническая оснащенность никак не соответствуют размаху археологических работ во второй половине XX в. Тем не менее, по работам и публикациям последних лет хорошо заметно, что все больше утверждается другое отношение к полевым исследованиям, а именно – желание получить максимум самой разнообразной информации из совсем небольших по объему раскопок. Путь повышения результативности полевых работ – это, конечно же, привлечение методов естественных наук.

На III-й городской краеведческой конференции уже говорилось о новом направлении археологических работ на городище Воротынск, где впервые был применен почвоведческий и палеоботанический анализ, в результате чего было получено принципиально иное качество интерпретации напластований культурного слоя. Достаточно сказать, что безликий археологический «материк» или «предматерик», по данным почвенных исследований, превращается в почву определенного типа, по которой реконструируются как исходные ландшафтные условия, так и особенности хозяйственного освоения этой территории.

В настоящей статье речь пойдет об исследовании памятника археологии – городища Жары 1 Юхновского района Калужской области – методами геофизической разведки. Геофизические методы применяются в археологии давно; в настоящее время уже оформилось особое междисциплинарное направление – архео-

логическая геофизика. Но их эффективность не вызывает сомнение там, где речь идет о хорошо выраженных погребенных конструкциях и объектах: фундаментах, разного рода кладках, склепах, глиняных печах или очагах и т.д. В отношении рядовых поселений лесной зоны, где приходится иметь дело с культурным слоем как таковым и его характеристиками, положительного опыта мало. В связи с этим результаты работ на городище Жары 1, в которых, наряду с археологами, принимали участие студенты и преподаватели кафедры геофизики геологического факультета МГУ, представляются интересными, так как наглядно демонстрируют возможности геофизики.

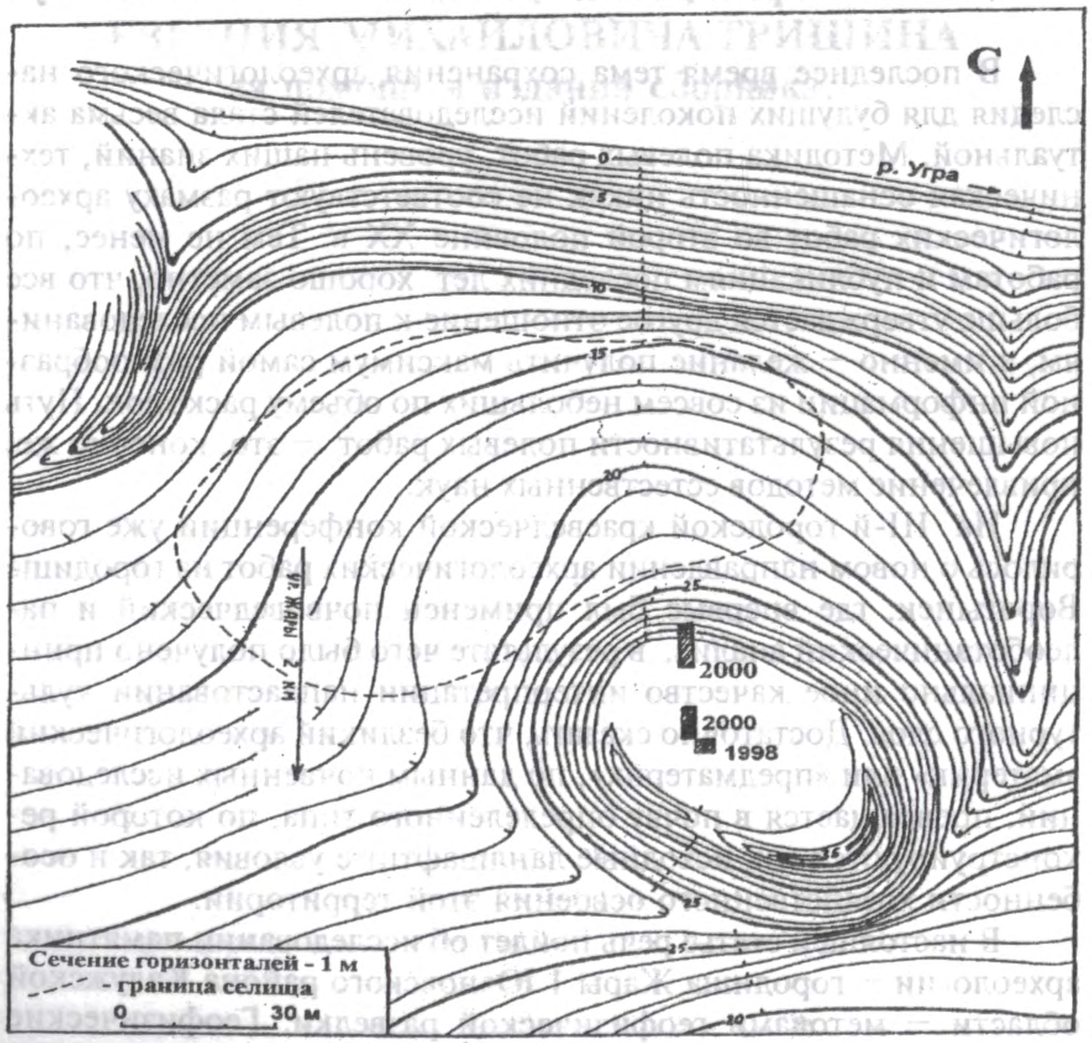


Рис. 1. *Калужская обл. Юхновский р-н. Городище Жары 1. Топографический план.*

Городище Жары 1 расположено на правом берегу р.Угра, на том ее участке, где река выполняет роль административной границы Калужской и Смоленской областей. Географически относясь к бассейну Верхней Оки, оно, тем не менее, не типично для его территории; по своим топографическим и конструктивным особенностям тяготеет к группе смоленских городищ (рис.1) Поселение устроено на высоком одиночном холме правильной конусовидной формы с крутыми склонами и плоской вершиной. По периметру площадка окружена кольцевым валом, а основание холма – кольцевым рвом (рис.2). Культурный слой, исследованный на площади около 60 кв.м, состоит из отложений периода раннего железного века, раннего средневековья, эпохи Древней Руси и позднего средневековья, вплоть до 15 в.

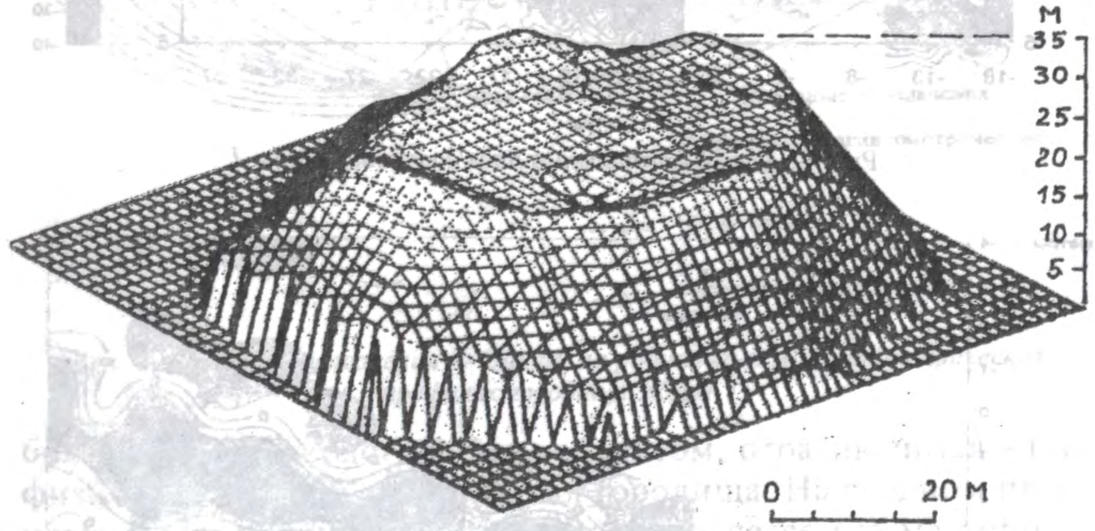


Рис. 2. *Моделирование склонов холма и рельефа поверхности городища Жары 1. (Выполнено в результате обработки данных топографической съемки)*

Геофизические исследования городища проведены с использованием трех основных методов: магниторазведки, электроразведки и георадиолокационного зондирования.

1. Метод магниторазведки основан на различии намагниченности природных и археологических объектов, что и позволяет использовать для их выявления магнитную съемку. Магнитометрические исследования на городище включали два вида микромагнитной съемки: площадную и по радиальным профилям. В результате компьютерной обработки данных были получены карты и графики аномальных магнитных полей. Наи-

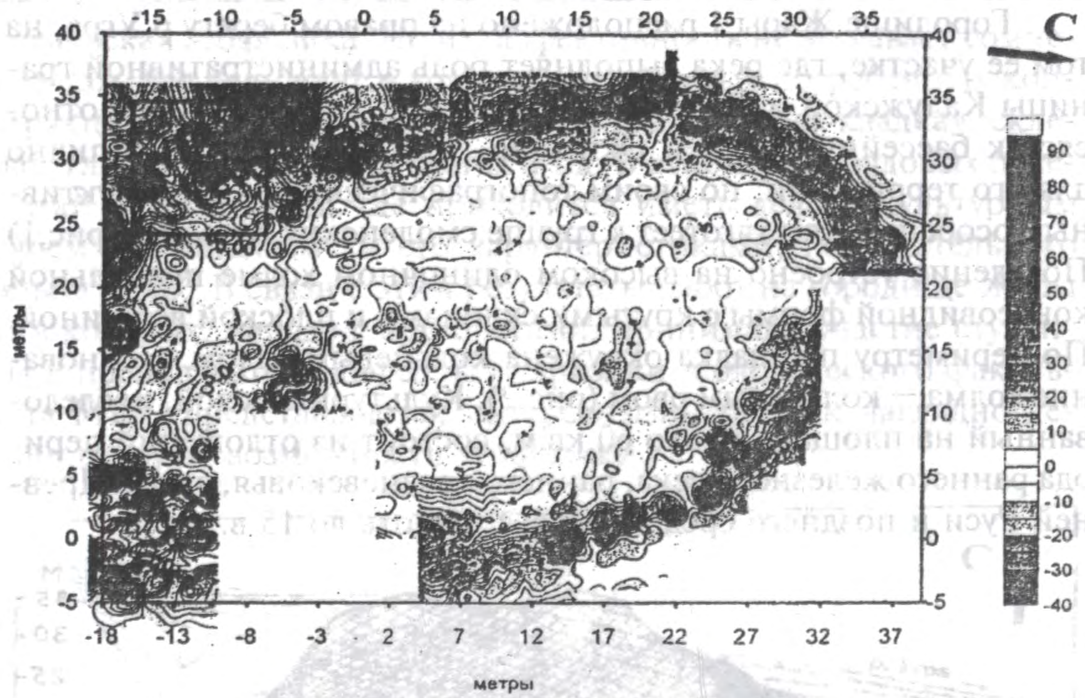


Рис. 3. *Карта аномального поля городища Жары 1*

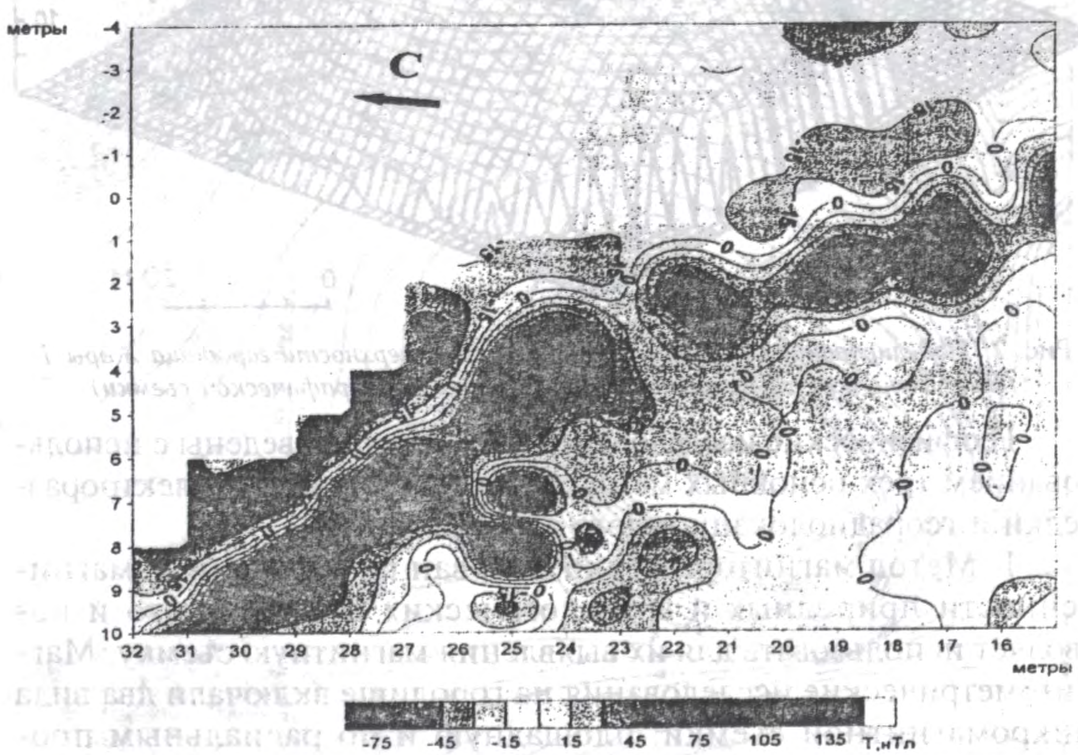


Рис. 4. *Карта аномального магнитного поля северо-восточного участка вала городища Жары 1*

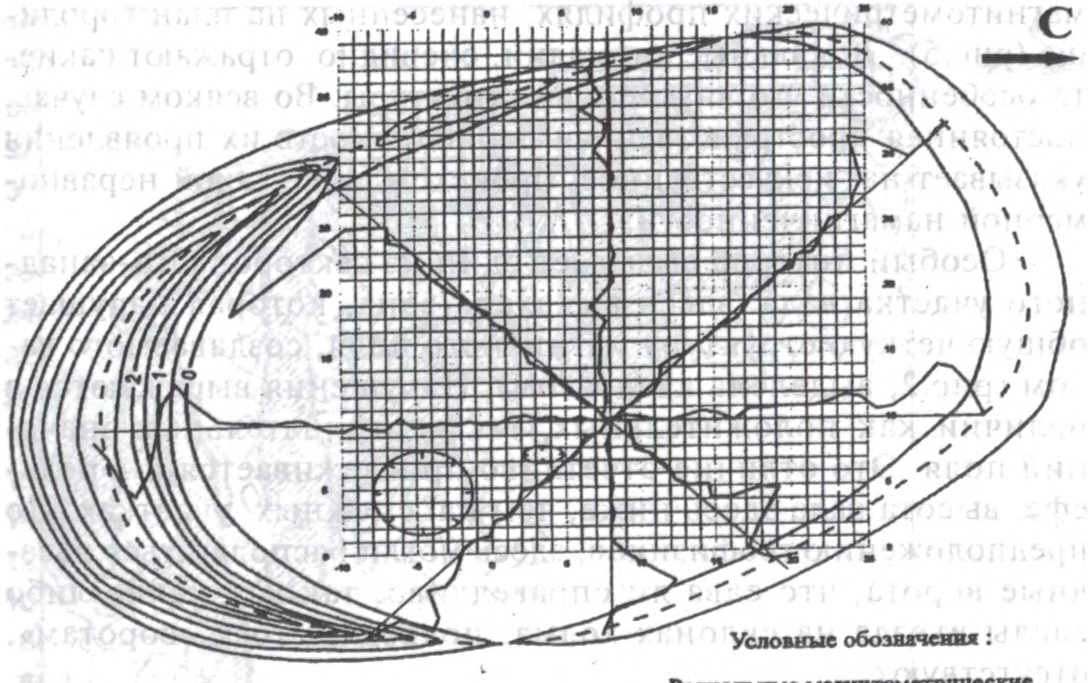


Рис. 5. *Схема расположения аномалий на радиальных магнитометрических профилях городища Жары 1*

более ярким археологическим объектом, отразившимся в геофизических полях, оказался вал городища. На сводном плане нескольких планшетов отчетливо выделяется его местоположение и структура. Аномалия, обусловленная валом, выражается в виде отчетливой овальной полосы положительных значений магнитного поля амплитудой от 20 до 100 нТл (рис.3). На общем ее фоне наблюдаются отдельные, более интенсивные, но мелкие аномалии, повторяющиеся примерно через каждые 9-10 м (рис.4). Резкое увеличение положительных значений магнитного поля, по мнению геофизиков, свидетельствует о присутствии в конструкции вала обожженной глины. Это предположение полностью подтвердилось в результате прорезки края площадки археологической траншеей (1). Очень наглядно и убедительно картина увеличенных значений поля выглядит на схеме расположения аномалий на радиальных

магнитометрических профилях, нанесенных на план городища (рис.5). Локальные аномалии, очевидно, отражают какие-то особенности его внутренней структуры. Во всяком случае, постоянная пространственная периодичность их проявления указывает на искусственное происхождение такой неравномерной намагниченности.

Особый интерес вызывает один из секторов юго-западного участка вала: здесь выявлена зона, которая нарушает общую четкую структуру магнитного поля, создаваемого валом (рис.2, выделена квадратом). Нарушения выражаются в наличии как положительных, так и отрицательных значений поля. Это отличие отчетливо прослеживается и в рельефе: высота вала здесь ниже, чем на смежных участках. По предположению геофизиков, здесь могли располагаться въездные ворота, что едва ли справедливо, так как какие-либо следы въезда на склонах холма, подводящего к «воротам», отсутствуют.

Для более четкого выделения структуры вала были проведены измерения магнитного поля по профилю вдоль оси вала. Общая длина профиля составила 178 м, измерения проводились с шагом в 1 м. В результате был построен график аномального магнитного поля, дополнительно подтверждающий предположение о наличии обожженной глины в конструкции вала (рис.6). В районе пикетов 53-69 на графике выделяется участок, где поведение поля отличается от всего графика: это тот самый участок, который был отмечен особо и по результатам площадной съемки.

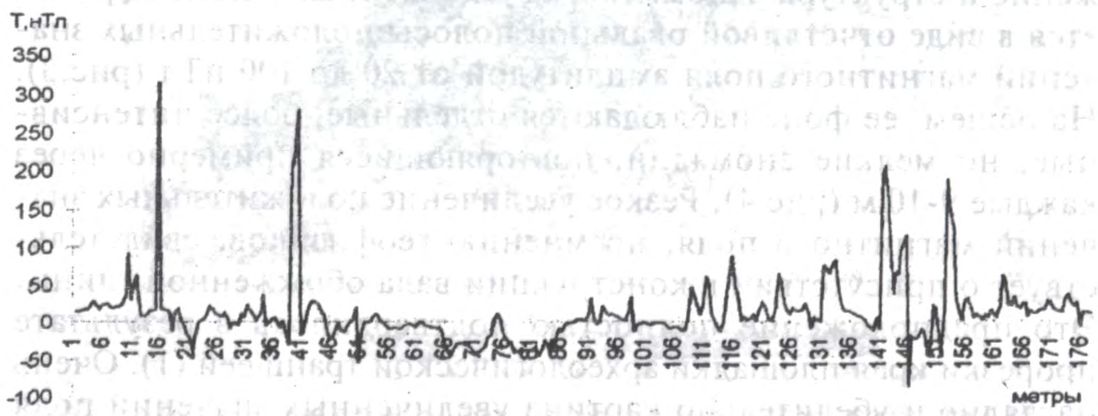


Рис. 6. *График аномального магнитного поля вдоль оси вала городища Жары 1*

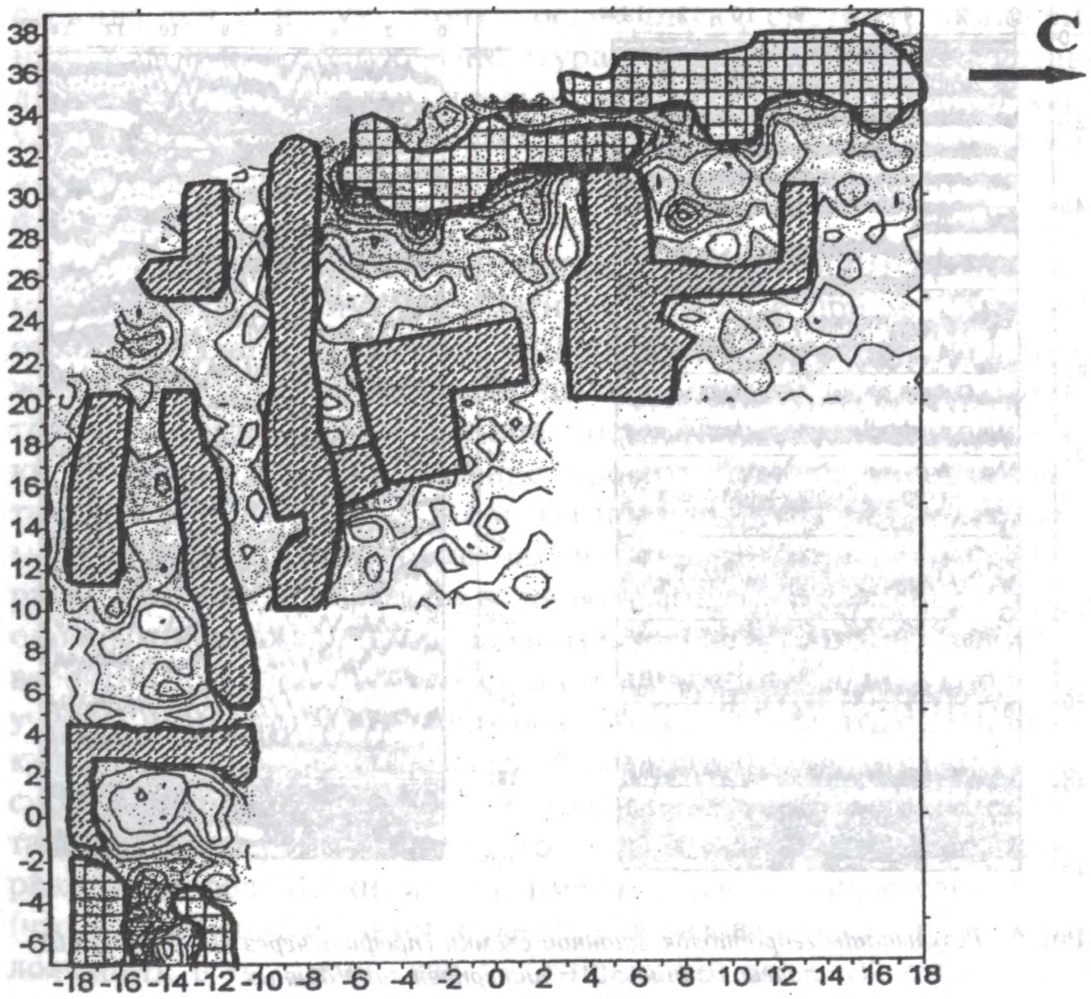


Рис. 7. *Результаты интерпретации данных, полученных методом дипольного экваториального профилирования на городище Жары 1*

2. Применение метода электроразведки постоянным током основано на определении разности удельного сопротивления погребенных археологических объектов и материковых пород или вмещающего грунта. Электроразведка на городище проводилась методами сплошных и вертикальных зондирований. Важно, что данные, полученные в ходе магнитометрической съемки, кореллируются с результатами электроразведки. Заинтересовавший геофизиков участок вала («ворота») был

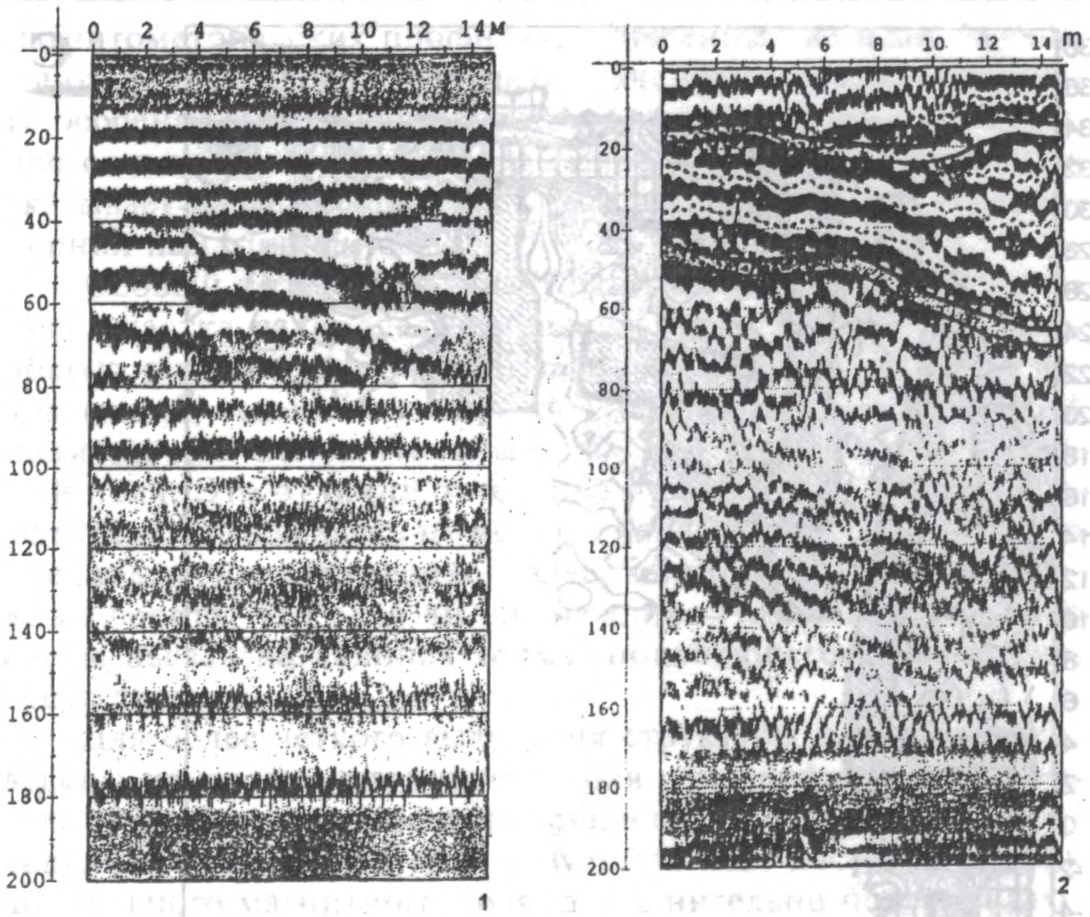


Рис. 8. *Результаты георадиолокационной съемки (профиль через ПК 0.0 – 15.0). 1 – полевая запись; 2 – интерпретация данных*

исследован методом дипольного экваториального профилирования. На полученной в результате съемки карте кажущегося сопротивления уверенно прослеживаются «краевые» аномалии высокого сопротивления, связанные с валом городища. Любопытно, что аномалии высоких значений кажущегося сопротивления располагаются в виде отдельных пятен, что вполне соотносится с результатами магниторазведки. На участке же с предполагаемыми «воротами» аномалии от вала сильно ослаблены или отсутствуют вовсе. При съемке этого участка было сделано еще одно любопытное наблюдение. Отмечена неоднородность структуры поля: наряду со значительными «краевыми» аномалиями выделяются и другие, с меньшей амплитудой, которые хорошо читаются на еще более низком фоне. Пространственное распространение этих аномалий вы-

страивается в некую, почти регулярную, систему, включенную, в целом, в общую конфигурацию вала (рис.7). Представляется, что этот, действительно выпадающий из общей картины, участок вала заключает в себе остатки какого-то археологического объекта, а не «ворота», спрогнозированные геофизиками.

3. Метод георадиолокационных зондирований (георадар) основан на излучении электромагнитных волн и приеме сигналов, отраженных от границ слоев зондируемой зоны. Причиной отражения электромагнитных волн является различие пород и объектов по диэлектрической проницаемости. Целью георадарной съемки на городище было выявление строения подповерхностной части разреза на глубинах 1,5-2 м. На полученных в результате временных разрезах (радарограммах) четко выделяются 3 комплекса, различающиеся по характеру волновой картины, разделенные двумя опорными отражающими горизонтами (рис.8). Нижняя граница, вероятно, обусловлена особенностями геологического строения участка работ, тогда как верхнюю можно связывать с подошвой культурного слоя (археологический «материк»). Радарограммы фиксируют разницу во внутреннем строении верхней части интерпретационного разреза (культурного слоя) и залегающих ниже материковых пород. Верхний слой имеет горизонтальную слоистость (что вполне соответствует характеру образования культурных отложений), в то время как подстилающий его слой суглинка – четко выраженную наклонную.

Давать оценку результатам геофизических исследований, проведенных на городище Жары 1, можно с разных позиций. В первую очередь следует отметить не вызывающий теперь сомнения: методы геофизики «работают» и в условиях, когда объектом исследования становятся культурные слои памятников лесной полосы, без ярко выраженных погребенных конструкций. Помимо чисто утилитарного результата сегодняшнего дня – подсказать археологу наиболее интересные участки для закладки раскопов – такие комплексные археолого-геофизические исследования могут работать на перспективу. Для этого совместную работу надо строить так, чтобы она не сводилась к потребительскому использованию методов геофизики для нужд археологии. Необходима обратная связь: геофизические аномалии следует сопоставлять с характеристиками выявленных археологических объектов, изучать физические

свойства этих объектов для понимания тонкой структуры геофизических полей. Это наверняка поможет неразрушающим методам геофизической разведки в будущем стать приоритетными при обследовании памятников археологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Болдин И.В., Массалитина Г.А.* Археологическое исследование вала городища Жары 1 //Природа и история Поугорья. Калуга, 1999, с. 66-68.

***И. В. Болдин**, Калужский государственный объединенный краеведческий музей*
***И. Н. Модин**, к.г-м н.,*
***М. В. Калишева**,*
***А. В. Еременко**, МГУ им. М. В. Ломоносова*

Исследование оборонительных сооружений летописного Любутска археологическими и геофизическими методами

Любутское городище – остатки летописного города Любутска – находится в Ферзиковском районе Калужской области. Городище расположено на высоком мысу при впадении речки Любутки в Оку. Любутск неоднократно упомянут в летописных сводах (Приселков, 1950; ПСРЛ, т. 25, 1949). Практически всю историю существования (14-15 вв.) город был в литовском подчинении и управлялся великокняжеским наместником (Кром, 1995).

Любутск находился на восточной окраине Литовского государства и неоднократно становился центром боевых действий (ПСРЛ, т. 25, 1949; ПСРЛ, т. 35, 1980 и др.). В 14-15 вв. город представлял собой хорошо укрепленную крепость. До наших дней сохранились вал, высотой 6 метров, и ров, глубиной 5 метров, отделяющие площадку городища с напольной стороны. П.А. Раппопорт при обследовании памятника в 1955 году отметил наличие слабых следов маленького вала вдоль склона городища (Раппопорт, 1961, с. 64). По мнению И.К. Фролова, верхняя часть

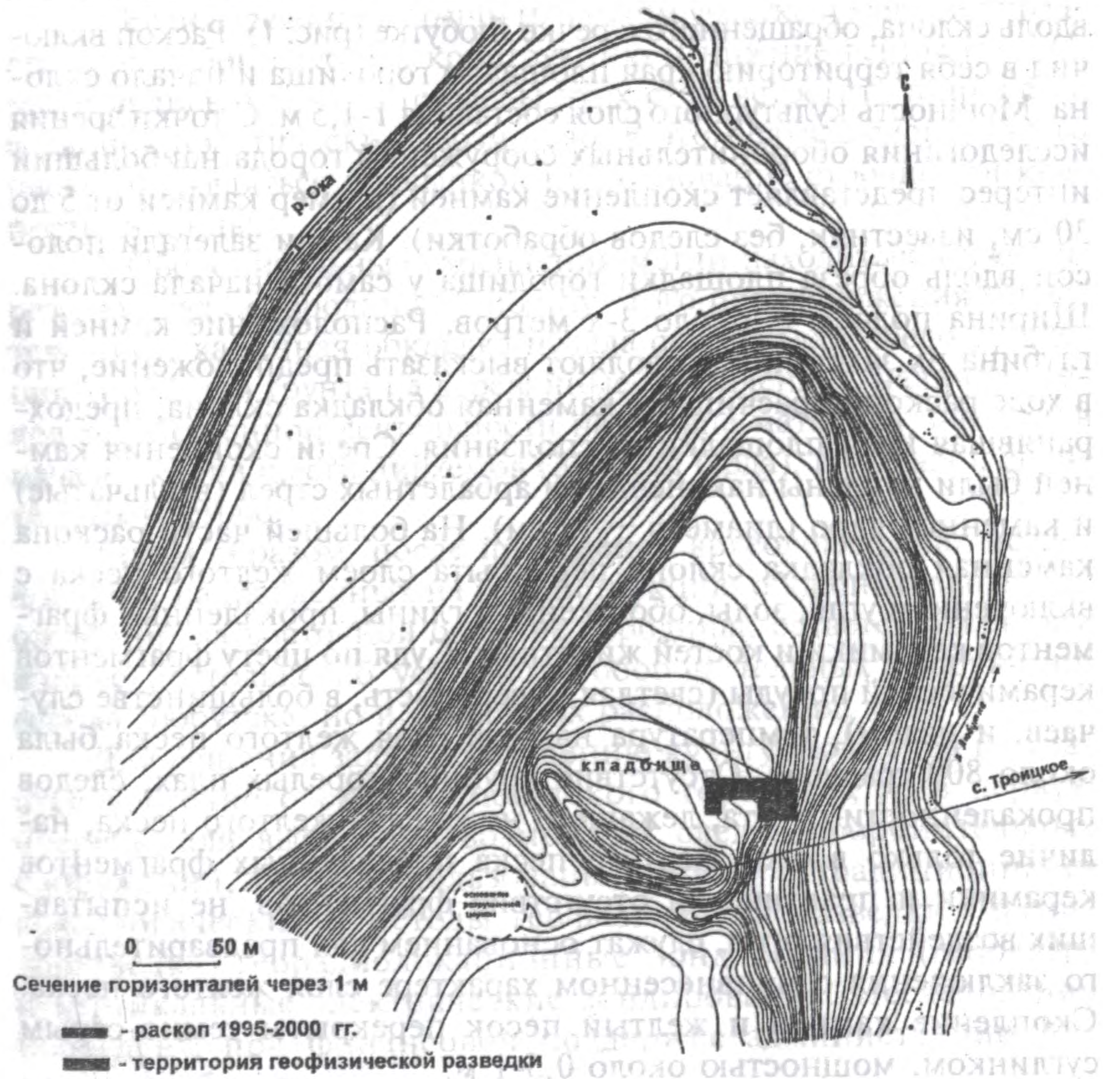


Рис. 1. *План Любутского городища. Топосъемка памятника выполнена И.К. Фроловым в 1980 г.*

склона эскарпирована (Фролов, № 8788). Имеющиеся в распоряжении исследователей источники недостаточно информативны для реконструкции оборонительных сооружений Любутска. Для расширения источниковой базы по данной проблеме были проведены археологические и геофизические исследования на краю площадки памятника.

Перед работами 2000 года стояла задача изучения культурного слоя на восточной окраине городища с целью исследования системы оборонительных сооружений летописного города. Для этого был заложен раскоп площадью 60 кв. м (6 х 10 м)

вдоль склона, обращенного к речке Любутке (рис. 1). Раскоп включил в себя территорию края площадки городища и начало склона. Мощность культурного слоя составила 1-1,5 м. С точки зрения исследования оборонительных сооружений города наибольший интерес представляет скопление камней (размер камней от 5 до 30 см, известняк, без следов обработки). Камни залегали полосой вдоль обреза площадки городища у самого начала склона. Ширина полосы – около 3-х метров. Расположение камней и глубина их залегания позволяют высказать предположение, что в ходе раскопок расчищена каменная обкладка склона, предохранявшая край площадки от сползания. Среди скопления камней были найдены наконечники арбалетных стрел (втульчатые) и каменное ядро (диаметр – 12 см). На большей части раскопа каменная обкладка склона перекрыта слоем желтого песка с включением угля, золы, обожженной глины, прокаленных фрагментов керамики и костей животных. Судя по цвету фрагментов керамической посуды (светлая поверхность, в большинстве случаев, и излом), температура нагрева слоя желтого песка была около 800 градусов. Отсутствие крупных горелых плах, следов прокаленности грунта, лежащего ниже слоя желтого песка, наличие только в слое желтого песка прокаленных фрагментов керамики и практически отсутствие фрагментов, не испытавших воздействия огня, служат основанием для предварительного заключения о привнесенном характере слоя желтого песка. Скопление камней и желтый песок перекрыты темно-серым суглинком, мощностью около 0,5-1 м.

Раскоп был расположен по самому обрезу площадки, и ожидалось, что в результате этих работ будут обнаружены следы оборонительных сооружений летописного города на восточной стороне площадки поселения, обращенной к речке Любутке. В итоге проведенных работ была расчищена каменная обкладка начала склона и найдены предметы вооружения, имеющие отношение к оборонительным сооружениям города. В то же время отсутствуют следы собственно оборонительных сооружений; ямы, раскрытые на уровне материка, не связаны с крепостной стеной, а свидетельствуют о хозяйственной жизни на этом участке поселения. В связи с этим можно выдвинуть две гипотезы об устройстве и местонахождении оборонительных сооружений на восточной окраине городища.

1. Если деревянная крепость на этом участке поселения представляла собой срубную конструкцию и нижние венцы стен не заглублялись в землю, то следы этих стен встретить в процессе раскопок практически невозможно. В этом случае слой желтого песка мог являться подсыпкой под основание строящейся крепостной стены.

2. Оборонительные укрепления могли находиться ниже обреза площадки городища. В пользу этого предположения свидетельствует каменная обкладка начала склона (для предотвращения сползания грунта на деревянные укрепления), наличие следов хозяйственной деятельности на уровне материка, находка в начале склона шести дирхемов (Золотая Орда), возможно, спрятанных в землю.

Таким образом, после проведения археологических исследований, направленных на реконструкцию оборонительных сооружений на восточной окраине городища, остается открытым вопрос не только об устройстве оборонительных сооружений города Любутска, но и о месте их расположения.

Для решения задач по изучению культурного слоя на участке восточного склона Любутского городища, и, в первую очередь, для выявления возможных следов оборонительных сооружений, были использованы, наряду с традиционными археологическими, методы геофизической разведки: магниторазведка, георадиолокационные зондирования (георадар) и вертикальные электрические зондирования. Исследования проведены при финансовой поддержке администрации Калужской области.

1. Микромагнитная съемка масштаба 1:100 была выполнена по методу планшетов на участке 20 х 20 м. Размер измерительной ячейки составил 1 м. Участок, разбитый для геофизической съемки, соотнесен с археологическим планом раскопов на площадке городища. По результатам обработки данных, полученных в ходе проведения магнитометрической съемки, с помощью программы «SURFER» была построена карта аномального магнитного поля исследуемой площади Любутского городища (рис. 2). Как видно из рисунка, магнитное поле на исследуемом участке имеет довольно сложную структуру.

В юго-восточной части участка (пк 0/0, 0/8, 8/8, 8/0) выявлена интенсивная (до -150 нТл) отрицательная анома-

Инв.№ К-7542

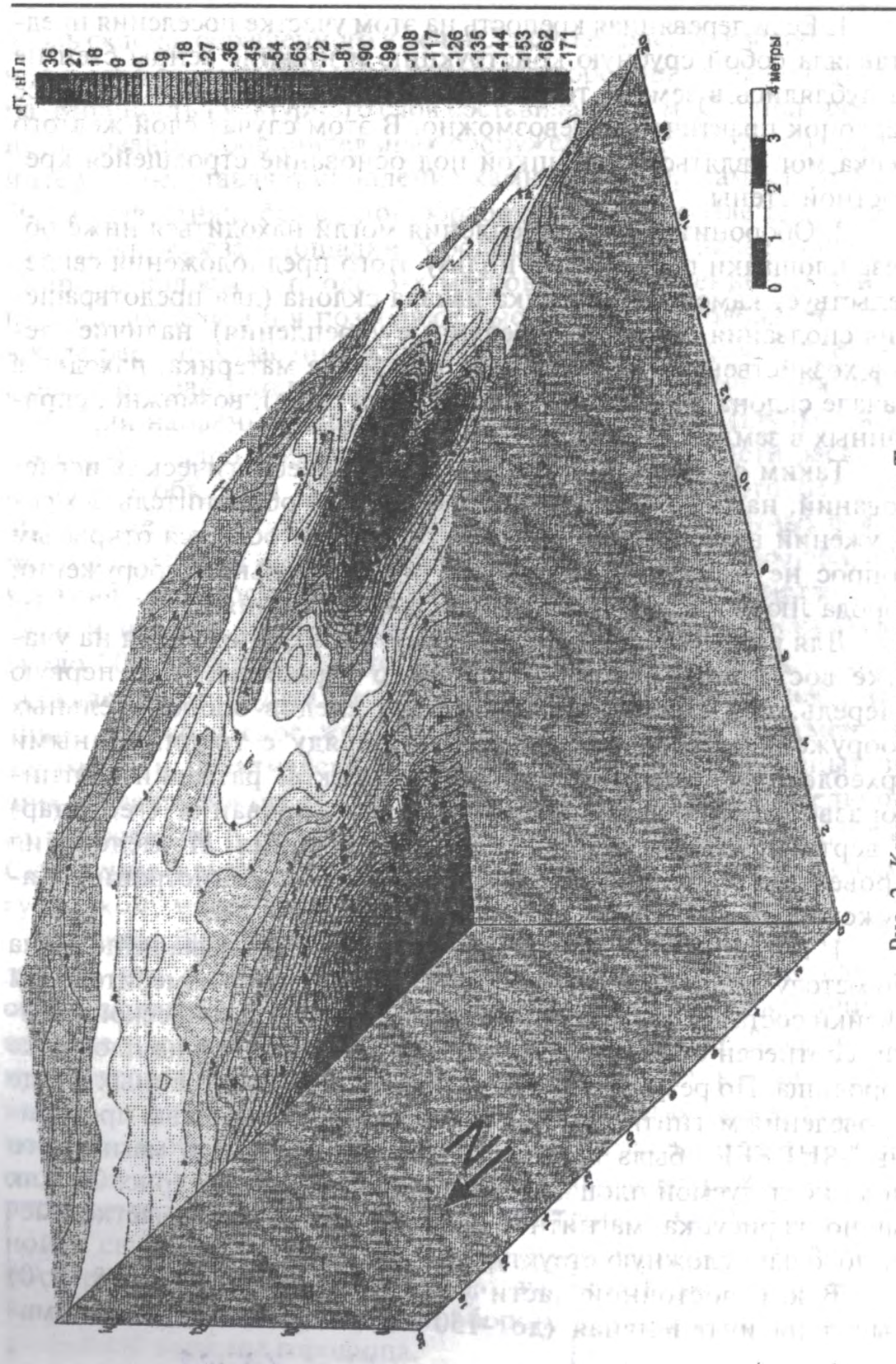


Рис. 2. Карта аномального магнитного поля Та

лия. По-видимому, это эффект от железной могильной ограды, расположенной в непосредственной близости от вышеуказанных пикетов.

Особый интерес вызывает интенсивная, практически изометричная положительная аномалия, расположенная в районе пк 10/0, 10/10, 16/10, 16/0. На ее фоне выделяются две более мелкие аномалии с центрами на пк. 13/3, 15/7. Такая аномалия может быть вызвана скоплением керамики, остатками древних построек, объектами из обожженной глины и т.д. Но не исключена возможность, что она связана со скоплением более мелких металлических предметов в районах вышеуказанных пикетов.

2. Георадиолокационные зондирования были выполнены только по одному меридиональному профилю общей длиной наблюдений 30 м. Из них 20 м соответствуют краю планшета магниторазведки, проходящему вдоль склона по профилю 0. На полученном в результате съемки и интерпретации данных временном разрезе выделяется несколько комплексов, различающихся характером волновой картины и разделенных тремя отражающими границами (рис. 3). Верхняя, расположенная на глубине от 0,6 м до 1-1,5 м (в самой северной части профиля - около 2 м), вероятно, связана с подошвой культурного слоя, а подпираемый ею слой – с собственно культурным слоем. Опорные горизонты, зафиксированные ниже, и перемежаемые ими слои, очевидно, отражают особенности геологического строения мыса, на котором расположено поселение.

3. Вертикальные электрические зондирования (ВЭЗ). Отработан один профиль, который имеет широтное направление и проходит поперек склона по нулевым пикетам от угловой точки (пк0 пр0), расположенной в юго-западной части планшета. Общая длина профиля наблюдений 20 м. Шаг по профилю наблюдений составлял 2 м. Общее число точек зондирования 11.

В основу интерпретации полученного по данным ВЭЗ геоэлектрического разреза положен принцип соответствия результатам других методов (в частности, георадара) и учет влияния двумерных и трехмерных неоднородностей при одномерном анализе электрических зондирований. Интерпре-

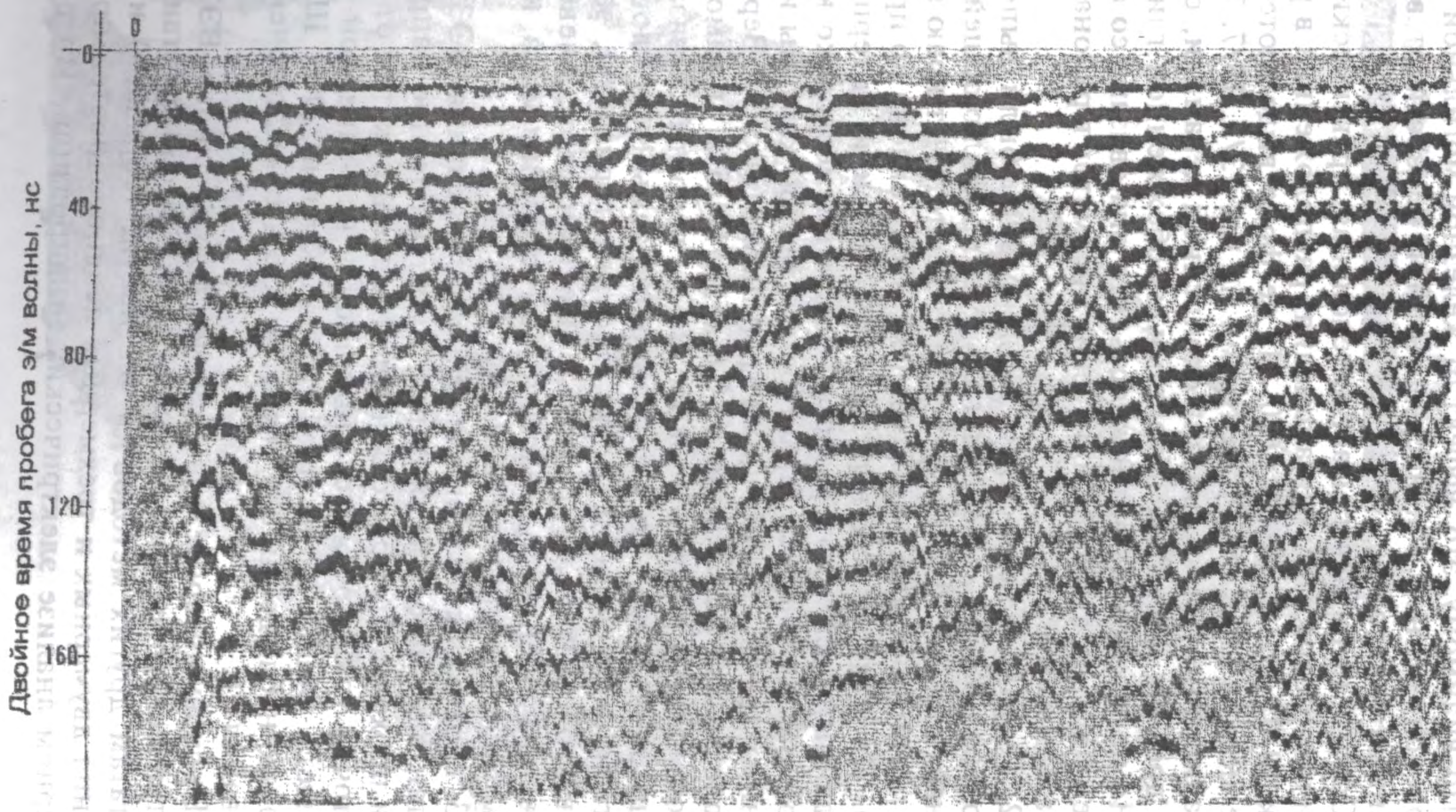


Рис. 3. *Георадарный профиль*

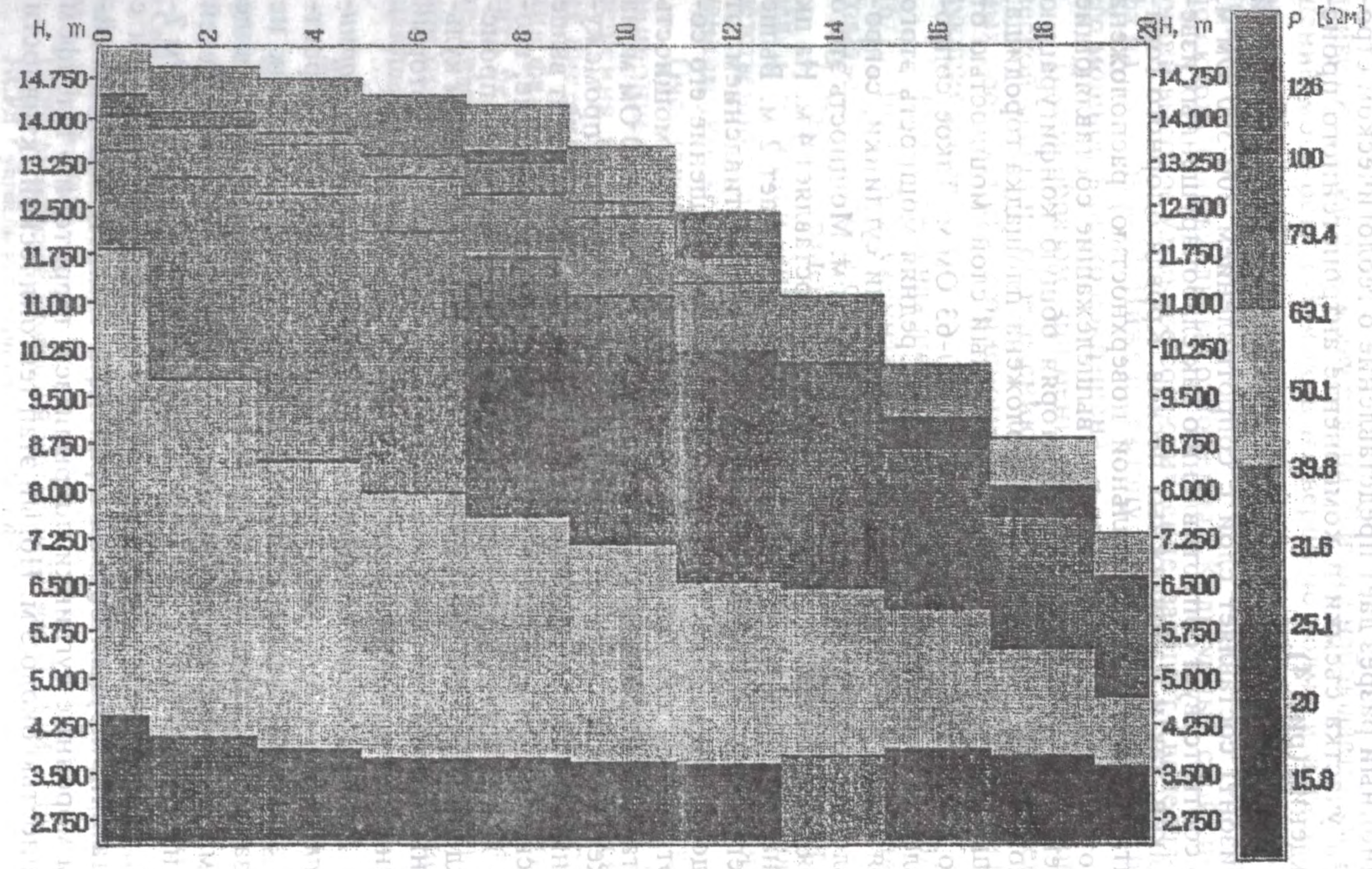


Рис. 4. *Результат вертикальных электрических зондирований*

тационный разрез дает представление о геологическом строении участка съемки и компоненте антропогенного происхождения (рис. 4).

В целом разрез пяти-шестислойный. Его основу (опорный горизонт) составляет слой с сопротивлением 200-300 Ом·м, что соответствует сопротивлению как слабонарушенных известняков, так и маловлажных песков. Кровля опорного горизонта (с почти горизонтальной поверхностью) расположена на отметке примерно 4 м. Все вышележащие составляющие залегают с уклоном вниз, повторяя общую конфигурацию склона мыса, на котором расположена площадка городища. Выше залегает нижний промежуточный слой, мощностью от 4 до 12 метров, с сопротивлением 50-63 Ом·м. Такое сопротивление характерно для супесей. Средняя мощность этого слоя около 4 м. Выше залегают глины или суглинки, сопротивление которых меняется от 20 до 30 Ом·м. Мощность этого слоя максимальна на пк 4 -10. Здесь она составляет 4 м. На пк 0 она уменьшается до 1,5 м, а на пк 20 достигает 2 м. Выше залегает верхний промежуточный слой с сопротивлением от 32 до 43 Ом·м. Отмечается постепенное уменьшение его сопротивления вниз по склону. На пикетах 0 – 6 его мощность составляет не более 0.5 м, а сопротивление около 40 Ом·м; на пикетах 8 –16 - около 1 м или чуть больше. Второй промежуточный слой может распадаться на два тела: первое лежит выше по склону и имеет чисто геологическое происхождение; второе лежит ниже и, возможно, имеет антропогенное происхождение. Верхняя часть разреза перекрыта высокоомным культурным слоем (до 300 Ом.м) мощностью около 1 м, который полностью выклинивается на пк 13.

Реконструкция геологических событий, связанных с формированием данного склона. Кровля опорного горизонта (вероятно, это известняки) залегает горизонтально, т.е. никак не связана с образованием современной формы рельефа в виде холма. Нижний промежуточный горизонт суглинков-супесей лег на поверхность известняков ровным однородным слоем 7-8 м. В результате последующей эрозии образовался склон с достаточно крутым бортом в районе 2-4 пикетов. В дальнейшем моренные суглинки покрыли всю территорию шлейфом мощностью около 5 м. Новый этап тектонической активности

привел к эрозии и размыву склона. В итоге наблюдается уменьшение мощности суглинков на вершине холма и в тальвеге оврага. Верхний промежуточный слой образовался в результате постепенного перемещения рыхлого материала сверху вниз по склону (элювиальные отложения). Культурный слой, имеющий высокое удельное сопротивление, залегает в виде шлейфа на пикетах 0-12. Ниже по склону этот слой отсутствует или его мощность резко сокращена.

Таким образом, применительно к решению археологической задачи по определению местоположения оборонительных сооружений летописного Любутска, можно сделать следующие выводы:

1. Положительная аномалия в районе пикетов 10/0, 10/10, 16/10, 16/0, обнаруженная при магнитной съемке, может трактоваться, как следы сооружения.

2. Распространение культурного слоя (данные электроразведки) по линии запад – восток ограничено 12 пикетом. Соответственно, эта линия может совпадать с границей поселения на данном участке.

Очевидное преимущество использования, наряду с традиционными археологическими, геофизических методов для решения конкретных археологических задач заключается в их дистанционном характере. В будущем, по мере накопления фактического материала и приобретения опыта соотносить результаты, полученные археологическими и геофизическими методами, последние могут стать определяющими при проведении археологических работ как методы неразрушающей разведки.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М. 1995.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.-Л., 1950

Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. X-XV вв. //МИА, № 105. 1961.

Фролов И.К. Отчет о работе Среднерусской экспедиции 1980 г. Разведки в Калужской области, раскопки городища и селища у с. Мошины //Архив ИА РАН, Р-1, № 8788.

ПСРЛ. Московский летописный свод конца XV века. Т. 25. М.-Л. 1949.

ПСРЛ. Супрасльская летопись. Т. 35. М. 1980.

М. Е. Ворожейкина, Российский НИИ культурного и природного наследия, Санкт-Петербургский филиал

Русский средневековый соляной промысел на территории лесной зоны и возможности его археологического изучения

Значение поваренной соли (NaCl – хлорида натрия) для человека определяется, в первую очередь, ее участием во многих жизненно важных процессах организма. Дефицит поваренной соли в организме приводит к тяжелым последствиям вплоть до сгущения крови, спазмов и судорог скелетной мускулатуры, нарушения функций нервной системы. Потребность искусственного добавления соли в пищу возникла, по всей вероятности, еще в мезолите. В период, когда изменения в хозяйстве привели к уменьшению в рационе человека мяса животных и, в связи с широким развитием рыбной ловли, увеличению в пище доли рыбы. В тканях рыб, как и в растениях, в отличие от мяса, не содержится необходимого человеку количества NaCl. В то время соль получали выпариванием морской или минеральной воды (так называемых соляных ключей), поливая ею раскаленные на огне камни. Существуют также этнографические данные о добавлении в пищу пепла древесных стволов, долгое время находившихся в морской воде.

Резко возрастает важность добычи поваренной соли, когда последняя начинает использоваться не только как добавка к пище, но и в качестве основного и наиболее надежного консерванта. Для нашей территории, по всей вероятности, такое ее использование становится основным примерно к XII столетию. Тогда в связи с процессами внутренней колонизации лесной зоны, складыванием торговых и экономических связей, массовым появлением и ростом городов, повышается мобильность населения, возникает необходимость транспортировки значительных объемов продуктов на большие расстояния и, как следствие, необходимость их надежной консервации при любых условиях. Соление оказалось гораздо более удобным, чем традиционно применявшееся для этих целей сушение, вяление и замораживание. Определенное значение приобретает соль несколько позднее и как сырье для некоторых технологических операций в кожевенном производстве.

В этот период на территории русских земель можно зафиксировать несколько зон добычи соли достаточно четко отличающихся как географически, так и технологически. Для юго-западных областей Руси характерна в основном каменная соль из соляных копей - молотая или вторично вываренная, поступающая главным образом из Галицко-волынской земли и района современного Кракова. На юге и юго-востоке самосадочная морская (преимущественно из Крыма), ее доступ достаточно непостоянен в связи с частыми конфликтами в степи. На территории лесной зоны в силу климатических и гидрогеологических причин полностью господствует выварка соли из минеральной воды (непосредственно солеварение). В подавляющем большинстве случаев для солеварения используется минеральная вода природных так называемых “соляных ключей” (восходящих минеральных источников, выходящих на дневную поверхность). Одним из наиболее используемых на Севере источников стала также естественно насыщенная солью вода Белого моря. Доступность воды вполне компенсировала ее крайне малую соленость, находившуюся на нижнем пороге рентабельности. Большое значение для солеварения лесной зоны имело также наличие достаточного количества топлива, его доступность, дешевизна и простота его транспортировки по многочисленным сплавным рекам. В целом для лесной зоны европейской части выделяются несколько основных и, по всей вероятности, наиболее ранних центров соляной добычи. В первую очередь это Руса (Старая Русса), Ненокса, Солигалич, а также Тотьма, Большие и Малые Соли, Нерехта, Сольвычегодск. Сегодня есть основания предполагать, что на территории лесной зоны европейской части Руси существовали еще несколько значительных пунктов промысловой выварки соли нам пока неизвестных.

Соляной промысел традиционно и по праву считается одним из важнейших средневековых производств. Получение поваренной соли всегда играло исключительно важную роль в жизни средневекового общества и впоследствии стало основой экономического расцвета целых регионов. Сегодня в отечественной науке значительное количество работ посвящено тематике, связанной с различными аспектами истории русского соляного промысла. Однако, практически все исследования освящают лишь наиболее поздний период соляного промысла, когда последний

уже почти утрачивает черты средневекового производства. Совершенно неизученным, к сожалению, остается и наиболее интересный период его становления и бурного развития в XII-XIII вв. Крайне мало информации накоплено и относительно технической и технологической стороны производства периода ранее серьезных организационных и технологических изменений, происходивших в XVI – XVII столетиях. Наиболее подробно исследователи как правило освещают торгово-экономические аспекты соляного промысла. Все выше перечисленные особенности ведущегося уже более полутора столетий изучения связаны, прежде всего, с особенностями самой источниковой базы, предоставляющей материал для исследований и по своему составу практически неизменной на протяжение последних ста лет.

Хотя первое датированное упоминание о русском солеварении и относится к достаточно раннему для нашей территории времени (1137 г.),[1] более или менее подробные сведения о промысле письменные источники начинают фиксировать лишь с XVI, а в основном с XVII столетия. Это объясняется как относительно малым количеством дошедших до нас документов, более раннего периода, так и самим характером письменных материалов того времени, не уделявших внимания подобной тематике. Такое отношение современников, создававших исследуемые ныне тексты, характерно по отношению почти к любым производствам и ремеслам, мастерство в которых передавалось, что называется "с рук" и не описывались технологически. В большинстве случаев промысел фиксируется по различного рода хозяйственным и торговым записям, что также накладывает свой отпечаток на тематику исследований. Выход из создавшегося положения, на наш взгляд, может обеспечить лишь введение в научный оборот принципиально нового круга источников, дающих материал новый как по характеру, так и по датировкам. Дать такой материал могут и должны археологические исследования.

Масштабные археологические раскопки, ориентированные на изучение остатков соляного промысла в нашей стране пока не проводились. Наиболее интересными из уже раскопанных памятников такого рода являются несколько печей для выварки соли, открытые в 60 х - 70 х гг. в г. Старая Русса (Новгородская обл.)[2], датирующиеся XIV – XV вв. Участки территорий поздних (XVII – XVIII вв.) солеваренных заводов исследовались при охранных раскопках в окрестностях Перми.[3] Эти работы, давшие яркий и значительный материал по истории соляного производства, все же не преследовали цели специального изучения именно объектов промысла. Поэтому, основное их значение состоит в том, что была наглядно продемонстрирована сама принципиальная возможность получения разносторонней и поддающейся расшифровке информации по промыслу из археологических источников. Сомнения в том, что археология способна предоставить полноценную информацию по солеварению не были безосновательными. Конечный продукт (сама соль) растворима в воде, сырьевые источники промысла представлены естественными природными объектами, а специфическое оборудование и инструментарий до сих пор остаются практически не атрибутированными. Однако, на практике все эти трудности оказались вполне преодолимы. Промысел фиксировался надежно. Тем не менее, чтобы говорить об археологическом изучении солеварения нескольких, пусть даже очень информативных памятников, не достаточно. Необходимо иметь более широкую картину развития промысла.

С целью составить представление о функционировании средневекового солеваренного промысла в целом и уточнить возможности его дальнейшего исторического исследования с применением методов археологии нами проводится серия археологических разведок.[4] В задачу работ в первую очередь входят поиск и отбор для дальнейшего исследования памятников археологии, связанных с соляным промыслом. Необходимо оговориться, что производственный комплекс по выварке соли необходимо включает в себя источник сырья (минеральной воды), црен (противень) в котором нагревают рассол и мощную печь, для кипячения рассола в црене, а также возможно различные системы водотоков для подвода рассола от источника к црену, удаления жидких остатков, резервуары для накопления рассола, различный инструментарий и, как правило сама постройка, в которой находится печь и происходит выварка соли – варница. Наиболее надежно организовать нахождение таких объектов (по ряду причин) оказалось возможным, избрав отправной точкой поиска сырьевые источники, эксплуатировавшиеся средневековым промыслом. Таковыми являются минеральные источники как естественного, так и, выявившиеся в ходе работ, искусственного происхождения. Последние, не

подвергавшиеся ранее специальным исследованиям, сами по себе оказались ценнейшими памятниками как соляного промысла, так и истории техники вообще.

Чаще всего сырьевые источники последнего типа представляют собой не что иное, как буровые скважины для добычи рассола со значительной глубины, укрепленные деревянными трубами диаметра 50 - 65 см. То обстоятельство, что трубы изготавливались из стволов деревьев большого возраста, позволило в ряде случаев воспользоваться методами денрохронологии и получить даты для этих конструкций. Большинство образцов пока находятся на обработке, но уже получена серия дат для Усолья Тотемского (Вологодская обл.), где буровые рассолоподъемные скважины датируются в пределах с 1549 по 1651 гг. Это особенно интересно в связи с тем, что XVI – началом XVII вв. датируется самое раннее уникальное технологическое руководство по производству бурения на рассолы "Роспись как зачать делать новая труба на новом месте"[5], происходящее из Тотьмы. Это позволяет построить картину соляного производства, опирающуюся на единовременные письменные и археологические источники.

Не менее интересно масштабное сооружение, открытое в котловине небольшого минерального озера во Мшаге Воскресенской (Новгородская обл.). Оно представляет собой несколько расположенных концентрически шестигранных колодезных срубов. Каждый сруб меньшего диаметра находится глубже предыдущего. В центре наименьшего сруба находится деревянная обсадная труба изливающая минеральную воду. Можно предполагать, что в этой конструкции мы имеем дело или с более архаичным вариантом бурового сооружения или же с иной технологической школой. Даты, полученные со стенок сруба пока предварительны – это первая половина шестидесятых годов XIV в.[6] По всей вероятности данное минеральное озеро также имеет искусственную природу и представляет собой мощный сырьевой источник.

Всего нами было обследовано более 90 объектов на территории Псковской, Новгородской, Костромской, Вологодской и Архангельской областей, 52 объекта отобраны для дальнейшего исследования. Дальнейшие исследования в этой области представляются весьма перспективными и будут продолжены. Необходимо отметить, что по настоящему обширный и разносторонний материал способны дать лишь раскопки большими площадями с целью выявления всей территории производственных комплексов. Отчетливо ощущается также необходимость расширения географии обследуемых объектов в пределах данной технолого-географической зоны. Пока остаются неопределены источники поступления соли в некоторые значительные регионы Руси (в т.ч. и в район Верхней Оки). Решение вопроса об импорте или местном производстве здесь соли позволит по-новому взглянуть на экономику этих областей и систему их заселения в средние века.

[1] Уставная грамота Святослава Ольговича, данная Новгородскому Софийскому собору. Черепнин Л.В. Древнерусские княжеские уставы X – XI вв. М., 1976, с. 148.

[2] Раскопки А.Ф.Медведева 1966 - 1978 гг.

[3] Остатки солеваренных заводов исследовались при аварийно-спасательных раскопках, предшествовавших строительству Молотовского (совр. г. Пермь) водохранилища в 1950-х гг.

[4] Программа археологического обследования памятников средневекового солеваренного промысла осуществлялась с 1995 по 1998 гг. на историческом факультете Московского педагогического университета, а с 1999 г. по настоящее время Санкт-Петербургским филиалом НИИ культурного и природного наследия.

[5] Документ публиковался дважды:

Прозоровский Д.А. Старинное описание солеваренного снаряда. Известия императорского археологического общества. Т. 6. Спб., 1868.

Колесников П.А. Первое инженерное наставление по глубинному бурению скважин. Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992.

[6] Все приводимые здесь даты получены при обработке образцов древесины в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

В. А. Ткаченко, Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга

Находки медных пул в окрестностях Калуги

Место и роль медных русских монет пул в товарно – денежных отношениях русского государства в XIV – XVI вв. к настоящему времени только начинает определяться. Количество накопленных знаний, фактов и монетных находок подошло к критическому рубежу понимания особенностей монетной системы, обслуживающей обширные простран-

ства русских княжеств, постепенно объединяемых Великим княжеством Московским в единое Русское государство. Медные пулы, находимые на территории Калужской области были известны только по материалам из Калуги[1]. Поэтому открытие еще одного места интенсивного обращения пул углубляет общую картину состояния экономических связей административно – территориального центра с окрестными районами, каковым являлась Калуга в рассматриваемый период времени.

Весной 2000 года, перед началом пахотных работ, на селище 6 в с. Воротынск была сделана местным рыболовом первая находка двух малых медных пул. Эти две монеты изучены в Музее ремесла, архитектуры и быта. Находчик рассказал, что пулы были подняты с поверхности влажной пахоты, на которой они выделялись изумрудно-зеленым цветом. Подобные невзрачные монетки местными жителями находились и ранее, но выбрасывались из-за невозможности практического использования. По просьбе сотрудников Музея, находчик повторно побывал на месте своих первых находок. Им было собрано еще 20 монет, среди которых были выявлены 2 серебряные чешуйки: денга времени Великого князя Ивана III и Василия Ивановича (1462-1533 гг.), известная под условным названием «дозор»[2] и денга московская в весе копейки чекана Ивана Грозного (1533-1538 гг.)[3]. В общей сложности были просмотрены и определены по типам 21 малая медная пула. Монеты, пролежавшие в земле многие столетия, первоначально подвергаются воздействию коррозионных процессов, с одновременным формированием защитного покрытия из окислов меди, т.е. слоя патины. Корочка патины повторяет, а точнее сохраняет первоначальный рельеф изображения лицевой и оборотной сторон монет. Поэтому, при разрушении патины происходит обнажение глубинных слоев металла, сглаживание рельефа и попутно исчезают мелкие детали изображений и надписей. По этой причине, медные пулы, находимые в земле, не стали объектом коллекционирования и следовательно – изучения.

Все воротынские медные пулы относятся к поздним малым пулам, чеканенным в 80-90 гг. XV столетия. Проведенная унификация медной монеты свелась к уменьшению веса и уста-

Московские пулы

Тип II





405. Вариант 2. Л.с. Крылатая сирена с чешуйчатым хвостом, как в варианте 1, но другого штемпеля более мелких размеров; вокруг ободок из вплотную стоящих точек.
О.с. Четырехстрочная надпись:
ПОУЛ/ОМОСК/ОВЬСК/ОЕ; вокруг точечный ободок.

Тип III





406. Вариант 1. Л.с. Двуглавый орел впрямь с распростертыми крыльями; между головами какой-то знак, над крыльями – по крестику.
О.с. Четырехстрочная надпись:
ПУЛ/ОМОСК/ОВЪСК/ОЕ; вокруг точечный ободок.

Тип IV





409. Вариант 1. Л.с. Птица влево с распростертыми крыльями.
О.с. Четырехстрочная надпись:
ПОУЛ/ОМОСК/ОВСК/ОЕ; вокруг линейный ободок.

Тверские пулы

Тип II





358. Л.с. Птица влево; голова повернута назад, в клюве цветок на длинном стебле.
О.с. Четырехстрочная надпись:
ПОУ/ЛОТВЕ/РЬСК/ОЕ; вокруг точечный ободок.

Тип IV





360. Л.с. Птица влево с распростертыми крыльями; вокруг линейный ободок.
О.с. Четырехстрочная надпись:
ПУ/ЛОТВ/ЕРЬСК/ОЕ; в начале и в конце первой и последней строк стоит по точке; вокруг линейный обо

Тип V





361. Вариант 1. Л.с. Птица вправо с распростертыми крыльями.
О.с. Четырехстрочная надпись:
ПОУЛ/ОТВЕ/РЬСК/ОЕ.

362. Вариант 2. Л.с. Птица вправо с распростертыми крыльями, как и в варианте 1, но другого штемпеля.

Топография находок медных пул в с. Воротынск.

(Карта по: Баталин А. М. Город Воротынск и князья Воротынские в истории России. Калуга, 1995, с. 12)

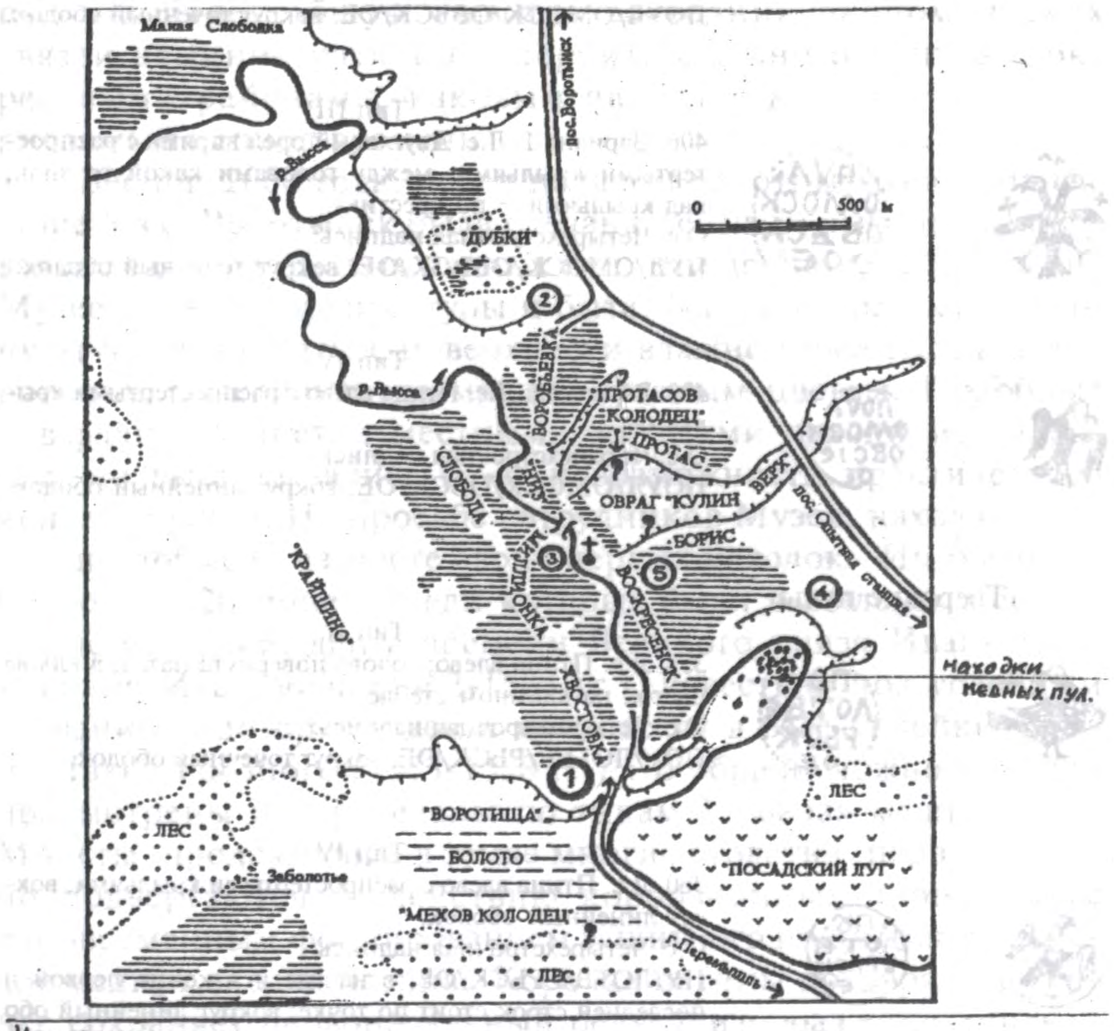


Рис. 1. *Историческая топонимика и археологические памятники Воротынска. Селища:*
1 – 14-17 вв. (остатки средневекового посада)
2 – 1-я пол. 1-го тыс. н. э.
3 – 14-17 вв. (посад или слобода)
4 – эпоха раннего железа и 15-17 вв. (слобода)
5 – 14-17 вв. (посад или слобода)

новлению стилистической близости изображения лицевой стороны и текстов надписи оборотной[4]. Семнадцать монет чеканены на Московском денежном дворе и четыре – на Тверском. Из Московского чекана 15 пул относятся ко II типу, вариант 2 (№405) с изображением крылатой сирены[5]. Одно пуло определяется по точечному ободку вокруг полусохранившейся надписи, как тип III, вариант 1 (№ 406)[6]. На этой монете просматриваются фрагменты изображения двуглавого орла впрямь. Пуло с изображением птицы влево с распростертыми крыльями относится к VI типу, вариант 1 (№ 409)[7].

Тверская чеканка представлена двумя типами монет. Два пула относятся ко второму типу с птицей влево, голова птицы повернута назад и держит в клюве цветок на длинном стебле (№ 358)[8]. Третья монета несет на себе изображение птицы влево с распростертыми крыльями в линейном ободке (№ 360)[9]. Этот четвертый тип Тверских пул широко распространен в материалах из Калуги. Четвертое тверское медное пуло относится к пятому типу, но определить к какому из вариантов его отнести, из-за плохой сохранности не представилось возможным (№361-362)[10].

Надписи оборотных сторон всех монет указывают на место их чеканки на Московском и Тверском денежных дворах. Пул новгородской и псковской чеканки пока обнаружено не было.

Исследованного нумизматического материала с Воротынского селища достаточно, чтобы подтвердить ранее сделанные вычисления по процентному соотношению монетных комплексов, относимых к конкретным городам чеканки в общем своде выявленных монет в Калуге. Процент тверских пул, вычисленных для Воротынска равен 19 а в городе Калуге эта величина колеблется около 21 процента[11]. Этот показатель демонстрирует экономическую общность окрестностей Калуги, обслуживаемых единой денежной системой.

Проведенное взвешивание медных пул выявило колебание веса отдельных монет от 0,28 г. до 0,51 г. Величины веса пул укладываются в параметры графиков весовых диаграмм для каждого типа пул, составленным П.Г. Гайдуковым[12].

Топография находок медных пул в Калуге[13] и на Воротынском селище свидетельствует о широком обращении малых поздних пул на территории Калужского края в конце XV – XVI вв.

[1] *Гайдуков П.Г.* Первые находки медных русских монет конца XV – XVI вв. в Калуге// Тезисы докладов I Калужской историко – археологической конференции. Калуга, 1986. С. 30.

Ткаченко В.А. Анализ состава медных русских монет конца XV – XVI вв. // Тезисы докладов научной конференции. Вопросы археологии истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987. С. 36-37.

Он же. Нумизматический анализ медных пул из Калуги // Песоченский историко – археологический сборник. Вып. 2, ч. 2. Киров, Калужской обл., 1995. С. 41-50.

Ткаченко А.В. Дополнения к своду типов медных пул из Калуги. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 1998. С. 66-68.

[2] *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV – XVI вв. М., 1993. С. 229.

[3] *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого. М., 1989. С. 253. (Тип I-I, Московский денежный двор).

[4] *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV – XVI вв. М., 1993. С. 89.

[5] Он же. С. 202 – 203.

[6] Он же. С. 203.

[7] Он же. С. 203.

[8] Он же. С. 193.

[9] Он же. С. 193.

[10] Он же. С. 194.

[11] *Ткаченко А.В.* Дополнения к своду типов медных пул из Калуги. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 1998. С. 66.

Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV – XVI вв. М., 1993. С. 87.

[12] *Гайдуков П.Г.* С. 109-110, 113-114.

[13] Он же. С. 126-127.

[14] Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Музея ремесла. архитектуры и быта Ткаченко А.В и Федорову В.В. за помощь, оказанную в сборе информации для этой работы.

О. Л. Прошкин, Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Хронология древнерусских поселений Верхнего Поочья

Археологическое изучение древнерусских поселений на территории Верхнего Поочья длится не один десяток лет (1, с.137-139). Одним из важных вопросов в изучении остается вопрос их датировки. Основными методами датирования являются сравнительный анализ археологического материала и

использование данных письменных источников. Вопросам хронологии поселений, так или иначе, уделяли внимание почти все исследователи древнерусских памятников. Время возникновения ряда верхнеокских городищ было установлено П.А. Раппопортом в результате изучения их оборонительных сооружений (Спас – Городок, Воротынск и др.) (2, с.102-104, 117-118, 124, 127). Хронологическая классификация селищ на основе керамического материала дана Т.Н.Никольской. (3, с.56-60). Однако, в работах большинства исследователей имеется датировка только отдельных памятников по результатам раскопок (3, с.22-25 и др.; 4, с.229-239).

Целью данной работы является попытка определения хронологии поселений Верхнего Поочья на основе найденного на них археологического материала – украшений, деталей костюма, предметов быта и вооружения, монет. Большое значение для определения датировки поселений имеют разработанные Т.В.Равдиной - хронология вятических украшений (5) и Н.Г.Недошивиной - периодизация вятических курганных погребений (6). Для создания хронологической классификации поселений могут привлекаться только археологически хорошо изученные памятники.

Древнерусские поселения Верхнего Поочья по времени их возникновения можно разделить на два основных периода: первый период – 2-я половина IX – 1-я половина XI вв., второй период – 2-я половина XI - XIII вв. В историческом отношении первый период характеризуется началом процесса освоения Верхней Оки славянским населением и попытками киевских князей поставить его в зависимость, охватив данью. Второй период – время, когда эта территория входит в состав трех древнерусских княжеств и находится под государственным контролем и управлением, вероятно, посредством ее деления на волости (например, волость «Вятичи»). В археологическом отношении первый период соответствует времени распространения элементов роменской культуры на Верхней Оке и появлением памятников, облик материальной культуры которых можно назвать древнерусским. Второй период соответствует времени развития древнерусской культуры, а вместе с тем, времени появления вятических племенных ук-

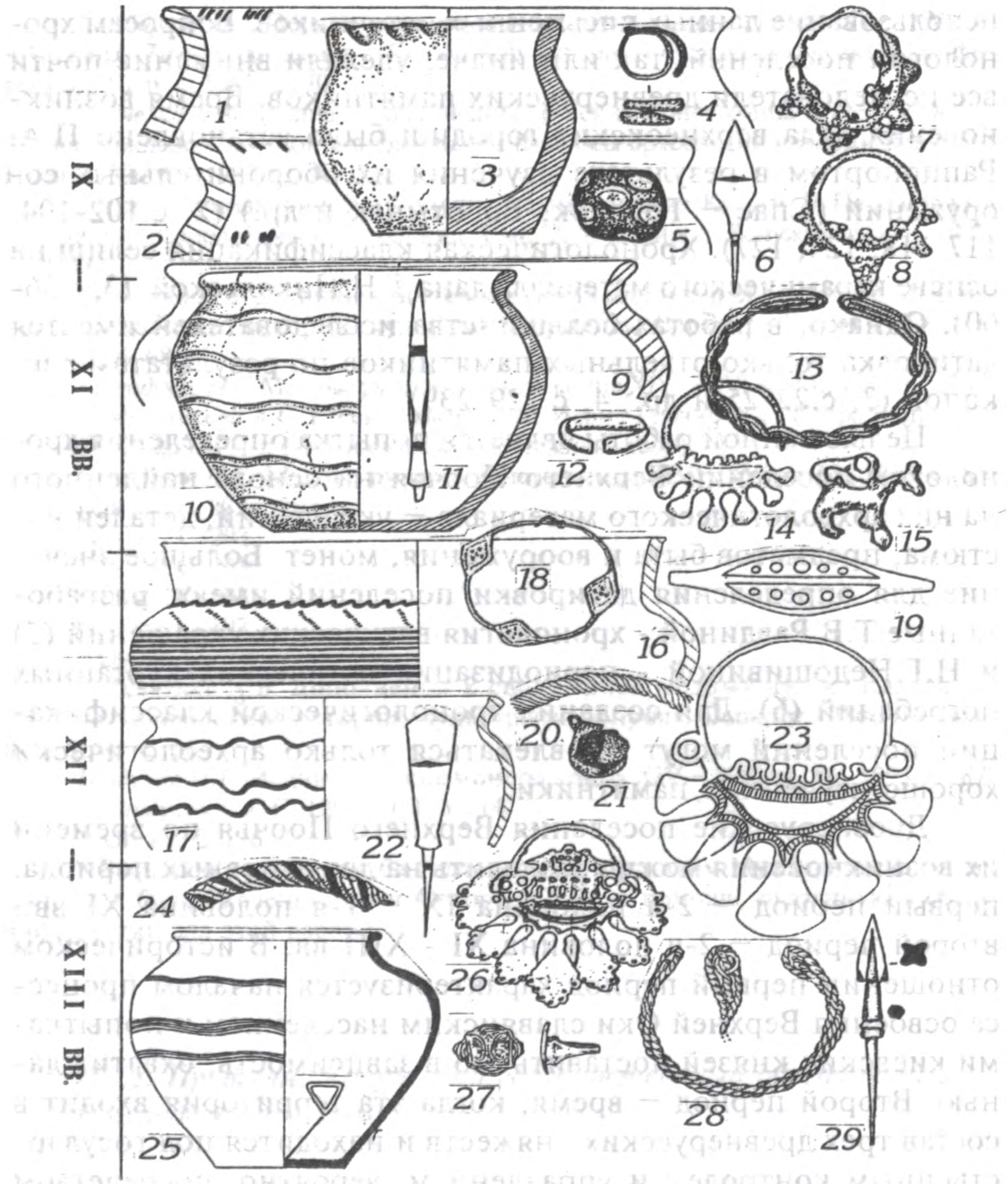


Рис. 1. *Находки древнерусского периода из раскопок поселений и курганов на территории Верхнего Поочья.*

1, 2 – Вороново, селище 1; 3, 10 – Западная, курганный могильник; 4 – Уткино, селище 3; 5, 7, 8 – Сосенский, городище; 6 – Комаровское, городище; 9 – Салтыки, селище; 11 – Городище, городище; 12, 22, 24, 25, 27, 28 – Серенск, городище; 13 – Спас-Перекша, городище; 14, 19, 23 – Спас-Городок, городище; 15 – Сенево, селище; 16 – Кривское, селище 3; 17, 21 – Маламахово, городище 1; 18 – Бочарово, курганный могильник; 20 – Исканское, селище; 26 – Федотково, городище; 29 – Ждамирово, городище.

рашений с середины XI в. и их дальнейшего распространения в XII-XIII вв. (5, с.122-123).

В течение первого периода на Верхней Оке появляется не менее 15-ти укрепленных поселений и 47-ми селищ. Двенадцать поселений окончательно или временно прекращают свое существование в конце периода (например, городище Супруты), остальные продолжали функционировать и в последующие века (городище Пашково (Лужки), селище Уткино 3 и др.).

Основным датирующим материалом для поселений первого периода является, в первую очередь лепная посуда, характерная для памятников позднего этапа роменской культуры. (типа рис. 1, *1-3*). По мнению А.А.Узянова, верхнеокские поселения с роменской керамикой, являются наиболее поздними для данной культуры (7). В числе других признаков, позволяющих датировать возникновение поселений IX – 1-й половиной XI вв. являются находки на них таких предметов, как: шаровидные белопастовые, 14-гранные сердоликовые, стеклянные лимоновидные и «глазчатые» бусы (типа рис. 1, *5*), многочастные желтостеклянные, синестеклянные и белостеклянные с перломутровым оттенком пронизки, бронзовые бубенчики с линейной прорезью и гофрированной поверхностью, лучевые височные кольца ранних (с псевдозернеными лучами и др.) типов (типа рис. 1, *7, 8*), наконечники стрел черешковые ланцетовидные 62-го типа, ромбовидные, т. н. «гнездовского типа» (рис. 1, *6*) и ряд других предметов (например, рис. 1, *4*).

В 1-й половине XI в. на Верхней Оке начинают распространяться предметы так называемых «общедревнерусских типов»: бочонковидные золотостеклянные бусы, бронзовые узкопластинчатые перстни (рис. 1, *12*), подвески-коньки литые (рис. 1, *15*), витые проволочные браслеты (рис. 1, *13*), лировидные пряжки, железные калачевидные кресала и ряд других. Важным признаком, характеризующим развитие поселений в конце периода является появление раннекруговой посуды. Известные из раскопок поселений и курганов целые формы очень редки (типа рис. 1, *10*) и представлены, в основном, фрагментами как слабопрофилированных, так и хорошо профилированных сосудов. Первые часто повторяют и

близки профилировке сосудов роменского облика (типа рис. 1, *9*). Вероятно, что в XI в. появляются сосуды более профилированных, «резких» форм, одним из характерных признаков которых является манжетовидный венчик. Вопрос о времени исчезновения лепной посуды и замены ее круговой на Верхней Оке не решен, т.к. в этом отношении не проводилось специальных исследований.

В целом же, выделить древности 1-й половины XI в. на Верхней Оке достаточно четко пока не представляется возможным. Однако уже сейчас в общих чертах намечается появление вещевого комплекса этого времени.

Большое значение для датировки поселений имеют находки на них монет-дирхемов, найденных на семи городищах (Федяшево 1, Лужки и др.) и одном селище (Кривское 3). Большинство их происходит из культурного слоя. Определимые дирхемы датируются от середины VIII до конца X вв. На городище Супруты отдельные монеты (точное количество не известно?!) находились в развалах очагов наземных жилищ вместе с лепной керамикой роменского типа. Большое значение для датировки этого поселения имеет найденный там клад, состоявший из дирхемов 2-й половины VIII – 1-й половины IX вв. (8, с.206-212).

Ранний этап погребальной обрядности, несомненно связанный с поселениями с лепной роменской керамикой отражен на материалах 13-ти курганных могильников. В большинстве погребений найдены фрагменты и целые сосуды, предметы быта и украшения, аналогичные найденным на поселениях этого периода (Западная, Доброе 1 и др.) (9 и др.). Погребальный обряд таких курганов на Верхней Оке, представленный остатками трупосожжений умерших, рассмотрен рядом исследователей (10 и др.). Некоторые курганные могильники (Лебедка, Федяшево, Доброе 1 и др.) находятся рядом с известными, синхронными по времени поселениями этого же периода и являются их некрополями.

К второму периоду на Верхней Оке относится не менее 48-ми городищ и 152-х селищ. Около 50-ти поселений продолжали функционировать еще с первого периода.

Для 2-й половины XI - XIII вв. на Верхней Оке характерно, с одной стороны, наиболее широкое распространение украшений, предметов быта и вооружения т. н. «общедревнерусских типов», а с другой стороны – появление и усиленное развитие собственно вятических племенных украшений и в частности, формирование их специфического набора. Появление ранних 7-лопастных височных колец «простого» типа (рис. 1, *14*) датируется Т.В.Равдиной серединой XI в. (6, с.119).

В второй половине XI - XII вв. продолжают бытовать, появившиеся еще в первом периоде узкопластинчатые незамкнутые перстни, бочонковидные золотостеклянные, зонные краснопастовые (редко встречаются), шаровидные сердоликовые (постепенно выходят из употребления) и глазчатые бусы, синестеклянный бисер (редкие находки); черешковые ланцетовидные наконечники стрел, кресала калачевидные, замки типа А и ключи к ним и ряд других предметов. При этом выходят из употребления бусы «лимонки», многочастные пронизки, черешковые наконечники стрел ромбовидные т.н. «гнездовского типа», раннекруговая грубая посуда и т.д.

С XII в. появляются бронзовые решетчатые (типа рис. 1, *19*) и пластинчатые широкосрединные, с различными видами орнамента перстни, височные 7-лопастные кольца типа 5 по Т.В.Равдиной (рис. 1, *23*) (преобладают по сравнению с другими типами), проволочные плетеные браслеты (рис. 1, *28*), стеклянные браслеты (типа рис. 1, *20*), железные черешковые плоские ромбовидные с расширением в средней части пера и упором для древка наконечники стрел, овальные кресала, костяные двухсторонние гребни и другие предметы (типа рис. 1, *21, 22*). Большинство предметов, появившихся на поселениях в XII в., продолжали бытовать и в 1-й половине XIII в. (например, 7-лопастные височные кольца 5-го типа и 5-лопастные височные кольца 14-го типа), а такие предметы, как шаровидные привески-бубенчики с линейной прорезью и рельефным пояском, проволочные витые и плетеные браслеты, некоторые стеклянные браслеты - до начала XIV в., а вероятно и позже. Не ранее чем с рубежа XII - XIII в. появляются бронзовые и серебряные 5-лопастные и 7-лопастные ажурные и подзорчатые височные кольца (типа рис. 1, *26*), квадрифолийные перстни (типа рис. 1, *27*),

стеклянные филигранные браслеты (типа рис. 1, *24*) и другие предметы (типа рис. 1, *29*).

Круговая посуда XII-XIII вв. характеризуется сохранением появившейся в XI в. грубой профилированной «курганной» посуды и появлением и распространением посуды разных форм и пропорций, по технологическим данным отличающейся от нее (хороший горновый обжиг, тщательная обработка поверхности, уменьшение в тесте различных примесей и т.д.). Преобладающей категорией посуды являются горшки хорошо профилированных форм с различными видами орнамента на поверхности и различными клеймами на донцах (рис. 1, *16, 17, 25*).

На городище Спас – Городок, в одной из построек найдена серебряная денежная гривна новгородского типа (11, с.11). Один из кладов этого периода – Льговский, происходил вероятно с селища, которое Н.М.Маслов, по найденной там круговой керамике «с характерным линейным и волнистолинейным орнаментом» датировал древнерусским временем (12, с.107).

Не менее 26-ти курганных могильников, содержащих погребения по обряду трупоположения на горизонте и в грунтовых ямах могут быть связаны с поселениями данного периода (Гать 1, Бельково и др.). По убедительному мнению Н.Г.Недошивиной, смена обряда трупосожжения умерших на трупоположения у вятичей происходит к концу XI в., «когда земля вятичей окончательно попадает в сферу влияния древнерусского государства» (6, с.16). Известны биритуальные погребения 2-й половины XI - начала XII вв. в курганных могильниках Доброе 1 и Слевидово (9; 13). В женских погребениях на горизонте, в числе украшений имеются 7-лопастные височные кольца «простого» типа 2-й половины XI – начала XII вв. (5, с.119-122). Подкурганные погребения на материке сменяются погребениями в грунтовых ямах в XII в., что подтверждается сравнительным анализом деталей погребального обряда (6, с.8-10). В ямных погребениях присутствуют такие украшения, как решетчатые перстни, 7-лопастные височные кольца типов 5-9 по Т.В.Равдиной (преобладают по сравнению с другими типами), проволочные плетеные и витые браслеты, шаровидные стеклянные и сердоликовые бипирамидальные шестигранные бусы,

различные привески, типа шаровидных бубенчиков с линейной прорезью и т.п. (Бельково, Бочарово и др.), широко распространенные и на поселениях Верхней Оки.

Дополнительной информацией о хронологии поселений второго периода служат данные письменных источников, где имеются упоминания о ряде населенных пунктов (Беницы, 1136 г. и др., Козельск, 1146 г. и др., Дедославль, 1146 г., Лобынск, 1146 г. и др., Серенск, 1208 г. и др., Мценск, 1147 г. и др., Домагощ, 1147 г., Девягорск, 1147 г. и др., Кромы, 1147 г. и др., Спашь, 1147 г. и др., Воротынск, 1155 г. и др., Брын, 1228 г. и др., Мосальск, 1231 г. и др.). Летописные данные о древнерусских населенных пунктах Верхней Оки с привлечением археологических источников использовались в работах многих исследователей в связи с вопросами их локализации (14 и др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Прошкин О.Л.* История археологических исследований древнерусских поселений Верхнего Поочья. // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993.

2. *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XY вв. // МИА. №105. 1961.

3. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М., 1981.

4. *Прошкин О.Л.* Древнерусский слой мощинского городища. // РА. №2. 1997.

5. *Равдина Т.В.* Хронология «вятических» древностей. 1975. // Архив ИА, Р-2, №2154.

6. *Недошивина Н.Г.* Погребальный обряд вятичей XI-XIII вв. Автореф. дис. канд. историч. наук. М., 1974.

7. *Узянов А.А.* Роменская культура и проблемы освоения Среднерусской возвышенности. // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991-1995 гг. М., 1996.

8. *Изюмова С.А.* Супрутский денежно-вещевой клад. // История и культура древнерусского города. М., 1989.

9. *Изюмова С.А.* Курганы у с. Доброе Тульской области. // СА. №1. 1970.

10. *Седов В.В.* Ранние курганы вятичей. // КСИА. Вып. 135. 1973.

11. *Никольская Т.Н.* Отчет о работе Верхнеокской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА, Р-1, №15279-15280.

12. *Маслов Н.М.* Льговский клад. // КСИИМК. Вып. XXIII. 1948.

13. *Изюмова С.А.* Курганы у д. Слевидово. // СА. №4. 1970.

14. *Алексеев Л.В.* Домен Ростислава Великого. // Средневековая Русь. М., 1976.

В. Н. Гурьянов (Брянск)

О юго-восточной границе смоленских кривичей в бассейне р. Десны

Территория расселения смоленско-полоцких кривичей определяется на основе распространения браслетообразных височных колец с завязанными концами, которые еще со времен работы А. А. Спицына (1899) считаются этноопределяющим украшением этого племени. Общая характеристика границ смоленско-полоцких кривичей приведена в работе В. В. Седова, в которой в частности отмечается отсутствие четких рубежей и наличие смешанных курганных групп в кривичско-радимичском и кривичско-вятичском пограничье (Седов В. В., 1982, с. 158. Карта 25). Исследования кривичских курганных древностей, проведенные на упомянутых участках пограничья в последнее десятилетие, позволили автору и его коллегам обратиться к более детальному анализу отдельных участков кривичско-радимичской и кривичско-вятичской границы. В частности, на основании материалов, полученных в ходе исследования курганной группы у с. Гришина Слобода на р. Ветьме (левый приток Десны) было высказано предположение о том, что юго-восточная граница расселения кривичей проходила по линии междуречья рек Сещи и Белизны (правые притоки Десны) – левому берегу Ветьмы с дальнейшим выходом по р. Ветьме на верховья р. Болвы (Гурьянов В. Н., 1996, с. 35). Кривичско-вятичское пограничье, таким образом, определялось в междуречье Ветьмы и Болвы (Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Миненко В. В., 1998,с. 142).

Появление в последние годы новых материалов и анализ сведений о раскопках, проведенных в данном регионе в конце X1X-начале XX в., в сочетании с привлечением данных физической географии позволяют более детально определить юго-восточную границу расселения кривичей в Верхнем и Среднем Подесенье. В данном регионе выделяются следующие физико-географические районы, в той или иной степени затронутые кривичской колонизацией: Верхнедеснинско-Рославльское предполесье, Клетнянское полесье (восточный от-

рог Белорусского полесья) на правом берегу Десны и Жиздринский аллювиально-зандровый район на левобережье. Для правобережья Десны юго-восточная граница расселения кривичей достаточно четко определяется северной границей расселения радимичей, совпадающей с северной границей Клетнянского полесья и проходящей по р. Белизна (Гурьянов В. Н., 1995, с. 88).

Следует отметить, что на участке кривичско-радимичского пограничья, на территории Верхнедеснинско-Рославльского предполесья, известны как чисто кривичские (Сеща, Алешня), так и смешанные курганные группы с радимичским, общерусским языческим и христианским инвентарем (Шинаков Е. А., Сарычева Т. Л., 1993, с. 26).

На левобережье Десны кривичская курганная группа исследована в междуречье ее левых притоков Снопоти и Ветьмы, непосредственно на левом берегу Десны, у бывшей д. Чичеринка. Погребения совершены на небольшой подсыпке на материке, ориентировка различная, погребальный инвентарь женских захоронений отличается богатством и разнообразием. Курганный могильник датируется авторами раскопок XI в. (Прошкин, О. Л., Хохлова Т. М. 1988 с. 96,97). Значительное количество кривичских курганных групп исследовано на р. Ветьме. В ее нижнем течении при проведении охранных раскопок курганной группы у с. Гришина Слобода изучено кривичское женское погребение в кургане №25. Захоронение совершено на угольно-зольной подсыпке, ориентировка северо-западная, инвентарь включал браслетообразные височные кольца с завязанными концами, перстнеобразное и «кудрявое» височные кольца, свыше 150 золото- и серебростеклянных бус, крестопрорезной бубенчик, железную пряжку, шумящую привеску, пряслице, «усатый» и решетчатый перстни, раннекруговой сосуд с орнаментом «крутая волна» у правой ноги скелета (Гурьянов В. Н,. 1995, с. 91, 92. Рис. 16; Шинаков Е. А., 1998, с. 308, рис. 1). Захоронение датируется серединой XI в.

В среднем течении Ветьмы кривичское захоронение было обнаружено в курганной группе у с. Бацкино. Курган был разрушен в ходе поиска захоронений времен Великой Отечествен-

ной войны, материалы в настоящее время находятся в различных частных коллекциях. Вещи из погребения были проанализированы Д. А. Карповым (1998, с. 14-16, рис. 15-17). По его данным, погребение было совершено на прокаленном материке, ориентировка западная, инвентарь включает 4 браслетообразных височных кольца с завязанными концами, 6 перстнеобразных височных колец, трубчатую трехчленную шейную гривну, ожерелье из золото- и серебростеклянных бус, призматическую бусину из горного хрусталя, два проволочных витых браслета с завязанными концами, два пластинчатых узкоконечных плосковыпуклых и один круглодротовый браслет, три крестопрорезных бубенчика, восемь перстней: овальнощитковый усатый, два широкосрединных завязанных, украшенных пуансонным орнаментом; три прямых закраинных (два из них с ложной зернью), прямой простой, широкосрединный незамкнутый. Погребение на основании вещевого материала датировано XI в.

В верховьях Ветьмы кривичские курганы были исследованы в 1923 г. С. С. Деевым у с. Немеричи. Обнаружены погребения на горизонте, с восточной (преимущественно мужские), западной и северо-западной ориентировкой, руки вытянуты вдоль туловища, в ногах зафиксированы в ряде случаев сосуды. Из находок отмечены: курган №3 - «бусы из массы, напоминающей по цвету и строению необожженную глину», «на височных костях найдены маленькие, величиной с медную копейку, сережки из грубо согнутой в виде треугольника бронзовой проволоки, связанной при вершине скручиванием»; курган №4 -«14 стеклянных золоченных бус, в виде полых цилиндров» и шесть височных колец, по три по обе стороны головы, «кольца сделаны из тонкой серебряной проволоки, не спаянной по концам, а скрепленной посредством скручивания», курган №6 - бронзовое кольцо в виде цифры 6, кусочки шерстяной материи, маленькое кольцо на правой руке, «3 бубенчика, причем 2 из них соединены вместе ушками», золоченные, глиняные и стеклянные бусы, «четыре кольца более крупных из бронзовой проволоки, по два с каждой стороны головы» (Деев С. С. 1926, с. 34-35). Автор раскопок отметил, что «инвентарь чрезвычайно схожий с инвентарем курганов смоленских кривичей» (там же, с. 49).

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют утверждать, что р. Ветьма на всем своем протяжении по обоим берегам была заселена кривичами в XI в. В междуречье Ветьмы и Болвы кривичские древности пока не исследованы, хотя здесь известно значительное количество курганных групп. На самой Болве и ее притоках кривичские погребения встречены в верховьях реки, причем здесь они находятся в смешанных кривичско-вятичских группах (д. Прудки, раскопки О. Л. Прошкина, курган № 2: погребение на выжженном материке, пять медных браслетообразных височных колец с завязанными концами, сердоликовые и стеклянные бусы, железная фибула, три медных перстня, литой и плетеный ажурный браслеты, горшок - (Кропачев Г. В., 1993, с. 30) и в группах, в которых зафиксированы находки ромбощитковых височных колец (Курганье - раскопки Н. И. Булычова (1903 г.). Самое южное на сегодняшний момент кривичское погребение на Болве исследовано на правом берегу у с. Псурь. Погребение совершено на горизонте, ориентировка западная, правая рука лежала вдоль туловища, левая - на животе. Инвентарь: «2 больших кольца (в 2 вершка (около 9 см) в диаметре) - из серебряной проволоки с закрученными концами», витой бронзовый перстень и сосуд «с линейным и волнообразным орнаментом» (Деев С. С., 1926, с. 38).

Южная часть междуречья Ветьмы и Болвы занята труднопроходимыми болотистыми лесами, известные здесь курганные группы до сих пор не подвергались научному обследованию. Таким образом, имеющиеся материалы дают основание предположить, что кривичско-вятичское пограничье проходило по р. Болве.

Следует отметить, что кривичские древности на Ветьме и Болве датируются временем не ранее XI в. По мнению Е. А. Шинакова, кривичская колонизация неудобий левобережья Десны связана с высокой плотностью населения в Верхнедеснинско-Рославльском предполесье (Шинаков Е. А., 1998, с. 307). Сами же кривичские погребения этого региона по обрядности и инвентарю практически не отличаются от синхронных древностей центральных районов Смоленщины (Шмидт Е. А., 1988, с.91-97).

Таким образом, самой юго-восточной окраиной кривичского ареала можно считать междуречье Десны (с ее левым притоком р. Ветьма) и Болвы. Учитывая тот факт, что этническая кривичская территория стала впоследствии основой территории Смоленского княжества, можно достаточно определенно утверждать, что регион междуречья Десны и Болвы был смоленской территорией, а граница Смоленского княжества на левобережье Десны проходила по линии кривичско-вятичского пограничья (Седов В. В., 1975,с. 242, 250, рис. 2).

ЛИТЕРАТУРА

Булычев Н. И. 1903. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. - М.

Гурьянов В. Н. 1995. Охранные раскопки курганного могильника на р. Ветьме//АО 1994 г. М.

Гурьянов В. Н. 1995а. К вопросу о расселении кривичей на севере современной Брянщины//Деснинские древности. Сб. мат-лов межгос. науч. конф. Брянск.

Гурьянов В. Н. 1996. Восточнославянские племенные союзы в Среднем Подесенье: проблема «внутренних пограничий»/Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. М.-Брянск.

Деев С. С. 1926. Доисторическая жизнь Брянского края под охраной краеведов//Брянский край. Вып. I. Брянск.

Карпов Д. А. 1998. Отчет об археологической разведке в Дятьковском районе Брянской области за 1997г.//Архив ИА РАН.

Кропачев Г. В. 1993. Новое в расселении вятичей и кривичей// Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. 5-й ист.-арх. конф. Калуга.

Прошкин О. Л., Хохлова Т. М. 1988. Курганный могильник у д. Чичеринка Рогнединского района Брянской области//Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск.

Седов В. В. 1975. Смоленская земля//Древнерусские княжества X-XIII в.в. М.

Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI-XIII в. в./Археология СССР. М.

Шинаков Е. А. 1998. Северные элементы в культуре Среднего Подесенья X-XI в.в.//Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рожд. Д. А. Авдусина.М.

Шинаков Е. А., Сарычева Т. Л. 1993. Кривичско-вятичско-радимичское пограничье//Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. 5-й ист.-арх. конф. Калуга.

Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Миненко В. В. 1998. Радимичи и вятичи на Десне//Гістарычна-археалагічны зборнік № 13. Мінск.

Шмидт Е. А. 1988. Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству//Древности славян и Руси. М.

В. И. Кулаков, д.и.н., Институт археологии РАН

Козельский микрорегион в среднем железном веке

В рамках исследования древностей Восточной Европы фрагмент центральной части Среднерусской возвышенности - бассейн р. Жиздры (левый приток р. Оки) в её среднем течении - не принадлежит к территориям, привлекавшим пристальное внимание археологов.

Полигоном для работы по воссозданию этно-культурной модели выбран Козельский микрорегион (рис. 1), по диагонали, в направлении с юго-запада на северо-восток разделённый р. Жиздрой в её среднем течении. Северо-западная часть региона, расположенная на левом берегу реки, характеризуется платообразным характером сложенной из глинозёмов второй надпойменной террасы упомянутой выше реки.

Несмотря на то, что соотнесение памятников раннего железного века Козельского микрорегиона с почепской культурой доказано не в полной мере, вхождение данной территории в ареал этой культуры сомнения не вызывает. Не вызывает никакого сомнения заметная роль в сложении коллектива носителей почепских и вообще позднезарубинецких древностей западных балтов.

Анализ древностей юго-восточной Балтии римского времени позволяет говорить о серьёзных изменениях культурно-этнической ситуации в Янтарном крае в 1 - 2 вв. н.э. Не исключено то, что в результате миграции, имевшей исключительно восточное направление, компактные группы западных балтов прошли на восток и оказались в Деснинском ареале, где участвовали в формировании комплекса почепской культуры. Этапы контактов западных балтов и населения Среднего Поднепровья и Поочья в позднеримское время:

А. Этно-культурный импульс из юго-восточной Балтии, связанный с переселением части западных балтов, прошедших по бассейнам рр. Немана и Березины в Верхнее Поднепровье, способствовал сложению в пределах киевской культуры на фазе B_2/C_1 ранних форм местных фибул, входящих к традициям эстиев Балтии и украшавшихся единичными эмалевыми зонами (рис. 2) и распространению в Восточной Ев-

ропе подковообразных застёжек с эмалями. Уже на фазе B_2/C_1 на восток попадают прототипы ритуальных "гривен" эстиев, традиция которых в Юго-Восточной Балтии сохраняется вплоть до 14 в. Находка такоё "гривны" в погр. 8 могильника Красный Маяк (Нижнее Поднепровье) оказывает направление поисков торговых путей, которые западные балты прокладывали не позже первой трети 3 в. н.э.

Б. Новый импульс из Янтарного края в Среднее Поднепровье фиксируется на самом финале фазы B_2/C_1, когда на рубеже 2-3 вв. н.э. в Поднепровье появляются украшенные эмалью местные реплики застёжек-дериватов типа AIII,58, подвески-лунницы групп I и III и прототипы браслетов с поперечными рёбрами, известные в это время в ареале эстиев. Этот феномен связан с тем, что мастера эмалей под давлением черняховских "пришельцев" поднимаются ввех по р. Десне. Вместе с сопутствующими этим мастерам группами почепского населения они оказываются в бассейнах рек Жиздры и Ои, где и формируют новый для этого региона комплекс древностей. Так возникает мощинская культуры, включавшая не только пришельцев из Балтии, но и, видимо, былых носителей почепских традиций. Распространение мощинских эмалей в Балтии раскрывает сущность "эмалевого феномена" Восточной Европы: создание материального эквивалента для налаживания межплеменных торговых операций. Как показывает распространение мощинских памятников (рис. 3), по рекам Угре, Верхнему Днепру и Неману "новосёлы" Поочья обеспечили новый путь на Балтику для местных товаров, получаемых в обмен на эмали.

Эти этапы контактов населения Балтии с Поднепровьем и Поочьем связаны со сложной динамикой течения событий на Янтарном берегу. Если в 150-200 гг. западнобалтская экспансия на восток была связана с поисками новых торговых путей, то оставление ими своих позиций в Среднем Поднепровье примерно в 200-225 гг. было явно не добровольным и осуществлялось под давлением групп германцев (черняховские "пришельцы"), пришедших из низовий р. Вислы и стремившихся самостоятельно контролировать торговые пути, к тому времени уже прочно связывавшие Поднепровье и Юго-Восточную Балтию.

Вся изложенная выше аргументация присутствия западнобалтского этно-культурного элемента в формировании киевской и мощинской культур касается их основных ареалов. Козельский микрорегион, занимая в мощинском ареале далеко не основное место, не содержит курганных погребений, престижных находок круга эмалей и не имеет достаточной археологической информации для полного воссоздания культурно-этнической ситуации среднего железного века. При учёте этой особенности местной археологии на передний план выходят местная гидронимия и топонимия, которые могут восполнить пробелы местной истории, связанные с явно маргинальным характером имеющихся на сегодняшний день археологических данных.

Наименование основной одной трассы нашего микрорегиона - реки Жиздры - «один из наиболее ярких и ранее всего установленных балтизмов русских территорий», сравниваемый с лит. žiẽgzdras - «крупный песок, гравий».

Левые притоки р. Жиздры имеют также ислючительно балтское происхождение. Наименование реки Другуски (Дуругусны) рассматривается в сравнении с лтш. drukšņât -«грязнить». Привлечение прусского налога данного гидронима - наименования озера Drusin (ныне - озеро Druźno в устье р. Ногаты к югу от польского г. Эльблонг) в значении «болото», «топкое место» показывает неактуальность такоё версии балтского прототипа гидронима Другуска/Дуругусна. Представляется более соответствующим данному гидрониму балтский прототип (литовский вариант) draugóve («дружина»), восходящий или, во всяком случае, сопоставимый с готск. driugan.

Генезис наименования реки Клютома (Калютома) в нормативном её варианте В.Н. Топоровым связывается с балтским языковым наследием лишь в общих чертах. Учитывая диалектный вариант (Калютома, ср. с р. Калита в бассейне р. Сожи) этого гидронима параллель ему обнаруживается в прусской языке - прусск. kalis («сом») с производными типа «kal-iot».

Левым притоком р. Клютомы является ручей Лубянка. Аналог этого гидронима распространён в бассейне р. Днепра. Гидронимы этого варианта возводятся к прусскому прототипу Lubayn и предполагают прямую связь с прусск. lubbo

(«доска») в значении «лёгкий мост, перекинутый через ручей». На правом берегу этой реки расположено Чёртово Городище с культовым комплексом, оставленным в раннем железном веке финно-угорскими племенами и не включённом в состав памятников археологии, привлекаемых к раскрытию темы доклада.

Совершенно иная гидронимическая картина предстаёт в интересующем нас микрорегионе на правом берегу р. Жиздры. Все потоки, впадающие в эту реку с юго-востока, а также ручьи, с ними связанные (Раздоры, Хатунка, Железенка /два случая/, Песочная /два случая/, Радобица и Сосенка) носят исключительно славянские имена. Отсутствие в данной части Козельского микрорегиона памятников археологии железного века и даже древнерусского времени прямо указывает на факт позднейшего заселения данной территории группами славянского населения.

Таким образом, для раннего и (преимущественно) среднего железного века по данным археологии и гидронимии выстраивается культурно-этническая модель Козельского микрорегиона в следующих параметрах.

1. В конце эпохи римских влияний в земли по среднему течению р. Жиздры из Подесенья проникают отдельные родовые коллективы носителей почепской культуры, в среде которых элиту составляли западнобалтские мастера эмалей и их окружение. Убедительно с этими пришельцами можно связать прежде всего городище Городец, основанное в низовьях р. Серёны. Судя о всему, эта волна переселения произошла не ранее начала 3 в. н.э. и в немалой мере способствовала формированию в Козельском микрорегионе группы памятников мощинской культуры.

2. Эти древности среднего железного века, в ареале мощинской культуры характеризующиеся эмалями, охватывающие период с 3 по начало 5 вв., маркируются в интересующем нас микрорегионе не только городищами, но и связанными с ними открытыми поселениями. Как правило, данные памятники археологии располагаются либо непосредственно на отрогах «плато», выходящих непосредственно к левому берегу р. Жиздры, либо в нижнем течении левых притоков этой основной для Козельского микрорегиона водной артерии. Показателен факт расположения данных памятников в пределах не более 10 км друг от друга, что позволяет предполагать (в случае их полной синхронности) тес-



Рис. 1. *Козельский микрорегион: гидронимия и древности раннего и среднего железного века:*

1 – Волконское городище (4-7 вв. н. э.), мощинская культура.
2 – Волконское селище (4-7 вв. н. э.), мощинская культура.
3 – Дешёвки, городище (4-7 вв. н. э.), мощинская культура.
4 – Дешёвки, селище-1 (1-3 вв. н. э.), почепская культура.
5 – Дешёвки, селище-2 (1-3 вв. н. э.), почепская культура.
6 – Козельск, городище-2 (уроч. Курган у дер. Потросово, 1-3 вв. н. э.), почепская культура.
7 – Городец, городище (4-7 вв. н. э.), мощинская культура.
8 – Конопово, селище (4-7 вв. н. э.), мощинская культура.
9 – Подборки, селище-2 (4-7 вв. н. э.), мощинская культура.
10 – Подборки, городище (4-7 вв. н. э.), мощинская культура.
11 – Подборки, селище-1 (4-7 вв. н. э.), мощинская культура.

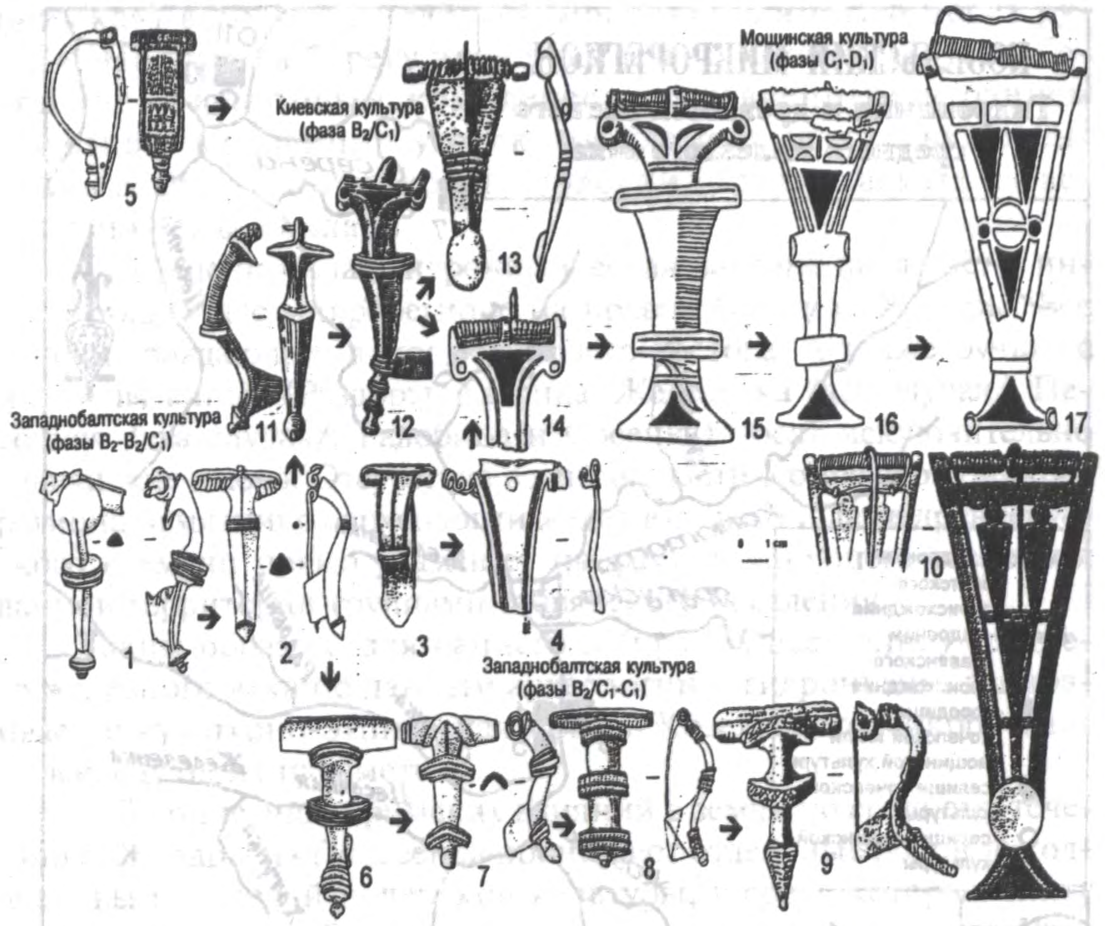


Рис. 2. *Эволюция фибул группы Almgren IV в Балтии и в Восточной Европе:* 1,2 – бронзовые фибулы типа AIV,92 и его деривата из экспозиции Prussia-Museum; 3 – бронзовая (?) фибула – дериват типа AIII,58 из погр. XII Grunaiki, woj. Białystok; 4 – фрагмент бронзовой фибулы – деривата типа AIII,58 из экспозиции Prussia-Museum; 5 – фрагмент бронзовой фибулы – деривата типа AIII,58 из экспозиции Prussia-Museum; 6 – бронзовая римская фибула с выемчатой эмалью из бывш. Lehndorf, Kr. Samland; 7 – бронзовая фибула из погр. H-41k могильника «Гора Великанов» (Зеленоградский р-н Калининградской обл.); 8 – бронзовая фибула типа AV,98 из экспозиции Prussia-Museum; 9 – бронзовая фибула-дериват типа AV,98 из погр. 1 кург. XIII могильника Pajuostis, Lietuva; 10 – бронзовая фибула «мазурского типа» из могильника Поддубное (Гурьевский р-н Калининградской обл.); 11 – бронзовая, частично посеребренная фибула с эмалью подтипа Корзухина-IV.2 из могильника Grunaiki, woj. Białystok; 12 – бронзовая фибула-дериват типа AIV,92 из окрестностей с. Хмельны (Каневский р-н Черкасской обл.); 13 – бронзовая фибула с эмалью из окрестностей с. Ромашки (Таращанский р-н Киевской обл.); 14 – бронзовая фибула варианта Массалитина-2 из нижнего (?) слоя городища Поречье (Верхнее Поочье); 15 – фрагмент бронзовой фибулы из Среднего Поднепровья; 16 – бронзовая фибула из городища Дуна (близ г. Чекалина Тульской обл.); 17, 18 – бронзовые фибулы с эмалью из клада в дер. Мощина (Мосальский р-н Калужской обл.).

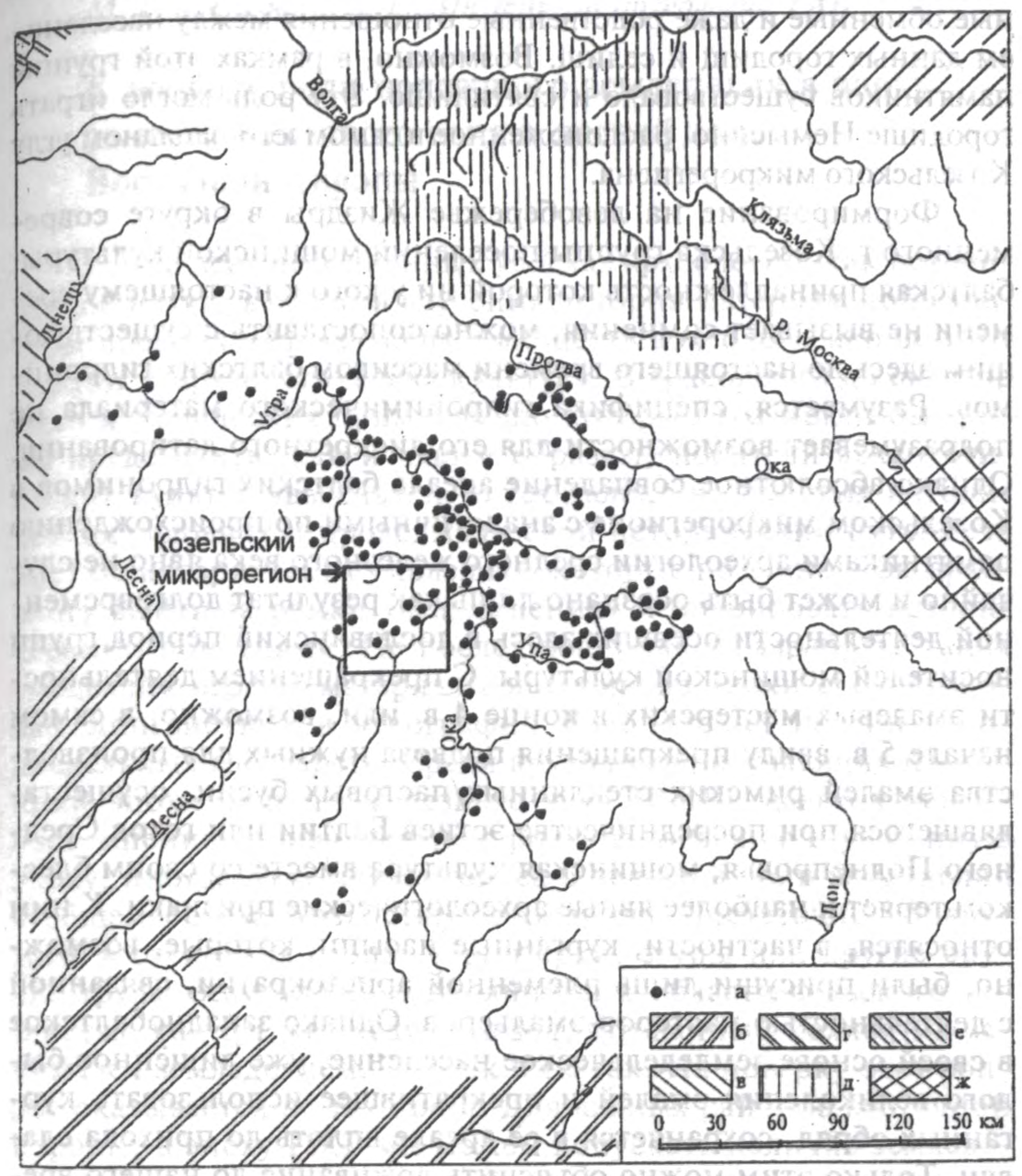


Рис. 3. *Памятникиархеологии в ареале мощинской культуры: а – памятники мощинской культуры; б – ареал колочинской культуры; в – ареал тушемлинской культуры; г – ареал культуры псковских длинных курганов; д – ареал москворецких и верхневолжских городищ дьяковской культуры; е – ареал мерянской культуры; ж – ареал рязанско-окских могильников.*

ные обменные и даже родственные отношения между населением данных городищ и селищ. Возможно, в рамках этой группы памятников существовало и святилище. Эту роль могло играть городище Немысино, расположенное в самом юго-западном углу Козельского микрорегиона.

Формирование на левобережье Жиздры в округе современного г. Козельска группы поселений мощинской культуры, балтская принадлежность которой ни у кого к настоящему времени не вызывает сомнения, можно сопоставить с существующим здесь до настоящего времени массивом балтских гидронимов. Разумеется, специфика гидронимического материала не подразумевает возможности для его дискретного датирования. Однако абсолютное совпадение ареала балтских гидронимов в Козельском микрорегионе с аналогичными по происхождению памятниками археологии среднего железного века явно не случайно и может быть осознано лишь как результат долговременной деятельности осевших здесь в дославянский период групп носителей мощинской культуры. С прекращением деятельности эмалевых мастерских в конце 4 в. или, возможно, в самом начале 5 в. ввиду прекращения подвоза нужных для производства эмалей римских стеклянных/пастовых бусин, осуществлявшегося при посредничестве эстиев Балтии или готов Среднего Поднепровья, мощинская культура вместе со своим блеском теряет и наиболее явные археологические признаки. К ним относятся, в частности, курганные насыпи, которые, возможно, были присущи лишь племенной аристократии, связанной с деятельностью мастеров-эмальеров. Однако западнобалтское в своей основе земледельческое население, уже лишённое былого великолепия эмалей и прекратившее использовать курганных обряд сохраняется в её ареале вплоть до прихода славян. Только этим можно объяснить доживание до нашего времени балтских гидронимов и топонимов в Поочье (в том числе - и в Козельском микрорегионе). Их становление не может быть связано с кратковременным вхождением этой территории в состав Великого Княжества Литовского в 15 в. Этот исторический сюжет мог привести лишь к консервированию местной архаической лексики в местном диалекте, в названиях рек, селений, урочищ и укрепить западнобалтский резерват в Козельском микрорегионе.

М. Г. Гусаков, к. и. н., Институт археологии РАН

К вопросу роли подсечного земледелия в эпоху раннего железного века в лесной зоне Восточной Европы

I. При всех несомненных успехах археологии, как исторической науки, в области изучения истории материальной культуры древних человеческих сообществ археологи используют термин – археологическая культура. В археологии до сих пор мало исторических примеров, по которым мы могли бы зримо представить, как и каким образом, носители археологических культур «выживали» в тех далеко не простых исторических условиях и продолжали свой исторический путь. Речь идет об исторических «моделях», которые позволили бы археологу выйти за рамки «вещеведения» и оперировать историческими понятиями. Не последнюю роль в разработке таких «моделей» играют материалы истории из эпохи средневековья, лингвистики и этнографии Европейской России и сопредельных государств. Среди археологов, изучающих памятники эпохи раннего железного века (РЖВ), давно утвердилось мнение о значительной роли земледелия в указанную эпоху, иногда даже звучат голоса о ведущей роли земледелия в общем объеме хозяйственного цикла. Достаточно обнаружить в раскопках серпы, зернотёрки, ступы или другие орудия труда, безусловно, относящиеся к области сельского хозяйства, как тут же следует вывод, что данный коллектив занимался земледелием. Это так и не так. На поверку этот вопрос оказывается не так прост. Для южных районов восточной Европы, в эпоху РЖВ мы можем допускать наличие земледелия как ведущей отрасли хозяйства, тогда как для лесной зоны это утверждение выглядит весьма проблематично. Целью моего сообщения является желание ещё раз напомнить коллегам о роли подсечного земледелия в эпоху РЖВ и в более поздние эпохи в лесной зоне.

II. Сущность подсечно-огневого земледелия (ПОЗ), как системы, занимающей своё особое место среди прочих земледельческих систем, заключается в следующем: в лесу зем-

леделец подыскивает подходящий участок, отвечающий определённым топографическим, почвенным и др. природным и хозяйственно-производственным условиям. На этом участке он срубает или подсекает деревья (подрезает на них кору), чтобы они подсохли, затем сжигает поваленные деревья и после выжега производит посев в золу, после сбора одного – трех урожаев участок забрасывается, и на подсеке через непродолжительное время снова вырастает лес. Подсечное земледелие – наиболее древняя форма земледелия в условиях леса. На протяжении тысячелетий оно господствовало в лесной зоне В. Европы. Ещё в конце XIX и даже в начале XX в. ПОЗ преобладало в некоторых р-нах севера Евр. России, а также в Прикарпатье, Полесье, Поволжье, и т.д. Подсека, однако, не является специфическим явлением для В. Европы наоборот, оно представляет всеобщую форму земледелия лесных областей, и связано с определённым этапом в истории общественного производства. Ещё Цезарь и Тацит сообщали о том, что германцы культивировали подсеку (I в. до н. э. - I в. н. э.) В средние века оно существовало повсеместно в центральной, западной и северной Европе. До недавнего времени ПОЗ сохранялось в Скандинавии. Оно было широко распространено в Африке, в Сев. Америке и В. Азии. Отличие подсеки от пашенного земледелия заключается не только в том, что в последнем используются различные орудия для обработки почвы, но и в том, что при подсеке после двухтрёх лет использования, земля забрасывается на длительный срок от 20-40 лет. Бывало и так, что тот, кто начинал участок, так и не возвращался к нему, спустя 30 лет. Учитывая продолжительность жизни человека в эпоху РЖВ, это обстоятельство выглядит весьма убедительно. И ещё необходимо здесь отметить немаловажный факт, это постоянное перемещение в пространстве подсечных земледельцев. Практически, для археологии, это выражается в «трудноуловимости» древних поселений, размытости контуров поселений на большой территории, в «полном» отсутствии культурного слоя и археологического материала.

III. Попробуем сделать некоторые (кратко) извлечения из исследований, посвящённых изучению подсеки в эпоху средневековья и позже.

1 - Не всякий участок годится под подсеку (выбор места). Нужны хорошо проветриваемые и освещаемые участки леса. Состав почв играет второстепенную роль, но и здесь есть свои предпочтения. В первую очередь, почвы, на которых растут деревья, дающие много золы: лиственные (дуб, берёза), ольха, орешник, хуже всего сосновые.

2 - Лучшие места для участка: мысовые, на поворотах рек, где река не только дорога (зима-лето), но и место лова рыбы. Нужны участки, не затемнённые лесом, на сухом месте, лучше на речных склонах. Порубку леса проводят либо в конце весны, либо в середине осени. Орудия для обработки почвы не нужны, сев идет по палу (после сожжения). Главное орудие – топор, нож-секач для срезки коры. Для рубки леса необходимо не меньше 20-30 человек Минимальный участок на одну семью – 4 га на один год. Как правило, нужно было от 3-15 участков. Участки маленькие в размерах 50×40м.

3 - Урожайность при подсеке сам 3-12. На одно зерно от 3-х до 12–15 зерен. По первому году сеяли репу или лен, для дополнительной культивации почвы, на второй год – ячмень, пшеницу, на третий – овёс. Максимальный разброс участков от посёлка от 20 до 30 км. Возврат на первый участок происходил не ранее 20-30 лет, иногда и дольше, до 50 лет. Всё зависело от условий восстановления, процессов зарастания лесом.

Мы можем увеличивать примеры, но в коротких тезисах в этом нет нужды.

IV. В заключение я хотел бы остановиться ещё на одном важном аспекте этой проблемы. Подсека в Европе появилась ещё в эпоху неолита, особенно она распространилась с периодом активизации племён, вооруженных каменными, полированными топорами (3000 тыс. лет до н. э.). Расчистка лесов стала более доступным делом. Почти одновременно с этим процессом происходит «перестройка» религиозных представлений, на первый план выходят бог-громовержец (верх), который ведет бесконечную борьбу с змееподобным существом (низ). В это время в Европе начинает доминировать обряд сожжения (в лесной зоне) над обрядом ингумации. Как правило, эти кардинальные изменения связывают с формированием и активизацией на европейском континенте индоевропей-

ских племён. У подсеки в отличие от пашенного земледелия есть явный, если так можно выразиться, исторический недостаток. Подсека это способ экстенсивного ведения хозяйства. Для подсеки нужны огромные, незанятые пространства. Стечением времени, «оперативная» область свободных земель сокращается. Однако часть индоевропейцев сумела перейти к более прогрессивным формам хозяйства – пашенному земледелию. Но эта тема требует отдельного, детального разговора и не входит в мою задачу. Здесь я поставил перед собой более скромную задачу, ещё раз обратить внимание на проблему становления земледелия в лесной зоне В. Европы, в частности, исторической роли подсечного земледелия и его встроенности в систему многоукладного хозяйства в эпоху РЖВ.

Л. Н. Красницкий, НПЦ по охране памятников истории и культуры, г. Орел

Ранняя этническая история Орловского края

Начальные этапы этнической истории любого по размерам региона всегда скрыты пылью веков» и зависят от многих факторов – географического и исторического характера.

Характерно это и для Орловского края в современных границах, который выглядит в настоящее время практически единым этническим монолитом в центре Европейской России. Раннее прошлое Орловщины, являясь в целом страницей древней истории Верхнеокского региона, непосредственно связано с прошлым «орловского квадрата» (термин автора) четырех рек, окружающих область со всех сторон света: Десны, Угры, Верхнего Дона и Сейма.

Первые письменные источники, сообщающие о населении Орловщины, не опускаются ниже грани IX-X вв. и крайне фрагментарны. Основную информацию о ранних этапах истории региона несут археологические памятники, не случайно называемые генетическим кодом нации. Картотека Орловского Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры (далее НПЦ)

содержит сведения о 400-х более или менее изученных и датированных археологических объектах области, что позволяет в какой-то мере реконструировать историческую картину прошлого нашего региона в период от 2 тыс. до н. э. по X век.

Природно-климатические условия Орловщины, близкие к современным, сложились около 4-х тысяч лет назад. Орловская область располагается по Среднерусской возвышенности Русской равнины на границе лесной полосы и лесостепи, отделяющей лес от степей Северного Причерноморья. Условной границей лесостепи по области считается течение Оки и Зуши (Природа Орловского края 1983, с.40,94).

Юго-восток области – поречье Быстрой Сосны, как и поречья Верхнего Дона и Сейма входят в зону лесостепи. Левобережье Оки вместе с поречьями Верхней Десны и Угры относятся к лесной полосе.

Большую роль в прошлом края играла его густая гидросистема. Берущие истоки на Орловщине Ока, Сосна и притоки Десны связывают регион как с центральными районами, так и с важнейшими речными артериями Русской равнины – Волгой, Доном и Днепром.

Этническая история Орловщины, вероятно, берет начало в бронзовом веке, когда наметилась разность археологических культур лесной и степной полос Европейской России.

С середины 3 тыс. до н. э., когда природные условия стали близки к современным, лесную полосу осваивают пришлые племена большой исторической общности: «культуры боевых топоров и шнуровой керамики», принесшие в среду неолитических охотников и рыболовов лесной полосы пастушеское скотоводство, зачатки земледелия и бронзоволитейное производство. Продвигаясь по долинам рек, племена шнуровой керамики распространяются по лесной полосе от Балтийского моря до Средней Волги, часто спускаясь на юг в лесостепь. Большинство исследователей считают их первыми индоевропейцами лесной полосы Европы, еще не разделившимися на германцев и балтославян (Третьяков П.Н., 1966, с. 63. Эпоха бронзы лесной полосы СССР 1987, с. 35).

Водораздел Десны и Оки по западной границе орловской области и далее на север до Угры являлся пограничной зоной распространения двух культур раннего бронзового века – сред-

неднепровской и фатьяновской. В лесном орловском Левобережье Оки известно среднеднепровское поселение – нижний слой городища у д. Лужки Кромского района, а также часты находки каменных сверленых, т.н. «боевых» топоров фатьяновских типов. Раскопками И.К. Фролова (1982 г.) обследовано поселение сосницкой культуры, сменившей среднеднепровскую (озеро Званное – запад области).

Основная часть известных памятников бронзового века Орловщины открыта по течению Сосны на лесостепном юго-востоке области. Во 2 тыс. до н. э. в степях Северного Причерноморья складываются сменяющие друг друга катакомбная и срубная культуры степных скотоводов и земледельцев, а лесостепь от истоков Сейма до Урала во 2-ой пол. 2 тыс. до н. э. занимали племена абашевской культуры, продвинувшиеся позже в лесное Среднее Поволжье (Эпоха бронзы лесной полосы СССС 1987, с. 124). Поселения и курганные погребения данных культур обследованы на р. Кшень (правый приток Сосны) у с. Рогатик Должанского района, на р. Ливенке севернее г. Ливны в урочище Ключевка и на всем протяжении орловского течения Сосны (Краснощекова С. Д., 1995, с. 10, Орловская область 1992 с. 43, 49, 52).

Известно до 20 памятников и местонахождений, что говорит о достаточно плотной населенности поречья Сосны юго-востока области.

Таким образом, на основании археологических данных, можно предполагать, что в пределах Орловской области по лесостепному юго-востоку и лесному левобережью Оки во 2 тыс. до н. э. проживали две группы населения, имевшие значительные отличия как в формах изготовления орудий и керамики, так и в основах хозяйства. Вероятно, можно говорить и об этнической разнице данных групп, ибо их потомки – скифы и балты говорили на разных языках.

В эпоху РЖВ в 1 тыс. до н. э. в регионе «орловского квадрата» складывается следующая археологическая картина.

В лесной полосе от Балтийского моря до Верхней Оки на основе племен бронзового века складывается ряд родственных культур древних балтов, из которых еще не выделялись славяне. Основное течение Десны занимали племена юхновской культуры, севернее до Угры и по ней обитали племена смоленской

группы балтов днепро-двинской культуры (Седов В.В., 1970, с. 25, Шмидт Е.А., 1992, с. 10).

Сложнее вопрос с памятниками лесного течения Оки – от устья р. Орлик (г. Орел) до устья Угры. Известные с конца XIX в., эти памятники до 1950 г. относили к древним финно-уграм. Однако исследованиями 50-х годов Т.Н. Никольской установлено, что население Верхней Оки V-I вв. до н. э. относилось к самой восточной группе древних балтов лесной полосы. По уже упомянутому водоразделу Оки и Десны верхнеокские балты граничили с юхновскими племенами, по водоразделу Оки и Угры – с днепро-двинскими. Всеми исследователями верхнеокской культуры отмечается ее близость с юхновской (употребителен и термин - «верхнеокский вариант юхновской культуры»).

Одним из основных отличий памятников верхнеокской культуры от юхновской считается меньший процент на них орнаментированной керамики, как минимум двухваловая система возведения укреплений, широкое применение «болотных» городищ. Как историко-исследовательское, представляет интерес мнение известного исследователя 50-60 гг. П.Н. Третьякова о двухслойности верхнеокских городищ 2-ой пол. 1 тыс. до н.э. Нижний слой Третьяков считает смоленским (днепро-двинским) с неорнаментированной керамикой, второй, с керамикой юхновского типа, он связывает с уходом юхновских племен на Верхнюю Оку на рубеже и в первые века н. э. Если последнее не оспаривается, то двухслойность археологически не выявлена (Третьяков П.Н., Финно-угры..., 1966, с. 173-174).

Верхний Дон до устья р. Воронеж в сер. 1 тыс. до н.э. занимали племена городецкой культуры древних финно-угров, севернее которых проживали родственные племена дьяковской культуры. Контакты верхнеокских и финно-угорских племен прослеживаются по правобережью Оки в ее тульско-калужском течении. По Орловской области городецкие памятники по восточной границе не выявлены, но они известны по Сосне от низовьев до Ельца (Елец и его окрестности. Елец, 1991, с. 95).

По Сейму с сер. 1 тыс. до н. э. обитали племена лесостепной скифоидной культуры (старое название – скифская «зольнич-

ная»). Известны их городища с деревянными конструкциями валов. Находки культурного слоя характеризуют земледельческо-скотоводческий быт оседлого населения, развитое ремесло, на севере сейминские племена граничили с юхновскими, северо-восточное и восточное пограничье долгое время оставалось неясным (Степи европейской..., 1989, с. 75).

В ходе исследований 50-х годов Т.Н. Никольская выясняет, что второй слой городища Лужки на Оке и нижний слой городища Воротынцево - I (Новосильский район) на Зуше по типам жилищ, керамике и др. находкам относятся к сейминской («зольничьей») лесостепной культуре. Позже поселения с аналогичной керамикой сейминского типа были открыты И.К. Фроловым у истоков Оки у с. Тагино (Глазуновский район), д. Городище (болховский район) у устья Зуши в Оку, у устья Нугри близ д. Крутогорье (Болховский район). Все эти памятники датированы исследователем сер. 1 тыс. до н.э. В своей последней экспедиции 1983 года по орловскому течению Зуши И.К. Фролов открывает 10 селищ эпохи РЖВ между деревнями Жилино-Студимля Мценского района, датированных им 2-й пол. 1 тыс. до н. э. Культурные слои 6 селищ содержали, вероятно, керамику близкую сейминской (отчет не закончен). Обследуя комплекс памятников по Зуше выше г. Новосиль у деревень Воротынцево - Мужиково, Фролов выяснил, что комплекс состоит не из двух, а из трех городищ, а также из около 20 разновременных селищ, часть из которых имеет слои 2-й пол. 1 тыс. до н.э. (Фролов И.К., Изучение археологической структуры микрорегиона, 1985, с 29).

Раскопками конца 80-х годов городища у д. Торкуновка (Мценский район) автором выявлено, что нижний слой поселения, датированный сер. 1 тыс. до н. э. относится к сейминской культуре Поселение было укрепленным - выявлены следы деревянных конструкций вала, близкие по аналогии с оборонительными сооружениями сейминских городищ. Раннее поселение погибло вследствие большого пожара, оставившего зольный слой до 0,5 м. Позже на Торкуновском мысу верхнеокские балты возвели дополнительно в 30 м второй внешний вал из пластов обожженной глины, что соответствует балтской фортификационной традиции (Красницкий Л.Н., Архив ИА РАН, 1987-91 гг.).

Раскопками С.Д. Краснощековой в левобережье Сосны на р. Ливенка у г. Ливны городища в урочище «Ключевка», проведенными в 2000 году, выявлено наличие керамики сейминского типа в культурном слое многослойного поселения.

Таким образом можно утверждать, что в середине 1 тыс. до н. э. значительная часть Орловской области с Ю-В на С-З до течений Оки и Зуши входила в регион обитания племен, близких скифоидному населению Сейма. Вероятно, они вели более подвижный, чем сейминцы, образ жизни, ибо на их поселениях, кроме Торкуновки, не выявлено долговременных оборонительных сооружений.

В середине 1 тыс. до н. э. в связи с очередным похолоданием с севера на юг наступают на степь и лесостепь широколиственные леса, вслед за которыми, вероятно, продвигаются на юг балты. Юхновские племена занимают к IV в. до н. э. правобережье, если не все поречье Сейма. На городищах это в ряде случаев отмечено пожарами (Степи европейской..., 1989, с. 75).

Продвигаются на юг по Оке и верхнеокские балты. Они занимают лесное правобережье Зуши (по утверждению И.К. Фролова до комплекса Воротынцево-Мужиково включительно) (Ук. соч., 1985, с. 31).

По Оке верхнеокские балты по мнению Т.Н. Никольской продвигаются до устья р. Орлик в Оку (возможно и до истоков). Самое южное городище верхнеокских балтов – городище Надежда на р.Орлик близ Орла датировано Никольской IV-I вв. до н.э., а Жилино на Зуше – IV-II вв. (Никольская Т.Н., Культура племен..., МИА. № 72, 1955, с. 15, 86-87). Вероятно, этими же веками датируются и остальные городища балтов по Орловской области, которых известно в левобережье Оки и по поречью Зуши свыше 10-и. Складывается впечатление, что комплексы селищ у Крутогорье, Жилино-Студемли, Воротынцево-Мужиково и Лужки были местами совместного проживания лесного и лесостепного населения области: т. е. отношения между ними не всегда были конфликтны, как на Сейме и на Оке у Торкуновки.

Вопрос о языке лесостепного населения Сейма остается дискуссионным. Часть исследователей, говоря о «вуали скифской культуры», относят сейминские племена по культуре к скиф-

ским, но по языку не к ираноязычным («скифоидные», «скифообразные»). Однако, один из крупнейших скифологов России Б.Н. Граков полагал, что ираноязычная, собственно скифская среда, в основу которой легла срубная культура бронзового века, победила местные языки на всем пространстве степного Северного Причерноморья и прилегающей лесостепи (Граков Б.Н., 1977, с. 152, 217).

По аналогии с юхновцами, верхнеокские балты в продвижении на юг должны были достигнуть поречья Сосны, но нет данных о балтских памятниках в Орловском междуречье Оки-Зуши и Сосны. **/Следует отметить, что данное междуречье - самый неисследованный регион Орловской области/.**

Символической линией распространения лесного населения на юго-восток области очень надолго становится линия Неручь-Верхняя Зуша.

Как память былого балто-иранского контакта по Орловской области осталась разность гидронимов левобережья Оки и правобережья Сосны. Если гидронимы с окончаниями на -ма, ча, са, ша (Крома, Водоча, Ресса, Зуша) лингвисты считают балтскими, то в гидронимах правых притоков Сосны - Тим, Кшень, Олым видят иранские корни (Седов В.В., 1979, с. 41, Он же, 1970, с. 9, 11).

На рубеже н. э. в лесной полосе Европейской части России происходят заметные изменения, связанные с продвижением на север со среднего Днепра по Днепру и Десне племен позднезарубинецкой (почепской) культуры. Часть юхновского населения уходит на Верхнюю Оку, в первой половине 1 тыс. н. э. по Десне и Сейму складываются новые культуры - киевская и колочинская, этнос племен которых, как и почепских, весьма спорен.

Некоторые исследователи считают их прото - и праславянами, другие - балтами (Третьяков П.Н., 1966, с. 236, Седов В.В., 1970, с. 44 и др. АКР, Курская область, ч.1, 1998, с. 42). Памятники вышеназванных культур достаточно представлены по Десне и курскому Посеймью.

В степной и лесостепной полосе в конце 1 тыс. до н. э. скифов сменяют родственные им по языку сарматы (позже сармато-аланы). Последние, вытесняя городецкие племена,

занимают Верхний Дон (Медведев А.П., Сарматы и лесостепь. 1990, с.181).

В III-IV вв. на огромном пространстве степной и лесостепной зон Восточной Европы сложилась черняховская культура, чьи памятники в лесостепи известны от Карпат до верховий Северного Донца. По Сосне в ее орловском течении ниже г. Ливны в 1972 году А.В. Кузою у д. Алдобаевки открыт комплекс из 4-х селищ данной культуры - вероятно самый северо-восточный памятник черняховцев. В настоящее время, к сожалению, полностью распахан (АКР, Орловская обл., 1992, с. 49).

Заметные изменения с рубежа н. э. происходят и в регионе Верхней Оки. Вслед за юхновцами в регион по притокам Десны проникают почепские племена. «Цепочки» их селищ прослежены И.К. Фроловым по Навле, Неруссе, самой Оке и ее притоках - Кроме, Цну, Орлику, Нугри и Вытебети (приток Жиздры).

К концу IV в. н. э. по Верхней Оке на основе верхнеокской, юхновской и почепской культур складывается новая культура восточных балтов - мощинская (Седов В.В., 1982, с. 43).

Основу хозяйства мощинских племен составляло подсечное земледелие, хорошо было развито ремесло. Для них был характерен курганный обряд погребения с кремацией, часто с «домовинами». Мощинские племена по Орловской области занимали левобережье Оки до ее истоков. Известны их памятники по Зуше в регионе комплекса Воротынцево. Но на юго-восток они не продвинулись, вероятно, далее традиционной линии Неручь-Верхняя Зуша.

По водоразделу Оки и Дона мощинские племена поневоле продолжали балтско-иранский контакт с сармато-аланами, занявшими Верхний Дон. Несомненен контакт с племенами черняховской культуры, чьи памятники, как говорилось выше, выявлены на юго-востоке области.

Черняховская культура сложна и полиэтнична. В ее формировании приняли участие различные этнические группы - даки, сарматы, германцы-готы, поздние скифы, ранние славяне.

В конце 1в. по степям Восточной Европы прокатился вал гуннского нашествия, открывший Великое переселение народов

(Степи Евразии в эпоху средневековья. М, 1981, с. 10 сл). Прекратила свое существование черняховская культура, часть населения которой ушла в лесную полосу, в т.ч. и ранние славяне.

В.В. Седов, например, считает, что именьковская культура Среднего Поволжья - от низовьев Камы до Самарской Луки сложилась на основе культурно-племенной славянской группировки (вероятно антской), ушедшей на Среднюю Волгу из черняховского ареала после гуннского погрома (Древнерусская народность, М, 1999, с. 60).

Если путь ранних славян проходил по Оке, то контакт верхнеокского населения со славянами начался ранее общепринятого времени - еще в V веке.

Гуннское нашествие продвинуло на север в лесостепь ираноязычное аланское население. С гуннами или после них в степи появились и угры – будущие венгры (мадьяры) и первые тюрки – болгары (булгары русских летописей).

Раннеславянская эпоха племен юго-восточной группы восточных славян очень полно освещена в археологической и исторической литературе. В отношении последней, Верхняя Ока, будучи восточнее знаменитого Днепровского пути «Из варяг в греки» и несколько южнее не менее известного «Из варяг в арабы», оказалась как бы в стороне от проблем Русского южного каганата, «норманской теории» и других вопросов образования Киевской Руси.

Гипотеза Б.А. Рабакова о племенном союзе вятичей - ВАНТИТ - выдвинутая им на основании анализа восточных источников очень спорна и территориально трудно определима (Рыбаков Б.А., Киевская Русь и русские княжества: 12-13 вв., М, 1993, с. 258 см).

Основным историческим источником является ПВЛ, о чем и пойдет речь ниже.

К 80 гг. сложилось мнение, что Верхнее Поочье и регион его ближайшего окружения были широко освоены славянами не ранее рубежа VII-VIII вв. по Десне-Сейму, Верхнему Дону и Верхней Оке. Было выделено три группы славянского населения – летописные северяне и вятичи, а также донские славяне, чье племенное имя не попало в летописи.

Северяне (часто север в летописях) занимали среднее течение Десны, бассейн Сейма, верховья Сулы, Пола и Ворксла.

Заселяться славянами данный район, по мнению В.В. Седова, стал еще в середине 1 тыс. н.э., причем славянами-антами, сформировавшимися в условиях славяно-иранского амбиоза (Седов В.В., 1982, с. 133, Он же, 1999, с. 80). По последним предположениям Седова в Днепровском левобережье на рубеже VII-VIII вв. формируется волынцевская культура, территориально охватывающая как Киев в правобережье, так и регион летописных северян. До конца 80-х годов исследователями памятники волынцевской культуры относились к славянизированному местному населению, родственному алано-болгарам салтовской культуры (Седов В.В., 1982, с. 138).

В конце 90-х годов В.В. Седов отнес волынцевские древности к славянам-русам (потомкам антов), а территорию распространения – к региону южного Русского каганата На базе волынцевской культуры, датированной VII-VIII -пер. пол. IX вв. сформировались, по его мнению, роменская культура северян, борщевская культура донских славян и славянского населения Верхней Оки (Седов В.В., 1999, с. 31 см).

Вопрос о племенной принадлежности славян верхнего Дона дебатируется на протяжении более ста лет. Их считали и северянами, и вятичами, и отдельной территориальной группой. Подчеркивается их связь с Верхней Окой, отмечается как прилив населения с Верхней Оки в IX-X вв., так и уход основной массы на Среднюю и, вероятно, Верхнюю Оку в конце X в, вследствие чего их имя не попало в летописи (Седов В.В., 1982, с. 142. Он же, 1999, с. 81. Шахматов А.А. Южные поселения вятичей, 1907, с. 57).

По ПВЛ «Вячко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи». Мнение о приходе вятичей «от ляхов» в настоящее время относят к легендарным. Т.Н. Никольская считает, что заселение Оки вятичами началось с верховьев. Самые южные и ранние памятники вятичей, выявленные ею в пос. Кромы у устья р. Недны в Крому и у д. Лебедка (Урицкий район) на р. Цон, против которого находится самый большой из сохранившихся в области курганный могильник с захоронениями с кремацией и домовинами. Селища датированы VIII-X вв., могильник - VIII-X вв. (АКР, Орловская область, 1992, с. 46, 69).

Племена мощинской культуры по Верхней Оке, близкие вятичам по хозяйству и культуре, быстро сливались со славяна-

ми. Водораздел Оки и Десны отделял вятичей от деснинских северян, Оки и Дона - от донских славян, чьи памятники по Сосне распространялись до устья р. Воргол в Сосну (Седов В.В., 1982, с. 133, 147).

На юго-востоке области памятники вятичей так же не выявлены южнее линии Неручь-Верхняя Зуша. Вероятно, орловское течение Сосны стало контактно-пограничной зоной как северян, вятичей и донских славян, так и племен салто-маяцкой культуры лесостепи и степи, входивших или зависимых от Хазарского каганата.

ПВЛ сообщает, что в 859 г. хазары брали с полян, северян и вятичей «...по белке и веревице с дыма».

Но если северяне через год после захвата Олегом Киева (882г.) вошли в состав Киевской Руси, то племена вятичей платили хазарам дань «... по шелягу с рала» (с плуга) до середины 60-х гг. X в., что не мешало им участвовать в походах того же Олега на Константинополь. Столь долгое сохранение политической зависимости вызвано, вероятнее всего, выгодами торговли с Востоком по Волге и Византией по Дону, контролируемой Хазарским каганатом.

Вероятно, в самом выгодном положении оказались вятичи по верхнему течению Оки, связанные речными путями с Волгой, Доном и Днепром, сухопутными – с Северным Причерноморьем. Еще одна особенность гидросети Орловщины, вероятно, играла большую роль в данный период. В настоящее время Ока начинается у д. Александровка Глазуновского района у границы Курской области. Но как утверждают курские краеведы, в древности Ока начиналась южнее – из Самодуровского озера-болота. Вот описание его за 1929 год: «... впадина до 530 м ширины, представляющая из себя сплошной торфянник, непересыхающий летом.... Эта впадина еще не так давно (лет 39-40) представляла из себя непроходимое болото (скорее озеро), ширина которого в некоторых местах доходила до 2 км и глубина от 10 до 21 метра. Из этого, почти осушенного в настоящее время громадного болота берут начало: Свапа, Снова (притоки Сейма), р. Очка (верховье Оки) (Хрестоматия 1994, с. 114-115).

Т.е. был прямой путь, без тяжелых «волоков», с Днепра до Волги и по системе: Десна-Сейм-Свапа/Снова-Ока. Следует добавить, что в 2-4 км от Самодуровки берут начало притоки Сосны и Неручь, впадающая в Зушу. Таким образом на юге Орловщины находился важный, хотя бы в весеннее половодье, речной узел, связывающий Днепр, Волгу и Дон. Использование данной речной системы в торговле подтверждают находки кладов серебряных арабских дирхемов (самой распространенной денежной единицы IX–X вв.) по берегам рек бассейна Сейма и Оки, а находки римских монет I – III вв. по Курской области говорят о ее использовании еще в 1-ой пол. 1 тыс. н. э. (Хрестоматия 1994, с. 111-113).

Возможно по Самодуровскому пути в 964-966 гг. знаменитый киевский князь Святослав Игоревич прорвался в Поволжье и нанес смертельный удар Хазарскому каганату, покорив заодно и вятичей, а спустя 15 лет его сын Владимир Креститель дважды ходил усмирять «заратившихся» жителей дремучих лесов (ПСРЛ 1997, т. 1, стб. 64, 65, 81, 82).

Более чем столетнее (859-966 гг.), пусть даже номинальное вхождение вятичей в Хазарский каганат не могло не вызвать осевдания по Верхней Оке какой-то группы поселенцев из многочисленных народов этого государства: алан, черных булгар, венгров, печенегов – самих хазар было сравнительно мало. Это могли быть, помимо представителей администрации, купцы, ремесленники, воины и др., вносившие свой вклад в многоэтничность Орловщины.

После распада Киевской державы земли вятичей по орловскому течению Оки вошли в состав Черниговского княжества, его Новгород - Северского удела, волости «Лесная земля» (Зайцев 1973, с. 98, Никольская 1981, с. 10). Черниговские князья продвигают форпосты до Сосны, о чем говорят возведение в XI – XII вв. городищ Ключевка на р. Ливенке и Городецкое на р. Фошне, однако бассейн Сосны до Ельца исследователи включают в состав черниговских земель весьма предположительно (Зайцев А.К., 1973, с. 8, рис. 2).

Летописцы подчеркивают стремление вятичей к внутренней автономии. Еще Владимир Мономах в своем «Поучении» с гордостью писал, что первый прошел «сквозь вятичей» в 80 гг. XI в. прямым путем из Киева до Ростова и Мурома – до этого в междуречье Оки и Волги княжеская администрация добиралась через Смоленск (ПСРЛ 1997, т. 1, стб. 247).

Орловские вятичи, вероятно в силу упоминаемой склонности к обособлению, долго сохраняли старые границы своего компактного расселения на юго-восток до линии Неручь – Верхняя Зуша. Это прослеживается И.И. Борисовой при картографировании этнографических элементов знаменитого Орловского «списа», распространение которого совпадает с археологической картой вятичей VIII – XIII вв. и не затрагивает юго-восток области (Борисова 1999, с. 109).

История вятичей после X-XI вв. выходит за рамки доклада и достаточно известна по источникам и научной литературе.

Подводя итоги, можно отметить, что территория Верхней Оки в ее орловском течении постоянно была контактной зоной многочисленных народов и культур, весьма разных по хозяйству, образу жизни и этносу. Это характерно для пограничных регионов, а Орловщина была пограничной землей с эпохи РЖВ по 1700-е годы, когда орловские города Орел, Ливны, Мценск, Волхов, Новосиль и Кромы утратили статус крепостей.

800-летнее пограничье Орловщины только русских земель сыграло большую роль в формировании «земляческого» самосознания населения верховий Оки и Сосны. Ввиду интенсивного обмена в прошлом социально значимой информацией в среде полиэтнического населения края возникает синтез многообразных традиций, формируется особый уклад как материальных, так и духовных ценностей, в т.ч. и языка.

Не случайно, по словам Н.С. Лескова «...Орел вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город».

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Калужской области. Калуга, 1999.
2. Археологическая карта России. Курская область. М., 1998, ч I.
3. Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992.
4. Археологическая карта России. Брянская область. М., 1993.
5. *Борисова И.И.* Народное искусство Орловского края в аспекте русской региональной ментальности. Материалы международного научного симпозиума. Орел, 1999.
6. *Геродот.* История. кн. IV, Л., 1972.
7. *Граков Б.Н.* Ранний железный век. МГУ, 1977.
8. Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985

9. Елец и его окрестности. Тезисы научной конференции. Елец, 1991.
10. *Зайцев А.К.* Черниговское княжество. Сб. Древнерусские княжества X-XIIIвв. М., 1975.
11. *Каргалов В.В.* На границах стоять крепко. М., 1998.
12. *Красницкий Л.Н.* Археология Орловской области. Орел, 1972.
13. *Краснощекова С.Д.* По дорогам минувших столетий. Ливны, 1995.
14. *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь. ВГУ, 1990.
15. Мезолит СССР. Археология СССР. М., 1989.
16. *Никольская Т.Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. МИА № 72, М., 1959.
17. *Никольская Т.Н.* О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и Верхней Оки (к вопросу о балто-иранском контакте). КСИА № 119, М., 1969.
18. *Никольская Т.Н.* Земля Вятичей. М., 1981.
19. Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984.
20. ПСРЛ. М., Т. 1,1997.
21. *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1986.
22. *Плетнева.* Половцы. М., 1990.
23. Природа Орловского края. Орел, 1983.
24. *Рыбаков В.В.* Киевская Русь и русские княжества; XII-XIIIвв. М, 1993.
25. *Седов В.В.* Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА № 163. М., 1970.
26. *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
27. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIIIвв. Археология СССР. М., 1982.
28. *Седов В.В.* Древнерусская народность. М, 1999.
29. *Смирнов А.С.* Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.
30. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
31. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
32. Советская историческая энциклопедия. М., т.5, 1964.
33. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.
34. *Фролов И.К.* Изучение археологической структуры микрорегиона. Сб. Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985.
35. *Шмидт Е.А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М., 1992.
36. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
37. *Шахматов А.А.* Южные поселения вятичей. ИАН, сер VI,16,1907.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив НПЦ:
- отчеты и коллекции раскопок и разведок по Орловской области 1980-1999гг.
- паспорта памятников, взятых на государственную охрану
- картотека археологических памятников области

А. С. Смирнов, к.и.н., Институт археологии РАН

О границах археологических культур (О единстве и различиях в неолите Сожа, Десны и Оки)

В современной российской археологии методическим вопросам уделяется явно недостаточное место. Пренебрежение этим порождает целый ряд проблем, которые часто невозможно разрешить, используя "традиционные" методы анализа. К сожалению, эта ситуация более чем типична для археологии неолита.

Ученые, изучающие неолитические памятники, нередко решают встающие перед ними задачи, основываясь на субъективных представлениях. Особенно это заметно при определении границ культурных сообществ, отдельных культур, их локальных вариантов.

Как правило, исследователи используют одноуровневую систему культурного деления. Единственная таксономическая единица в подобной структуре - археологическая культура. Даже если применяется многоуровневая система, выделение сообщества, культуры, локального варианта часто осуществляется на интуитивном уровне. Аргументация нередко сводится к декларации - "похоже", "менее похоже", "совсем непохоже". Объективные критерии оценки сходства, как правило, отсутствуют. В подобной ситуации осуществить проверку выдвинутого тезиса практически невозможно. Оппоненту необходимо самому ознакомиться со всеми коллекциями, чтобы составить собственное мнение о правомерности выдвигаемой гипотезы. Следующий участник дискуссии вынужден или повторить весь путь анализа материала вновь, либо, основываясь на своих представлениях о предмете, отдать предпочтение той или иной гипотезе.

Накопление информации по крохам продолжается годами. Лишь чрезвычайно редко мы становимся свидетелями открытий, которые позволяют окончательно и бесповоротно решить ту или иную археологическую проблему.

Подобная ситуация ведет к многочисленным дискуссиям, продолжающимся годами и десятилетиями. К сожалению, чаще всего они заканчиваются "естественным" способом в пользу более молодого поколения, которое просто переживают своих оппонентов.

В мировой археологической практике достаточно широко применяются методы объективного анализа материала, в том числе - пространственного анализа. Один из основных выводов "пространственной археологии" - вывод о "многоуровневости" границ внутри и между культурными образованиями. Выделяются "центральный регион", "годовой ареал", "жизненный ареал"[1] и, нередко, "зона передаривания предметов" или "зона обмена"[2]. Пересечением этих ареалов и объясняется обилие "пограничных зон", столь распространенных в отечественной археологии, и "многокомпонентных культур". Неоднократно отмечалось, что "четкость" пограничных рубежей изменяется в зависимости от экологических[3] и демографических[4] условий, характера хозяйства и уровня развития общества[5]. Большое внимание уделяется вопросам таксономического подразделения тех или иных культурных сообществ.[6]

Проиллюстрируем возможности применения некоторых методик "пространственной" археологии на конкретном примере. В российской археологии неолита границы культур или их локальных вариантов, как правило, определяли по границам бассейнов тех или иных рек. Отечественные ученые признают определенную подвижность неолитического населения, но обычно связывают территорию их миграции границами одной (большой или малой) водной системы. Присутствие материалов, характерных для памятников иного бассейна, объяснялось "проникновениями" или "влияниями". Весьма характерным примером может служить дискуссия о соотношении неолитических памятников лесного Подесенья и верхнего Поочья. Одни исследователи относят их к различным культурам, деснинской и белевской, обсуждая вопросы их взаимовлияния. Другие считают их единой культурой. Эта дискуссия продолжается уже около полувека.[7]

В данной работе мы использовали методику, именуемую за рубежом "теорией стилей"[8], а в отечественной археологии - "анализ орнаментации керамики" (хотя последний термин скорее описательный и не сопоставляется с конкретной теорией и методикой), применив к ней некоторые из существующих приемов пространственного анализа

Объектом исследования являлся орнамент керамики разви-

того и позднего неолита. Это материалы Деснинской культуры в Подесенье, синхронные материалы Верхней Оки и левобережного притока Сожа - реки Ипуть. Для его анализа использовался один из методов пространственного анализа, основанный на подсчете фрагментов керамики с различным типом орнаментации на различных памятниках[9]. Основой исследования являются материалы из раскопок автора в Посожье, Подесенье и Верхнем Поочье, а так же данные, почерпнутые из публикаций иных ученых, изучавших памятники этого региона[10].

В качестве факторов, затрудняющих анализ неолитических материалов бассейнов Верхнего Днепра и Верхней Оки следует отметить малое количество стратифицированных памятников и, как следствие, недостаточно обоснованную периодизацию. Не существует и единой типологии керамического материала в целом и его орнаментации в частности. К тому же основная масса немногочисленных публикаций, посвященных памятникам Верхнего Поочья, основывается на сборах и издана достаточно давно - как минимум 30 лет назад[11]. Все это не могло не сказаться на результатах работы и проявилось в определенной обобщенности и схематизме выводов. Но они вполне заслуживают внимание как один из примеров использования методов пространственного анализа археологических данных.

Математический анализ количественных данных по орнаментации неолитической керамики и картографирование его результатов позволил нам прийти к следующим заключениям.

Деснинская культура времени развитого и позднего неолита делится на два этапа - ранний и поздний. Рассмотрим стоянки этих двух периодов раздельно. Памятники раннего этапа распадаются на две группы. Первая расположена по течению р.Десны выше г.Брянска, вторая - в южнее, близ границы России и Украины. Памятники первой группы объединяет несколько больший процент керамики с ромбоямочной орнаментацией. Во второй, "южной" группе, несколько больше фрагментов керамики с т.н. "прочей" орнаментацией. По всей видимости, сказалось близость к зоне лесостепи. Кроме этого, возможно сказалось влияние неолитических памятников Посожья.

На втором этапе существования Деснинской культуры можно говорить лишь об одной локальной группе, памятники которой по керамическому инвентарю достаточно близки друг другу.

Они расположены на верхней Десне выше г.Брянска. Памятники южной части лесного Подесенья расположены особняком и проявляют больше сходства с посожскими стоянками.

Собственно Посожские памятники, в данном случае стоянки поречья р.Ипути, также формируют несколько локальных групп, хотя в целом они достаточно близки между собой.

Следующим этапом исследования было сравнение, по единой методике, материалов памятников двух различных бассейнов - Десны и Сожа. К сожалению, авторами, исследовавшими стоянки Десны и Сожа, использовалась различная типология керамики и различная система описания ее орнаментации. Попытки механического совмещения нескольких систем к положительному итогу не привели. В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что наиболее информативная картина получается, когда за основу берется типология орнаментации керамики деснинской неолитической культуры. Кроме того, судя по описанию материалов, памятники Посожья следует сравнивать с памятниками второго этапа Деснинской культуры. Этот тезис не всегда удается однозначно доказать, но он представляется нам достаточно правдоподобным. Проведенное по той же схеме сравнение материалов памятников лесного Подесенья и верхнего Поочья привело нас к аналогичному заключению.

Основываясь на этих результатах мы создали единую схему связей неолитических памятников бассейнов р.Ипути, лесного Подесенья и верхнего Поочья. Их анализ позволил прийти к следующим выводам.

Памятники Посожья, в данном случае поречья р.Ипути, образуют компактную структуру и в целом отличны от стоянок бассейна р.Десны. Однако они проявляют определенную близость с стоянками южной части лесного Подесенья. Последние, в свою очередь, отличаются от верхнедеснинских стоянок.

В бассейне р.Десны, в районе г.Брянска и выше, расположена относительно компактная и многочисленная группа памятников. С этой группой связаны стоянки левобережного притока р.Оки - реки Рессеты.

Стоянки собственно поречья верхней Оки проявляют значительно больше сходства между собой, нежели с стоянками р. Рессеты.

Если мы введем элемент таксономического анализа связей между описанными выше памятниками, т.е. попытаемся создать многоуровневую систему, мы получим следующую картину.

Наиболее выраженная граница, граница первого порядка, проходит между памятниками Посожья (бассейн р.Ипути), а так же стоянками южной части лесного Подесенья, составляющими вместе с ипутьскими поселениями одну большую группу, и памятниками верхней Десны и Оки. Как мы видим, эта граница не совпадает с "классическим" разделением археологических культур по рубежам речных бассейнов.

Памятники верхней Десны и верхней Оки подразделяются на две подгруппы. В первую входят стоянки верхней Десны и Рессеты, а во вторую стоянки собственно поречья Оки. Как мы видим, и здесь выявленная граница не совпадает с водоразделом речных систем.

Внутри этих подгрупп можно наметить границы третьего порядка. Так в Подесенье выделяются две группы памятников выше г.Брянска и несколько отличные от них стоянки Рессеты. В долине Оки выявляется граница между памятниками, расположенными выше и ниже устья р.Жиздра. Наибольшим своеобразием в Поочье характеризуются стоянки на восточной границе Калужско-Алексинского каньона.

Таким образом, можно говорить об общем культурном единстве памятников Подесенья и верхней Оки и их отличии от памятников Посожья. Хотя граница между этими культурными сообществами не совпадает с границей Деснинско-Сожского водораздела. В тоже время внутри этого деснинско-окского "единства" существуют группы памятников, объединенные близостью инвентаря. Границы между этими группами различны по своему значению и практически не совпадают с границами речных систем.

Полученные нами данные и сделанные на их основании выводы могут быть приняты не всеми исследователями. Учитывая неполноту исходных материалов, о чем было сказано выше, предложенная интерпретация может быть подвергнута критике. Однако в любом случае весь процесс исследования, от представления исходных данных, последующего математического анализа и до предложенной интерпретации достаточно объективен и, что самое главное, проверяем. Согласен оппонент с предложенной гипотезой или он ее отвергает - в любом случае необходимо будет аргументировать свое решение конкретными фактами и, что еще важнее, конкретными цифрами.

[1] *Peterson N.* Hunter-gatherer territoriality: The perspective from Australia. American Antropologist, 1977, 77, pp. 53-68.

[2] *Wiessner P.W.* Hxaro: A regional system of reciprocity for reducing risk among the Kung San. 1977.

[3] *Caraco T.* and Woif L.I. Ecological determinantas of group sizes of foraging lions. The American Naturalist, 1975, 109, pp. 343-353.

[4] *Cohen M.N.* The food crisis in prehistory. New Haven: Yale University Press, 1977; Gramly R.M. Deerskins and hunting territories: Competition for a scarce resource of the northeastern woodlands. American Antiquity, 199\77, 42, pp. 601-605; Hassan F.A. Demographic archaeology. New York, Academic Press, 1981.

[5] *Peterson N.* Territorial adaptations among resert Hunter-gatherers: The Kung and Australians compared. In P.C.Burnham and R.F.Ellen, eds., Social and ecological systems. London: Academic Press, 1979, pp. 111-129.

[6] *Sampson C.G.* Stylistic Boundaries among Mobile Hunter-Foragers. Smithsonian Institution Press. Washington and London, 1988.

[7] *Смирнов А.С.* Белевская культура (проблемы неолита верхней Оки). Советская археология, № 4, 1986, стр. 5-21.

[8] *Wiessner P.* Style and social information in Kalahari San projectile points. American Antiquity, 1983,48, pp. 253-276; Wiessner P. Reconsidering the behavioral basis of style. Journal of Antropological Archaeology, 1984,3, pp. 190-234; Wiessner P. Style or isochestic variation? A reply to Sackett. American Antiquity, 1985,50, pp. 160-166.

[9] *Sampson C.G.* Stylistic Boundaries among Mobile Hunter-Foragers. Smithsonian Institution Press. Washington and London, 1988, pp. 13-28.

[10] *Калечиц Е.Г.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск, Наука и техника, 1987; Полякова Г.Ф. Племена белевской культуры. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ, вып. 44, М.,1970, стр. 79-96.

[11] *Полякова Г.Ф.* Племена белевской культуры. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ, вып. 44, М.,1970, стр. 79-96.

А. А. Чубур, к. и. н., Брянский государственный объединенный краеведческий музей

Неолит Окско-Сеймского водораздела

Белым пятном на археологической карте неолита Русской равнины до последнего времени был водораздел Верхнего Сейма и Верхней Оки. В самых верховьях Оки известна стоянка у с. Тагино Глазуновского района Орловской области, но детальных

сведений о ней нет (Евсеев, 1908). Представление о регионе дают памятники верхнего течения р. Тускарь (правый приток Сейма) и ее притоков, сближающихся верховьями с истоком Оки (разведки Ю.А. Липкинга). Долгое время эти материалы, погребенные в хранилище Курского музея археологии, оставались неопубликованными и абсолютно необработанными и в итоге сведения не попали даже в наиболее полные своды памятников (Кашкин,1998; Полятыкина, 1998), хотя стоянка Золотухино отмечена с совершенно ошибочной привязкой на карте, составленной А.С. Смирновым (Смирнов, 1991, Рис.1).

Наиболее обширная информация получена Ю.А. Липкингом при исследовании в 1957 г. стоянки у пос. Золотухино, ныне совершенно размытой рекой. Стоянка располагалась на левобережной дюне в 4 м. над меженным уровнем р. Полевая Снова (рис. 1). Культурный слой лежит в золотисто-желтом песке (2) мощностью 0,25-0,45 м. под 0,4 м. дюнного наноса (1) и подстилается песчаным аллювием поймы (3, цифры соответствуют нормам слоев на рисунке). Раскоп площадью 5 м² принес свыше 300 находок, среди которых: 24 фрагмента ямочно-гребенчатой керамики и развал (164 фрагмента) остродонного сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом и рядом «жемчужин» под венчиком; 13 фрагментов ромбоямочной керамики с крупным четким ромбом; 32 фрагмента ромбоямочной керамики с мелким и менее четким ромбом в сочетании с оттисками гребенки, а в одном случае - с «жемчужинами» под венчиком; 9 фрагментов гребенчатой и 13 фрагментов накольчатой керамики (в т.ч. в стиле «отступающей лопаточки»); 19 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики с отпечатками витого шнурка; 38 отщепов, 18 пластинок, 2 ножа (ретушированные пластины); обломок двусторонне обработанного струйчатой ретушью наконечника стрелы, 2 скребка на отщепах (часть находок утрачена в процессе «хранения»); отдельные обломки костей и угольки, упомянутые в дневниках Ю.А. Липкинга (1957), но не сохранившиеся в музее.

Данных о распределении находок по пластам нет, хотя, скорее всего памятник многослойный. Так к ранненеолитической культуре, распространенной в бассейнах Сейма, Десны, Верхней Оки, относится керамика с накольчатой и накольчато-гребенчатой орнаментацией. Керамика с ромбоямочным орнаментом находит аналогии в материалах Деснинской и Белевской

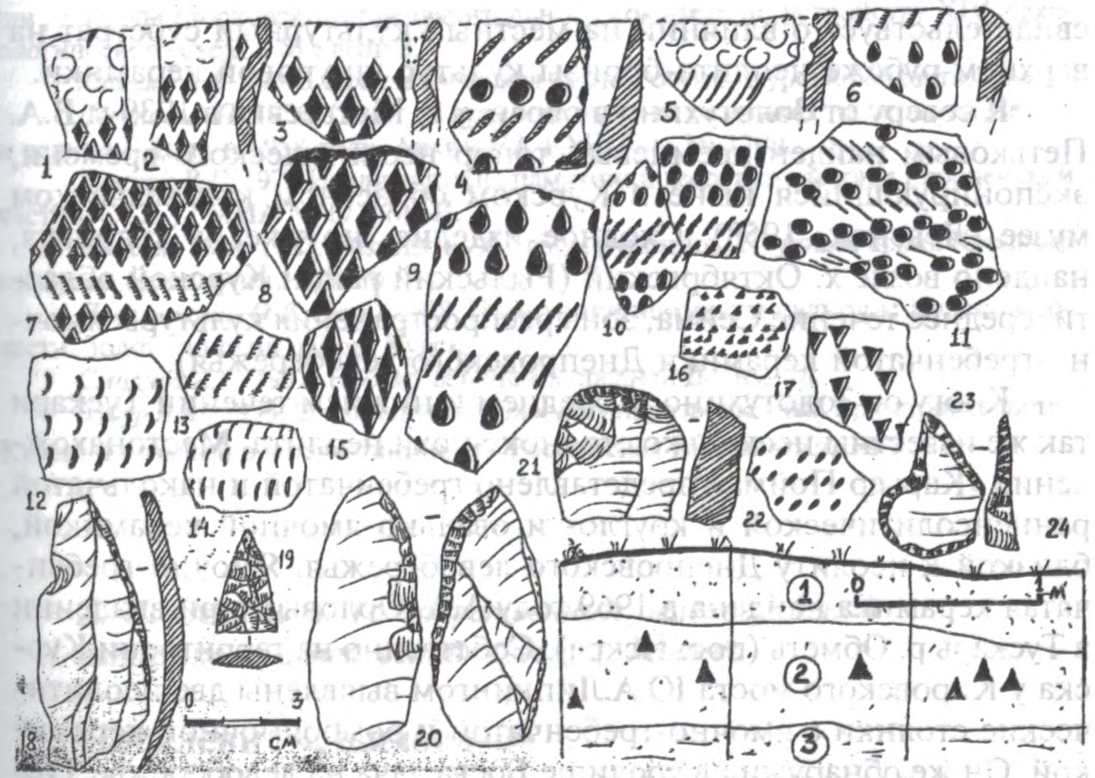


Рис. 1.

культур развитого и позднего неолита (Смирнов, 1991; Грудинкин, 1994). Любопытны фрагменты с оттисками длинного ромба, имеющие аналоги на стоянке Устье Свени II (Смирнов, 1991). Ямочно-гребенчатая керамика двух видов – с мелкой неглубокой ямкой и плоским ее дном (неолит Днепровского левобережья) и с более крупной и глубокой, нанесенной ростром белемнита (льяловский тип). Льяловская керамика встречена на ряде памятников Верхнего Посеймья – Голубой лог, Хвостово и др. (Чубур, 1996). Интересно сочетание на отдельных фрагментах разнокультурных признаков. На отдельных венчиках сосудов с ромбоямочной орнаментацией имеются ряды «жемчужин», нанесенных тычком изнутри в том числе и ромбическим штампом. Жемчужины под венчиком характерны для неолита днепровского левобережья на позднем этапе и для пережиточно-неолитической рыбноозерской культуры (Левенок, 1973), но не встречаются в сочетании с ромбоямочным орнаментом деснинской культуры. Ямочно-гребенчатая керамика с жемчужинами характерна для позднего неолита левобережья Днепра. Ряд находок

свидетельствует о влиянии на местный культурный субстрат на верхнем рубеже неолита-бронзы культур шнуровой керамики.

К северу от Золотухино в овраге у с. Матвеевка в 1939 г. В.А. Петьковым найден кремневый топор неолитического времени, экспонирующийся ныне в Курском областном краеведческом музее (Левенок, 1958). Сходное изделие, но уже из кварцита, найдено возле х. Октябрьский (Рыльский район Курской области, среднее течение Сейма, зона распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики Днепровского левобережья).

К югу от Золотухино, в среднем и нижнем течении Тускари так же известны несколько стоянок эпохи неолита. Местонахождение «Карьер Пойма» представлено гребенчатой и накольчатой ранненеолитической и кругло- и овально-ямочной керамикой, близкой к неолиту Днепровского левобережья. Ямочно-гребенчатая керамика найдена в 1969 году А.А. Орловым при впадении в Тускарь р. Обметь (пос. Искра). Собственно на территории Курска у Кировского моста Ю.А.Липкингом выявлены две неолитические стоянки с ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамикой. Он же обнаружил в урочище Боева дача на левобережье Тускари стоянку с накольчатой керамикой.

Подводя итог, можно сказать, что пограничье бассейнов Оки и Сейма было в развитом и позднем неолите контактной зоной нескольких этнокультурных групп. В археологическом материале это отражается не только в смешении разнокультурных материалов, (что объяснимо механическим смешением остатков нескольких поселений при перевеивании дюны), но и в заимствовании элементов оформления сосудов у сопредельных племен.

Благодарю за содействие А.В. Зорина, А.Г. Шпилева и Н.А. Тихомирова и Ю.Б. Журавлеву за помощь и поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

Грудинкин Б.В. 1994. Новые данные о каменном веке в бассейне Оки. // историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное значение и музеефикация. Рязань, с. 74-76.

Грудинкин Б.В. 1995. Орнаментация керамики неолита бассейна Верхней Оки. // Родная старина. Материалы 1 научно-практической конференции по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области. Калуга.

Евсеев И.Е. 1908. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (Орловского) течения р. Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда. М., вып. 2.

Кашкин А.В. 1998. Археологическая карта России. Курская область,1, М.

Левенок В.П. 1958. Отчет об археологических разведках на верхнем Сейме и верхнем Дону в 1958 году. Архив НА РАН Р-1, № 1709.

Левенок В.П. 1973 Неолитические памятники лесостепной зоны Европейской части СССР. // МИА № 172. М.-Л.

Липкинг Ю.А. 1957. Разведки 1957 года, рукопись. Научный архив Курского госмузея археологии, Л/1-30.

Полятыкина О.В. (ред.) 1998. Памятники истории и культуры Курской области. Золотухинский район. Курск.

Смирнов А.С. 1991. Неолит верхней и средней Десны. М.

Чубур А.А., 1996. О памятниках археологии, разрушенных при строительстве Курской атомной электростанции. // Российская Археология, № 3.

А. Н. Неклюдов, Государственный Зеленоградский историко-краеведческий музей, г. Москва

Поселение «Льялово-3» связующее звено единого круга памятников каменного века Верхней Волги и Поочья

Цель данной публикации — познакомить археологов и историков, занимающихся изучением культур каменного века с результатами научных исследований, проведенных автором в течение 10 лет на древнейшем поселении Подмосковье «Льялово-3».

Поселение «Льялово-3» находится в Солнечногорском районе Московской области, на границе между населенными пунктами Льялово и Менделеево, в 1,2 км к юго-востоку от знаменитой Льяловской стоянки, давшей название археологической культуре эпохи неолита.

Поселение расположено на мысовидной площадке первой надпойменной террасы левого берега старого русла реки Клязьмы (левый приток р. Оки). Высота над урезом воды до 3,5 м. По последним данным, ее площадь составляет около 1500 кв. м. 60% её поверхности нарушено огородами-самозахватами и частично поросло деревьями и кустарником. Памятник был открыт автором в 1971 году и им же исследовался, начиная с 1985 года. Раскопано 312 кв. м. площади основ-

ной части стоянки. Толщина культурного слоя варьируется от 0,07 м. в юго-восточной части до 1,25 м. в северной и юго-западной части.

Стратиграфия памятника (сверху-вниз, мощность в см.): 1) дёрн — до 6 см.; 2) пахотный слой — до 25 см.; 3) тёмно-серый песок или супесь — до 16 см.; 4) светло-серая супесь или песок — до 80 см.; 5) материк — жёлтый песок или глина. Горизонт залегания находок мощностью до 55 см связан со слоями 2, 3 и 4. В слое 2 находки встречались практически на всей площади раскопа, а в слоях 3 и 4 они образовывали скопления различной формы.

Кроме того, в раскопе прослежено 16 различных пятен, из которых 5 соответствуют кострищам, а также 9 ям, две из которых являются следами жилища шалашного типа.

Всего за время раскопок найдено 15980 находок, из которых до 69% залегали в скоплениях и связанных с ними пятнах. Использовался разноцветный валунно-галечный кремень, собранный поблизости или принесённый из месторождения лилово-фиолетового кремня, расположенного в 3,8 км к юго-востоку от стоянки (стоянка «Клушино-3»). Среди находок преобладают предметы, относящиеся к эпохе мезолита (около 52%), типологически отнесённые к иеневской археологической культуре. Это концевые скребки на пластинах и отщепах, резцы с ретушированной площадкой скола и на сломе заготовки, скобели, тесла, топоры с перехватом, вкладыши и стрелы на ножевидных пластинах. С эпохой мезолита связан комплекс камнеобрабатывающей мастерской, обнаруженный в западной части стоянки, а также единственная находка рисунка на сланцевой гальке, со схематическим изображением древнего жилища шалашного типа.

В северной и южной части поселения отмечены следы присутствия людей верхневолжской археологической культуры. Немногочисленные, не более 3% от общего числа, находки представлены в основном фрагментами керамики с накольчатым орнаментом, а также комплексами предметов, найденных в хозяйственных ямах. Наибольший интерес представляет комплекс, обнаруженный в северной части, в прибрежных напластованиях, которые формировались в воде, как донные отложения разного состава, что обеспечило их исключительно чёткую стратиграфию и прекрасную сохранность органических материалов. Комплекс включает в себя нож на макропластине длиной 14 см, три концевых скребка, фрагменты накольчатой керамики и кости медведя. Всё это было изолировано от вышележащего слоя льяловской археологической культуры слоем торфа толщиной 95 см. К льяловской культуре относится 45% всех находок.

Следы этой культуры отмечены практически на всей площади стоянки. Многочисленны нуклеусы, отбойники, отщепы со следами использования, ножевидные пластины, скребки, проколки, тесла, долота. Найдены также кремневые штампы для нанесения орнамента на керамику, шлифовальные камни, кинжал, наконечники стрел, дротиков, копий, выпрямители стрел. Выявлены два производственных комплекса, предназначенные для изготовления орудий преимущественно рубящего типа. В западной и восточной частях зафиксированы очажная яма и кострище, а также комплекс, связанный с верованиями древних «льяловцев». Найдены предметы, отражающие эстетические взгляды льяловцев — сланцевая подвеска в виде миниатюрного (3,3x1,8 см) топорика с двухсторонним сверлением, фигурные изделия из кремня, а также камни со следами целенаправленного художественного оформления.

К культурам бронзового века следует отнести серии хорошо обработанных стрел, дротиков, а также фрагменты керамики с орнаментом в виде «ёлочки».

Дьяковская археологическая культура раннего железного века представлена только пятью обломками сосудов, найденных компактно на южном прирусловом склоне.

Находки кости немногочисленны и в основном сосредоточены в северной части стоянки, в придонном слое. Здесь обнаружены крупные медвежьи трубчатые кости и зубы.

Изучение и сопоставление находок, относящихся к иеневской культуре, с материалами других мезолитических памятников, в материалах которых имеются аналоги рассмотренного комплекса, позволяет датировать начало освоения человеком «Льялово-3» седьмым тысячелетием до н.э. («Усть-Тудовка», «Беливо-6В»), что позволяет говорить о значимости «Льялово-3» не только как самом древнем памятнике археологии на всей территории северо-западного Подмосковья, но и о

важном связующем звене единого круга памятников иеневской культуры Верхней Волги и Поочья. Находки со стоянки практически все хранятся в фондах Государственного Зеленоградского историко-краеведческого музея.

К сожалению, в настоящее время территория памятника начинает интенсивно осваиваться садово-огородными участками, а также застраиваться частными домами и коттеджами. Этому способствует и то, что «Льялово-3» до сих пор не поставлено на государственную охрану Солнечногорским Управлением культуры Московской области.

А. Н. Сорокин, д.и.н., Институт археологии РАН

О мезолите Жиздринского полесья

Жиздринское полесье располагается на юге Калужской области в центральной части главного пояса полесий Восточной Европы. В геоморфологическом отношении оно является северо-восточной оконечностью обширной Полесской низменности. Образование "Жиздринского коридора", соединяющего Деснинский и Окский бассейны, относится ко времени московского оледенения. Сложение современной гидрографии и присоединение бассейна Верхней Оки к Волжскому бассейну произошло во время валдайского оледенения. Позднее Жиздринское полесье представляло собой типичный зандр с обилием воды и выположенных песчаных форм рельефа.

Начало археологического изучения Жиздринского полесья относится к последней четверти XIX в., однако вплоть до начала 70-х гг. XX в. памятники эпохи каменного века здесь не были известны. Первые мезолитические стоянки в полесье были открыты И.К. Фроловым в 1973 г. Наиболее интенсивно исследования мезолитических памятников велись с 1982 по 1987 гг. экспедициями Института археологии РАН под руководством А.С. Смирнова, А.Н. Сорокина и А.С. Фролова. Всего исследовано 13 пунктов, наиболее выразительные материалы были получены в Красной 1 «Вася», Красной 3, Красной 8 «Пенешки», Рессета 2 и 3.

Топография всех исследованных стоянок сходная. Они занимают краевые участки речных террас в местах озеровидных пойменных расширений, а также останцы обтекания первых террас. Стратиграфия всех памятников определяется не столько археологическими признаками, сколько литологией вмещающих песчаных отложений. Профили полесских памятников соответствуют естественным профилям почв дерново-подзолистого типа.

Полесские ландшафты привели в конечном итоге не только к выработке определенного образа жизни первобытного населения, способствовали появлению устойчивых навыков в выборе мест поселений, но и вызвали проявление общих закономерностей в механизме образования, сохранности и специфике тех источников, которые мы исследуем. Условия полесий определили то, что наиболее информативным, а часто и единственно доступным для исследования, является каменный инвентарь. Все это с особой остротой ставит, во-первых, задачу выработки специальной методики раскопок, и, во-вторых, задачу источниковедческой критики. Во время раскопок отрабатывалась методика пространственной фиксации материалов. Пространственная структура памятника выявляется путем точной фиксации всех его объектов и артефактов по трем координатам с последующим графическим моделированием их распределения. Мезолитические памятники, как правило, приурочены к голоценовым почвам. Почвы представляют собой динамичную среду, подверженную разного рода процессам и изменениям. Для объективной реконструкции необходимо понять изменения в первоначальном распределении материала. Сделать это можно лишь при условии, что зафиксирован конечный результат этих метаморфоз и определено, какие процессы и в какой мере влияли на разрушение культурного слоя и перемещение в нем объектов и артефактов. Методика пространственной фиксации дает возможность выявить наличие и оценить степень этих негативных последствий. А методика критики источника среди всей совокупности материалов позволяет выделить источниковедчески надежные и представительные комплексы. Материалы, отвечающие этим критериям получены на пяти памятниках.

Красное 1 "Вася". Площадь сборов составила 200 кв. м и раскопа - 105 кв. м. Коллекция памятника включает 12082 каменных

предмета, в т. ч. 1948 орудий. Охотничье вооружение представлено аренсбургскими, свидерскими и постсвидерскими колющими наконечниками, низкими симметричными трапециями и трапециевидными остриями, транкированными микролитами, косыми и симметричными остриями. Аналогии им имеются в памятниках Украины, Белоруссии и на Урале. Т.о., территория Жиздринского полесья может рассматриваться или как зона взаимодействия южно-уральского и среднеднепровского населения, или как место, где находки разных групп населения оказались механически смешаны.

Красное 3. Коллекция подъемного материала с площади около 80 кв. м включает 10310 предметов, в т. ч. 1149 орудий. Охотничье вооружение состоит из постсвидерских и постаренсбургских наконечников стрел, высоких трапеций и треугольников, микропластинок с затупленным ретушью краем, микролитов с притупленным ретушью краем и основанием, транкированных микролитов, косых и симметричных острий. Материал относится к бутовской культуре.

Красное 8 "Пенешки". Раскопано 137 кв. м, коллекция насчитывает 9475 предметов, в т. ч. 1480 орудий. Основу охотничьего вооружения составляют высокие трапеции. Единственный черешковый наконечник подобен аренсбургским наконечникам типа Хинтерзее. Их дополняют транкированные микролиты, косые и симметричные острия, острие "с ретушированным вверх основанием", микролиты с притупленным на спинке краем и микропластинка с частично затупленным ретушью краем и основанием. Совокупность признаков позволяет относить стоянку к поздним памятникам песочноровской и иеневской культур - типа Студенок и Иенево 2.

Рессета 2. Вскрыто 112 кв. м, собрано 11955 каменных предметов, из которых 1463 орудия. Наконечники стрел представлены свидерскими, аренсбургскими и рессетинскими формами, а также высокими трапециями. Кроме того имеются микролиты с затупленным ретушью краем, низкое трапециевидное острие, обломки сегментовидных острий, транкированные изделия, косые и симметричные острия.

Рессета 3. Вскрыто 392 кв. м, коллекция включает 5628 каменных предметов, среди которых 1006 орудий. Состав наконечников стрел отличается значительным разнообразием, имеются

аренсбургские, гренские, постсвидерские и рессетинские наконечники. Последние численно преобладают. Многочисленны микролиты с затупленным ретушью краем и косые острия, напротив транкированные микролиты и симметричные острия единичны. Следует подчеркнуть и отсутствие геометрических микролитов. Большая часть изделий памятника относится к рессетинской культуре.

Присутствие в Рессете 2 и 3 поликультурных признаков может объясняться а) образованием синкретических комплексов в результате взаимодействия разнокультурного населения, б) механическим смешением материалов в результате планиграфического наложения друг на друга разнокультурных стоянок.

Мезолитические материалы присутствуют и на других стоянках Жиздринского полесья, однако там они не столь представительны и происходят из заведомо смешанных комплексов. Всего на пяти мезолитических памятниках Жиздринского полесья собрано 49358 каменных предметов, среди которых 7045 орудий. Выборка является одной из самых представительных для памятников зандровых низменностей. Анализ всех категорий артефактов позволяет прийти к выводу о культурной неоднородности рассмотренных материалов. Наиболее показательными для анализа оказались предметы охотничьего вооружения, куда входят: наконечники стрел, косые и симметричные острия, микролиты геометрических и негеометрических очертаний и вкладыши из фрагментированных пластин. Суммарный набор охотничьего вооружения эталонных коллекций включает 1126 предметов, что составляет статистически выразительную серию. Вкладыши из фрагментированных пластин составляют 55,8% выборки, косые острия - 18,7%, наконечники стрел - 8,4%, транке 7,5%, микролиты с затупленным ретушью краем 3,8%, симметричные острия - 3,1%, геометрические микролиты - 2,8%. Колющие наконечники (95) представлены на всех эталонных стоянках Жиздринского полесья, наблюдается их значительное типологическое разнообразие. Чаще других присутствуют постсвидерские наконечники, они составляют 39,0% выборки и представлены на четырех из пяти памятников, кроме Красной 8 "Пенешки". На втором месте находятся рессетинские острия, которых насчитывается 24,0%. Они присутствуют лишь в Рессете 2 и 3. Арен-

сбургские черешковые наконечники находятся на третьей позиции (17,0%), но четкие формы имеются только в Красной 1 "Вася". На четвертом месте - свидерские наконечники (11,0%), которые присутствуют также только на стоянке Красное 1 "Вася", и на последнем пятом стоят постаренсбургские наконечники, доля которых составляет 9,0%. Геометрические микролиты (33) отсутствуют в Рессете 3, в Красной 1 "Вася" имеются только низкие трапеции и трапециевидные острия. В Красной 3, Рессете 2 и Красной 8 "Пенешки" присутствуют высокие трапеции. Микролиты с затупленным ретушью краем (43) характерны для Красной 3, Рессеты 2 и 3. Анализ охотничьего вооружения отчетливо подтверждает культурную неоднородность комплексов. Наиболее обособлены стоянки Красное 1 "Вася" и Красное 8 "Пенешки", проявляющие черты полного несходства друг с другом и имеющие минимальные коэффициенты связей с прочими стоянками. Стоянки Рессета 2 и Рессета 3 наиболее близки между собой и, без сомнения, принадлежат к одной культуре. Опосредованное сходство с ними проявляет стоянка Красное 3.

Если генезис Красной 1 "Вася" не совсем ясен, то Красное 8 "Пенешки" имеет несомненное отношение к памятникам типа Студенок - Иенево 2 и, следовательно, заполняет лакуну между ареалами двух родственных культур песочноровской и иеневской. Красное 3 - это поздний памятник бутовской культуры, который отмечает юго-западный предел ее территории. Рессета 3 - эпонимный памятник рессетинской культуры, в котором несомненно представлен и "постсвидерский компонент". Вопрос генезиса "постсвидерского компонента" в рессетинской культуре является дискуссионным, пути его решения лежат в трех направлениях: 1) это логическое следствие развития культур рессетинской - ранней кундской (типа Пулли) и собственно бутовской, которые представляют собой хронологические звенья единой культурной традиции; 2) след воздействия бутовской культуры на рессетинскую; 3) результат механического смешения разнокультурных комплексов. Наименее вероятен второй пункт гипотезы, так как генезис самой бутовской культуры, по-видимому, связан с рессетинско-свидерским симбиозом. Определенно можно говорить и о предшествовании "чистых" рессетинских стоянок бутовским. Этот факт установлен стратиграфически в Замостье 5 и Минино 2. Учитывая возможную генетическую связь рессетинской и бутовской культур, можно утверждать, что хронологическая цепочка от Рессеты 3 к Рессете 2 и затем Красной 3 не противоречит общему направлению развития этих культур и, вероятно, отражает динамику новаций и культурных традиций.

Среди жиздринских стоянок "постсвидерский компонент" наиболее отчетлив в Рессете 2. Поскольку этот памятник, как никакой другой, дает усредненные значения признаков, его материалы следует расценивать не просто как синкретические, но именно как смешанные.

Данные для абсолютной хронологии стоянок Жиздринского полесья отсутствуют. Может быть предложена лишь относительная хронология жиздринских коллекций. Красное 1 "Вася", где присутствуют свидерские и аренсбургские наконечники стрел, может быть датирована концом молодого дриаса - началом пребореального времени. Рессетинские изделия Рессеты 3 синхронны Красной 1 "Вася" и никак не моложе, если судить по датам стоянки Пулли, развивающей традиции Рессеты 3, начала пребореала. Постсвидерские изделия в стоянках Рессета 2, 3 и Красной 1 "Вася" могут быть диахронны свидерским, аренсбургским и рессетинским находкам этих памятников, а само их появление вряд ли возможно раньше начала пребореала, т. к. именно этим временем датируются древнейшие бутовские стоянки Суконцево 7 и Бутово 1. Возраст Красной 8 "Пенешки" определяется в контексте поздних памятников песочноровско-иеневского единства рубежом пребореала - бореала. Красное 3, по аналогиям с датированными мещерскими и верхне-волжскими бутовскими стоянками, имеет бореальный возраст (Во-1 или Во-2).

При сравнении мезолита бассейнов Десны и Оки следует отметить присутствие в них как родственных культур деснинской и иеневской, так и самостоятельных образований, различающих мезолит бассейнов Десны и Оки, - это свидерская и кудлаевская культуры в Подесенье, рессетинская, бутовская и пургасовская культуры - в Поочье. Пограничная территория Жиздринского полесья на карте Окско-Деснинского водораздела играет особую роль. Здесь наблюдается то культурное многообразие, которое может быть вызвано географической локализацией памятников.

Но появление регионов "культурной пестроты" может объясняться и другими причинами: во-первых, диахронностью памятников даже в пределах ограниченного отрезка времени, во-вторых, геоморфологическими условиями, в-третьих, наличием контактных зон и, наконец, в-четвертых, смешанностью материалов. Все эти обстоятельства могли иметь место в действительности и установление роли каждого из них заслуживает специальной разработки. Источниковедческий анализ данных позволяет утверждать, что наиболее вероятный вариант решения проблемы культурного многообразия как Жиздринского полесья, так и других полесий Восточной Европы, является механическое смешение материалов в результате воздействия почвенных процессов (Сорокин, 2000).

ЛИТЕРАТУРА

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы // Авторф. дис. ... докт. ист. наук. М. 2000.

Сорокин А.Н. Метаморфозы источника по мезолиту Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 48-69.

Б. В. ГРУДИНКИН, *Калужский государственный объединенный краеведческий музей*

Проблемы и перспективы в изучении палеолита Верхней Оки

Исследование палеолита Верхней Оки начато в конце XIX века. Первоначально это изучение сводилось к простому сбору отдельных кремнёвых артефактов, не всегда интерпритируемых как палеолитические. Сравнение этих материалов с достоверно палеолитическими не проводилось. Это было связано с общей слабой изученностью палеолитической эпохи и неподготовленностью людей, занимавшихся сбором материалов. В древности регион неоднократно подвергался наступлениям ледника, что приводило к изменению ландшафта, перемешиванию культурных слоёв стоянок раннего палеолита. Позднее регион был густо заселён. Распашка земель, мелиорация,

разработка карьеров привела к перемешиванию слоёв разных эпох или их уничтожению, что значительно усложнило поиск и изучение памятников палеолита. Следует отметить, что изучением полученных материалов и отдельных находок никто систематически не занимался, очень часто они методически неверно были описаны, также планомерно не обследовалась территория бассейна. Первым попытался выделить палеолитические материалы калужский краевед И.Д. Четыркин, собравший большой подъёмный материал близ д. Стенино и в устье р. Калужки притока Оки, который он отнёс к палеолиту (Четыркин, 1897, с.20;Четыркин, 1900, с.7-8; Четыркин, 1903, с.4-5; КГОКМ, № 4263). В дальнейшем работа по поиску палеолита проводилась отдельными археологами и краеведами эпизодически.

В.А. Городцов, по поручению Московского археологического общества, обследовал в 1895 г. долину Оки в Белёвском уезде Тульской губернии и в овраге ручья Долец, близ с.Ментилова (Мельтиново), нашёл несколько отщепов, но их палеолитический возраст сомнителен (Городцов, 1905, с.537, 540).

В 1935-36 гг., в связи с планировавшейся постройкой Калужской ГЭС, экспедицией под руководством М.М. Герасимова, П.Н. Третьякова, М.В. Воеводского, обследовались берега Оки и её притоков выше Калуги, учитывая все памятники в зоне затопления. Был собран большой подъёмный материал (Архив ИИМК, Ф-2, ОП.1, № 81, л.1-19; Гос.Эрмитаж ОАВЕС № 1303). При этом, кроме исследования известных по литературе памятников, были открыты ряд новых (Архив ИИМК, Ф-2, ОП. 1, № 278; Воеводский, Герасимов, Третьяков, 1941, с.40-53). Особенно тщательно этой экспедицией проверялись пункты с находками мамонтовой фауны и те, где по предположению В.А. Городцова, были стоянки палеолита. Результаты этих работ опубликованы в нескольких сборниках (Воеводский, 1937, с.111-114; Третьяков, 1937; Воеводский, Герасимов, Третьяков, 1941, с.40-53). На левом берегу Оки в овраге Хотожков Ров близ с.Ментилова было найдено несколько отщепов архаического облика, которые М.В. Воеводский отнёс к мустье (Воеводский, 1937, с.111-114; Воеводский, 1950а, с.218). Обследовавший эту местность геолог Н.И. Кригер усомнился в наличии здесь палеолитической стоянки (Кригер, 1947, с.84). В дальнейшем материал, собранный М.В.

Воеводским, не относился к палеолиту. Последующие издания о нём даже не упоминают.

В 50-60-е гг. длительное время сборами керамики и артефактов занимались директор Белёвского музея И.И. Петраков и местные краеведы Влад.П. Любин, М.Ф. Сенин.

В 1960 г. небольшой отдельный отряд ЛОИА (ИИМК) под руководством В.П. Любина произвёл рекогносцировочные разведки памятников каменного века в долине Верхней Оки и на ряде её притоков в пределах Тульской области (Архив ИИМК, Ф-35, ОП. 1, № 175). В долине притока р.Оки Фатьяновской Вырки, в урочище Золотариха, где И.И. Петраковым долгое время собирались остатки мамонтовой фауны и кремнёвые отщепы, В.П. Любин вёл особенно тщательное обследование. Среди кремнёвых изделий, собранных И.И. Петраковым, В.П. Любин отметил одно. По его мнению, это мустьерский остроконечник, изготовленный из леваллуазкого (pointe mousterienue sur pointe Levallois). Других орудий не было найдено, и единственным критерием отнесения этого пункта к мустье явилось описанное выше орудие (Любин, Петраков, 1964, с.171-174; Береговая, 1972, с.229). Но Золотариха продолжает считаться мустьерским местонахождением (Борисковский, 1980, с.151; Береговая, 1984, с.32; Археология СССР. Палеолит. 1984, рис.37, с.95).

В 1962 г., от В.П. Любина, в Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей поступила коллекция макролитоидных орудий из Белёвского района Тульской области, собранных на ручье Казарка притоке р.Вырка левого притока Оки (ТОИАЛМ, № 4794; Архив ИИМК, Ф. 35, ОП. 1, № 175, л.13-14). Материал, переданный в 1962 г., состоит из орудий на отщепах и пластинах и двух двух заготовок в количестве 34 единиц. Большая часть орудий изготовлена на отщепах – 21. Среди них следует отметить остроконечник светло-коричневого кремня (рис. 1: 1). Остроконечник имеет подтреугольную форму, рабочий край с брюшка и спинки оформлен крупными фасетками полукрутой ретуши. Аккомодационная часть имеет подправку ретушью только со спинки. По форме остроконечник имеет сходство с остроконечником из пятого слоя стоянки Костёнки I (Окладников, 1954, с. 17, рис. 3: 4).Остальные отщепы имеют разнообразные выемки. Одиннадцать пластин длинные и массивные, есть реберчатые и огранённые. Края имеют выемки и выщерб-

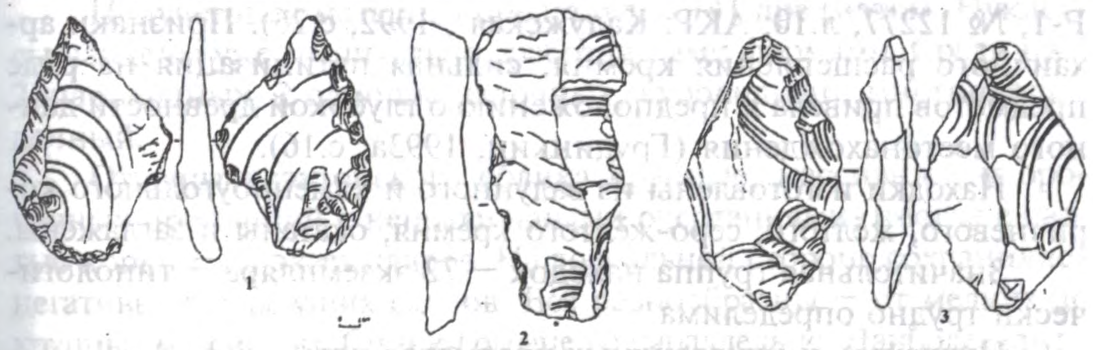


Рис. 1. *Казарка. Кремневый инвентарь.*

ленность (рис. 1: 2). Изготовлены из коричневого, жёлтого и чёрного кремня. Две заготовки. (рис. 1: 3). Обе заготовки из светло-коричневого кремня и имеют небольшую патину.

Патина на всех предметах небольшая. Массивные пластины и отщепы характерны для верхнего палеолита. Остроконечник близок по форме мустьерским, но является уже пережитком для этого периода.

В ТОИАЛМ хранится коллекция краеведа А.Н. Воронкова, поступившая в музей в 1964 г., собранная под Бёхово и состоящая из крупных скрёбел и скобелей из расколотых желваков местного кремня (ТОИАЛМ, № 4946). К сожалению, документация о точном месте сборов и условиях залегания этих артефактов отсутствует. В этом же музее хранятся небольшие коллекции А.Н. Наумова, собранные им на притоках Оки близ д.д. Руднево и Андрюшково и содержащие орудия крупных форм (ТОИАЛМ, № 10773).

А.С. Фроловым в 80-е гг. было открыто в Калужской обл. два местонахождения, которые, как он полагает, можно отнести к палеолиту. Первое расположено на склоне третьей надпойменной террасы левого берега р.Оки в г.Тарусе, Тарусский р-н, Калужской обл. Второе – расположено на второй надпойменной террасе левого берега р.Оки у с.Спас (Фролов, Прошкин, 1989, с.12). Поскольку находки не сохранились их отнесение к палеолиту представляется сомнительным.

В 1987 г. в овраге, по дну которого протекает ручей, впадающий справа в Оку, у восточной окраины д.Пучково (Пригородная зона г.Калуги), автором было собрано 128 грубо оббитых кремня. Культурный слой в стенках оврага не просматривается. Памятник был отнесён к разряду мастерских (Архив ИА РАН,

Р-1, № 12277, л.10; АКР: Калужская , 1992, с.26). Признаки архаичного расщепления кремня, сильная патинизация на ряде предметов привела к предположению о глубокой древности данного местонахождения (Грудинкин, 1993а, с.16).

Находки изготовлены из валунного и каменноугольного коричневого, жёлтого, серо-жёлтого кремня, окатаны и заглажены.

Значительная группа находок – 72 экземпляра – типологически трудно определима.

Нуклеусов и нуклевидных предметов пять.

Отщепы типичного клэктонского облика – 33 экземпляра. Сохранившихся целиком 29 отщепов. У некоторых на спинке сохранились негативы ударных бугорков. На брюшке видны крупные, хорошо выраженные ударные бугорки. У крупных длина, ширина и массивность соответственно: 11,2 х 14 х 3,2 см; 10,4 х 10,8 х 3,1 см; 8,8 х 10,2 х 4 см; 6,7 х 7,8 х 2,4 см. У мелких – 1,4 х 1,9 х 0,3 см; 1,6 х 1,8 х 0,5 см; 1,6 х 2,6 х 0,5 см; 2 х 2,6 х 0,6 см; 2,3 х 2,4 х 0,5 см. Длина несколько уступает ширине у большинства отщепов. Средний показатель удлинённости равен 105,6, а средний показатель массивности 31,8. Ударные площадки гладкие и по отношению к вентральной поверхности находятся под тупым углом. Глубина ударной площадки колеблется от 0,2 см до 4,1 см, а средняя величина равна 1,3 см. Угол скалывания отщепов распределяется в пределах от 69° до 120°, а средний угол равен 106°. По мнению П.И. Борисковского, такие архаичные отщепы с резко выраженным ударным бугорком и с ударной площадкой, находящейся под тупым углом к плоскости брюшка, могли получиться лишь в том случае если нуклеус косо ударяли по закреплённой на земле каменной наковальне (Борисковский, 1953, с.45). Ударная волна читается на брюшке по всей длинной оси отщепов.

Остальные находки: сегмент желвака, два пластинчатых тонких скола, скрёбла, скребловидное орудие, орудие серповидной формы, выемчато-зубчатое орудие и остриё.

Значительное число находок архаического облика было обнаружено автором на левом берегу р.Оки в г.Калуге. Этот пункт обследовался автором с 1984 г.(Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9473). Наиболее интересные находки были получены при сборе подъёмного материала на бечевнике у подножия размываемой рекой фрагмента первой террасы.

Полученный материал представлен 141 предметом. Нуклеусы найдены уже значительно сработанными формами. Среди них: 2 шаровидных, 2 одноплощадочных, кубовидный, многоплощадочный.

Отщепы клэктонского облика крупные, массивные, укороченных пропорций с неправильными очертаниями, иногда с частью корки – 45 экземпляров. На дорсальной стороне сохранились негативы предыдущих сколов. Все разнообразны – от мелких до крупных массивных. Спинки ограничены параллельно. Наиболее крупные отщепы имеют размеры длины, ширины и массивности соответственно: 12 х 7,2 х 4,4 см; 12,1 х 9,8 х 3,6 см; 11,6 х 13,6 х 4 см; 11,5 х 13,2 х 4,3 см; 11,3 х 9,4 х 2,4 см; 10,5 х 10,7 х 3,5 см; 10,9 х 8,2 х 2,8 см. Мелкие: 1,8 х 3,2 х 1,6 см; 2,2 х 2,4 х 0,7 см; 2,9 х 5,7 х 1,1 см; 2,9 х 3,8 х 1,1 см; 3 х 2,6 х 0,6 см; 3,4 х 2,8 х 1 см. Часто длина немного меньше ширины. Средний показатель удлинённости равен 102,6, а средний показатель массивности – 33,9. Ударные площадки гладкие, в большинстве случаев резко скошенные, под тупым углом к брюшку, ударные точки в форме полукруга. Глубина ударной площадки колеблется от 0,4 см до 3,3 см, а средняя величина равна 1,3 см. Угол скалывания отщепов распределяется в пределах от 68° до 143°, а средний угол равен 113°.

Орудийный комплекс представлен скрёблами и скребловидными орудиями, остриями, выемчатыми и выемчато-зубчатыми орудиями, резцами, клювовидными орудиями, орудиями с выступами, чоппером, бифасами (рис. 2). Архаичный материал местонахождения позволяет отнести его к ашелю. Для бассейна Верхней Оки этот памятник является древнейшим (Грудинкин, 2000, с.22-25).

Другие находки из Калуги позволяют выделить материалы мустье и верхнего палеолита. Н.К. Анисюткин, д.и.н. ведущий сотрудник Отдела палеолита ИИМК, ознакомившийся с этим материалом, в целом согласен с разделением материала на эти периоды.

Ещё один крупный бифас и несколько отщепов клэктонского облика были найдены краеведом г.Алексин Тульская область – С.В. Зверевым близ д.Соломасово Алексинского района в устье оврага правого берега р.Вашаны правого притока р.Оки. В 1999 г. эти находки были осмотрены автором и Н.К. Анисюткиным. Архаичная обработка кремня и типология артефактов по-



Рис. 2. *Калуга. Бифасы.*

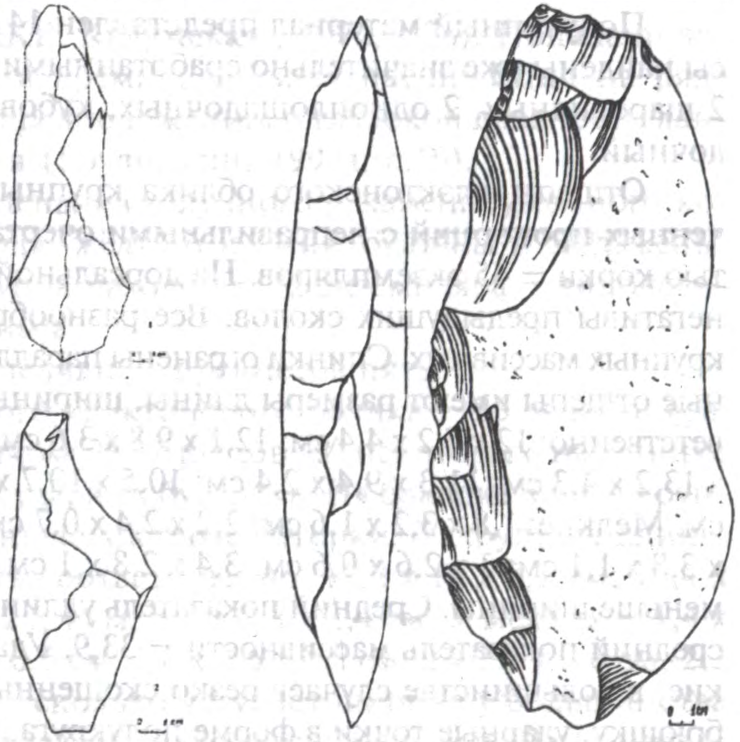


Рис. 3. *Соломасово. Бифас.*

зволила отнести их к ашелю. Ряд находок был зарисован Н.К. Анисюткиным (рис. 3). Наиболее яркая находка – это крупный бифас овальной формы коричневого кремня. Овальная конкреция кремня была оббита широкими сколами от корки, заходящими далеко на поверхность. Лезвие выполнено полностью по одной стороне и представляет ломаную зигзагообразную линию, в профиль бифас симметричен. По другой стороне лезвие оформлено лишь на дистальном конце. На пятке корка не была сбита полностью по одной из сторон. Вероятно, бифас не был доработан. На нём сохранились следы патины. По мнению Н.К. Анисюткина, этот материал синхронен материалу собранному в Калуге. К сожалению все артефакты остались у находчика.

В КГОКМ хранятся: тесло из рога оленя и муфта из бивня мамонта, найденные в г.Калуге на левом берегу Оки (Грудинкин, 1997, с.20-21; КГОКМ, № 8884).

Местонахождение Чекалин-2, расположено в 0,55 км к юго-востоку от города Чекалин Суворовского р-на Тульской обл. близ устья р.Б.Речица, левого притока р.Оки (Архив ИА РАН, Р-1, Б.В. Грудинкин.Отчёт за 1992 г., л.16). В 100 метрах от устья вверх

по речке Б.Речица на дне оврага было найдено пять кремнёвых артефактов. Из них четыре скола и одно поперечное скребло.

Местонахождение Чекалин-1, расположено в 0,27 км к северо-востоку от города, находится на левом берегу р.Оки в устье речки Лихвинки, близ знаменитого Лихвинского разреза на северо-восточной окраине г.Чекалин (Архив ИА РАН, Р-1, Б.В. Грудинкин. Отчёт за 1992 г., л.16). Подъёмный материал представлен 15 артефактами. Из них 3 орудия, 3 нуклевидных куска кремня, остальные – отщепы.

Стоянка Болото-1 расположена в 2,4 км к юго-западу от одноимённой деревни Суворовского р-на Тульской обл. на мысовидном выступе правого берега р.Оки (Архив ИА РАН, Р-1, Б.В. Грудинкин. Отчёт за 1994 г., л. 8-9). Культурный слой стоянки уходит под отложения высокой поймы и остатки первой террасы. Было найдено 8 артефактов. Из них три различных скола, одно сечение пластины и четыре орудия.

Ещё один из памятников, который по условиям залегания может быть отнесён к палеолиту, находится на правом берегу р.Жиздры, крупного левого притока Оки, в 1,5 км к северо-востоку от деревни Гордиково, Перемышльский р-н, Калужская обл. Общее число находок 13. (Грудинкин, 1999, с.69-71).

Собранный материал имеет архаичный облик. Пять первичных сколов.

Орудий найдено немного. Остриё светло-коричневого кремня. Изготовлено на удлинённом пластинчатом сколе. Это орудие имеет сходство с удлинёнными остроконечниками из Курдюмовки. Длина острия 12,5 см.

Фрагмент плитки имеет выемку и прерывистую ретушь, идущую по контуру. Орудие с выступом из нуклевидного куска тёмно-коричневого кремня. Два скребла поперечных на отщепах.

Стоянка Ильинское-1, расположена на правом берегу р.Жиздры в 3 км к западу от деревни (Грудинкин, 1999, с.71-72). Найдено 20 предметов из кремня с лёгкой патиной. Все находки довольно массивные. Среди них встречены нуклевидные куски кремня, технические сколы и отщепы, орудия.

Два местонахождения верхнего палеолита обнаружены в Орловской области близ д.д.Курасово и Пальчиково на р.Нугрь притоке Оки (Архив ИА РАН, Р-1, № 8962, л.5; Сорокин, 1981, с.81, 82; Сорокин, 1986, с.28; АКР: Орловская , 1992, с.27).

Один бифас был найден в верхнем течении р.Упы правого притока р.Оки в Тульской области близ села Надеждино местным краеведом Ю.И. Овчинниковым. Бифас имеет листовидную форму и изготовлен двусторонней оббивкой из светло-коричневого кремня. Частично на нём сохранилась известняковая корка. Поверхность слегка патинизирована. Находка возвращена Ю.И. Овчинникову, но была перед этим осмотрена автором и зарисована заведующим отделом археологии ТОИАЛМ Ю.Г. Екимовым (рис. 4).

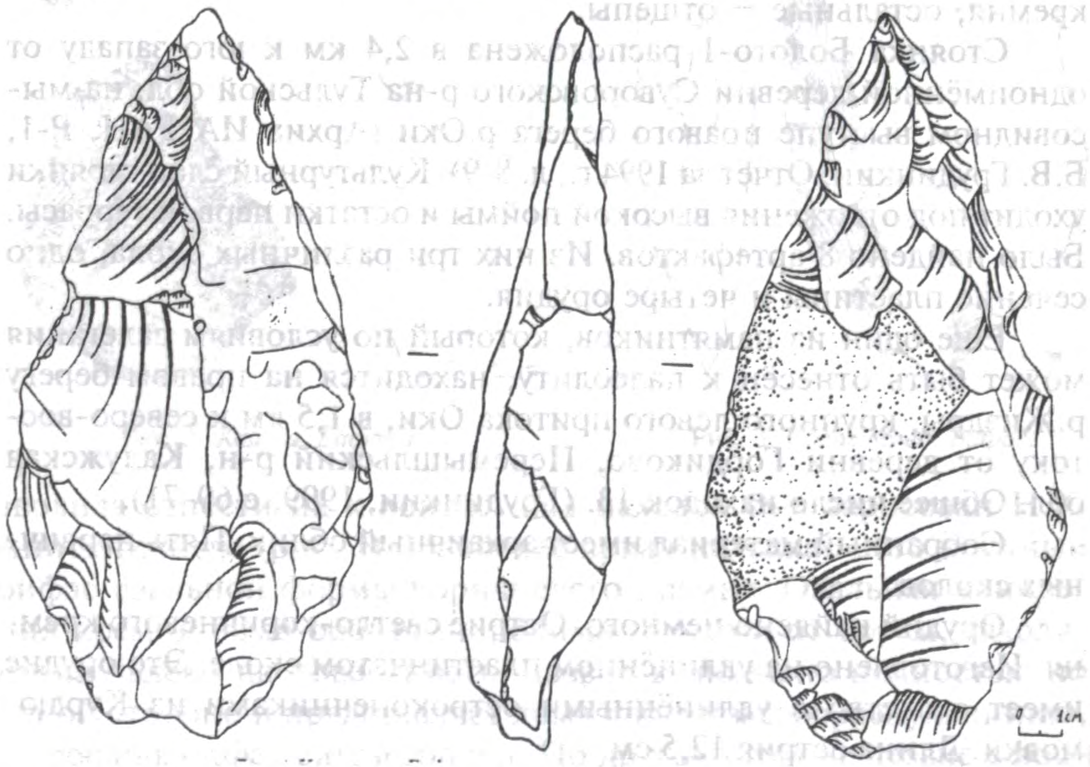


Рис. 4. *Надеждино. Бифас.*

Ещё одним памятником относимым к эпохе палеолита следует отнести местонахождение близ "Чёртова городища". Под руководством автора здесь летом 1995 г. была обследована местность по правому берегу речки Песоченки выше городища (Архив ИА РАН, Р-1, Б.В. Грудинкин. Отчёт за 1995 г., л. 3-4). Здесь был собран кремнёвый инвентарь представленный различными изделиями из кремня. Отходы производства представлены 28 различными отщепами. Два одноплощадочных нуклеуса. Один нуклевидный кусок. Отбойник из овальной гальки. Небольшой ретушёр. Поперечно-боковое скребло на отщепе. Поперечное скребло

с вогнутым лезвием на отщепе. Небольшое поперечное скрёблышко. Девять орудий с выемками на отщепах и массивных сколах коричневого, серого и светло-серого кремня, из них 4 имеют характерную голубоватую патину. Проколка на отщепе серого кремня. По типологии орудий и технике обработки камня это местонахождение следует отнести к верхнему палеолиту.

Стоянка Троицкое-3 расположена на склоне третьей террасы правого берега р.Оки под городищем Троицкое-1 (Любутск) в 0, 45 км к западу от деревни открыта автором. Подъёмный материал состоит из 20 кремнёвых артефактов. Нуклеусы из серого и коричневого кремня – одноплощадочные. У одного имеются узкие резцовые сколы. Также у всех частично сохранилась известняковая корка. Орудий с выемками 5. Скребла два. Заготовки орудий изготовлены из небольших конкреций коричневого кремня. Обломков неясных орудий 4. Отщепов 2. Один из серого, другой – из коричневого кремня. Все находки имеют лёгкую патину.

Условия залегания находок и техника обработки камня позволяют отнести этот памятник к эпохе верхнего палеолита (Архив ИА РАН. Б.В. Грудинкин. Отчёт за 1995 г. л.2).

При раскопках городища Троицкое-1 экспедицией И.В. Болдина, при участии автора, под культурным слоем городища в материковом суглинке были найдены часть призматического нуклеуса, резцы на углах пластин, орудия с выемками и отщепы с белой патиной, что подтверждает палеолитический возраст полученных ранее материалов (Архив ИА РАН. И.В. Болдин.Отчёты за 1996-99 гг.).

Стоянка Троицкое-4 расположена выше по течению р.Оки на склоне третьей террасы правого берега под городищем-2 в 0, 825 км к западу от деревни. При строительстве Тульского водозабора был затронут слой памятника. Находки собраны в размываемом буром суглинке в количестве 22. Среди них 3 поперечных скребла на массивных отщепах. Небольшой скребок на массивном отщепе. Массивная реберчатая пластина светло-коричневого кремня с частью известняковой корки. Проколка на отщепе. Жало небольшое оформлено крутой ретушью со спинки. Два ретушёра из овальных галек. Следы характерной звёздчатой забитости свидетельствуют об их назначении. 14 находок – различные отщепы из коричневого серого и фиолетового кремня. На всех находках лёгкая патина.

Условия залегания находок и техника обработки камня позволяют отнести памятник к эпохе верхнего палеолита (Архив ИА РАН. Б.В. Грудинкин. Отчёт за 1995 г. л.3).

Близ д.Шопино Пригородной зоны г.Калуги к западу автором на поле найден концевой скребок на пластине и несколько отщепов с белой патиной.

Собранный автором на стоянке Никольское-3, в Ферзиковском районе Калужской области, материал частично следует отнести к верхнему палеолиту. Находки имеют глубокую молочную патину. На палеолитический возраст указывает и типология артефактов: это призматические нуклеусы, концевые скребки, резцы на углах пластин, пластины.

Ряд находок палеолитических материалов было сделано в Износковском районе Калужской области местным краеведом В.В. Егоровым. Наиболее интересные находки были сделаны близ д.Шатрищи у подножия камов. При проверке его данных весной, летом 2000 г. автором в двух местах были обнаружены стоянки верхнего палеолита. В карьере, заложенном в одном из камовых образований, В.В. Егоровым были найдены архаичные изделия. Среди них остроконечники, массивные сколы, выемчато-зубчатые орудия. Вокруг карьера по полям и на грунтовой дороге автором и В.В. Егоровым были собраны кремнёвые орудия, нуклеусы и нуклевидные предметы некоторые из которых имели патину. Вероятно, эти артефакты сохранились от распаханной палеолитической стоянки.

Некоторые артефакты, собранные Т.В. Наумовой близ д.Мишенское в Белёвском р-не Тульской обл. на распаханном поселении следует отнести к верхнему палеолиту (АКР: Тульская область. Часть 1, 1999, с.21).

Роговые и кремнёвые орудия эпохи палеолита хранятся в музее г.Алексин Тульской области, но без указания местонахождения.

Хотя к настоящему времени археологическими раскопками на Верхней Оке не обследовался ни один из описанных выше пунктов, можно с уверенностью говорить о наличие памятников разных периодов палеолита. Отдельные находки бифасов и клэктонских отщепов свидетельствуют о существовании поселений нижнего палеолита. Мустьерские остроконечники и острия дают нам возможность говорить о стоянках среднего палеолита (рис. 5).

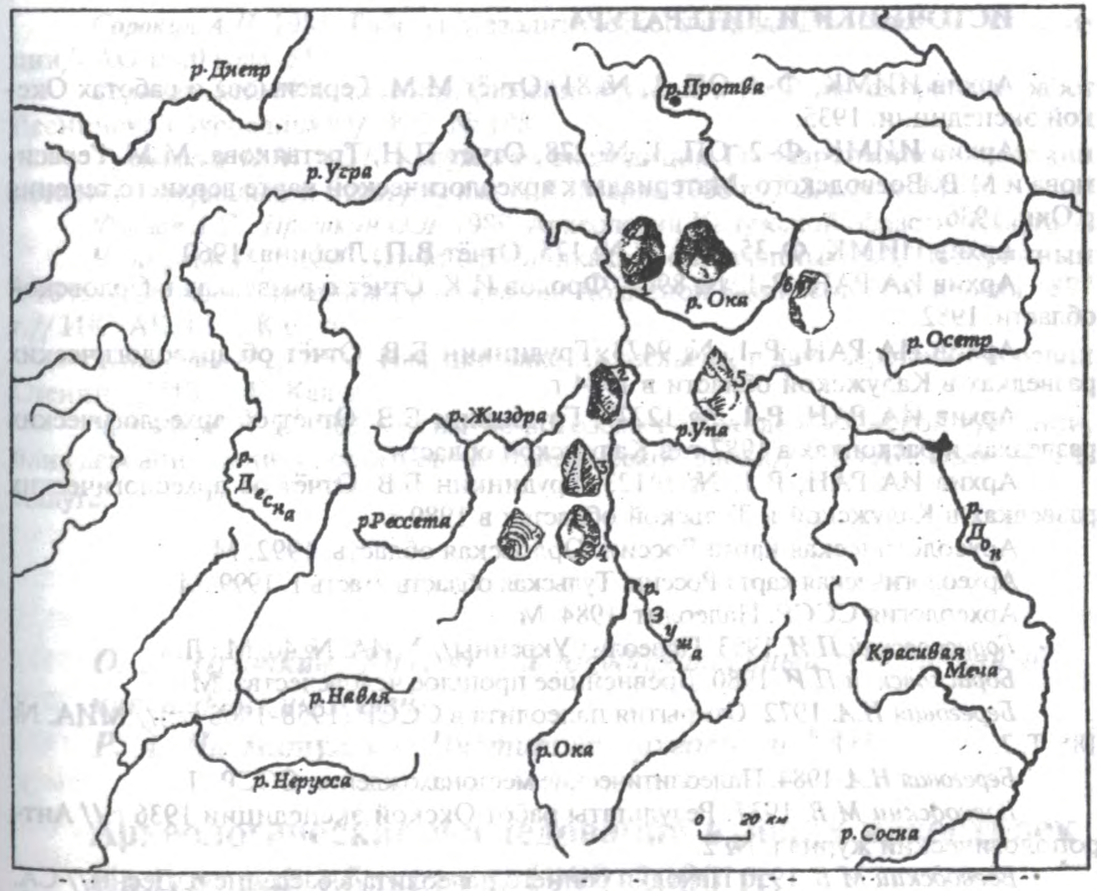


Рис. 5. *Карта ашельских и мустьерских местонахождений на Верхней Оке: 1 – Калуга, 2 – Гордиково, 3 – Золотариха, 4 – Казарка, 5 – Надеждино, 6 – Соломасово.*

Многочисленные находки верхнепалеолитических орудий в наслоениях третьей террасы Оки и верхних террасах притоках дают широкую перспективу для открытия стационарных поселений. Особенно перспективен поиск палеолита в местах многочисленных находок мамонтовой фауны.

К настоящему моменту возникла хорошая перспектива в изучении палеолита Верхней Оки. Исследование верхнеокских мезолитических и неолитических материалов позволило определить и отделить палеолитические находки. Пересмотр старых коллекций музеев также позволяет выделить в них палеолитические комплексы. Кроме этого изучение геоморфологии бассейна даёт нам возможность открытия новых палеолитических памятников. Не следует к тому же пренебрегать данными многочисленных краеведов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив ИИМК, Ф-2, ОП. 1, № 81, Отчёт М.М. Герасимова о работах Окской экспедиции. 1935.

Архив ИИМК, Ф-2, ОП. 1, № 278, Отчёт П.Н. Третьякова, М.М. Герасимова и М.В. Воеводского. Материалы к археологической карте верхнего течения р.Оки. 1936.

Архив ИИМК, Ф-35, ОП. 1, № 175, Отчёт В.П. Любина. 1960.

Архив ИА РАН, Р-1, № 8962, Фролов И.К. Отчёт о разведках в Орловской области. 1982.

Архив ИА РАН, Р-1, № 9473, Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в Калужской области в 1984 г.

Архив ИА РАН, Р-1, № 12277, Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 1987 г. в Калужской области.

Архив ИА РАН, Р-1, № 14123, Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках в Калужской и Тульской областях в 1989 г.

Археологическая карта России: Орловская область. 1992. М.

Археологическая карта России: Тульская область. Часть 1. 1999. М.

Археология СССР. Палеолит. 1984. М.

Борисковский П.И. 1953. Палеолит Украины// МИА. № 40. М.: Л.

Борисковский П.И. 1980. Древнейшее прошлое человечества. М.

Береговая Н.А. 1972. Открытия палеолита в СССР (1958-1968 гг.)// МИА. № 185. Т. 7.

Береговая Н.А. 1984. Палеолитические местонахождения СССР. Л.

Воеводский М.В. 1937. Результаты работ Окской экспедиции 1936 г.// Антропологический журнал. № 2.

Воеводский М.В. 1950 Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны// СА. Вып. XII.

Воеводский М.В., Герасимов М.М., Третьяков П.Н. 1941. Долина р.Оки// Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.: Л.

Городцов В.А. 1905. Материалы для археологической карты долины р.Оки// Труды XII АС в 1902 г. Т. 1. М.

Грудинкин Б.В. 1993. Геоморфология Калужско-Алексинского каньона и памятники археологии// Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов 5-й историко-археологической конференции в Калуге. Калуга.

Грудинкин Б.В. 1997. Древнейшие археологические памятники на территории г.Калуги// Калуга в шести веках: Материалы 1-й городской краеведческой конференции, посвящённой 625-летию г.Калуги. Калуга.

Грудинкин Б.В. 1999. Эпоха камня. Палеолит// Археология Калужской области. Калуга.

Грудинкин Б.В. 2000. Ашельское местонахождение в Калуге// Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. Калуга.

Кригер Н.И. 1947. К геологии следов палеолита в бассейне Оки// Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 10. М.: Л.

Любин В.П., Петраков И.И. 1964. Мустьерское местонахождение Золотариха близ г.Белёв (Тульская область)// Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 29.

Окладников А.П. 1954. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований// СА. Т. XXI.

Сорокин А.Н. 1981. Работы Мезолитического отряда Деснинской экспедиции// АО 1980 года. М.

Сорокин А.Н. 1986. Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции)// КС. № 188.

Третьяков П.Н. 1937. Калужская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра 1936 г.// СА. № 4. М.: Л.

Фролов А.С., Прошкин О.Л. 1989. Археология Калужской области. Калуга.

Четыркин И.Д. 1897. Отчёт о раскопках, произведённых И.Д. Четыркиным в 1895-1896 годах, читанный в заседании Архивной Комиссии 3-го апреля 1897 г.// ИКУАК. № 5. Калуга.

Четыркин И.Д. 1900. Находки близ г.Козельска, в двух верстах от деревни Стенино// ИКУАК. Калуга.

Четыркин И.Д. 1903. Открытие в Козельском уезде Калужской губернии, близ деревни Стенино, остатков палеолитической эпохи// ИКУАК. Вып. 1902 г. Калуга.

О. Л. Прошкин, Калужский государственный объединенный краеведческий музей

Р. А. Нигматуллин, Институт археологии РАН

Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области в 1999-2000 гг.

Калужской областной археологической экспедицией Калужского государственного объединенного краеведческого музея, совместно с Деснинской экспедицией Института археологии РАН в истекшие два года продолжались исследования в зонах новостроек Калужской области. Основная часть работ проводилась на объектах дорожного строительства и на трассах прокладки ВОЛС в пригородной зоне г. Калуги, Боровском, Перемышльском, Козельском, Думиничском, Ульяновском и Мещовском районах.

В ходе разведок обнаружены три местонахождения фрагментов круговых позднесредневековых сосудов (д. Кириллово, Боровский район, с. Чернышено, Думиничский район и д. Гришинск, Козельский район) и селище XVI-XVII вв. в с. Гурово (Панево) Ульяновского района.

Селище Гурово (Панево) расположено на юго-западной окраине села, на пологом склоне правого берега р. Голубка при

впадении безымянного ручья (левый берег), в 30-40 м к северо-западу от построек деревни на высоте 9-18 м над урезом воды в реке. Размеры памятника определены условно по распространению подъемного материала, наличию культурного слоя и топографии и составляют около 10.000 кв. м. В северной части памятника, у дороги, а также в северо-восточной его части, на промоинах собран подъемный материал: фрагменты круговых серо-, коричнево-, белоглиняных, а также темномореных с вылощенным орнаментом сосудов XVI-XVII вв. и более позднего времени, глиняная игрушка (рис. 1, *1*). В обрезе к дороге зафиксированы остатки культурного слоя (темно-коричневый суглинок) толщиной до 0,3 м.

Из числа ранее известных памятников в зоны новостроек попали четыре селища и одна стоянка, в связи с чем проводилось обследование их современного состояния. Так, на распахиваемой части селища 1 у д. Угра в пригородной зоне г. Калуги был собран подъемный материал: фрагменты круговых сосудов XII-XVII вв., фрагмент изразца с зеленой поливой XVII в. (рис. 1, *2*), железные шлаки. Дополнительный материал – фрагменты круговой посуды XVI-XVII вв. был также собран на селищах Воротынск 1 и 8 в Перемышльском районе и на стоянке 2, селище у д. Каменка Козельского района. В числе кремневых изделий со стоянки – концевой скребок (рис. 1, *3*) и отщепы с ретушью (рис. 1, *4-6*) периода мезолита. Данные памятники неоднократно изучались исследователями. (1; 2 и др.).

Небольшие по площади аварийные раскопки проводились на селище 2 в с. Никольское Мещовского района. Селище расположено на южной окраине центра села, в 0,1 км к югу от церкви, на левом берегу р. Серены, напротив Серенского городища. Топографически, по расположению на местности и высоте над водой делится на две части: верхнюю и нижнюю. Верхняя часть занимает мысовидный выступ к реке между лощинами и находится на высоте 21-32 м над уровнем воды в р. Серене. Поверхность мыса имеет уклон по линии с севера на юг, в сторону реки. Площадь этой части селища составляет около 7.300 кв. м. Установлена по распространению культурного слоя и находок в обрезе к строящейся автодороге и топографии местности. Восточный край нарушен строительством автодороги. Разрушено примерно 3.500 кв. м. площади памятника. Нижняя часть селища занимает пологий склон берега под мысом и находится на высоте 3-13 м над уровнем воды в реке. Ее площадь составляет не менее 4.000 кв. м. Поверхность нижней части также нарушена при строительстве автодороги на площади около 3.000 кв. м. Общие разме-

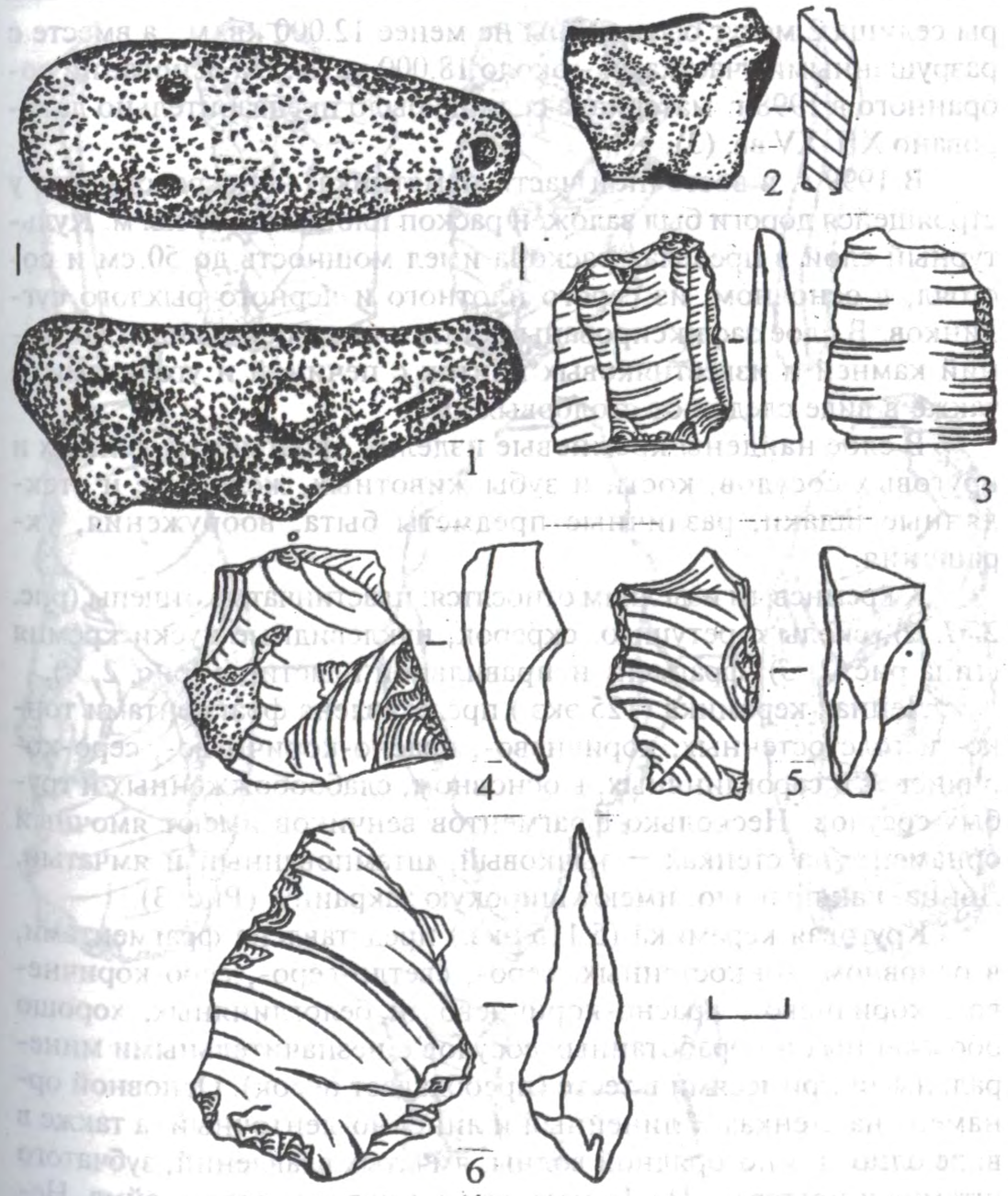


Рис. 1. *Подъемный материал с селища Гурово (Панево), селища Угра 1 и стоянки Каменка 2.*

ры селища 2 могут быть равны не менее 12.000 кв. м., а вместе с разрушенными участками - около 18.000 кв. м. На основании собранного в 1998 г. материала селище было предварительно датировано XII-XV вв. (3).

В 1999 г. в восточной части памятника, непосредственно у строящейся дороги был заложен раскоп площадью 80 кв. м. Культурный слой в пределах раскопа имел мощность до 50 см и состоял, в основном, из серого плотного и черного рыхлого суглинков. В слое зафиксированы остатки построек в виде скоплений камней и известняковых плиток с печиной и угольками, а также в виде следов от столбовых ям.

В слое найдены кремневые изделия, фрагменты лепных и круговых сосудов, кости и зубы животных, железные и стеклянные шлаки, различные предметы быта, вооружения, украшения.

К кремневым изделиям относятся: пластинчатые отщепы (рис. 2, *1, 2*), сколы с ретушью, скребок, нуклевидные куски кремня (типа рис. 2, *3*), фрагмент неправильной пластины (рис. 2, *4*).

Лепная керамика (125 экз.) представлена фрагментами тонко- и толстостенных, коричнево-, красно-коричнево-, серо-коричнево- и сероглиняных, в основном, слабообожженных и грубых сосудов. Несколько фрагментов венчиков имеют ямочный орнамент, на стенках – тычковый, штампованный и ямчатый. Донца, как правило, имеют широкую закраину. (Рис. 3).

Круговая керамика (5.115 экз.) представлена фрагментами, в основном, тонкостенных, серо-, светло-серо-, серо-коричнево-, коричнево-, красно-коричнево- и белоглиняных, хорошо обожженных и обработанных сосудов с незначительными минеральными примесями в тесте (преобладает песок). Основной орнамент на стенках – линейный и линейно-ленточный, а также в виде одно- и многорядной волны, ямчатых вдавлений, зубчатого штампа и ногтевой. На фрагментах донцев имеются клейма. Незначительное число фрагментов (15 экз.) представлено стенками грубогончарных с примесями в тесте дресвы и шамота сосудов. На нескольких фрагментах имеется линейный орнамент. 21 фрагмент имеет лощеную поверхность серого, черного и белого цветов. Чернолощеная керамика покрыта рифленым линейным орнаментом. 83 фрагмента темномореных сосудов имеют вылощенный орнамент в виде параллельных и пересекающихся линий,

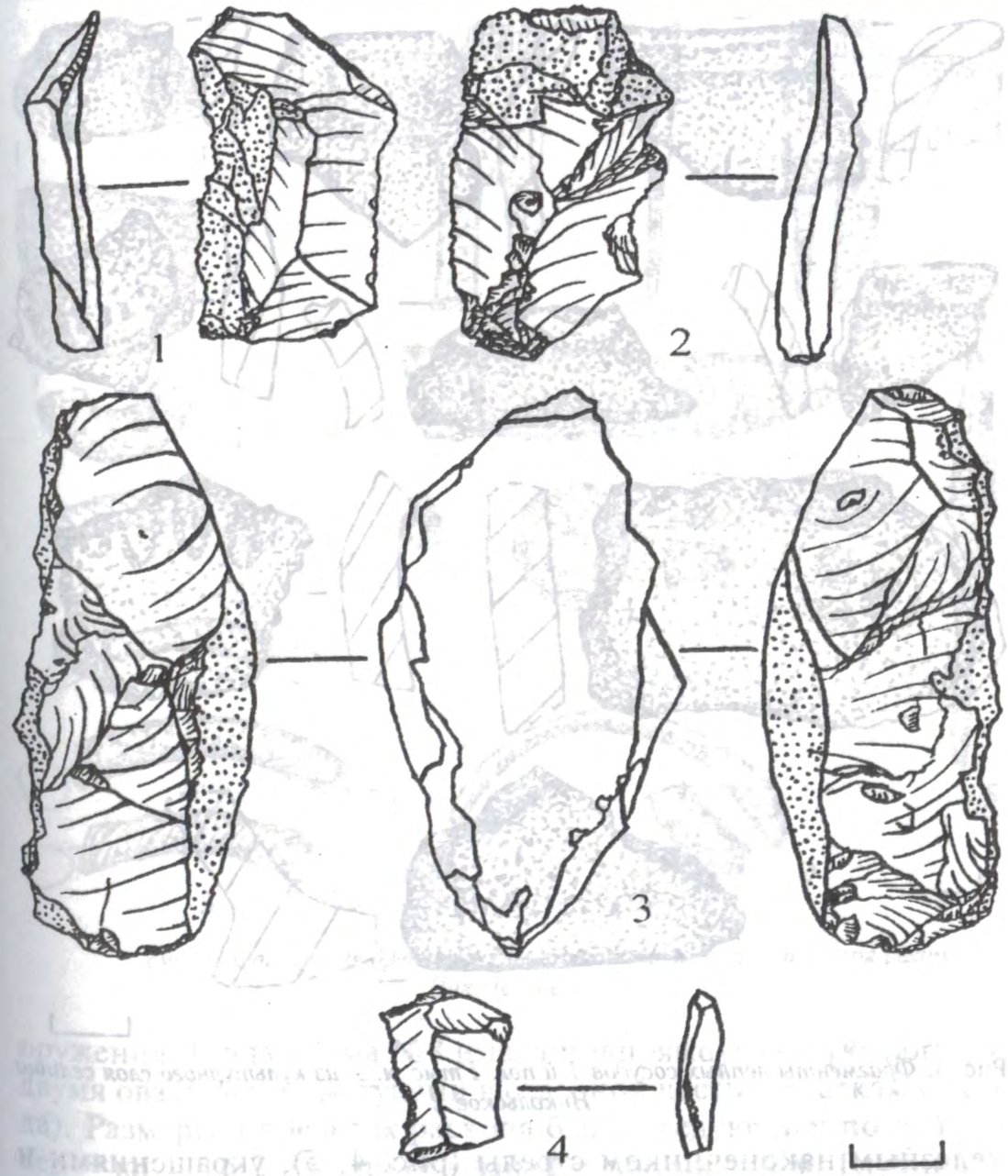


Рис. 2. *Кремневые изделия из культурного слоя селища Никольское 2.*

сетки, зигзагов. В числе определимых форм посуды – горшки, крышки, миски, кувшины, кубышки.

Коллекция индивидуальных находок (78) представлена предметами быта: железными – грузиком (рис. 4, *7*), шилом, фрагментами ножей (типа рис. 4, *4*), глиняным грузиком (рис. 4, *1*), частью костяного гребня (рис. 4, *2*) и т.п.; вооружения:

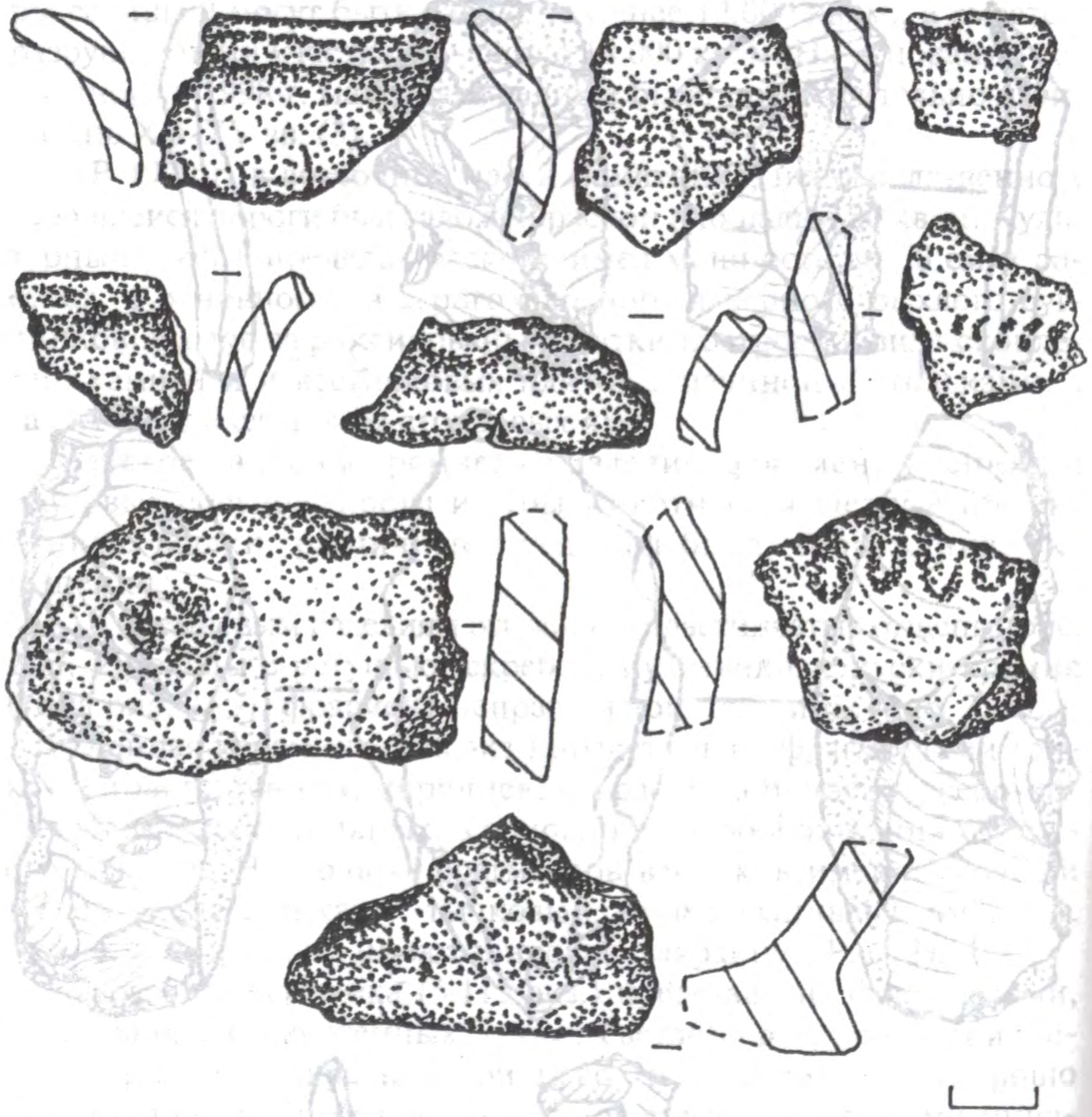


Рис. 3. *Фрагменты лепных сосудов 1-й пол. I тыс. н. э. из культурного слоя селища Никольское 2.*

железным наконечником стрелы (рис. 4, *5*); украшениями и деталями костюма: медной пуговицей (рис. 4, *6*), частью бронзового браслета (рис. 4, *9*), фрагментами стеклянных браслетов (рис. 4, *3*), стеклянными бусами (рис. 4, *8*) и и другими предметами.

В пределах раскопа исследовано более 30-ти различных ям – столбовых, хозяйственных, подпольных. Наибольший интерес представляет яма №8 и комплекс ям внутри нее, которые являются остатками углубленной части наземного со-

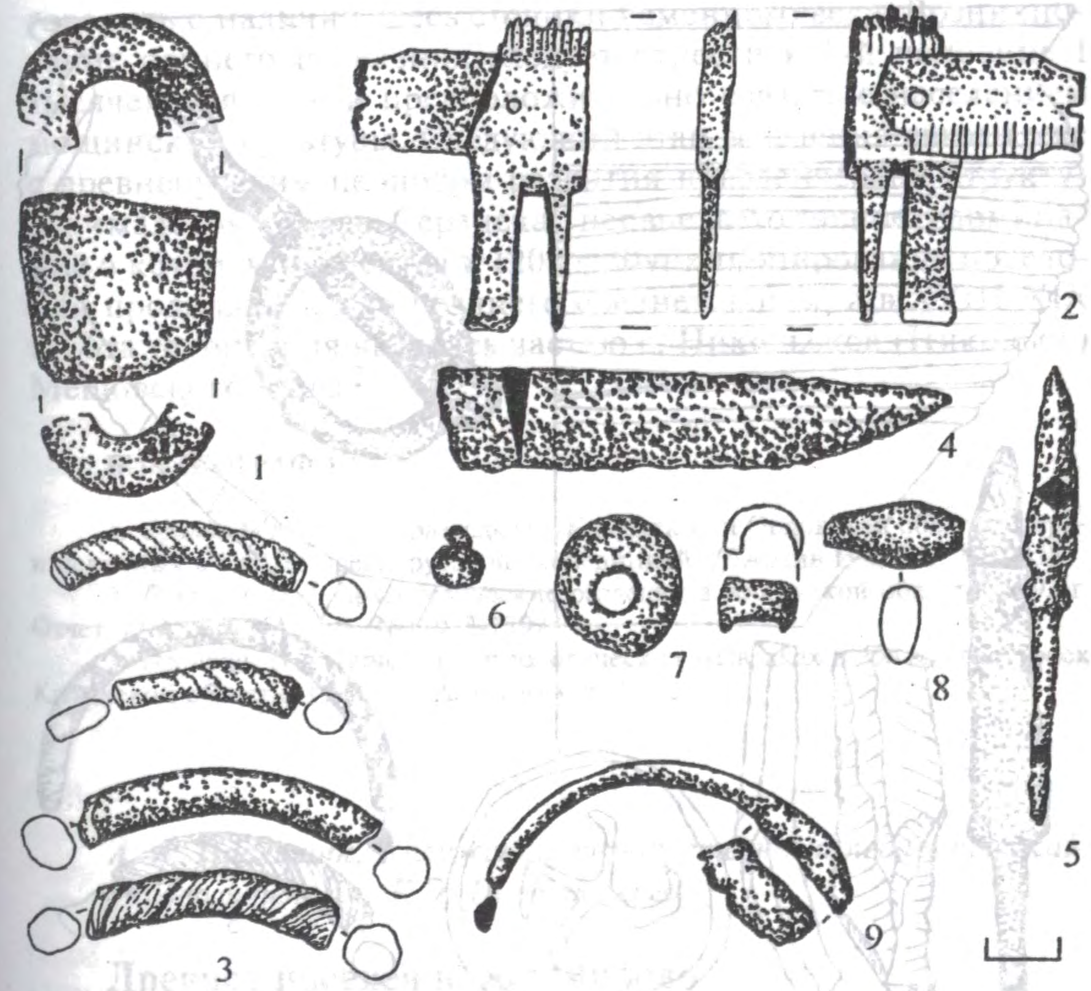


Рис. 4. *Отдельные древнерусские находки из культурного слоя селища Никольское 2.*

оружения. В плане яма №8 имела подпрямоугольную форму с двумя овальными выступами в северной части (остатками входа). Размеры в пределах раскопа были следующие: по оси север – юг – до 3,5 м, по оси запад – восток – 4 м. Глубина – 0,35–0,73 м. В заполнении найдено 576 фрагментов круговых древнерусских сосудов, фрагменты железных предметов, железные замок, нож (рис. 5, *3*), гвоздь, острие, фрагмент бронзового браслета (рис. 5, *4*), фрагмент бронзового височного кольца, фрагменты стеклянных браслетов, в том числе с перевитьем (типа рис. 5, *5*), кости животных, кусочки глиняной обмазки, на многих с отпечатками деревянного каркаса, железные шлака и кость со следами обработки, кремневая реб-

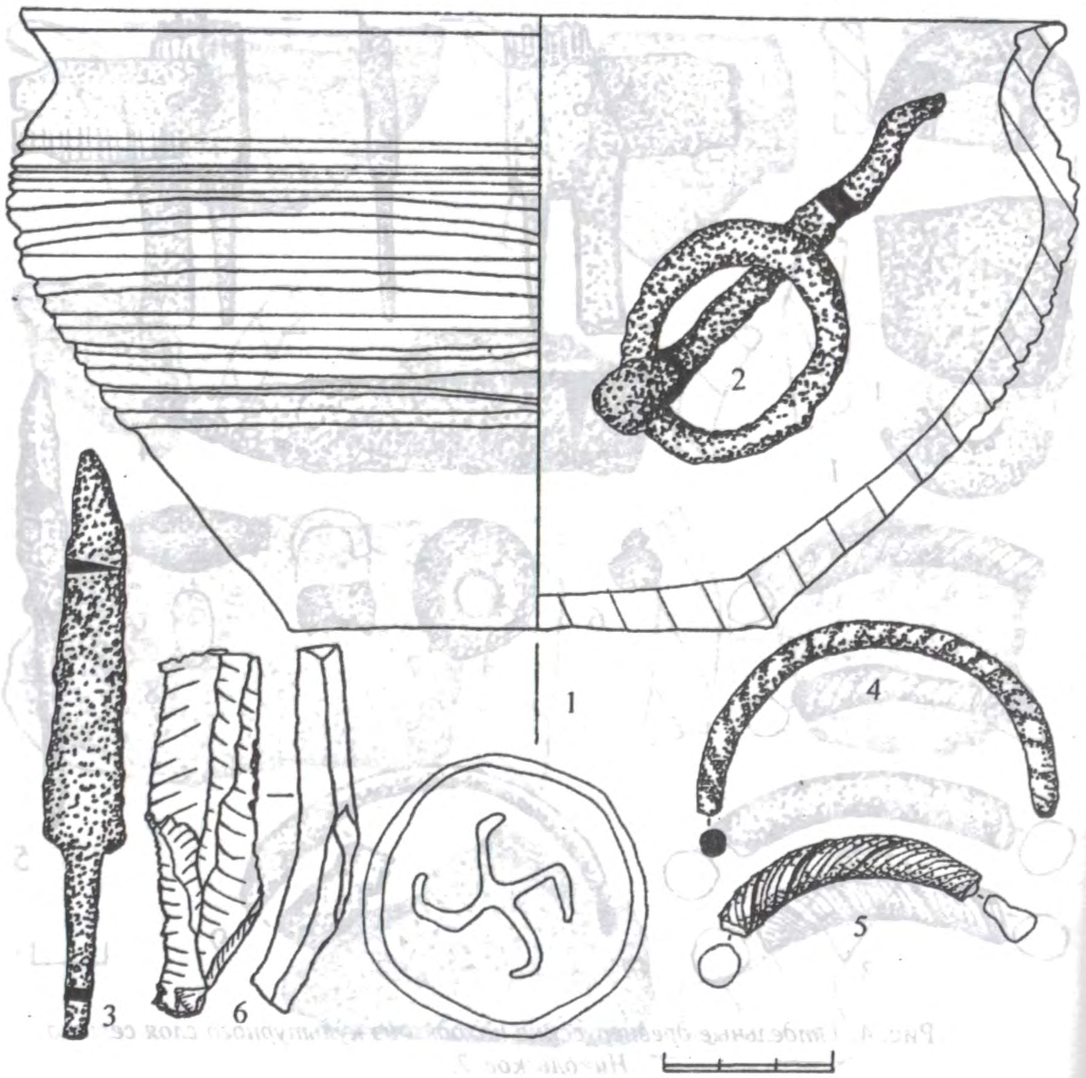


Рис. 5. *Отдельные находки из заполнения ям № 8 и № 12 селища Никольское 2.*

ристая пластина (рис. 5, *6*). Судя по находкам из заполнения данную постройку следует датировать XII-XIII вв. К этому же времени относится и яма №12, где кроме фрагментов круговых древнерусских сосудов найдены часть железных удил и целый горшок с клеймом на донце (рис. 5, *1, 2*).

Материалы раскопок позволяют сделать некоторые предварительные выводы о времени заселения и функционирования данного поселения. Наиболее ранними находками являются кремневые орудия и пластины, вероятно периода мезолита – неолита. Малочисленность находок пока не позволяет

говорить о наличии здесь стоянки каменного века. Возникновение раннего поселения следует отнести к 1-й половине I тысячелетия н. э. и предположительно связать с населением мощинской культуры. Следующий этап заселения связан уже с древнерусским периодом развития поселенческой структуры «малого» города Серенска, первое летописное упоминание о котором относится к 1208 г. Функционирование поселения продолжалось до позднего средневековья, а в XVIII-XIX вв. эта территория являлась частью с. Никольское (Никольск) Мещовского уезда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Фролов И.К.* Отчет о разведках в Калужской и Орловской областях, произведенных в 1981 г. Среднерусской экспедицией. // Архив ИА, Р-1, №10655.

2. *Прошкин О.Л.* Археологические разведки в Калужской области. 1993 г. Отчет. // Архив ИА, Р-1, №17922-17923.

3. *Прошкин О.Л.* Отчет об археологических разведках в зонах новостроек Калужской области. 1998 г. // Архив ИА, Р-1, №

***А. А. Павлишак,** Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Древнее поселение Ждамирово в бассейне реки Калужки

Поселение Ждамирово находится около 0.6 км к ЮВ от дер. Ждамирово, занимает мысовидный выступ правого берега ручья Ременник (левый приток реки Калужки). Поселение вытянуто с ЮЮВ на ССЗ и имеет примерные размеры памятника 350 х 100 м. Поверхность поселения распахивается.

Памятник был обнаружен в 1993 году студентом Калужского педагогического университета исторического факультета А. Павлишаком. В 1999 году памятник был обследован О.Л. Прошкиным. (Прошкин О.Л. Отчет за 1999 г.). На распахиваемой части поселения и на обнажениях культурного слоя был собран подъёмный материал, который можно датировать, начиная с периода мезолита и заканчивая XIX в. Точнее матери-

ал можно разделить на следующие периоды: 1.- Мезолит. 2.- Эпоха бронзы. 3.- Раннее средневековье. 4.- Древняя Русь. 5.- Позднее средневековье.

Период мезолита представлен на поселении Ждамирово небольшим числом кремневых ножевидных пластин и орудий.

Подъёмный материал, который относится к эпохе бронзы, представлен на поселении фрагментом кремневого клиновидного топора и лепной керамикой.

Клиновидные топоры известны в широком распространении на памятниках фатьяновской культуры, и так же как и каменные сверлёные топоры, считаются одним из наиболее характерных орудий фатьяновцев. Найденный на поселении фрагмент топора можно примерно датировать 1-ой половиной II тыс. до н. э. (Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987, с. 66-74).

Лепная толстостенная керамика изготовлена из глины с примесью шамота и дресвы. Цвет поверхности черепка от черного до красно-бурого. Керамика толстостенная от 0.5 до 10 мм. Очень богата и разнообразна керамика орнаментацией, в большинстве сделанной гребенчатым штампом, а также ямками, нарезками (рис.1). Почти на всех фрагментах венчиков, найденных на поселении, по бортикам характерно наличие косых насечек нарезок, нанесённых зубчатым штампом. По собранным фрагментам о формах и размерах самой посуды ничего определённого сказать нельзя, так как керамика сильно обкатана и фрагменты малы. Аналогии собранной керамики мы находим на памятниках под Рязанью (на Канищевых дюнах; поселение Логинов Хутор, могильник Фефелов Бор) (Попова Т. Б.1974, с. 222-235). Найденная керамика имеет многочисленные аналогии с керамикой поздняковской культуры. Это племена, которые сформировались на Средней Оке к середине 2 тыс. до н. э . (Эпоха бронзы лесной полосы СССР. 1987, с. 131-135).

Многочислен материал периода раннего средневековья, который представлен глиняными пряслицами и лепной керамикой.

На поселении найдено два фрагмента лепной керамики с примесью шамота и дресвы, по орнаментации которую можно отнести к концу среднего этапа развития дьяковской культуры, а точнее к I-II вв. н. э. (Рис.2, *1,2*).(Дьяковская культура. 1974, с.78). Отпечатки на керамику нанесены прерывистыми движениями гребенчатого штампа или палочки, а возможно отпечатки

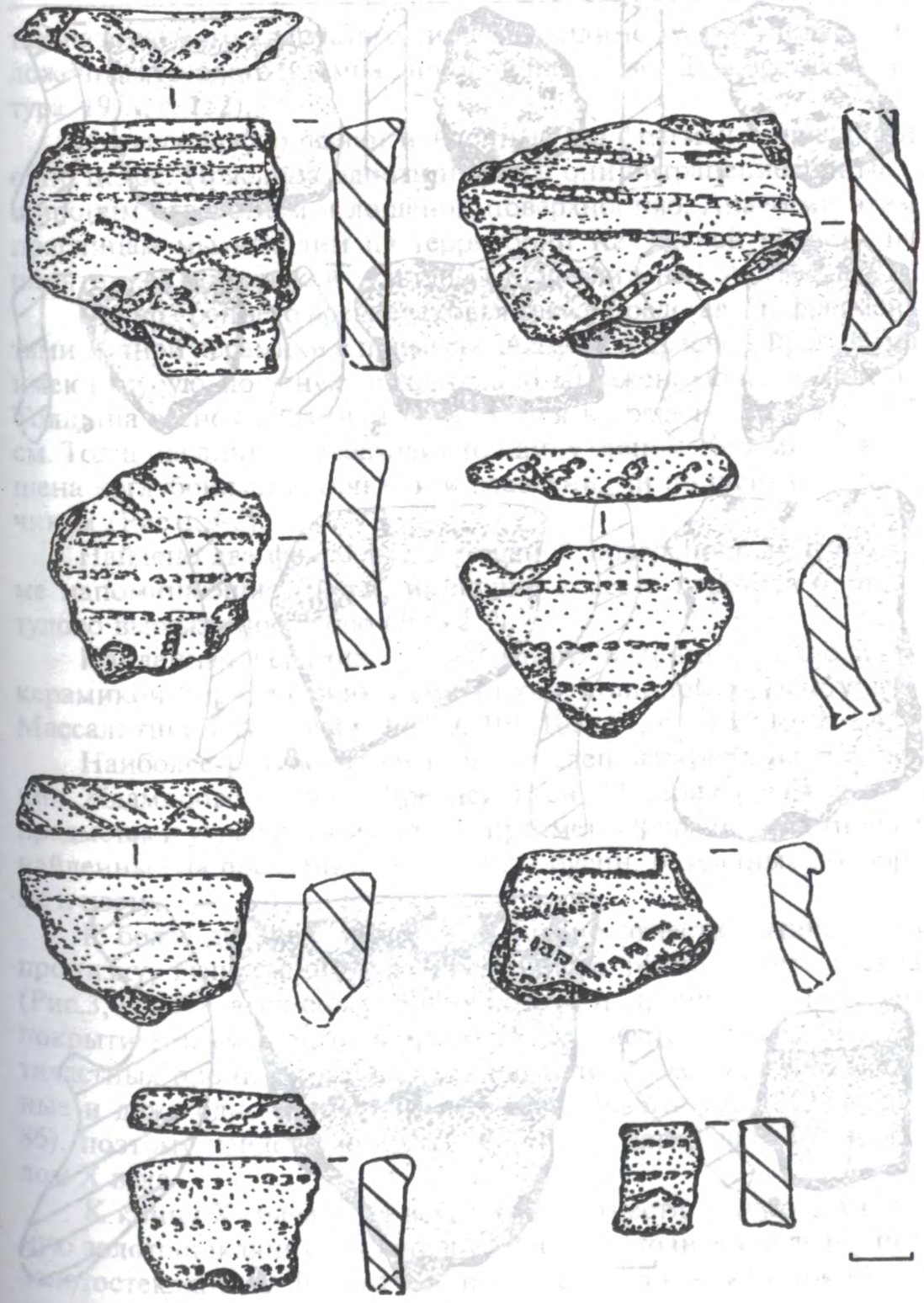


Рис.1. *Фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы.*

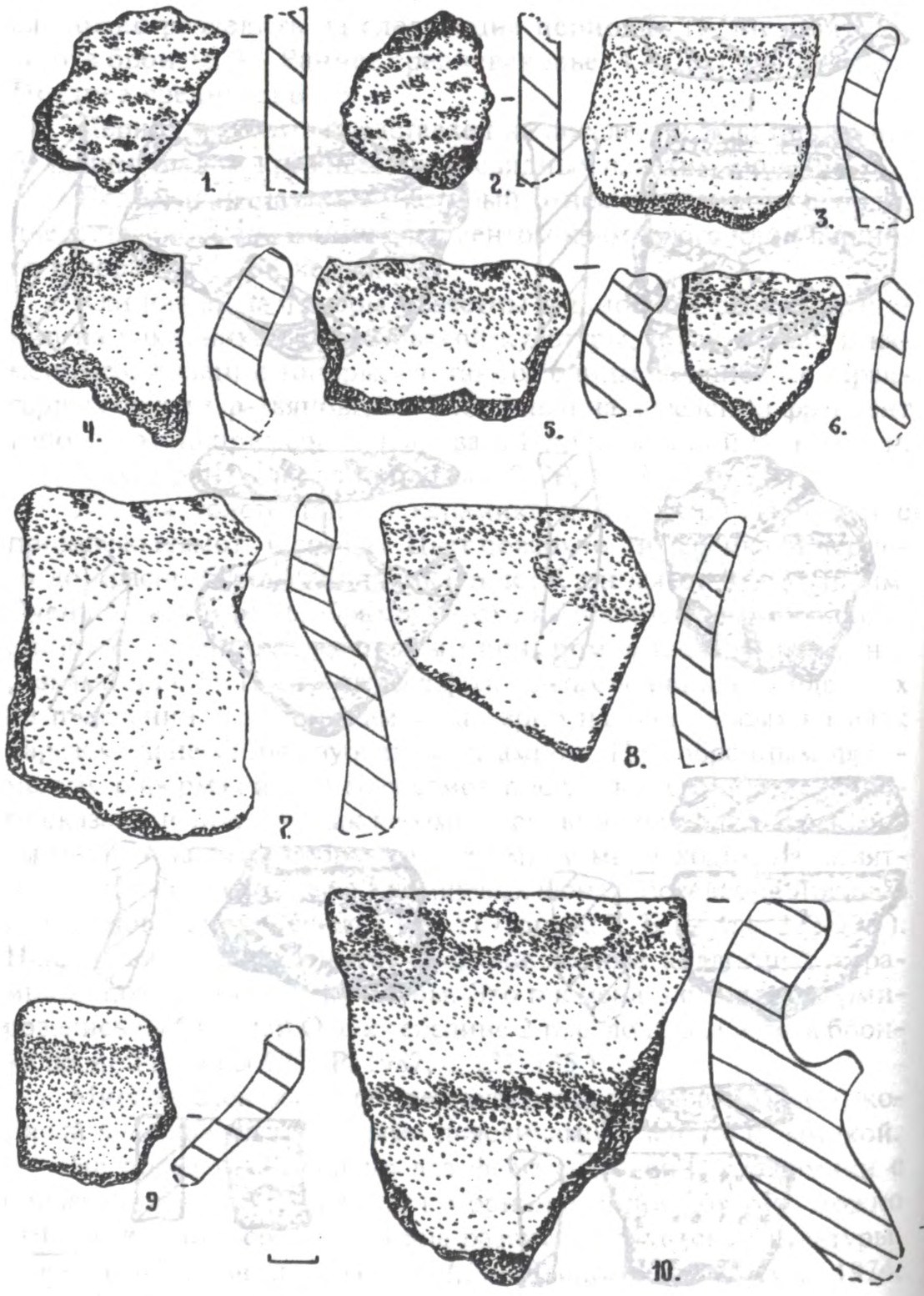


Рис. 2. *Фрагменты лепных сосудов 1-й половины I тысячелетия н.э.*

так называемого крапчатого типа, по-видимому, получены приложением твердого штампа широкой площади (Дьяковская культура. 1974, с. 152).

Интерес представляют найденные два фрагмента пряслиц и одно целое. Пряслица однотипны, все они битрапециевидные с широким отверстием и лощёной поверхностью. Аналогии этим пряслицам мы находим на территории Калужской области на памятниках мощинской культуры (Массалитина Г.А.,1994, с. 93).

Период раннего средневековья также представлен фрагментами лепной керамики с примесью шамота и дресвы. Фрагменты имеют грубую, лощёную, и тщательно заглаженную поверхность. Толщина стенок керамики варьируется в пределах от 0.5 до 1.2 см. Толщина днищ превосходит толщину стенок. Керамика украшена неглубокими насечками и вдавлениями по шейкам и плечикам (Рис.2,*3-8*).

Найдено два фрагмента с лощеной поверхностью, по форме напоминающие миски, имеющие в месте перехода борта в тулово выраженное ребро (Рис.2,*9*).

Найденная керамика имеет многочисленные аналогии с керамикой верхнеокских памятников мощинской культуры (Массалитина Г.А., 1994,с. 98-99, 105-108; Седов В.В.,1982, с.42).

Наиболее разнообразен и значителен материал на поселении Ждамирово периода Древней Руси. Материал представлен предметами украшения и быта. К предметам украшения относим найденные на поселении Ременник 7 бусин, различных по форме и цвету.

К более древней по времени можно отнести пятичастную пронизку, выполненную из прозрачного тёмно-синего стекла (Рис.3, *1*). В X веке совершенно исчезают пронизки с голубым покрытием и уменьшается число долек, вместо четырёх- и шестичастных пронизок всё чаще попадаются двух- или трёх-частные и даже одночастные экземпляры (Львова З.А.,1973, с. 85-86), поэтому найденную пронизку можно датировать IX- началом X века.

К концу X- началу XI века можно отнести другую двучастную золотостеклянную пронизку (Рис.3,*2*), точнее подделку под золотостеклянную. Львова З.А. отмечает, что к X веку яркий золотисто-коричневый цвет заменяется тусклым, желтовато-коричневым, уменьшается количество долек. В XI в. количество прони-

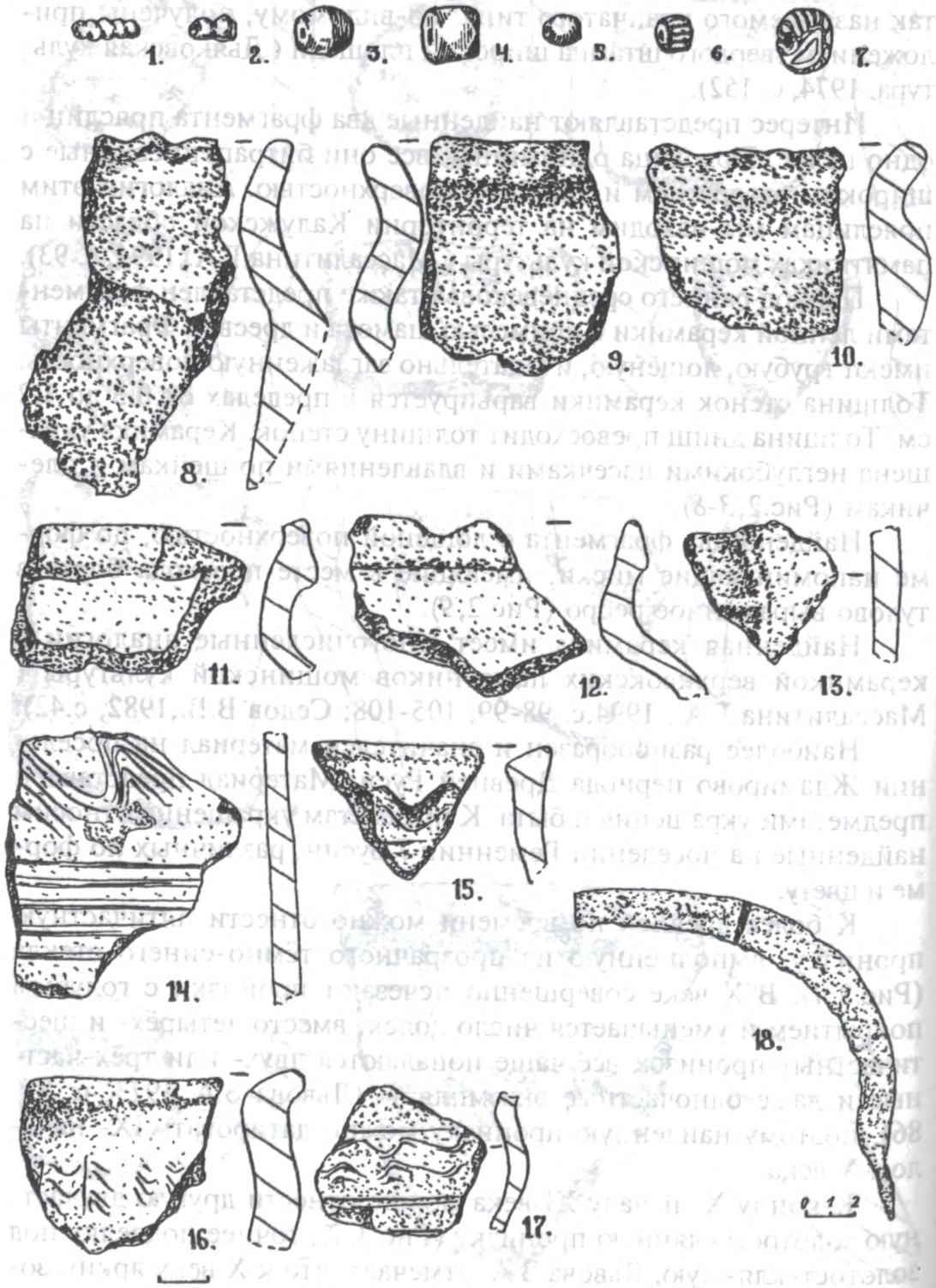


Рис. 3. *Бусы, фрагменты лепных и круговых сосудов, серп периода Древней Руси.*

зок резко уменьшается, а в XII в. они вовсе исчезают (Львова З.А., 1970). Это даёт нам право датировать пронизку XI-XII вв.

Третья бусина – битрапецоидная, светло-синего прозрачного стекла (Рис.3,*3*). Аналогии встречены в Московской области на селищах у дер. Бисерово, Долгоруковская дача, Лобаново и мн. др. Высота бусины почти равна её диаметру. Подобную бусину по аналогиям можно датировать XI-XII вв. (Фехнер М.В., 1959, приложение). Не менее интересной является четырнадцатигранная, кубическая со срезанными углами, выполненная из прозрачного светло-синего стекла (Рис.3,*4*). Подобные бусины встречены в Тульской области на городище в Алексине, селище дер. Уткино. Подобную бусину можно датировать IX-X вв., во времена их значительного распространения (Фехнер М.В.,1959). На поселении найдена небольшая бусина по форме напоминающая зонную, она изготовлена из прозрачного синего стекла (Рис.3,*5*). Бусину можно датировать XI-XII вв. (Фехнер М.В., 1959, приложение). Другая, зонная, ребристая, выполненная из зелёной пасты (Рис.3,*6*) Подобную бусину можно отнести к концу X-XIII векам позднее подобные пастовые бусы вышли из обихода. (Фехнер М.В., 1959, приложение). Большой интерес представляет стеклянная, мозаичная бусина (Рис.3, *7*) сделанная из стерженьков зелёного, красного, желтого цветов. Вставлены красно-желтые глазки (ядрышки). З.А.Львова относит подобные бусы к YIII-IX вв. (Львова З.А., 1973, (рис.1, *17*)).

Большой интерес представляет железный серп с отогнутым наружу черенком и несильно изогнутым клинком (Рис.3,*18*). Подобные серпы появляются в лесной зоне Восточной Европы к концу YIII или в IX в. Серпы с отогнутой рукояткой находили в нижних слоях древнерусских городов: Новогрудок, Волновыск, Псков, Новгород и др. и в курганах X-XIII вв. (Минасян Р.С.,1978, с.82-84).

Разнообразен и интересен керамический материал периода Древней Руси. Керамику можно разделить на лепную, ранне-круговую гончарную и развитую гончарную.

Лепная керамика толстостенная с примесью шамота и дресвы. Керамика имеет выпуклые плечики с отогнутыми наружу венчиками. Толщина стенок колеблется от 0.5 до 1.3 см. Керамика украшена неглубокими насечками по краю венчика. Похожая керамика найдена на селищах у д. Лебёдка, д. Рессета, д. Каплино

и относится к керамики роменского типа (Рис.3,*8-10*).(Никольская Т.Н.,1981, с.13-25; Седов В.В.,1982, с.136).

Раннекруговая грубая гончарная керамика. Тесто с примесью шамота, дресвы и песка. Керамика преимущественно толстостенная, в изломе черепок трёхцветный. Поверхность керамики ровная, покрыта волнистым и линейным орнаментом, что характерно для посуды X-XIII вв.(Мальм В.А.,1959, с.128). Но, по всем признакам керамику можно отнести к XI в. (Петрашенко В.А.,1992, с.7-9).Керамика XII-XIII вв. заметно отличается от предыдущей. Керамика выполнена на гончарном круге преимущественно тонкостенная –3-6 мм, без видимых примесей (Рис.3,*11-17*). Присутствуют венчики в виде клювовидного – «манжет» , появившиеся ещё в первой половине XI в.(Петрашенко В.А., 1992, с.8-12). К XII веку венчик получает новые варианты обработки, шейка приобретает более выраженный изгиб. Совершенствуется техника изготовления посуды. На керамике XII-XIII вв. орнамент становится изящнее, чем на посуде предыдущих периодов. Сочетания волнистого и линейного орнаментов, с преобладанием последнего.

Период позднего средневековья представлен гончарной тонкостенной керамикой без видимых примесей. К этому времени (XIY-XY вв.) практически исчезает примесь дресвы, а всё более преобладает примесь песка. Совершенствуется техника изготовления посуды. Керамика преимущественно белоглиняная, встречаются серые и трёхцветные фрагменты. Венчик имеет более выраженный, чем в XII-XIII вв. плавный изгиб наружу (Рис.4). Орнаментирована керамика сочетанием волнистого и линейного орнаментов.

К XYII и последующим векам можно отнести фрагменты керамики, имеющие характерную лощёную поверхность с металлическим отливом. Орнаментация на керамике встречается реже, венчики имеют утолщение. Подобную керамику можно датировать XYII-XIX вв.(Чернов С.З.,1992, с.144-148; Болдин И.В.,1993, с.17-18).

Это основной материал, по которому можно приблизительно проследить историю поселения Ждамирово. Следует также упомянуть о предметах материальной культуры прошлых поселенцев, которые дошли до нас в плохом состоянии и определить культурно-хронологическую принадлежность изделия тяжело или

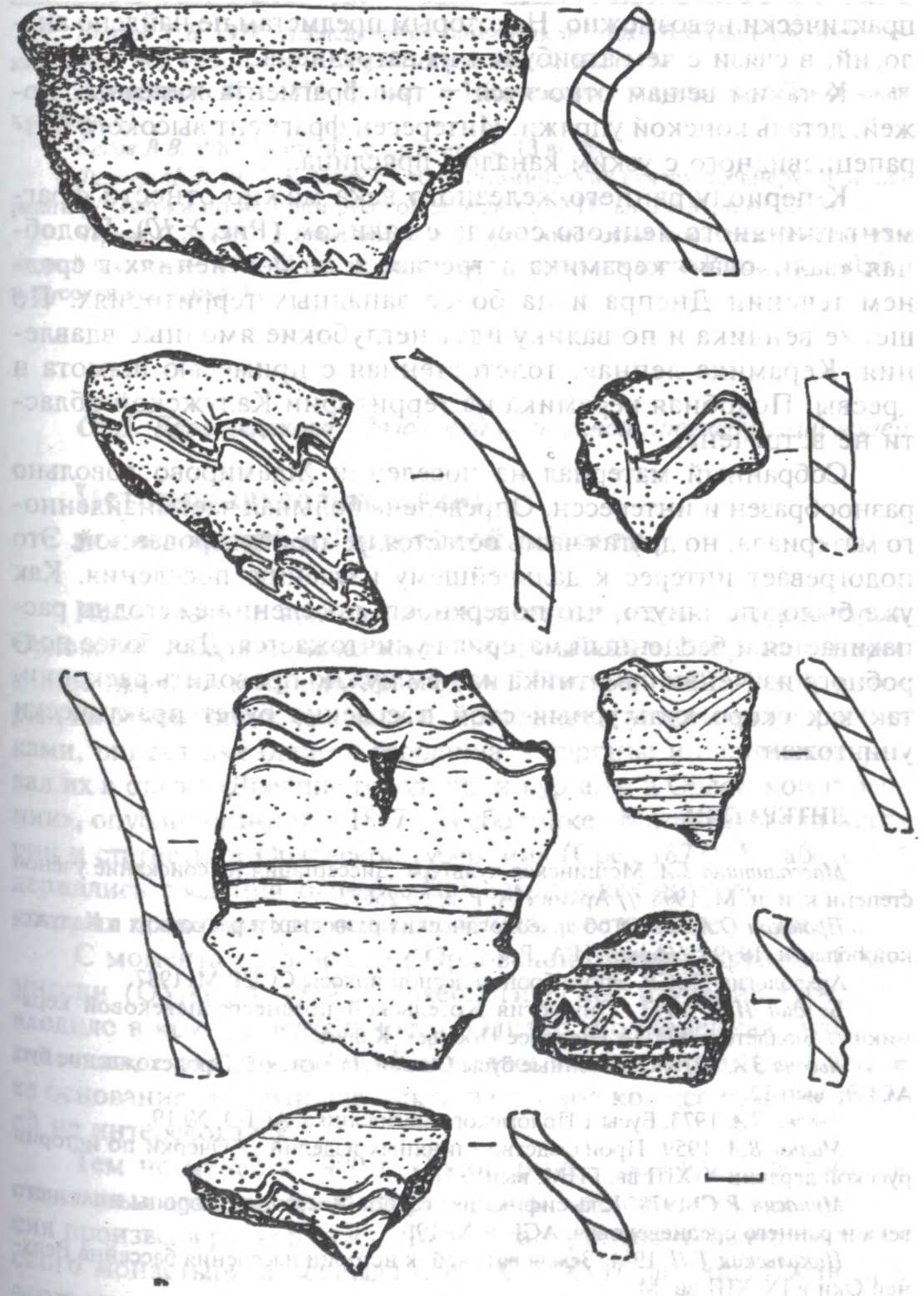


Рис. 4. *Фрагменты круговой посуды позднего средневековья.*

практически невозможно. Некоторым предметам не найдено аналогий, в связи с чем атрибуция их затруднена.

К таким вещам относятся – три фрагмента железных ножей, деталь конской упряжи. Интересен фрагмент высокого битрапециевидного с узким каналом пряслица.

К периоду раннего железного века можно отнести фрагмент глиняного лепного сосуда с валиком (Рис.2,*10*). Подобная «валиковая» керамика встречается на поселениях в среднем течении Днепра и на более западных территориях. По шейке венчика и по валику идут неглубокие ямочные вдавления. Керамика лепная, толстостенная с примесью шамота и дресвы. Подобная керамика на территории Калужской области не встречена.

Собранный материал на поселении Ждамирово довольно разнообразен и интересен. Определена большая часть найденного материала, но другая часть остаётся не атрибутированной. Это подогревает интерес к дальнейшему изучению поселения. Как уже было упомянуто, что поверхность поселения ежегодно распахивается и бесценный материал уничтожается. Для более подробного изучения памятника на нём нужно проводить раскопки, так как скоро культурный слой поселения будет практически уничтожен.

ЛИТЕРАТУРА

Массалитина Г.А. Мощинская культура. Диссертация на соискание учёной степени к. и. н. М, 1998. // Архив ИА, Р-2, № 2567.

Прошкин О.Л. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской области. 1999 г.//Архив И.А.,Р-1.

Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР М. 1987.

Болдин И.В. 1993. Топология Козельской позднесредневековой керамики // Бюллетень РНИА «Верхнее Поочье». Калуга.

Львова З.А. 1970. Стеклянные бусы Старой Ладоги, ч.2. Происхождение бус. АСГЭ, вып.12.

Львова З.А. 1973. Бусы 1 Поломского могильника. АСГЭ, № 19.

Мальм В.А. 1959. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. ГИМ, вып. 33. М.

Минасян Р.С. 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья. АСГЭ, № 19.

Никольская Т.Н. 1981. Земля вятичей: к истории населения бассейна Верхней Оки в IX-XIII вв. М.

Петрашенко В.А. 1992. Керамика IX-XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.

Попова Т.Б. 1974. Исследования памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология рязанской земли. М.

Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика Щербинского городища // Дьяковская культура. М.

Седов В.В. 1982. Восточные славяне в 6-13 вв. М.

Фехнер М.В. 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. ГИМ, вып.33. М.

Чернов С.З. 1992. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII-XY вв. из раскопок в районе древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М.

С. Д. Краснощекова, Орловский областной краеведческий музей

История археологических исследований в Орловской области

Исследование археологических памятников на территории Орловской губернии началось в 70-е годы XIX в. Впервые интерес к ним проявил местный краевед А.Г.Пупарев (1823-1895), который на основе опросных листов, присланных уездными исправниками, описал имеющиеся городища и курганы и систематизировал их в статье «Древние городища и курганы в Орловской губернии», опубликованной в 1877 г, в сборнике «Материалы для истории и статистики Орловской губернии» (Орел,1877). В работе содержались сведения о почти 700 памятниках археологии, 72 из которых представляли собой городища, а остальные - курганы.

С момента организации Орловской Ученой Архивной Комиссии (ОУАК) в 1884 г. археологическое изучение губернии входило в круг ее деятельности. Однако, полноценная археологическая деятельность ОУАК началась только через 10 лет после ее основания, т.к. раньше никто из членов комиссии археологией не интересовался.

Тем не менее в 1900 г. Орловщина удостоилась внимания столичных археологов: Императорская Археологическая Комиссия произвела раскопки в г. Ливны на территории бывшего мужского монастыря и вскрыла слои XVI-XVII вв, обнаружив при этом медные и серебряные монеты, кольца и перстни с натуральными камнями, бусины, крестики, кадила и пр.

Оживление в археологической деятельности ОУАК началось с 1895 г, с приходом генерала А.Н. Шульгина (1836-1906), ставшего ее председателем. За свой счет он производит раскопки многих археологических памятников. В 1897 г. вскрыл несколько курганов и заложил шурфы на городище Гать под г. Орлом. Находки из курганов оказались скромными - медная поясная пряжка, медный витой браслет, кремневый наконечник стрелы, а на городище - истлевшее дерево, уголь, глиняные черепки и кости животных. Совместно с другим членом ОУАК Н.Г.Тетерой, А.Н.Шульгин обследовал берега р.Оки и ее притоков в окрестностях г. Орла. Результаты были опубликованы в статье «Археологические остатки в окрестностях г. Орла», напечатанной в «Трудах Орловской Ученой Архивной Комиссии» (ТОУАК, 1903). Авторы дают довольно подробное описание городищ XII-XIII вв - Гать, Гонючее, Мерцаловка на р. Цон. Городище на р.Нугрь и сторожи XVII в. близ устья р. Рыбницы в р. Оку. Изучив имевшиеся источники, основываясь на собственных изысканиях, А.Н.Шульгин в 1902 г. составил археологическую карту Орловской губернии, о необходимости которой уже давно говорили все местные краеведы.

На карту было нанесено около 500 объектов: городища (около 50), курганы (более 300), несколько стоянок и около 50 мест случайных находок.

Знаменательное событие состоялось для жителей г.Орла 19 декабря 1897 г.: по инициативе ОУАК был открыт губернский музей, одним из отделов которого был археологический, где заняли свое почетное место все собранные комиссией находки.

Высокую оценку со стороны ОУАК и русского археолога Д.Я. Самоквасова получили исследования В.Р. Апухтина (1874 - нач. 20-г-в), изучавшего археологические памятники по р.Оке и р.Нугрь. Он открыл 7 новых городищ XI-XIII вв, раскопал 10 курганов и, что было большой редкостью в то время, провел раскопки на стоянках и кремневых мастерских каменного века (неолит), где обнаружил 50 каменных орудий труда: молотки, топоры, долота, ножи, скребки, наконечники стрел и копий. Большинство находок В.Р. Апухтин передал Императорской Археологической Комиссии, часть - Орловскому губернскому музею.

В результате интенсивных исследований орловских краеведов к началу XX в. накопилось довольно много сведений об имеющихся археологических памятниках на территории Орловской губернии. В 1903 г. А.А.Спицын систематизировал их в работе «Обозрение некоторых областей и губерний в археологическом отношении». (Спицын, 1903).

Активные археологические изыскания в начале XX в. проводит И.Е.Евсеев, который по поручению Московского Археологического Общества обследовал верхнее (орловское) течение р. Оки и ее притоков Цон, Зуша, Рыбница, Неполодь. Частичным раскопкам были подвергнуты 14 памятников; на р. Оке - городища Тагино,Богородецкое(Шехань), Гать, Гонючее; на р.Цон - Снопково; при устье р. Рыбницы в р. Зушу - Мценское городище, а также курганы у д.Лебедка и у д. Гать на р. Цон, в г. Мценске на р. Зуше и в д. Шлыково при впадении р. Зуши в р. Оку. Итоги были подведены И.Е.Евсеевым в статье «Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения Оки и ее притоков Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши», которая была опубликована в «Трудах Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда.» (Евсеев,1908 г.).

Начиная с 1909 г. поисками новых памятников археологии и изучением уже открытых занялся П.С.Ткачевский (1880-после 1961) - профессиональный археолог и художник, ученик профессора Д.Я.Самоквасова, отдавший краеведению Орловщины 30 лет своей жизни. Он раскопал десятки городищ и курганов по верхнему течению р.Оки и ее притоков, обследовал практически все районы Орловской губернии и, выборочно, даже территории современных Брянской, Калужской, Тульской областей. Одним из интереснейших памятников Орловщины П.С.Ткачевский считал курганный могильник у д.Лебедка, Нарышкинской волости, на р.Цон, где он раскопал 8 курганов с остатками трупосожжения. В курганах оказались 27 глиняных урн, в 19-ти из которых были помещены кальцинированные кости. В остальных сосудах находилась жертвенная пища и различные сопутствующие погребению вещи: серебряная поясная пряжка в виде бабочки, по форме напоминающая княжеский знак, круглопроволочные височные кольца, стеклянные спекшиеся бусы, бронзовое поясное кольцо, медные спиральки, спекшийся железный предмет, золотая сферическая серьга. П.С.Ткачевский проявлял большой интерес не только к курганным древностям Орловщи-

ны: в 1911-1914 гг. он вел раскопки курганов на Калужской территории – у с. Курганья на правом берегу р. Болвы, у д. Каменка, в урочище «Роща» Жиздринского уезда Людиновской волости.

Обобщая изучение археологии Орловского края в ранний период можно заметить, что оно было, в основном, направлено на исследование курганных древностей и, реже, городищ. Совсем единичным случаем было исследование памятников каменного века. Однако, в результате работ А.Н.Шульгина, В.Р.Апухтина, И.Е.Евсеева, П.С.Ткачевского и других краеведов были получены интереснейшие материалы, ставшие основой для дальнейших исследований.

Революционные события и гражданская война временно прервали археологические исследования в Орловской губернии, продолжившиеся только с сер.20-х годов, благодаря инициативе П.С.Ткачевского, верными помощниками которого были краеведы К.Я.Виноградов и И.И.Лебедев. Они проводили разведки и раскопки археологических памятников, их фотографирование, снятие планов. зарисовку. Работа была сосредоточена, в основном, по р.Оке и ее притокам. Материалы исследований заняли достойное место в археологическом отделе Орловского музея при Доме крестьянина.

В 1938 г. верхнее течение р. Оки, в частности ее левые притоки Цон и Орлик, совместно с Орловским краеведческим музеем обследует Н.П.Мазин – научный сотрудник научно-исследовательского Института Краеведения и музейной работы.

В 30-е гг. на Орловщине, как и по всей стране, происходит разгром краеведения, вынужден уехать из Орла П.С.Ткачевский, не избежавший репрессий. Последовавшие затем годы Великой Отечественной войны временно прервали археологические исследования в Орловской области.

Однако уже в марте 1945 г. Государственный Исторический музей совместно с Орловским краеведческим музеем разработали маршруты для проведения разведок по берегам рек Орлик, Орлица и Цон (правые притоки Оки). Осмотру подлежали 15 памятников. По договоренности с Осоавиахимом была обследована местность будущих исследований на предмет выявления мин. На следующий сезон наметили разведки по р.Неруссе от г.Дмитровска до д.Холмичи Трубчевского района.

Попытки археологических исследований в области были

предприняты и местными краеведами: в 1944-47 гг. М.И.Абрамкин провел раскопки у с. Дашково Урицкого района, в 1958-59 гг. Н.П.Макаров прошел разведками р. Крому (левый приток р.Оки) в границах Сосковского района, где выявил неолитическую стоянку, 2 селища и 2 городища XI-XIII вв.

В 1952 г, на территории области работала экспедиция Государственного Исторического музея под руководством М.В.Фехнера, изучавшая древнерусские деревни X-XIII вв.

В 1960 г. памятники каменного века на территории Шаблыкинского района изучала сотрудница института археологии АН СССР Л.Грехова.

Огромную роль в изучении археологии Орловской области сыграла Верхнеокская археологическая экспедиция под руководством Т.Н.Никольской (институт археологии АН СССР), которая начиная с 1951 г. и до сер.80-х гг. планомерно исследовала верховья р.Оки, открыла и изучила десятки памятников, среди них – городище Слободка Шаблыкинского района, которое Т.Н.Никольская считает остатками летописного Болдыжа XII-XIII вв. древнерусское городище Лужки (Кураб-городище) Кромского района, могильник VIII-X вв. у д. Лебедка Урицкого района и мн. др. Результаты исследований в Орловской области опубликованы в монографиях Т.Н.Никольской: «Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э.» (М.,1959), «Земля вятичей» (М.,1981), «Городище Слободка XII-XIII вв.» (М.,1987).

В 1970-1980-е гг. на территории Орловской области проводили исследования И.К.Фролов и Г.К.Патрик (г.Москва) – разведки по программе подготовки Свода памятников истории и культуры народов России.

Начиная с 1980-х гг. и до настоящего времени археологические исследования на Орловщине ведутся местными археологами: Л.Н.Красницкий изучал городища верхнеокской культуры; С.Д.Краснощекова – проводит сплошное обследование районов, являющихся на археологической карте области «белыми пятнами»: она открыла и обследовала более 70 памятников.

Сейчас в области открыто более 500 археологических памятников. Учитывая, что многие районы области до сих пор не исследованы, возможности археологического изучения нашего края далеко еще не исчерпаны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Евсеев И.Е.* 1908. Исследование городищ и курганов в бассейне Верхнего (Орловского) течения р. Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши.// Труды Московского предварительного комитета по устройству 14 археологического съезда. М. Вып.2.

2. *Красницкий Л.Н.* 1988. К изучению памятников верхнеокской культуры.- Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез. докл. Боровск.

3. *Краснощекова С.Д.* 1995. По дорогам минувших столетий: историко-краеведческий очерк Ливенского района. Ливны.

4. *Никольская Т.Н.* 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в 1 тыс.-н.э.//МИА. № 72.

5. *Никольская Т.Н.* 1981. Земля вятичей: К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки X-XIII вв. М.

6. *Никольская Т.Н.* 1987. Городище Слободка XII-XIII вв: К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей.М.

7. *Пупарев А.Н.* 1887. Древние городища и курганы Орловской губернии. // Материалы для истории и статистики Орловской губернии.Орел. Т.1.

8. *Спицын А.А.* 1903. Обозрение некоторых областей и губерний России в археологическом отношении.// Зап.РАО.Нов.сер.Т.X1.Вып.1.

9. Труды Орловской Ученой Архивной Комиссии за. 1904 и 1905 гг.Орел. 1906.

10. Труды Орловской Ученой Архивной Комиссии за 1897 г. Орел.1898.

11. Труды Орловской Ученой Архивной Комиссии за 1903 г. Орел, 1903.

Н. В. Лопатин, к.и.н. Институт археологии РАН

Пафнутий Львович Чебышёв и версии происхождения его рода

Дворянский род Чебышёвых, происходящий из Серпейска и документально известный со второй половины XVI в., в следующем столетии разделился на четыре ветви [Лопатин, с. 58, 59]. Известно, что академик-математик П.Л. Чебышёв (2-я ветвь) интересовался историей России и своего рода. На вопрос двоюродной сестры Анны Ивановны Шервинской, что дать ее племяннику для чтения, он ответил: «Знаете, что, сестрица, дайте ему почитать Историю государства Российского Карамзина» [Прудников, с. 27].

К проблеме происхождения рода Пафнутий Львович относился, по всей видимости, с некоторой эмоциональностью. Сохранились принадлежавшие ему часы с изображением родового герба. Этот герб не только имеет сходство с проектом, поданным на утверждение полковником Д.С. Чебышёвым (из 3-й ветви рода) в 1855 г., но изготовлен с учетом замечаний, сделанных в Департаменте герольдии (изъяты элементы государственного герба) [РГИА]. Исходя из этого, можно предполагать, что Пафнутий Львович знакомился с материалами Герольдии. В то же время, неутвержденный герб П.Л. Чебышёва имеет примечательное отличие – княжескую мантию. В семье рассказывали, что Пафнутий Львович якобы «отказался от герба без горностаевой мантии, почему герб и не попал в гербовник» [Чебышёва, с. 436].

Объяснение этому элементу находим в семейной легенде, дошедшей в устной передаче через племянника академика, Льва Петровича Чебышёва, и опубликованной племянницей последнего Клавдией Владимировной Чебышёвой: «родЧебышёвых ведет свое начало от двух татарских княжичей, сыновей татарс-

кого полководца хана Чабыша, убитого на Куликовом поле. Мальчики были взяты в плен вместе с татарским обозом после разгрома орд Мамая, приведены в Москву, крещены и воспитаны при великокняжеском дворе Дмитрия Донского» [Чебышёва, с. 431]. В дополнение к этому рассказывалось, что в составе посольства в Рим за невестой Ивана III Софьей Палеолог был дьяк Чабыш [там же].

Другой вариант «татарской» родословной легенды Чебышёвых изложен в «Семейной хронике» Т.А. Аксаковой-Сиверс, правнучки адмирала П.А.Чебышёва (4-я ветвь рода): «... след пребывания татар сохранился в названиях окружающих Козельск селений... Несколько далее, в 30 верстах, якобы обосновался некий Аладин Чебыш. От него пошли Чебышёвы, а имение стало называться Аладиным [Аксакова-Сиверс].

Пролить некоторый свет на возникновение перечисленных легенд позволяют материалы XVII–XVIII вв.

Братья Иван, Роман и Гавриил Афанасьевичи Чебышёвы известны в связи с событиями Смутного времени. Дети, внуки и правнуки Ивана Афанасьевича имели чины дворян московских, стряпчих и стольников, исполняли разные государственные службы, в том числе городовых воевод Мосальска, Перемышля, Великих Лук, Мценска и других, были жалованы поместьями и вотчинами.

В 1686 г. Чебышёвы подали в Палату родословных дел родословную роспись. Это было сделано в соответствии с указом царя Федора Алексеевича от 1682 г. для составления родословных книг. Всего в 1682 и 1685–1688 гг. родословные поступили от представителей около 560 родов, принадлежавших главным образом к столичному дворянству (примерно 60% его состава) [Антонов, с. 69, 70]. На основании этих родословных был пополнен Государев родословец XVI в., в результате чего составлена книга, получившая позднее наименование «Бархатной». В другую книгу (которая не сохранилась) вносились родословные семей, не попавших в первую. Подлинные росписи 80-х гг. XVII в. в основном были со временем утрачены (главным образом, в пожаре 1812 г.), но дошли до нас в копиях XVIII – начала XIX в., находящихся в разных архивах, т.к. на протяжении этого времени активно использовались для наведения историко-генеалогических справок по запросам государственных учреждений и частных лиц [Антонов, с. 15].

Известно 4 списка родословной Чебышёвых 1686 г. Они находятся: А) в Книге решенных дел Герольдмейстерской конторы [РГАДА]; Б) в составе семейного архива Чебышёвых 3-й ветви, переданного в Пушкинский Дом [ИРЛИ]; В) и Г) в личном фонде генеалога А.А. Сиверса [ГАРФ].

Они принадлежат к трем разным вариантам и отражают как историю самого письменного памятника, так и особенности поисков Чебышёвыми свидетельств о происхождении своего рода.

По списку А (наиболее близкому к оригиналу) родословная легенда гласит следующее:

«Копия.

Род Чебышевых:

У Андрея Серкиза были два сына Федор бездетен, да Федор Старко. А у Федора сын Иван. А у Ивана дети Александр да Алексей. А у Александра сын Иван Никон бездетен, а у Алексея дети Иван Чебыш да Василей. У Василья ж сын Федор. У Федора дети Иван Бородавица да Михайло. А у Ивана Алексеевича Чебыша сын Александро Иванович Чебышев...» Далее через три поколения следуют документально известные представители рода.

В родословных книгах XVII века [ВОИДР] находим источник этой легенды: «Род Старковых. У Андрея у Серкиза были два сына...». Отличие заключается в отсутствии у Ивана Алексеевича прозвища «Чебыш» и к тому же какого бы то ни было потомства.

В одной из редакций родословных книг (не использованной Чебышёвыми) начало текста более подробно: «Род Старковых. Приехал к Великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому из Большие Орды царевич Серкиз, да крестился, а у Серкиза сын Андрей...».

В списках той же родословной, находившихся в семейных архивах (Б, В, Г), имеется дополнительная родословная легенда, обособленная от основного текста. В одном случае приписанная к концу текста, а в двух других – к началу, но до заголовка «Копия»: «Лета 1473 году во дни великого князя Ивана Васильевича Московского прииде из Риму царевна София дщерь Фомы Деосподы, царя Омомерейского, а с царевною Софиею пришел о брати ее царевичев Фоминых детей посол именем Дмитрей грек и служити великому князю Ивану Васильевичу многие греки. И был у царевны Софии конюшей грек того посла Дмитрия брат, а имянем Андрей, а прозвание ему была Серкиза. И вели-

кий князь Иван Васильевич пожаловал ево, велел ему служить у себя в царстве. А от Андрея Серкиза пошли Старковы да Чебышовы». Источник этой легенды с некоторым трудом угадывается в другой главе родословных книг:

«Род Траханиотовых. В лето 1473 году к Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси с царевною Софиею Фоминою дочерью деспота Аморейского приехали Дмитрий да Юрья Мануйловы дети греки во Омореи деспода бояре. И князь великий пожаловал велел им себе служити. А с Дмитреем приехал сын Юрья. А у Юрьи дети Василий был боярин у царя и великого князя Ивана, да Иван, да Захарья...»

Таким образом, Чебышёвы для составления своей родословной вели изыскания в родословных книгах. Известно, что многие дворянские семьи в то время занимались подобными поисками [Антонов, с. 69]. Причины, вызвавшие к жизни многочисленные вымышленные родословные легенды, подробно рассмотрены еще историками XIX в. Н.П. Лихачёв писал: «Русское происхождение было для служилого человека XVII столетия почти что обидным. Мы должны поставить это явление в связь с легендой о происхождении Рюрика от Пруса, брата императора Римского Августа... Московский служилый человек по праву мог рассчитывать только на ту честь, которую выговорил себе предок его, первый поступивший на службу великого князя Московского. Знатность происхождения, записанная ... в родословной легенде, ... не могла влиять на местническое повышение рода. Вот одна из причин, почему и Московское правительство, и московские люди относились благодушно и без всякой критики к рассказам об иностранных прародителях... Родословных легенд проверять было нечем, да и незачем.» [Лихачёв, с. 399, 400, 419].

Можно предположить, кто именно из Чебышёвых в то время проводил генеалогические розыски. Среди пятерых представителей рода, подписавших родословную 1686 года, был по крайней мере один любитель исторических знаний. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится список Хронографа с рукописной скрепою: «Лета 7196-го (1688) декабря в 20 день сию глаголемою книгу кронику купил в в Охтырском малороссийских городов города Апышняго у жителя у черкашенина, а дал два рубли стольник Семен

Обросимов сын Чебышов, будучи в Охтырском воеводаю себе в дом и потписал своею рукою по листам» [Пушкарёв, с. 65]. Не исключено, что Семен Обросимович и занимался разысканиями в родословных книгах.

В двух легендарных отрывках заметен, однако, стиль разных авторов: если первоначальная приписка к роду Серкизовых-Старковых сделана очень аккуратно, путем минимальных вставок, то «греческий эпизод» добавлен с вопиющими фантастическими искажениями и без какой-либо попытки соблюсти масштаб времени (примерно 25 лет отведено на пять поколений от Серкиза до Чебыша). Следует предполагать, что «греческий эпизод» в родословии Чебышёвых относится к несколько более позднему времени, когда на фоне устных семейных преданий официальная родословная кому-то показалась недостаточной.

Можно лишь гадать, имеется ли реальное зерно в двух легендах Чебышёвых. Каких-либо документальных подтверждений этим сведениям найти не удалось.

Не ясно до конца, было ли генеалогическое творчество Чебышёвых в конце XVII века продиктовано попытками отыскать в родословных книгах подтверждение уже имевшимся преданиям, или наоборот – более поздние семейные легенды являются искажением текста родословной.

Всё же, поскольку устные предания XIX–XX вв. о происхождении Чебышёвых от татарского хана находят параллель именно в полной версии родословия Серкизовых (не попавшей в ододословную Чебышёвых 1686 г.), следует предполагать, что уже в XVII веке в семье существовала подобная легенда, не тождественная росписи, поданной в Палату родословных дел.

Собранные здесь свидетельства, хотя и отрывочные, показывают, что одни и те же родословные легенды бытовали в роду Чебышёвых, постепенно искажаясь и обрастая подробностями, на протяжении более трех столетий. Это явление характерно для старых русских дворянских родов. Как писал выдающийся генеалог начала XX в. Л.М.Савёлов, «...редкий русский род древнего происхождения не имеет в основании своем какой-нибудь легенды, ни на чем не основанной и не могущей быть проверенною, но часто до того входящей в сознание представителей рода, что считается вполне достоверною» [Савёлов, с. 34].

ИСТОЧНИКИ

1. *Аксакова-Сиверс – Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. Книга первая. Париж, Атенеум, 1988.

2. *Антонов – Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.

3. ВОИДР – Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. X. М., 1851.

4. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Ф.1068 (А.А. Сиверса), оп. 1, д. 633

5. ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом), Древлехранилище. Отд. пост., оп. 26, 1982 (дар Н.А. Чебышевой), № 116.

6. *Лихачёв – Лихачёв Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

7. *Лопатин – Лопатин Н.В.* О единстве происхождения Чебышёвых // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 1 (45). М., 1993.

8. *Прудников – Прудников В.Е.* Пафнутий Львович Чебышёв. М., 1950.

9. *Пушкарёв* – Описание списков Хронографа редакции 1512 г., хранящихся в ГБЛ / Составитель Л.Н.Пушкарёв. М., 1983.

10. РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 1 (Книги решенных дел). Д. 241.

11. РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1343 (Департамент герольдии Правительствующего сената). Оп. 49, д. 2014.

12. *Савёлов – Савёлов Л.М.* Лекции по генеалогии. М., 1994 (репринт издания 1909 г.).

13. *Чебышёва – Чебышёва К.В.* Некоторые сведения о предках и потомках семьи Чебышевых // Историко-математические исследования. Вып. XXXII-XXXIII. М., 1990.

В. А. Бессонов, Зав. отделом Калужского государственного объединенного краеведческого музея

Материалы к биографии Льва Павловича Чебышева (по документам Государственного архива Калужской области)

Биография отца знаменитого математика Пафнутия Львовича Чебышева – Льва Павловича относится к числу малоизученных страниц истории рода Чебышевых. В обширной литературе, посвященной Пафнутию Львовичу, личности его отца не уделяется должного внимания[1].

[1] Библиографию работ о П.Л. Чебышеве см.: Прудников В.Е. Пафнутий Львович Чебышев: 1821 - 1894. Л., 1976. С.273-275.

В работах ряда авторов встречаются краткие и не всегда достоверные сведения о его жизни и служебной деятельности. В.Е. Прудников, в течение 30-ти лет занимавшийся изучением личности Пафнутия Львовича, в первой своей книге, изданной в 1950 г., писал, что Лев Павлович родился в 1792 г., служил корнетом в одном из кавалерийских полков, участвовал в Отечественной войне 1812 г., был владельцем родового имения Окатово и имел дом в Москве[2]. В другой книге, вышедшей уже после смерти автора, содержатся более подробные и точные данные. В ней Прудников уточняет годы жизни Льва Павловича (1789 – 1861), помещает сведения о его службе в Тульской и Калужской губернии, об участии в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе, рисуя при этом образ «барина большой руки»[3]. В изданной в 1961 г. работе С.П. Гурова и Н.А. Хромиенкова о Льве Павловиче были приведены биографические данные из первой книги Прудникова и добавлен только год женитьбы Чебышева (1817), несмотря на то, что авторы исследования обращались к документам Государственного архива Калужской области[4]. Еще более краткие сведения о жизни Льва Павловича содержатся в статье С.П. Гурова, вышедшей в 1962 г.[5] Таким образом, исследователи жизни Пафнутия Львовича не располагают на сегодняшний день достаточно полной биографией его отца – Льва Павловича, изучение которой позволит существенно дополнить представление о семье великого русского математика.

Большую часть своей жизни Лев Павлович провел в Калужской губернии, где в течение 21 года занимал должности по выбору дворянства Боровского уезда. В Государственном архиве Калужской области удалось выявить комплекс документов, которые могут дать представление об основных этапах жизни и служебной деятельности Чебышева. Обнаруженные источники позволяют осветить некоторые аспекты его

[2] Прудников В.Е. П.Л. Чебышев – ученый и педагог. М., 1950. С.5-6.

[3] Прудников В.Е. Пафнутий Львович Чебышев С.13-16.

[4] Гуров С.П., Хромиенков Н.А. Великий русский ученый П.Л. Чебышев: К 140-летию со дня рождения. Калуга, 1961. С.5-6.

[5] Гуров С.П. Пафнутий Львович Чебышев // Наши земляки – выдающиеся деятели науки и техники. Калуга, 1962. С.19.

биографии и расширить известные на сегодняшний день сведения об отце Пафнутия Львовича[6].

Лев Павлович родился 13 мая 1789 г. (все даты приводятся по старому стилю)[7]. Свою службу он начал 26 января 1806 г. губернским регистратором в Тульском губернском правлении[8]. 31 декабря 1809 г. Чебышев получил свой первый классный чин коллежского регистратора. В период Отечественной войны 1812 г., при формировании Тульского ополчения, Лев Павлович вступил в 1-й конный казачий полк и 14 августа 1812 г. был переименован в чин корнета. Этот полк по предписанию от 10 сентября главнокомандующего армиями М.И. Кутузова был вытребован к действующей армии и принял активное участие в боевых действиях[9]. Боевое крещение Лев Павлович получил 12 и 13 октября 1812 г. под Малоярославцем. Во время преследования неприятеля Чебышев 22 октября участвовал в боях под Вязьмой и 4, 5, 6 ноября в сражении у Красного. В 1813 г., после сражения под Люценом и отступления русской и прусской армий к Дрездену, Лев Павлович находился в арьергарде и был в делах 24 апреля при Эцдорфе и 25 при Носсене. 8 и 9 мая он участвовал в сражении под Бауценом, 10 мая в бою при Рейхенбахе и далее «во всех арьергардных делах бывших до перемирия»[10]. После возобновления боевых действий Чебышев 4 и 6 октября сражался в битве народов под Лейпцигом. 18 марта 1814 г. он принял участие в штурме Парижа.

В формулярном списке Чебышева было записано, что в период Отечественной войны и Заграничного похода он «все возложенные на него поручения исполнял с отличным усер-

---

[6] За помощь, оказанную в выявлении документов, автор выражает благодарность к.и.н., доценту Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского В.А. Иванову и научному сотруднику Государственного архива Калужской области Н.В. Зиновкиной.

[7] Государственный архив Калужской области (далее ГАКО), ф.66, оп.1, д.1435, л.347об.

[8] Там же, ф.62, оп.1, д.3453, л.799об. Формулярный список Л.П. Чебышева за 1847 г. (далее данные о службе приводятся по этому источнику).

[9] Кузнецов О.Ю. Конные полки Тульского ополчения в событиях 1812 г.: Частные иллюстрации общей проблемы // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г.: Проблемы изучения, персоналии, памятники. Малоярославец, 1998. С.68-71.

[10] ГАКО, ф. 62, оп.1, д.3453, л.800

дием и точностью. В сражениях же всегда и везде отличал себя особенной храбростью, мужеством и неустрашимостью. За что награжден орденом святой Анны четвертой степени 1814 января 22»[11]. Фактически отличия Льва Павловича были отмечены аннинским оружием, которое до 1815 г. являлось 3-й степенью ордена святой Анны. Встретившееся разночтение в степенях можно объяснить тем, что при разделении 24 августа 1815 г. ордена на четыре степени было предписано «объявить нынешним кавалерам 3-го класса, что они именоваться должны четвертой степенью»[12], и это изменение нашло отражение в делопроизводственных документах.

22 января 1814 г. последовал высочайший указ о расформировании Тульского ополчения и 15 декабря 1814 г. Чебышев был уволен в отставку с чином корнета.

30 апреля 1817 г. в церкви Спаса Преображения села Прогнани состоялся обряд венчания Льва Павловича и Аграфены Ивановны, урожденной Позняковой[13]. После этого жизнь Чебышева на долгие годы оказалась связана с Калужской губернией. По сохранившимся в Государственном архиве Калужской области исповедным ведомостям церкви села Прогнани за 1820 и 1823 гг. видно, что исповедовавшийся там Лев Павлович проживал со своей семьей в имении жены – сельце Окатово[14]. Вероятно, после 1817 г. это имение являлось основным местом пребывания супругов Чебышевых и их детей.

Следует отметить, что сам Лев Павлович не имел недвижимого имения в Калужской губернии. На 1847 г. за ним состояли земляли в Московской губернии Серпуховском уезде (245 душ), в Тульской губернии и уезде (176 душ) и в Орловской губернии Елецком уезде (202 души)[15]. Калужской помещицей была его жена, владевшая сельцом Окатово Боровского уезда (199 душ)[16]. Кроме того, в 1847 г. за Аграфеной Ивановной состояло в Московской губернии Серпуховском уезде 7 душ и в Москве она имела каменный дом[17].

---

[11] Там же, л.799об.

[12] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.33. №25927.

[13] ГАКО, ф.66, оп.1, д.1890, л.9.

[14] Там же, ф.33, оп.1, д.3701, л.413; д.4323, л.452об.

[15] Там же, ф.62, оп.1, д.3453, л.799об.

[16] Там же, ф.66, оп.1, д.1890, л.2-8.

[17] Там же, ф.62, оп.1, д.3453, л.799об.

В 1830-х гг. Лев Павлович возбудил ходатайство о внесении его рода в дворянскую родословную книгу Калужской губернии. Первоначально Чебышев был записан по Тульской губернии в 6-ю часть, куда заносились древние благородные дворянские рода. В качестве доказательств он представил две грамоты 1685 и 1695 гг. «о пожаловании за многие службы стольнику Павлу Чебышеву из поместья его вотчин в потомственное владение»[18], патент Государственной военной коллегии на чин подпоручика, данный в 18 апреля 1735 г. Петру Чебышеву, патент от 10 октября 1764 г. за подписью Екатерины II о пожаловании Павла Чебышева при отставке из сержантов гвардии в подпоручики, а также паспорт, аттестат, грамоту на аннинское оружие и формулярный список о своей службе. 22 декабря 1833 г. дворянское собрание Тульской губернии на основании доставленных Львом Павловичем документов определило внести его с детьми в 6-ю часть родословной книги[19]. Это решение послужило основанием для внесения рода Чебышева и в дворянскую книгу Калужской губернии. 9 октября 1835 г., рассмотрев представленные Львом Павловичем копии с определения Тульского собрания, Калужское дворянское собрание внесло Чебышева с детьми Пафнутием, Павлом, Петром, Николаем и Владимиром в 6-ю часть книги по Калужской губернии[20]. Представленные Чебышевым доказательства были рассмотрены Временным присутствием герольдии и признаны недостаточными для причисления его рода к древнему благородному дворянству. 3 октября 1840 г. последовал указ, в котором объяснялось, что в поданных Львом Павловичем документах отсутствовали акты о переходе жалованного Павлу имения по праву прямого наследства к Петру, Павлу и Льву, а также не было «других неопровержимых доводов, которые бы удостоверяли происхождение сказанных лиц одного от другого»[21]. Основываясь на том, что Лев Павлович служил в ополчении в чине корнета, был награжден орденом и его дети родились, когда он уже имел обер-офицерский чин, Временное присутствие герольдии приняло решение, что род Чебышевых может быть внесен в 3-ю часть дворянской книги[22].

[18] Там же, ф.66, оп.1, д.1356, л.565.
[19] Там же, л.564об; д.1435, л.345об-346.
[20] Там же, д.1356, л.564об-565.
[21] Там же, л.565об.
[22] Там же, л.566-566об.

Указ Временного присутствия герольдии был доведен до сведения Льва Павловича 21 октября 1840 г. и 13 марта 1841 г. он представил Калужскому собранию дополнительные доказательства для внесения его с семьей в 6-ю часть родословной книги. Переход имения по праву прямого наследства он подтверждал указом Государственной вотчинной коллегии в Московскую губернскую канцелярию от 1 ноября 1756 г. о владении коллежским асессором Петром Павловичем в Тульской губернии и уезде деревней Бекетовой, Комаренки тож; записью в метрической книге церкви Николая Чудотворца села Крюка Тульской губернии и уезда о рождении 29 июня 1739 г. у Петра Павловича сына Павла; свидетельством Калужской духовной консистории о рождении самого Льва Павловича; а также копией с акта, совершенного в Тульской палате гражданского суда и выданной 2 марта 1832 г., на раздел деревни Комаренки между Львом, Петром, Елизаветой и Феклой Павловичами после смерти их родителей Павла Петровича и Елизаветы Львовны Чебышевых. 13 августа 1841 г. Лев Павлович, по требованию правящего должность губернского предводителя дворянства, доставил дополнительно сведения о супруге своего деда. Он писал, что Петр Павлович был женат на вдове капитана Ивана Ивановича Апухтина - Анне Ивановне, отцом которой был Иван Кириллович Зыбин. Однако Лев Павлович не знал, когда и в каком приходе были они обвенчаны, а законность их брака доказывал двумя документами: разрядной росписью, составленной 11 ноября 1736 г. при выходе Анны Ивановны замуж и инструкцией данной 10 декабря Чернской воеводской канцелярией канцеляристу Григорию Перхурову о передаче после смерти Петра Павловича Чебышева части его имения жене Анне Ивановне и детям Павлу и Николаю. Рассмотрев 2 сентября 1841 г. представленные Львом Павловичем документы, дворянское собрание определило «помянутого Льва Павловича Чебышева с детьми его признать в древнем дворянском достоинстве» и представить это решение на утверждение Временного присутствия герольдии[23].

10 ноября 1841 г. последовал указ Временного присутствия об утверждении определения Калужского дворянского собрания и о внесении Льва Павловича Чебышева с сыновьями Пафнути-

[23] Там же, д.1435, л.345-350об.

ем, Павлом, Петром, Николаем, Владимиром и дочерьми Елизаветой, Екатериной, Надеждою в 6-ю часть Дворянской родословной книги Калужской губернии[24].

С 1830 г. начинается длительный период службы Льва Павловича по выборам дворянства Боровского уезда. По сведениям о службе дворян в Калужской губернии, собранным Н. Булычовым, с 17 января 1830 по 17 января 1842 гг. Чебышев четыре срока подряд служил депутатом дворянства по Боровскому уезду, с 17 января 1842 по 5 декабря 1847 гг. и с 12 декабря 1856 по 16 января 1860 гг. три трехлетия занимал должность боровского уездного предводителя дворянства[25]. В формулярном списке Чебышева было записано, что депутатом дворянства он служил с 1 декабря 1823 г., а на второй срок уездного предводителя был избран 1 января 1843 г. Указанные годы не согласуются с другими данными формулярного списка, и поэтому их можно отнести к канцелярским ошибкам. В том же формулярном списке сказано, что с 1 декабря 1823 г. Чебышев служил подряд 11 лет и 8 месяцев (4 срока) и 28 октября 1839 г. за избрание на четвертый срок был пожалован орденом. Следовательно, он мог быть избран депутатом не в конце 1823, а 1 декабря 1829 г. Кроме того, по формулярному списку известно, что Лев Павлович был уездным предводителем с 3 февраля 1842 г. Поэтому он не мог быть вторично избран в 1843 г., так как еще не закончился трехлетний срок службы по дворянским выборам. Получается, что второй раз уездным предводителем он стал 1 января 1845 г. Имеющееся между данными Булычова и формулярным списком разночтения в датах можно, вероятно, объяснить тем, что в одном случае показаны числа вступления в должность, а в другом - даты избрания. Таким образом, боровское дворянство семь раз, из них шесть подряд, отмечало своим доверием Чебышева, избирая его на должности «по внутреннему управлению дворянского общества»[26].

В литературе, посвященной П.Л. Чебышеву отмечается, что его отец с семьей в 1832 г. переехал в Москву на жительство,

[24] Там же, л.613.

[25] Булычов Н. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е октября 1908 г., и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. Калуга, 1908. С.XII, XCIII.

[26] Свод законов Российской империи (далее СЗ). СПб., 1835. Ч.3. №729.

чтобы подготовить старших детей для поступления в университет и находился там непрерывно до 1841 г.[27] Эти сведения нельзя отнести к числу достоверных по той причине, что Лев Павлович, занимая должность депутата, должен был присутствовать на заседаниях дворянского собрания в губернском городе. Изучение сохранившихся в Государственном архиве Калужской области журналов и протоколов заседаний собрания за 1832 - 1834 и 1838 - 1841 гг. позволяет сделать вывод о непосредственном участии Чебышева в делах собрания и исполнении им в эти годы своих обязанностей депутата в Калуге[28]. В период своей многолетней службы по выборам дворянства Лев Павлович был в двадцативосьмидневных отпусках только четыре раза: в 1844 (с 26 июля и с 29 сентября), 1845 (с 25 сентября) и 1846 (с 5 апреля)[29]. Кроме того, в исповедной ведомости за 1838 г. церкви села Прогнани Лев Павлович показан со всей своей семьей по сельцу Окатово[30]. Таким образом, с 1832 по 1841 гг., когда не было присутствия, Чебышев мог посещать Москву, но служебная деятельность не позволяла ему жить там постоянно.

Помимо обязанностей депутата с 11 октября по 8 декабря 1830 г. и с 8 по 27 февраля 1831 г. Чебышев был попечителем над 8-ю участками, организованными для борьбы с эпидемией холеры в Боровском уезде. Кроме того, с 27 декабря 1840 г. его назначили «депутатом для надзора за помещичьими людьми на Брест-Литовском шоссе»[31].

Служба по выборам дворянства приравнивалась к действительной государственной службе и за беспорочное и ревностное исполнение должности могла быть отмечена наградами. Дворяне, в зависимости от продолжительности срока службы и занимаемой должности, в царствование Николая I имели право на получение знака отличия беспорочной службы, ордена святого равноапостольного кн. Владимира 4-й и 3-й степени, святой Анны 2-й степени и Анны 2-й степени, украшенной императорской короной[32].

[27] Прудников В.Е. П.Л. Чебышев - ученый и педагог С.6; Он же. Пафнутий Львович Чебышев С16; Отрадных Ф.П. Жизнь и творчество П.Л. Чебышева. М., 1953. С.4.

[28] ГАКО, ф.66, оп.1, д.1014, 1015, 1031, 1046, 1212, 1294, 1356, 1435.

[29] Там же, ф.62, оп.1, д.3453, л.800.

[30] Там же, ф.33, оп.2, д.663, л.524.

[31] Там же, ф.62, оп.1, д.3453, л.799об.

[32] СЗ. СПб., 1835. Ч.3. №884-889.

В период своей службы по выборам дворянства Чебышев был награжден двумя орденами: Владимира 4-й и Анны 2-й степени. Первую свою награду Лев Павлович получил 28 октября 1839 г., прослужив три трехлетия в должности депутата и будучи избран на четвертый срок. После окончания этого трехлетия Чебышев вновь был избран дворянством, но уже уездным предводителем, и по окончании первого срока службы в этой должности боровское дворянство выбрало его на второе трехлетие. Поэтому «за прослужение двух трехлетий уездным предводителем после пожалования орденом Св. Владимира 4-й степени»[33] Лев Павлович в 1848 г. был представлен к следующей, положенной ему, награде – ордену Анны 2-й степени. Таким образом, за свою многолетнюю службу в Калужской губернии Чебышев получил два, предназначавшиеся правительством для поощрения занимавших выборные должности дворян, отличия.

Наиболее сложным вопросом, относящимся к службе Льва Павловича, является его чинопроизводство. Выйдя, после окончания Заграничного похода, в отставку Чебышев имел чин корнета. В «Уставе о службе по выборам» указывалось, что «отставные военные чиновники, избранные в должности дворянством, удерживают чины военные и не переименовываются в статские»[34]. Поэтому Чебышев на протяжении своей службы в Калужской губернии с 1830 по 1847 гг. носил чин корнета. Об этом свидетельствует формулярный список и поданное в 1844 г. прошение Аграфены Ивановны о внесении ее в дворянскую книгу, в котором она указывала, что находится замужем за «корнетом и кавалером» Чебышевым и является «корнетшей»[35]. Вместе с тем, Леву Павловичу, как и всем дворянам, служащим по выборам, присваивались чины зауряд, то есть на период исполнения должности. Депутаты дворянства приравнивались к чину титулярного советника, а уездные предводители – к коллежскому советнику[36].

Однако в документе 1848 г. о представлении Чебышева к ордену Анны 2-й степени показано, что Лев Павлович был

[33] ГАКО, ф.260, оп.1, д.1140, л.9.
[34] СЗ. СПб., 1835. Ч.3. №894.
[35] ГАКО, ф.66, оп.1, д.1890, л.2.
[36] СЗ. СПб., 1835. Ч.3. №843.

отставлен от службы 11 декабря 1843 г., а чин титулярного советника имел с 14 августа 1812 г. Эти сведения не согласуются с данными о службе Чебышева и являются канцелярской ошибкой. Известно, что Лев Павлович занимал должность уездного предводителя два трехлетия: с 1842 по 1844 и с 1845 по 1847 гг., поэтому он мог быть отставлен только в декабре 1847 г. Согласно сведениям из формулярного списка, 14 августа 1812 г. Чебышев был переименован из чина коллежского регистратора в корнеты, но не в титулярные советники. В материалах о дворянских выборах в Калужской губернии за 1847 г. говорится о «корнете и кавалере» Чебышеве, который «находится на службе Боровского уездного предводителя дворянства». Но уже в «Поименном списке дворян Калужской губернии, прибывших в Калугу на выборы» составленном 2 декабря 1847 г., Лев Павлович назван титулярным советником. Из сохранившихся в Государственном архиве Калужской области документов следует, что Чебышев из чина корнета (14 класс Табели о рангах) сразу перешел в титулярные советники (9 класс).

Для получения чина титулярного советника, по существовавшим правилам гражданской службы, необходимо было беспорочно прослужить в чинах коллежского регистратора (14 класс), губернского секретаря (12 класс) и коллежского секретаря (10 класс) по три года. Но для производства из титулярного советника в чин коллежского асессора (8 класс) необходима была не только выслуга, но и аттестат, подтверждающий необходимое для дальнейшей службы образование[37]. Вместе с тем, по указу от 25 июня 1834 г. «чиновники, занимающие должности собственно по делам дворянства, повышаются чинами не иначе, как по Высочайшему усмотрению или по особенным Высочайшим повелениям»[38]. Можно предположить, что, занимая в течение длительного времени должности по дворянским выборам и выслужив положенное число срочных лет, Чебышев, не желая продолжать службу, мог ходатайствовать о присвоении ему чина титулярного советника, который он получил, вероятно, в 1847 г.

[37] Там же. №300-337.
[38] СЗ. СПб., 1842. Ч.3. №237.

Согласно записи в метрической книге Спасской церкви села Прогнани титулярный советник Лев Павлович Чебышев умер 14 августа 1861 г. от «апоплексии» и был погребен на приходском кладбище 17 августа[39].

Лев Павлович прожил 72 года. Из них 30 лет своей жизни он посвятил службе. С 1806 г. он занимал должности по гражданской части, в 1812 г. вступил в Тульское ополчение и принял активное участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе. За отличия, проявленные в сражениях, Чебышев был пожалован орденом Анны 3-й степени. После расформирования ополчения Лев Павлович 15 лет был в отставке, пока в 1830 г. не начал службу по дворянским выборам. Семь раз боровское дворянское общество избирало его на должности по дворянским делам, при этом 12 лет Лев Павлович служил депутатом и 9 - уездным предводителем. В этот период он был награжден двумя орденами: Владимира 4-й и Анны 2-й степеней. Получив в 1809 г. чин 14 класса Лев Павлович оставался в нем до 1847 г., пока не был произведен в титулярные советники. Таким образом, его движение по лестнице чинов Табели о рангах не было равномерным и окончилось только на 9 классе. После женитьбы в 1817 г. на Аграфене Ивановне Позняковой жизнь Чебышева оказалась тесно связана с Калужской землей. Местом его пребывания стало имение жены – сельцо Окатово Боровского уезда, а сам Лев Павлович и члены его семьи как представители древнего благородного рода были внесены в 6-ю часть дворянской родословной книги Калужской губернии. Анализ выявленных документов позволяет сделать предположение, что Чебышев являлся не только «барином большой руки», но был деятельным, предприимчивым и целеустремленным человеком, занимавшим активную жизненную позицию, чей пример оказал, вероятно, не последнее влияние на формирование личности его детей, в том числе и Пафнутия Львовича.

Изучение источников, сохранившихся в Государственном архиве Калужской области, позволяет уточнить основные даты жизни Льва Павловича, представить его связь с Калужской губернией, проследить ход служебной деятельности, чинопроизводства и награждения, что способствует получению новых материалов к биографии отца знаменитого русского математика.

---

[39] ГАКО, ф.273, оп.1, д.223, л.1144об-1145.

В. Я. Филимонов, д.и.н., Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского.

История поселений Калужской области: итоги и задачи изучения

Система расселения – предмет изучения многих дисциплин: географии, демографии, социологии. Каждая научная отрасль определяет свою предметную область, использует специфический инструментарий изучения. Однако, любой подход к изучению расселения будет выглядеть неполным, незавершенным без учета исторического аспекта. Расселение, будучи наиболее устойчивой, консервативной частью общественной структуры, тем не менее подвержено постоянным изменениям, происходящим под влиянием множества факторов.

Поэтому изучение истории поселений может стать ключевым моментом в понимании многих сторон жизни общества в прошлом и настоящем. Через изучение поселений может быть выявлен, «прочитан» весь спектр социально-экономической, духовной жизни общества в прошлом и настоящем.

С сожалением приходится констатировать, что изучению расселения в исторических исследованиях последних десятилетий отводилось крайне малое место. Одна из причин такого положения связана с господством в советской исторической науке догматически понимаемого «классового» подхода, когда проблема территориально-поселенческой организации общества была отодвинута «на периферию науки» (история поселений освещалась преимущественно в местных краеведческих публикациях).

В краеведении сегодня накоплен обширный материал, содержащий описания городов и сел. Это можно видеть на примере Калужской области: изданы книги о Калуге и районных городах (следует заметить, что издания существенно различаются по объему, содержанию и структуре изложения). В этой связи есть основания говорить как о назревшей проблеме – разработке программы исторического изучения поселений. Наличие такой программы – отнюдь не путь к унификации описаний – речь идет об необходимых элементах, определяющих жанр исторического

исследования (подходы к созданию таких программ разрабатывались в «градоведении» в 1920-х годах, в последние годы такие программы разработаны Минобразованием РФ, а также в ряде территорий). Из работ, вышедших в нашей области в последние годы, программному изучению в большей мере соответствует, по нашему мнению, книга о Мосальске (2000 г.).

Реализация программного подхода к изучению поселений тесно связана с необходимостью расширения источниковой базы исследований. Анализ изданной литературы показывает, что при описании поселений краеведами используется довольно ограниченный круг источников (это около двух десятков публикаций: материалы генерального межевания, описания к Атласу XVIII в., топографическое описание Калужского наместничества, списки населенных мест, фрагменты описаний, опубликованные ранее в различных изданиях).

Между тем в дореволюционной России накоплен богатейший материал по истории населенных пунктов, который до настоящего времени слабо привлекается краеведами. Российская национальная библиотека приступила к изданию библиографического указателя «Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России». Первый выпуск (СПб., 1996) – печатные источники 1721-1917 гг. – содержат 139 названий изданий (многие из них многотомны) о поселениях, что облегчит исследователям поиск необходимых источников.

Программный, систематический характер изучения поселений России стало приобретать в XVIII веке. Когда в 1719 г. Россия была поделена на 8 губерний и 50 провинций – ни точные границы, ни населенные пункты этих образований, ни расстояния между ними не были известны в центре. Именно тогда – специально обученные и снабженные инструкциями люди должны были доставлять в Сенат эти сведения.

Первое такое описание составил обер-секретарь Сената Иван Кирилов («Цветущее состояние Всероссийского государства», сост. 1727 г., опубл. М.Погодиным в 1831 г., переиздано в 1977г.). Здесь мы находим одно из первых описаний Калуги и городов Калужской провинции.

В середине XVIII в. сведения собирались уже по программе (анкета, составленная в Академии Наук и Сенате включала 30 вопросов).

Сегодня небезинтересно обратиться к вопроснику изучения поселений того времени. Какие сведения необходимы были:

чем город огражден
количество приходов, церквей, строений
местоположение города
сроки ярмарок
наличие гостиных дворов
число купцов
виды промыслов, ремесел
фабрики, заводы, мельницы и т.п.
судоходство, пристани
сроки замерзания рек и др.

Ответы с мест давали сведения приблизительно на 50% вопросов, часто неполные. Тем не менее – это довольно содержательный срез.

Еще один источник XVIII в. – опубликованные сведения «физических» экспедиций А.Наук 1768-1774 гг. Программа разрабатывалась при участии Вольного экономического общества, Медицинской, Коммерц и Бергколлегий. Раздел, касающийся населенных пунктов, был сформулирован нечетко, что предопределило значительные расхождения в описаниях. Маршрут, пролегающий через Калугу, описан Василием Зуевым (СПб., 1787 – «Путешественные записки ...»). Его описания поселений отмечались, как наиболее обстоятельные, хотя и в этом издании находим крайне схематичные беглые заметки («Башмаковка - деревня небольшая, экономическая и состоит не более как дворов из сорока. Она принадлежит к Малоярославецкому уезду»).

В конце XVIII – начале XIX в. общероссийские данные о поселениях помещались в географических словарях В.Н. Татищева, Ф.А. Полунина, Л.М. Максимовича, А.М. Щекатова, С.П. Гагарина.

В середине XIX в. центром создания общероссийских сводов о поселениях становится военное ведомство: здесь концентрировались сведения, которые собирались в ходе экспедиционных исследований, проводимых офицерами Генштаба. Исследования проводились по единой для всей империи детально разработанной программе. Работая с этими источниками, следует иметь в виду, что командированные на места офицеры, как правило, самостоятельных исследований не проводили, они вводились в состав местных статистических

комитетов и пользовались имеющимися у них материалами. При этом сказывался специфический взгляд на описываемую местность – как возможный театр военных действии или место расположения военных сил – и поэтому издания отличались особой детальностью, тщательностью характеристик – прежде всего физико-географических и экономических.

Из ряда многотомных изданий военного ведомства калужскими краеведами чаще всего используется 9 том «Материалов для географии и статистики России...» составленный подполковником М.Попроцким и изданный в 1864 г. В дальнейшем военное ведомство отказалось от составления общих статистических обзоров, ограничив свою задачу изучением территорий в чисто военном плане.

Списки населенных мест создавались и публиковались для трех целей: в качестве административного справочника для нужд центрального управления, в виде почтовых дорожников для проезжающих по России и для надобностей военного ведомства. Их значение в краеведческих изысканиях заключается в том, что позволяют определить статус и административно-территориальную принадлежность населенного пункта, а также примерно определить время его возникновения (не позднее года издания списка). Что касается конкретных данных (численность, состав населения и даже расстояние), то их неточность уже давно была отмечена в литературе. Первые более или менее полные списки были составлены лишь к 1857 году. Применительно к Калужской губернии наиболее полным изданием в этом жанре являются «Списки населенных мест Российской империи, составленные ЦСУ МВД» (выпуск 15, СПб., 1863 г). Списки населенных мест издавались в течение длительного времени (в т.ч. и по Калужской губернии) – несмотря на различия в принципах учета отдельных типов поселений, неполноту и расхождение данных – они могут быть полезными при изучении истории поселений.

В XIX в. единственным, посвященным только сельским поселениям является подготовленное ЦСК МВД в 1880-1886 гг. издание «Волости и важнейшие селения Европейской России». По форме – это список населенных мест, содержащий как сведения общего характера (географическое положение, расстояние от уездного города, статус, численность населения), так и об отдельных сторонах (учебные, лечебные заведения, молитвенные здания, промышленные заведения) – «Волости и важнейшие селения Европейской России» (Выпуск I – Калужская губерния. СПб., 1880).

Названные публикации – лишь малая часть изданных в дореволюционной России материалов, содержащих сведения о поселениях.

В советское время наиболее полные сведения о поселениях относятся к 1920-м годам. Это – материалы волостных обследований, городской переписи 1923 года и первой Всесоюзной переписи населения 1926 года, (к сожалению, редко используемые краеведами).

В последующие десятилетия при общем ослаблении внимания к изучению расселения, подавляющее большинство публикуемых материалов и исследований было посвящено истории городов. Что касается сельского расселения, то судьба его оказалась трагичной. В годы аграрной революции были разгромлены помещичьи усадьбы, многие из которых были системообразующими элементами сельского расселения. Затем последовала коллективизация, военная разруха, внедрение агрогородов, сселение «неперспективных» деревень.

Все это привело к массовому исчезновению деревень, обусловленному отнюдь не объективными историческими факторами (деревни исчезали и в прошлом – о чем свидетельствует существование т.н. «пустошей», но это был объективный процесс).

Исчезновение деревень может привести к утрате целого пласта нашей истории, культуры. Ведь на протяжении многих веков 9/10 населения России проживало в деревне. Поэтому сегодня крайне актуально изучение истории сельских поселений.

Инициатива в этом была проявлена более 10 лет назад научно-исследовательским и культурно-просветительским обществом «Энциклопедия российских деревень», созданном при Аграрном институте Россельхозакадемии. Обществом осуществлено издание сборников по истории сел и деревень, проведено 7 научных конференций (в т.ч. в Калуге) материалы которых изданы. В ряде регионов разработаны программы изучения деревни, финансируемые областными бюджетами (напр., Тверская область), созданы научные коллективы, подготавливающие материалы к изданию.

Настало время для издания такой «книги памяти» и в Калужской области. Это издание – память о поколениях, сформировавших облик края, его культуру, традиции.

Структурно такая программа предусматривает три блока проблем: организационные вопросы, научно-методический и редакционно-издательский. Исполнители-организаторы педуниверситет, областной архив и районные архивные отделы при активном участии краеведов. Том, посвященный поселениям района, может включать три раздела: историко-географический очерк, очерк о традициях и обычаях, описание поселений по единой схеме (сведения о первом упоминании, происхождение названия, краткое изложение исторических событий, информация о бывших владельцах, о церквах, памятниках истории, захоронениях, современное состояние, биографические справки об известных земляках).

Создание такого труда послужило бы не только данью памяти предкам, но помогло бы осмыслить современные проблемы сельского расселения.

С. Н. Паршин, А. Ю. Савосичев, к.и.н.
Орловский государственный университет

Древние Ливны в свете письменных источников

На сегодняшний день в научный оборот введено всего два документа несущих информацию о существовании города Ливен в XII в. В 1888 г. С.Е.Зверев обнаружил некий рукописный сборник, датированный 1667 г., содержащий родословие рязанских князей (далее РРК). Назовем его условно - "Сборник Зверева» (далее СЗ). Эту книгу возможно держал в руках и Г.М.Пясецкий. Куда делся этот источник потом и где находится в настоящее время, неизвестно. На сегодняшний день в распоряжении исследователей находится лишь отрывок СЗ, опубликованный С.Е.Зверевым[1], С.Н.Введенским[2] и Г.М.Пясецким[3]: "А у

[1] ТОУАК. Орел, 1889. Вып.5. С.5-6; Воронежский телеграф. 1898. №25.

[2] Введенский С.Н. Вопрос о существовании города Воронежа в 12 веке // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып.2. Приложение. С.LXII-LXVII.

[3] Пясецкий Г.М. Указ. соч. С.22.

князя Глеба Ростиславича Резанского дети. Князь Роман Резанской бездетной, на Ливнах и на Воронеже был же. Князь Игорь на Резане, на Ливнах и на Воронеже. Князь Володимер на Резане, на Ливнах и на Воронеже. Князь Всеволод на Резане, на Ливнах и на Воронеже. Князь Святослав на Резане, на Ливнах и на Воронеже.<> От тех же Резанских роду Пронских. В лето 6694 Глебовы дети Ростиславича Резанского праправнуки Святослава Ярославича Резанского Всеволод да Святослав сели на Ливнах, на Прони; а от них пошли Пронские князья»[4].

Источник был классифицирован С.Е.Зверевым как родословная роспись. Характеризуя его палеографические особенности, исследователь отметил, что текст написан крупной скорописью XVIII в.[5] Все известные науке родословные книги составлены не позднее XVI в.[6] Следовательно, можно с весьма высокой долей вероятности исключить предположение, что РРК это памятник домонгольской эпохи в списке XVIII в. На позднее происхождение документа указывал еще С.Н.Введенский. Он доказал, что в основу текста РРК положено родословие Рязанских князей Воскресенской летописи[7]. Мы, со своей стороны отметим, что РРК включает в себя чтения близкие к тексту Бархатной книги.

Сравним тексты трех докуметов:

СЗ	"Бархатная книга»	Воскресенская летоп.
А у князя Глеба Ростиславича Резанского дети. Князь Роман Резанской бездетной, на Лив-	А у Ростислава Ярославича Резанского сын Глеб сидел на Резани. А дети его Раман без-	В лето 6685. А Глебовы дети Рязаньского Роман бездетен да Игорь да Володимир да

[4] Введенский С.Н. Вопрос о существовании города Воронежа в 12 веке // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып.2. Приложение. С.LXII-LXVII. (перепечатка из "Воронежского телеграфа" за 1898 г. №25).

[5] Там же. С.LI.

[6] Бычкова М.Е. Обзор родословных книг XVII - XVIII вв. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С.255.

[7] Введенский С.Н. Вопрос о существовании города Воронежа в 12 веке // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып.2. Приложение. С.LV- LVI; Еще о древнем Воронеже // ТВУАК. Воронеж, 1908. Вып.4. С.1-24.

нах и на Воронеже был же Князь Игорь на Резане, на Ливнах и на Воронеже. Князь Володимер на Резане, на Ливнах и на Воронеже. Князь Всеволод на Резане, на Ливнах и на Воронеже. Князь Святослав на Резане, на Ливнах и на Воронеже. *От тех же Резанских роду Пронских.* В лето 6694 *Глебовы дети Ростиславича Резанского* праправнуки Святослава Ярославича Резанского Всеволод да Святослав сели на Ливнах, на Проне; а от них пошли Пронские князья[8].

детен. Да Игорь. Да Володимир Да Всеволод Да Святослав А сели Раман да Игорь да Володимир на Резани а Всеволод и Святослав сели на Проне. *Род Пронских князей от Резанских князей* В лето 6694 княжь *Глебовы дети Ростиславича Резанского* поделилися князь Раман да князь Игорь да князь Володимир сели на Резани. И тех род писан в Резанских князех. А князя Всевовод да князь Святослав сели на Проне[9].

Всеволод да Святослав В лето 6694 Глебовичи поделилися Роман Игорь да Володимер сели на Рязани а Всеволод да Святослав на Прони[10].

Составители родословных росписей далеко не всегда опирались на документы при построении своих генеалогических конструкций, оперируя, зачастую, родовыми преданиями и легендами. Видимо так же поступил и автор РРК. Скомпилировав тексты Бархатной книги и Воскресенской летописи (или близкие к ним), он дополнил их своими данными о достоверности которых нельзя сказать ничего определенного.

Все эти обстоятельства не могли быть тайной для Г.М.Пясецкого, тем не менее, он отнесся к данным РРК с безусловным

[8] Там же.

[9] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: родословную Книгу, собранную и сочиненную в Розряде при Царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной книги. СПб., 1787. Ч.1. С.53-54, 57.

[10] Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). СПб., 1856. Т.7. С.242.

доверием. Как же исследователь интерпретировал сведения, содержащиеся в РРК? Логика проста: существование Ливенских князей означает существование города Ливен, находившегося на территории позднейшей Орловской губернии[11].

В этой логической конструкции, по крайней мере, два слабых места. Существование Ливенских князей отнюдь не означает существования города с названием Ливны. Хорошо известны князья Андомские, Кемские, Заозерские, Кубенские, Курбские и т.д. Было бы пустой тратой времени искать, на этом основании, Андом, Кемск, Заозерск, Кубенск или Курбск. Название княжеского стола может происходить не только от названия города, но и от других топонимов.

Почему удел Ливенских князей должен был располагаться непременно в приделах Орловщины? Никаких доказательств ни Г.М.Пясецкий, ни его последователи не приводят. В тоже время текст РРК наводит на определенные размышления. Последняя фраза в цитированном отрывке звучит следующим образом: "Всеволод да Святослав сели на Ливнах на Прони а от них пошли Пронские князья». С.Е.Зверев, С.Н.Введенский и Г.М.Пясецкий, публикуя отрывок, ставили между словосочетаниями "на Ливнах» и "на Прони» запятую. Это более чем странно. Правописание XVII в. исключало расстановку каких-либо запятых.

Толкование фразы "на Ливнах на Проне» не может быть однозначным. Автор текста мог иметь в виду как два разных географических объекта, так и один[12]. Рискнем высказать предположение. Обходившись без запятых, наши предки строили предложение так, чтобы смыл его был ясен и без этого знака препинания. Когда составитель РРК пишет – "Всеволод да Святослав» – он имеет в виду разных людей и употребляет союз "да». Если фраза "на Ливнах на Проне» указывает на два различных места, то, здесь уместен аналогичный союз или союз "и» (как в словосочетании "на Ливнах и на Воронеже»). Такого союза нет. Скорее всего, имеются в виду не два географических объекта, а один.

[11] Введенский С.Н. Вопрос о существовании города Воронежа в 12 веке // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып.2. Приложение. С.LXII-LXVII. (перепечатка из "Воронежского телеграфа" за 1898 г. №25).

[12] Спешим выразить благодарность по консультацию по лингвистическим вопросам доц., к.филол. н. В.Н.Гришановой.

Словосочетание "на Прони» означает уточнение местонахождения топонима "Ливны». Именно так цитированное место поняли члены Орловской ученой архивной комиссии: "По прочтении означенного сообщения некоторые из членов комиссии выразили сомнение в том, что упомянутые в указанном документе слова: "Всеволод да Святослав сели на Ливнах на Прони» едва ли могут относится до города Ливен Орловской губернии, так как в этом городе не имеется реки Прони»[13]. О том, что древние Ливны необходимо искать в районе Пронска писал и С.Н.Введенский[14].

Можно сделать вывод, что данные РРК, сами по себе, без подкрепления сведениями из других источников, не могут служить доказательством существования города Ливен в XII в.

Вторым источником по истории древних Ливен считается летописная повесть "О событиях в Курском княжении (О баскаке Ахмате)» (далее - "Повесть»). Памятник сообщает о конфликте с ханским баскаком Ахматом двух князей черниговского дома – Олега Рыльского и Воргольского и Святослава Липецкого – и последующей смуте. Г.М.Пясецкий считает Святослава князем Ливенским, а все события,. описанные в летописи, относящимися к городу Ливнам Орловской губернии[15]. Здесь ученый опирался на мнение С.М.Соловьева, а тот, в свою очередь, ссылался на В.Н.Татищева. Последний пересказывая в своей "Истории Российской» рассматриваемый нами источник, именует князя Святослава то Ливецким, то Липецким. С.М.Соловьев предположил, что более правильным является чтение "Ливецкий»[16]. У Г.М.Пясецкого данное предположение обратилось в уверенность, а вся последующая краеведческая литература признает это безусловным фактом.

Рассмотрим подробнее текст В.Н.Татищева и аргументацию С.М.Соловьева. В книге третьей "Истории Российской», вышедшей в свет в 1784 г., "Повесть» изложена на страницах 62-67. Князь Святослав упомянут 13 раз. Из них 9 раз как "Липеческий» ("Липический»), дважды - как "Липовический» и дважды – как "Ливецкий». Три раза упоминается княжение, названное то "Ливецким», то "Липеческим», то "Липецким». Один раз говорится о некоем "Левецке», возможно, городе[17].

Третья часть татищевской "Истории» написана на основании Никоновской летописи, в частности ее Академического XV списка[18]. Однако в тексте документа Святослав именуется "Липецким», "Липечским», "Липическим»[19]. Чтение "Ливецкий» не встречается ни в одном из списков, использованных издателями 10 тома ПСРЛ.

Никоновская летопись не единственный памятник включающий "Повесть». Интересующий нас текст содержится в Лаврентьевской, Симеоновской[20], Воскресенской[21], Уваровской[22], Ермолинской[23], Типографской летописях[24], Московском летописном своде конца XV в. [25]; своде 1497 г. [26]; Владимирском[27] и Пискаревском[28] летописцах. Древнейшая из них Лаврентьевская летопись именует князя Святослава "Липовичьскыи»[29]. Ни в одном из летописных памятников князь Святослав не именуется "Ливецким» и не упоминается какой бы то ни было "Ливецк». На этом основании с полной уверенностью можно отклонить предположение, что В.Н.Татищев, описывая события 1284 - 1285 гг. в Курском княжении, пользовался какими-либо летописями, не дошедшими до нашего времени. Состав источников, на основании которых написана татищевская "История», более или менее хорошо изу-

[13] ТОУАК. Орел, Вып.5. С.5-6.

[14] Введенский С.Н. Вопрос о существовании города Воронежа в 12 веке // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып.2. Приложение. С.LVIII.

[15] Пясецкий Г.М. Указ. соч. С.29-32.

[16] Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1988. Кн.2. С.329.

[17] Татищев В.Н. История Российская. СПб., 1784. Кн.4. С.62-67.

[18] Валк С.Н. О рукописях третьей части "Истории российской" В.Н.Татищева // Татищев В.Н. История российская. М.-Л., 1965. Т.5. С.6, 11.

[19] ПСРЛ. Т.10. С.162-165.

[20] Русские летописи (далее РЛ). Рязань, 1997. Т.1. С.119-122.

[21] РЛ. Рязань, 1998. Т.2. С.236-238.

[22] ПСРЛ. М.-Л., 1963. Т.28. С.221-222.

[23] ПСРЛ. СПб., 1910. Т.23. С.92.

[24] ПСРЛ. Пг., 1921. Т.24. С.103-104.

[25] ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т.25. С.154-156.

[26] ПСРЛ. М.-Л., 1963. Т.28. С.62.

[27] ПСРЛ. М., 1965. Т.30. С.97.

[28] ПСРЛ. М., 1978. Т.34. С.100-101.

[29] ПСРЛ. М., 1997. Т.1. Стлб.481-482.

чен. Только две летописи – Раскольничья и Ростовская – из тех, что были в распоряжении исследователя, не сохранились. "Относить все известия, не читаемые в известных списках, за счет Раскольничьей летописи для 1-й редакции или Ростовской для 2-й, конечно, невозможно. А если допустить, что Татищев пользовался летописями до нас недошедшими, с каким-то исключительным, если не фантастическим составом известий, то надо признать, что их влияние на "Историю» было столь велико, что между так называемыми татищевским известиями и фактами, ставшими достоянием современной исторической науки, оказалась пропасть. Но такого заключения сделать нельзя», - писал авторитетный исследователь творчества В.Н.Татищева С.Л.Пештич[30].

Можно было бы не согласиться с мнением С.Л.Пештича и в противовес ему приводить точки зрения других не менее авторитетных ученых, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, В.Н.Татищев никогда не колебался в именовании князя Святослава "Липецким» или "Ливецким». В академическом издании "Истории», вышедшем в свет в 1965 г., осуществленном на основании рукописей В.Н.Татищева, хранящихся в РГАДА, князь Святослав всюду (и в основном тексте и в примечаниях, содержащих указания на разночтения) именуется "Липецким»[31].

Откуда же в издании "Истории» 1784 г. появился вариант "Ливецкий»? История первого издания книги, осуществленного с крайне дефектной рукописи при отсутствии квалифицированной научной редактуры[32] приводит к очевидному выводу: чтение "Ливецкий» представляет собой либо ошибку в дефектной копии рукописи, либо банальную опечатку. Эта ошибка натолкнула С.М.Соловьева на неверное предположение, которое некритически было воспринято Г.М.Пясецким, а под пером краеведов обратилось в неопровержимое доказательство существования древних Ливен и ливенских князей.

---

[30] Пештич С.Л. Русская историография 18 века. Л., 1961. Ч.1. С.261.

[31] Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1965. Т.5. С.58-61.

[32] Валк С.Н. О рукописях третьей части "Истории российской" В.Н.Татищева // Татищев В.Н. История российская. М.-Л., 1965. Т.5. С.14.

А. Ю. Савосичев, к.и.н.,
Орловский государственный университет

Пискаревский летописец как источник по истории древних Ливен

Впервые внимание автора к Пискаревскому летописцу, как документу, могущему содержать информацию о древних Ливнах, привлек В.М. Неделин. В научный оборот эти данные летописца ввела С.Д. Краснощекова, заключая, что летописец содержит текст царского указа, который «конкретно утверждает существование Ливен в XII в.»[1] Однако с сожалением приходится констатировать, что при работе с Пискаревским летописцем ею был пропущен весьма существенный элемент методологии исторического исследования – научная критика источника.

Первичный источниковедческий разбор Пискаревского летописца был произведен М.Н. Тихомировым и О.А. Яковлевой. Определено время составления источника – вскоре после 1615 г., произведено членение его на отдельные текстологические блоки, примерно очерчен круг источников, использованных автором летописца. Установлено, что многие известия за XVI – начало XVII вв. являются пересказом неизвестных источников, а также устных преданий, слухов, рассказов современников. Часть наиболее поздних записей была сделана, вероятно, по личным наблюдениям составителя летописца или, часто, по позднейшим припоминаниям таких наблюдений[2].

Какие из накопленных данных следуют выводы? Во-первых. Поздний характер летописца исключает возможность того, что его составитель мог делать какие-то личные наблюдения над событиями домонгольской эпохи. Следовательно, необходимо решить вопрос об источниках которыми пользовался автор летописца и их достоверности. Во-вторых. Сложный, компилятивный состав документа требует отдельного анализа для каждого сообщения летописца, Попытаемся провести такой анализ.

«Того же году великий государь царь и великий князь Федор

---

[1] Краснощекова С. Д. Городище Ключевка - древние Ливны // На берегах Быстрой Сосны. Ливны, 2000. № 5. С. 81.

[2] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 4

Иванович всеа Русии великим хотением и желанием распространяет Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимир, крестившу Рускую землю святым крещением приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичу Годунову и дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову городы ставити на поле и в Сивере, и к Астрахани, которыя за много лет запустеша от безбожных агарян и от междуусобные брани; елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и иныя многий польския и сиверския»[3], — так изложено интересующее нас сообщение в тексте Пискаревского летописца. Имеем ли мы дело с пересказом[4] подлинного царского указа, как полагает С.Д. Краснощекова, или перед нами изложение устных преданий, слухов, рассказов современников, припоминание личных впечатлений летописца. Тщательное рассмотрение текста документа заставляет усомниться в верности мнения С.Д. Краснощековой.

Формула «того же году» легко расшифровывается. Сообщение о строительстве крепостей на южной границе включено в состав летописного рассказа с общим заголовком «О мятеже на Москве», Повествование о событиях боярской смуты в столице начинается фразой — «того же году 92-го». Далее следуют сообщение о начале строительства стен Белого города в Москве и интересующий нас текст, начинающиеся фразой «того же году», 7092 год от сотворения мира соответствует 1583/84 г, от рождества Христова. Так как Федор Иванович взошел на престол в 1584 г., то указ о строительстве крепостей на южной границе России следует датировать этим же годом, Тут и начинаются сомнения. Койса была построена в 1594 г.[5], Оскол - в 1586 г., Валуйки - 1599 г,, Белгород - 1598 г,, Самара - 1586 г., Кромы - 1592 г.[6] Получается, что приказ был отдан в 1584 г., а выполнен минимум через 2 - максимум через 15 лет. Это тем более странно, что внешнеполитическая ситуация, потребовавшая строительства Койсы — крепости в Дагестане в предгорьях Кавказа — сложилась только к началу 90-х гг. XVI в. В 1584 г. предвидеть эту сложную военную операцию было никак нельзя.

[3] Там же. С. 195.

[4] Предположение о том, что перед нами цитата подлинного указа следует отбросить сразу. Язык летописца не соответствует языку официальных документов.

[5] Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 187.

[6] Белгородская черта // Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т.2. С. 215.

Далее. Источниками зафиксировано, что в домонгольский период были города (или поселения иного типа) на месте (или в непосредственной близости от) Белгорода[7], Кром[8] и Монастырева[9]. Данных о существовании в XII - XIII вв. Койсы, Оскола, Валуек и Самары автору этих строк найти не удалось. Койсы и Самары в этот период существовать просто не могло. Ни на Северный Кавказ, ни на Среднюю Волгу пределы русских государств данного периода не распространялись.

Ergo. Сообщение Пискаревского летописца о строительстве крепостей недокументально. Летописец не имел в распоряжении подлинного царского указа и маловероятно, чтобы у него вообще были под рукой какие-то документы. На наш взгляд, автор пользовался либо личными воспоминаниями, либо рассказами современников описываемых событий.

Боярская смута в Москве произошла в первые месяцы царствования Федора Ивановича[10]. Они датированы в Пискаревским летописце точно, ибо имеют жесткую хронологическую привязку — смерть Ивана Грозного. Уход из жизни государя, правившего Россией более полувека, был для современников значительным событием, твердо запечатлевшимся в памяти.

Первые укрепления Белого города были возведены к маю 1585 г. Возможно, указ о начале их строительства был действительно издан в 1584 г. Эта дата обязана своей точностью опять же смерти Ивана Грозного. Следующее сообщение о крепостях служит логическим продолжением повествования о градостроительной деятельности царя. Цель летописца понятна — возвеличить монарха. Именно этой задаче служит сравнение Федора Ивановича с Владимиром Святым и не случайно автор сообщает, что новый город в Москве назван «Царьград». Именно поэтому составитель Пискаревского летописца и помещает сведения о сооружении всех пограничных крепостей («и иныя многия польския и сиверския») под одним годом. Точных дат основания южных городов автор, скорее всего, не знал, хотя бы потому, что ему они были просто

[7] Большая Советская энциклопедия. М., 1970. Т. 3. С. 102.

[8] Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 46.

[9] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стлб. 302. Монастырев это летописный Моривийск (Моровск) на р. Десне в Черниговской земле (Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 145).

[10] Зимин А.А. Указ. соч. С. 110-117.

не интересны, ибо не нужны для целей повествования. Нужно ли было автору производить тщательные изыскания в древних манускриптах, чтобы установить факты существования около четырех веков назад поселений на месте вновь основанных городов? Вряд ли. Вчитаемся еще раз в строки летописи. Толкование их не столь однозначно как представляется С.Д. Краснощековой, Фраза «за много лет запустеша от безбожных агарян и от междуусобные брани», судя по синтаксической конструкции предложения, может относиться как к городам, так и к области «на поле и в Сивере, и к Астрахани». Логика летописи убеждает в том, что более вероятно второе. О разорении южных областей государства автор вполне мог знать. Это факт лежащий на поверхности. Узнать, что Белгород, Кромы, Монастырев существовали несколько сот лет назад, были разорены и теперь восстановлены, можно было только после тщательных изысканий в архивах.

Возможно, дело обстоит еще проще и фраза «за много лет запустеша от безбожных агарян и от междуусобные брани» не что иное как литературный оборот, проявление средневекового традиционализма, когда всякое значительное преобразование представляется не как реформа, новшество, а как восстановление традиций старины, в данном случае славных времен Владимира Святого.

Подведем итог. Сведения Пискаревского летописца не содержат никакого «указа 1584 г.» и не могут, на наш взгляд, конкретно утверждать существование Ливен в XII в.

Если отвлечься от данных источниковедческого анализа и предположить, что московский книжник действительно располагал уникальными данными о существовании «елецких князей вотчины Ливны» до 1586 г.? Почему непременно именно XII - XIII вв. должны быть временем существования «вотчины»? Никаких убедительных доказательств этого тезиса мы у С.Д. Краснощековой не нашли.

Никоновская летопись донесла до нас сведения о князе Андрее Ростиславиче – дяде тех Глебовичей, которые, согласно Родословию Рязанских князей сидели «на Ливне». В 1147 г, он «... прииде из Рязани с Ельца князь Андрей Ростиславичь к Давидовичам в Чернигов»[11] Данная летопись – памятник опять же поздний - XVI в.

[11] ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 173.

В древнейших сводах такого сообщения нет. Избыточная информация Никоновской летописи представляет собой источниковедческую проблему, которая до сих пор не решена. Вне зависимости от того, можем ли мы доверять приведенному сообщению или нет, оно не доказывает существования Ливен в XII в. Город Ливны Никоновской летописью не упоминается. Не упоминаются более и князья домонгольского времени, сидевшие в Ельце. Не было там удела рязанских князей и после 1237 г. Елецкие князья вновь появляются на исторической арене только в XIV в.[12] «А князь Иван княж Титов сын Семеновича Карачевского. А у князя Ивана сын князь Федор Елетцкой, под тем Темир Аксак Елеч взял», – читаем мы в Румянцевской редакции родословных книг[13]. В источниках кн. Федор упоминается дважды под 1380 и 1395 гг.[14] Кого составитель Пискаревского летописца имел в виду под «елецкими князьями»? Андрея Ростиславича или потомков Федора Ивановича? Более вероятно, на наш взгляд второе. Автор, еще раз подчеркнем, не производил глубоких архивных изысканий для написания статьи о южных крепостях, а пользовался, скорее всего, устными источниками и личными впечатлениями. Более логичным в такой ситуации было вспомнить кн. Елецких, потомков Федора Ивановича, своих современников. Ливны были построены на территории, когда-то входившей в состав владений кн. Елецких и, видимо, в этом смысле были названы их «вотчиной». А может быть, права первооткрывательница Пискаревского летописца О.А. Яковлева? Она разбивала фразу «елецких князей вотчина Ливна» на две части, ставя запятую после слова «вотчина». Получалось, что в правление Федора Ивановича были построены отдельно город Ливны и отдельно город «елецких князей вотчина», т.е. собственно Елец[15].

Вывод, на наш взгляд, очевиден. Данных Пискаревского летописца совершенно недостаточно для заключения о существовании города Ливен в домонгольский период.

[12] Тропин Н.А. Письменные источники и отечественная историография о Елецкой земле XII - XVI в. // Елец и его окрестности. Тезисы научной конференции. Елец, 1991. С. 28.

[13] Новые родословные книги XVI в. // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 167.

[14] Шеков А.В. Верховские княжества XIII - середина XVI вв. Тула, 1993. С. 94.

[15] Яковлева О.А. Пискаревский летописец //Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 165

К. А. Аверьянов, к.и.н., Институт российской истории РАН

Из ранней истории Боровска*

Одним из древнейших городов Калужского края является Боровск. Но сведения по его ранней истории весьма скудны. В духовных грамотах московских князей он впервые упоминается в завещании 1358 г. великого князя Ивана Красного.[1] Однако, из него совершенно не ясно, когда этот город стал владением Москвы, от кого достался московским князьям, какой имел статус в Московском княжестве и т.п.

Другое свидетельство о древнем Боровске содержится в «Житии Пафнутия Боровского», согласно которому дед святителя - Мартин был здесь баскаком.[2] Собственно этими двумя известиями и ограничиваются наши данные об этом городе за XIV в. Между тем последнее из них позволяет затронуть одну из важнейших проблем отечественной истории - организацию системы ордынской власти на Руси.

Считается, что вскоре после монголо-татарского нашествия завоеватели для организации правильного и регулярного сбора дани разделили Северо-Восточную Русь на полтора десятка областей, называвшихся «тьмами», границы которых, возможно, совпадали с территориями отдельных княжеств, во главе которых находились специальные агенты Орды - баскаки, ответственные за сбор и поступление дани в ханскую казну. Утверждение это основано на ряде источников.

Под 1359 г. русские летописи сообщают, что в Орде был убит хан Бердибек. Его преемник Кульпа царствовал лишь около полугода и был также убит Наврусом, занявшим ханский престол. «В те же въ бранныя времена», по выражению летописца, в Орде среди прочих князей, явившихся для представления новому хану, пришлось быть и князю Андрею Константиновичу Суздальскому.[3] Рогожский летописец при описании этих событий помещает уникальное известие, раскрывающее подробности пребывания суздальского князя в Орде: «По Коулпе царствова Навроус, къ немоу же первое прииде князя великого сынъ Ивана Ивановича Дмитреи и вси князи Русьстии и виде царь князя

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 00-01-00232а «Историческая география России»)

Дмитрея Ивановича оуна соуща и млада возрастомъ и насла на князя Андрея Костьнянтиновича, дая емоу княжение великое, *15 темь*, он же не яся, но состоупися брату своему меньшему князю Дмитрею, а самъ поите на Роусь».[4]

Что означает встречающееся здесь выражение «темь» или «тьма»? В тогдашнем языке оно обозначало число 10000. Именно в этом значении оно употребляется летописцем, когда под 1371 г. он рассказывает, что Дмитрий Донской привел «съ собою из Орды княжа Михаилова сына Тферскаго князя Ивана, окупив его у татаръ в долгу, дасть на нем 10000 рублевъ серебра, еже есть тма». [5] Но это слово имело и другое значение: в областях Ирана, Самарканда, Бухары термином «туман», «тюмень» обозначали мелкие территориальные единицы. Очевидно, именно в этом значении («область, округ») мы встречаем этот термин в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея 1506-07 гг. великому князю литовскому Сигизмунду. И хотя этот источник относится лишь к началу XVI в., в своем основном ядре он восходит к более ранней эпохе. Речь в нем идет о русских землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского при Витовте и Казимире. Задним числом Менгли-Гирей соглашается признать право владения этими землями за Сигизмундом с тем, чтобы он взамен давал известное количество «поминков» в Крым. Читаем: «Дали потомуж: Киевскую тму, со всими входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Володимерскую тму, со всими входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Великого Луцка тму, со всими входы и данми, и зъ землями и зъ водами; Смоленскую тму, со всими входы и зъ данми, и зъ землями и зъ водами; Подолскую тму, со всими входы и зъ данми, и зъ землями и водами;» и т.д.[6]

Свидетельство этого источника привело А.Н. Насонова и других исследователей к выводу, что термин «тьма» мог употребляться не только в смысле «область, округ», но и в специальном значении податного округа.[7] Действительно, в XIII - XIV вв. на Руси знали счет населения в «тьмах». Связано это было с тем, что вскоре после татаро-монгольского нашествия завоеватели произвели на Руси перепись всего населения, для определения размеров дани, которая должна была идти в Орду. Под 1257 г. русские летописи помещают известие об этой переписи: «Того же лета бысть число, приидоша числьницы и изочтоша всю землю Суждалскую и Рязянскую и Моуромскую, и поставиша де-

сятникы, сотникы, тысущникы, темникы, толико не чтоша поповъ и диаконовъ и чернцевъ». Спустя два года это же мероприятие было проведено в Новгороде: «Тое же зимы приидоша числьницы ис татар чести Новагорода Великаго и изочтоша Новъгородъ».[8] Но результаты этой переписи не совсем удовлетворили татарскую администрацию - слишком много было уклонившихся от нее и поэтому в 1273 г. была проведена повторная перепись: «бысть число второе из Орды от царя».[9]

Но что следует понимать под фразой «княжение великое, 15 темь»? В поисках ответа на этот вопрос А.Н. Насонов обратил внимание на одно известие из «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает: «князь велики Витовтъ Литовьский сдумавше съ царемъ Тактамышемъ поити на царя Темирь Котлуя. Витовтъ рече: "я тебе посажю на Орде и на Сараи и на Болгарехъ и на Азтарахани и на Озове и на Заятцькой Орде, а ты мене посади на Московьскомъ великомъ княжении и на всей *семенатьцати темъ* и на Новеграде Великомъ и на Пъскове, а Тферь и Рязань моа и есть, а Немци и самъ возму»».[10] Встречающееся в нем выражение «17 темъ» очень близко к цифре «15 темь» Рогожского летописца и так же связывает его с территорией великого княжения Владимирского. Не удивительно, что основываясь на этих источниках, А.Н. Насонов предположил, что «не исключена, таким образом возможность, что слова "княжение великое 15 темь» свидетельствуют о количестве плательщиков (или семейств) в пределах "великого княжения Владимирского» (т.е. о 150 тыс. плательщиках), хотя возможно и другое объяснение: ничего нет невероятного в том, что территория великого княжения Владимирского делилась на 15 "туманов» или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимавшейся дани».[11]

Последующая историография в целом согласилась с мнением А.Н. Насонова, что «темь» или «тьма» - "это единица административно-податного деления в русских пределах, установленная ордынцами», а великое княжение Владимирское в XIV в. было поделено татарами на 15 округов - «тем» (таких, как Владимир, Суздаль и т.д.)

И, хотя в целом, это объяснение выражения «княжение великое, 15 темь» выглядит достаточно убедительным, выдвинувший его А.Н. Насонов все же испытывал определенные сомнения по его правильности, главным из которых было то, что «в источниках мы не нашли пока никаких следов существования "тем» как мелких территориальных единиц на русском Северо-востоке».[12]

Между тем, хотя лишь один раз, но термин «тьма» все же встречается в духовных и договорных грамотах XIV - XV вв. - в докончании 1445 г. князя Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями: «А въ прадедину нашю, и в дедину, и въ отчину, в Суздаль, в Новгород (имеется в виду Нижний Новгород. - *К.А.*), в Городець, и въ Вятку, и во *всю пятетем Новъгородскую*, тобе, господину нашему, князю Дмитрию Юриевичю, и твоему сыну, князю Ивану, не въступатися ничим».[13]

Что же подразумевается в грамоте под выражением «всю пятетем Новъгородскую»? В переводе на современный язык его следует читать как «все пять тем новгородских». Поскольку грамотой это выражение перечисляется в одном ряду с Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом и Вяткой, следует предположить, что оно обозначало определенную географическую область, такую же, как вышеперечисленные, и сравнимую с ними по своим размерам. Указание же грамоты, что эта область являлась новгородской (в данном случае речь идет, конечно же, не о Великом Новгороде, а о Нижнем) заставляет искать ее в пределах Нижегородского княжества.

Определенные указания на это дает известие Рогожского летописца под 1364 г.: «бысть моръ силен велик на люди в Новегороде въ Нижнем и на уезде, и на Сару, и на Киши, *и по странамъ, и по волостемъ*».[14] Некоторое недоумение в этом сообщении вызывают слова «и по странамъ, и по волостемъ».

Русские летописи, полные сообщений о различного рода эпидемиях, при характеристике их размеров и произведенных опустошениях иногда используют выражение «страны», но употребляют его исключительно в значениях «государство», «княжество». В этом легко убедиться, читая рассказ все того же Рогожского летописца о продолжении той же эпидемии, начавшейся в 1364 г.: «А преже того былъ моръ в Новегороде въ Нижнемъ, а пришелъ съ низу, от Бездежа в Новъгородъ в Нижнии, а отътоле на Коломну, а съ Коломны на другое лето в Переяславль, а отъ Переяславля на другое лето на Москву. Тако въ всехъ странахъ и градехъ и въ всехъ пределехъ ихъ былъ моръ великыи, страшныи».[15]

В приведенном же нами предшествующем отрывке речь идет исключительно о территории Нижегородского княжества, где, понятное дело, не могло быть других «государств».[16] Притом эти «государства» должны были быть совершенно крошечными, поскольку, судя по контексту известия, понятия «страны» и «волости» однопорядковые, означающие мелкую территориальную единицу. Тем не менее, летописец сознательно употребляет в сообщении не одно из этих слов, а одновременно два. Отсюда мы можем предположить, что в Нижегородском княжестве наряду с волостями существовали и иные мелкие территориально-административные единицы, отличные от них.

Ясность в этом вопросе наступает только тогда, когда мы вспомним о том, что именно термином «темь» или «тьма» можно было обозначить небольшую территориальную округу. Очевидно, упоминаемые в этом известии Сара и Кишь являлись ничем иным, как «тьмами». Однако слово «тьма» в тогдашнем языке имело и другое, числовое значение (10 тысяч) и поэтому летописец в своем известии предпочел дать не сам термин, а его русский перевод.

Итак, в пределах Нижегородского княжества, по соседству с Нижним Новгородом находились две территориально-административные единицы - Сара и Кишь, - возможно, носившие название «тьма»[17]. Но окончательно в этом можно убедиться лишь тогда, когда найдем остальные три. Они, вероятно, лежали поблизости от первых двух, и поэтому нам необходимо обратиться к другим известиям летописца, где упоминаются и другие административно-территориальные единицы этого района. Под 1375 г. имеется сообщение, что «пришедше татарове из Мамаевы орды и взяша Кишь и огнем пожгоша и боярина убиша Парфениа Федоровича и *Запиание* все пограбиша».[18] Еще одно упоминание этих мест содержится в описании отступления татар после их набега на Нижний Новгород в 1408 г.: «И поидоша отъ Новагорода воюючи *Уяды* и Березово поле, тако поидоша обаполъ и по лесомъ ищучи людей и оттоле поидоша къ Суре, начаша Суру воевати, *Кормышъ* пожгоша и Сару Великую пожгоша»[19]

Все упомянутые в этих известиях пять пунктов - Сара, Кишь, Запьяние, Уяды и Курмыш, за исключением Березова поля, которое находилось непосредственно у Нижнего Новгорода, компактно располагались вдоль нижнего течения р. Суры, ее левых

притоков Пьяны и Кишь. Во второй половине XIV - первой половине XV в. они входили в Нижегородское княжество и образовывали на его восточной окраине единую область с центром в Курмыше.[20] Судя по грамоте 1445 г. она именовалась как «пять тем нижегородских».

И хотя эта область входила в состав Нижегородского княжества, она делилась не на волости, а на «тьмы». Это объясняется тем, что преобладающим элементом здешнего населения были не русские, а мордва и татары. Об этом свидетельствует летописный рассказ о нижегородском «госте» Тарасии Петрове, купившем в этих местах приблизительно в 60 - 70-х годах XIV в. себе «вотчину шесть сел» у местного, вероятно мордовского, князя Муранчика.[21] Селились здесь и татары, приходившие из Орды. Так, под 1361 г. Рогожский летописец сообщает: «А Секиз бии Запиание все пограбил и, обрывся рвомъ, ту седе».[22]

В литературе приобретение этих земель суздальско-нижегородскими князьями обычно относят к 60 - 70-м годом XIV в.[23] Суздальские князья, присоединив эту территорию, не спешили вводить здесь прямое русское управление с привычным для нас делением на волости, а оставили для местного мордовского и татарского населения известную автономию и прежнюю систему административно-территориального устройства, состоящую из «тем». Таким образом, под термином «тьма» следует понимать мелкую административно-территориальную единицу, аналогичную волости, на землях, населенных по преимуществу нерусским населением, и сохранявшую определенную самостоятельность во внутреннем управлении.[24]

Появление этих новых административно-территориальных единиц в пределах Русской земли объяснялось тем, что уже с достаточно раннего времени в Орде начинаются смуты и междоусобицы. Ожесточенная грызня за ханский престол выбрасывала за пределы Большой орды царевичей и вельмож, потерпевших поражение в этой борьбе. Вместе с ними, спасаясь от мести победителей, бежали десятки и сотни их сторонников. Вся эта масса оседала на малозаселенных местах между русскими княжествами, Литвой и Великой степью, создавая ту широкую буферную зону между Русью и Ордой, которую уже в XV в. назовут «украиной». Русские и литовские князья охотно принимали выходцев из Орды, предоставляя им свободные земли, справедли-

во полагая, что могут использовать их в качестве заслона против татарских набегов.

До поры до времени эти выходцы из Орды сохраняли достаточно широкую автономию в делах внутреннего управления, привычный уклад жизни и прежних правителей, а зависимость от русских князей, судя по всему, выражалась лишь в эпизодической посылке военных отрядов против их врагов. В то же время они продолжали сохранять и определенные связи с Ордой, порой участвуя во внутриордынских спорах и противоречиях. Занимая широкую «буферную» зону между Ордой и Русью, которая тянулась вдоль всей кромки русских земель, в своей политике они балансировали между этими двумя государственными образованиями, готовые в любой подходящий момент склониться на сторону сильнейшего. Поэтому зависимость этих территорий от русских княжеств то ослабевала, то усиливалась, в соответствии с «текущим моментом».

Для нас же в этом вопросе важно другое. Мы установили - где располагались пять нижегородских «тем». Вероятнее всего, их вхождение в состав Суздальского княжения следует приурочить к 1360 г., когда суздальский князь Дмитрий Константинович вместо отказавшегося своего старшего брата Андрея получил великое княжение и 15 тем. Однако известие Рогожского летописца под 1359 г. говорит о 15 «тьмах». Но где же находились остальные 10 «тем», полученные суздальскими князьями в 1360 г.? Очевидно, они располагались на территории Мещеры, которая также, судя по известию грамоты 1401-02 гг., когда-то принадлежала суздальским князьям.[25]

В этой связи мы не можем не коснуться и вопроса о баскаках. Мы только что выяснили, что под «тьмой» следует понимать небольшую административно-территориальную единицу с преимущественно нерусским населением. Все они располагались в широкой полосе пограничья русских земель с Ордой. Кто же возглавлял «тьмы»?

А.Н. Насонов, рисуя картину ордынской власти на Руси, создает стройную схему ее организации из баскаческих отрядов во главе с владимирским баскаком, называвшимся «великим», которому были подчинены другие баскаки, державшие баскачества разных княжений. Все это, по мнению ученого, было направлено для решения лишь одной задачи - держать в повиновении покоренное население.[26] В этой связи логичными представляются его выводы о том, что Великое княжение Владимирское было разделено на 15 областей - «тем».[27] Пытаясь подтвердить свою версию, он сумел обнаружить по «Спискам населенных мест Российской империи» в ряде губерний центральной России поселения с названиями: Баскаки, Баскаково, Баскачи и т.п. По его мнению, происхождение части этих названий связано с местопребыванием или деятельностью баскаческих отрядов или баскаков.[28]

Однако, он не учел того обстоятельства, что более половины населенных пунктов центральной России получили свои названия от имен, прозвищ, фамилий своих первых владельцев или первопоселенцев.[29] На Руси, между тем, по данным дворянских родословных книг, известно несколько родов Баскаковых. И хотя представителям этой фамилии удалось проследить родословие отдельных ее ветвей лишь до рубежа XVI - XVII вв., несомненно, что она существовала и раньше. Поэтому говорить о том, что указанные А.Н. Насоновым селения происходят от когда-то стоявших в этих местах баскаческих отрядов, было бы весьма неосторожно.

Просматривая немногочисленные упоминания русских летописей о баскаках, мы должны обратить внимание только на одну сторону их деятельности, точнее на те географические районы, где они действовали. И здесь нас подстерегают неожиданности, на которые историки не обращали внимания.

Под 1331 г. летописи рассказывают о том, что новоизбранный новгородский владыка Василий отправился для своего посвящения на Волынь, где находился тогда митрополит Феогност. На обратном пути, уже под Черниговом, его настиг «Феодоръ князь Кыевъскыи со баскаки въ 50 человекъ розбоемъ».[30] Широко известен летописный рассказ о баскаке Ахмате, активно действовавшем в 1280-х годах в районе Курска и создавшем там свои слободы.[31] Упоминаются баскаки в грамотах русских митрополитов, адресованных населению территории, примыкавшей к Червленому Яру (возле Хопра и Дона), чья принадлежность была спорной между Рязанской и Сарайской епископиями,[32] а также, судя по московско-рязанскому докончанию 1381 г., в Туле.[33]

Складывается довольно любопытная картина: ареал деятельности баскаков оказывается связанным с той же самой широкой

«буферной» полосой русско-ордынского пограничья, где источниками фиксируются мелкие территориальные единицы «тьмы».

Некоторым диссонансом в этом смысле может показаться известие 1269 г., когда князь Святослав Ярославич «прииде в Новъгород, бяше же с ними баскакъ великии Володимерьскии именем Армаганъ, и хоте ити на город на неметцкии Колыванъ, и уведаша немци, прислаша послы своя с челобитьемъ, глаголюще: "челом бьем, господине, на всеи твоеи воли, а Неровы всее отступаемся». И тако взя миръ с немци».[34] Но это противоречие снимается, когда мы узнаем, что свои войска князь Святослав собирал по приказу своего отца великого князя владимирского Ярослава Ярославича в «Низовской земле». Очевидно, где-то по соседству располагались и владения баскака Амрагана (Армагана). Поскольку он зависел от великого князя владимирского, вполне объяснимо его упоминание летописцем как «баскака великого владимирского».[35]

Наконец, под 1305 г. Лаврентьевская летопись сообщает о смерти баскака Кутлубуги, который был связан с Ростовской землей.[36] На рубеже XIII - XIV вв. ростовским князьям принадлежали огромные лесные пространства русского пограничья, лежавшие по р. Ветлуге, где компактно проживало нерусское население. Правда, следует отметить, что здешние мелкие территориально-административные единицы не носили названия «тьма», а именовались «дорога». По документам XVII в. на р. Ветлуге, наряду с чисто русскими волостями, известны «Лапшангская» и «Вятская» дороги.[37]

Это обстоятельство заставляет вспомнить, что в XIV в. термин «баскак» исчезает из русских источников и заменяется словом «даруга» (или «дорога» в русифицированной форме). Не останавливаясь на выяснении причин этого явления, отметим высказанное в литературе мнение, что тюркский термин «баскак» однозначно соответствует монгольскому «даруга».[38] Каковы были функции «даруги»? А.Н. Насонов, продолжая строить свою схему ордынского владычества на Руси, утверждал, что они занимались тем же, что и баскаки - сбором дани, только с той разницей, что "теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим «дорогой», т.е. московский князь с «дорогой московским», тверской с «дорогой тверским» и т.п. Так, под 1432 г. в Симеоновской летописи упомянут «московский дорога» Минь-

Булат, а под 1471 г. - «князь Темирь, дорога рязанской». Отсюда следует предположить, что существовали «дорога тверской» и «нижегородско-суздальский» и, может быть, другие».[39] Но при ближайшем знакомстве - с какими географическими регионами была связана деятельность «даруг» - становится ясным, что эти предположения остаются не более чем игрой ума.

Под 1376 г. летописец сообщает о походе воевод Дмитрия Донского и его тестя князя Дмитрия Константиновича Суздальского «ратью на безбожныя Болгары». Несмотря на то, что осажденные «из града громъ пущаху», а другие выезжали на верблюдах, «полошающе кони русскыя», победа была за русскими. «князи же болгарьскии Осанъ и Махматъ салтанъ и добиста челомъ князю великому и тьстю его князю Дмитрею Костянтиновичю, а *дарагу* и таможника посадиша князя великого в Болгарех и отъидоша прочь».[40] Еще раз термин «даруга» встречается в летописи под 1438 г. при описании переговоров перед Белевским боем, когда татарский царь Махмут послал к русским воеводам «зятя своего Ельбердеа да *дараг*, князеи Усеина Сараева да Усень Хозю».[41] Как видим, речь снова идет о пограничных территориях русско-ордынского порубежья.

К этой же территории относится и упоминание Симеоновской летописью «рязанского дороги» Темиря под 1471 г.[42] Он, очевидно, управлял теми «тьмами» в Рязанской земле, свидетельство о существовании которых находим в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду.[43] Что же касается «московского дороги» Минь-Булата, у которого в 1432 г. находились великий князь Василий Темный и его дядя князь Юрий Галицкий, то вспомнив об известии «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает о Московском великом княжении и 17 «тьмах»,[44] мы выясняем, что его владения вероятнее всего лежали в районе Тулы, которая московско-рязанским договором 1381 г. именуется как «место» московского князя. Таким образом становится понятным, что речь идет все о тех же русско-ордынских пограничных землях.

Отсюда вытекает и наш основной вывод: эти земли русско-ордынского пограничья, широкой полосой протянувшиеся вдоль всей кромки русских княжеств представляли собой территории с редким русско-татарским населением, преобладающим элементом которого были выходцы из Золотой Орды. Административно они

состояли примерно из полутора десятков мелких образований, носивших названия «тьмы», и управлявшихся главами этих образований, носивших приблизительно до середины XIV в. название баскаков, а позднее — даруг. Разница в количестве «тем» (15, по сообщению летописи под 1359 г., и 17, по известию 1399 г.) объясняется тем, что первое из них не учитывало двух «тем» — Боровской, где баскаком сидел дед Пафнутия Боровского, и Тульской, упоминаемой в московско-рязанском докончании 1381 г.[45]

В своем внутреннем управлении они пользовались достаточно широкой автономией, объяснявшейся тем, что в зависимости от политической ситуации они могли то признавать верховенство русских князей, то склоняться на сторону Орды. В этом плане довольно показательна статья московско-рязанского договора 1381 г. о Туле: «А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанскои стороне, Тула, как было при царице при Таидуле, и коли ее баскаци ведали, в то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрию». На первый взгляд, возникает совершенно парадоксальная ситуация: Тула принадлежит Дмитрию Донскому, но последний не имеет права сюда «вступати». Ее можно объяснить только автономностью этой территории на начало 80-х годов XIV в.

Одним из таких образований и являлся Боровск, владельцы которого вплоть до второй половины XIV в. сохраняли свою автономию, маневрируя между Москвой, Ордой и Литвой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М.; Л., 1950. № 4. С. 15, 18. (Далее: ДДГ).

[2] О «Житии» см.: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII - XIV вв. СПб., 1999. С. 201 и след.

[3] Полное собрание русских летописей Т. X. СПб., 1885. С. 230 - 231. (Далее: ПСРЛ). А.Н. Насонов по татарским источникам выяснил, что Наврус сменил Кульпу приблизительно в январе - феврале 1360 г. и вскоре после этого русские князья приехали в Орду для представления новому хану. (*Насонов А.Н.* Монголы и Русь /История татарской политики на Руси/. М.; Л., 1940. С. 121. Прим. 5).

[4] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 68. Выделено нами.

[5] Там же. Т. XXV. С. 187.

[6] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб., 1848. № 6; Ср.: Там же. № 200.

[7] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 98 - 99.

[8] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 32.

[9] Там же. Т. IV. С. 42.

[10] Там же. Т. XXII. Ч. 1. СПб., 1911. С. 423. Выделено нами.

[11] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 99.

[12] Там же. С. 99. Прим. 4.

[13] ДДГ. № 40. С. 119. О датировке грамоты см.: *Кучкин В.А., Флоря Б.Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 191 - 217.

[14] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 76.

[15] Там же. Стб. 77.

[16] В.А. Кучкин полагал, что речь здесь идет о неких местностях («странах») и административных единицах («волостехъ») Нижегородского княжества (*Кучкин В.А* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984. С. 227).

[17] Сара и Кишь локализуются к юго-востоку от Нижнего Новгорода и располагались в районе р. Суры (Сары) и ее притока Кишь. О локализации этих пунктов см.: *Кучкин В.А* Формирование. С. 227 - 228.

[18] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 109. Здесь и далее выделено нами.

[19] Там же. Т. XV. Стб. 484.

[20] Центром этой области с 1372 г. стал Курмыш: «Того же лета князь Борисъ Костянтинович постави себе город на реце на Суре и нарече его именем Курмышь» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 187).

[21] *Насонов А.Н.* Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М., 1958. С. 246 - 247; Ср.: *Кучкин В.А.* Формирование. С. 216 - 217.

[22] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 71.

[23] *Кучкин В.А.* Формирование. С. 217.

[24] О том, что под термином «тьма» следует понимать именно небольшую территорию, свидетельствует и упоминание в Любецком синодике жившего на рубеже XIII - XIV вв. князя Олега Романовича Брянского, «оставившего двенадесять темъ людей». (*Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26, 82 - 86). Если мы еще можем согласиться с тем, что во всем Великом княжении Владимирском в XIV в. было 150 тысяч плательщиков татарской дани (предположив, что татарские переписи охватывали именно семьи, а не отдельных лиц), то вряд ли в далеко не самом крупном Брянском княжестве их насчитывалось 120 тысяч.

[25] ДДГ. № 16. С. 44.

[26] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 145 - 146.

[27] Там же. С. 98 - 99.

[28] Там же. С. 18 - 19.

[29] См.: *Веселовский С.Б.* Топонимика на службе у истории // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 24 - 52.

[30] ПСРЛ. Т. XXV. С. 170.

[31] Там же. Т. X. С. 162; Т. VII. СПб., 1856. С. 176 - 178.

[32] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 312. С. 341 - 343; № 313. С. 343 - 345.

[33] ДДГ. № 10. С. 29.

[34] ПСРЛ. Т. XXV. С. 148.

[35] Судя по всему, центром владений «баскака великого владимирского» мог быть лежавший на границе русских владений Муром. Во всяком случае,

летописи не называют с середины XIII в. на протяжении почти столетия ни одного из муромских князей (См.: *Экземплярский А.В.* Ук. соч. Т. II. С. 616 - 618).

[36] Там же. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 528.

[37] *Холмогоровы В.И., Г.И.* Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Пафеньевым и Чухломою жилых данных церквей. 1628 - 1710 и 1722 - 1746 гг. Кострома, 1895. С. 219, 221, 225, 257, 265, 271; Вып. 2. Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. 1680 - 1710 и 1722 - 1746 гг. Кострома, 1900. С. 71, 72, 81, 103, 104, 112.

[38] См.: *Кривошеев Ю.В.* Ук. соч. С. 216. Прим. 225.

[39] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 104 - 105.

[40] ПСРЛ. Т. XXV. С. 192. Здесь и далее выделено нами.

[41] Там же. С. 260.

[42] Там же. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 224.

[43] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. СПб., 1848. № 6. С. 5.

[44] ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. С. 423.

[45] ДДГ. № 4. С. 15, 18, № 10. С. 29.

Л. В. Митрошенкова, *Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 г.*

Волость Заячков в XIV – XVII вв.

Волости (административно-территориальные единицы) восходят своим происхождением к древнерусской верви, как считает один из известнейших исследователей средневековья Ю.В. Готье[1]. В результате расширения родовых отношений в ее пределы стали входить окрестные территории. Оформление границ волостей происходило в связи с процессами освоения территории с одной стороны, а с другой - с развитием частного землевладения на Руси.

Реконструкция ранней истории наиболее древних волостей имеет значение для прояснения до сих пор не вполне исследованных процессов формирования границ и административно-территориального деления Московского княжества и государства.

Особенностью волости (стана) Заячкова, делающей ее изучение еще более важным, является то, что она была удалена от основной территории Малоярославецкого уезда, которому принадлежала. На протяжении 2,5 столетий Заячков

представлял собой своеобразный анклав Ярославецкого уезда посреди чужих территорий. Его изучение позволит прояснить своеобразие владельческих отношений и системы хозяйственного управления владениями великокняжеской семьи и родственных им домов. Задача настоящей работы — обратить внимание на наиболее важные и характерные черты истории одной из древнейших административных единиц Ярославецкого уезда.

Первое упоминание волости Заячков в исторических документах относится к середине XIV в. До середины XVIII в. волость входила в состав Малоярославецкого уезда, а затем, в результате "елизаветинского межевания» целиком была передана в Боровский уезд. Наибольший интерес представляет ранняя история волости — до окончания процесса формирования административных границ Ярославецкого уезда (и в том числе —"Заечковского стана») в начале XVII в.

Источниковую базу данной работы составляют духовные и договорные грамоты московских и удельных князей[2], Список с приправочной книги И. Вельяминова 1587-88 гг.[3] и Писцовая книга Ярославецкого уезда В.И. Колычова и подьячего В. Рожнова 1627-28 гг.[4], а также — межевые карты Малоярославецкого и Боровского уездов[5].

В литературе волость Заячков и стан Заечковский часто упоминаются исследователями более широких историко-географических проблем[6]. Следует отметить, что примерная локализация волости больших затруднений не представляла: основной ее населенный пункт — с. Тарутино — хорошо известно.

Впервые упоминание волости Заячков встречаем в договорной грамоте великого московского князя Семена Гордого с братьями 1350-51 г.[7]. Однако, из жалованной данной и тарханной грамоте великого Рязанского князя Олега Ивановича Ольгова монастыря игумену 1382 г. знаем, что эта волость в 20-е годы XIII в. принадлежала рязанским князьям Ингварю, Олегу и Юрию и была ими пожалована только что основанному Ольгову Богородичному монастырю вместе с четырьмя другими "погостами». Население волости составляло тогда уже 160 семей[8].

Вопрос о переходе Заячкова и других бывших рязанских земель в состав Московского княжества пока не может быть решен

однозначно. Одна из наиболее вероятных версий связана с эпохой завоеваний московскими князьями Коломны (1301 г.) и Можайска (1303 г.). Молодое Московское княжество в этот период активно развивало экспансию, для чего у него вполне хватало людских и материальных ресурсов. Рязань же, ослабленная постоянными набегами татар, сил для защиты своих северных территорий не имела.

В договорной грамоте Симеона Ивановича с братьями 1350-51 гг. появляется запись о пожаловании ему некоей княгиней Анной, которую великий князь называет "теткой», бывших рязанских волостей Заячкова и Гордошевичей. Вероятно, в состав этого "пожалования» входили также волости Гремичи, Сушов, Вышгород и Рудь с Кропивною. Гордошевичи, Гремичи и Сушов, как и Заячков, позднее вошли в состав Ярославецкого уезда.

В 1374-75 гг. активно занимавшийся делами своего княжества Серпуховской князь Владимир Андреевич просил у великого князя Дмитрия Ивановича 7 бывших рязанских волостей (в том числе и Заячков), принадлежавших в тот момент вдове Семена Гордого Александре (Марии), но не получил их[9].

Окончательно принадлежность Москве земель по левому берегу р. Оки была закреплена договорной грамотой великого князя московского с рязанским князем Олегом Ивановичем в 1382 г.[10]. Вероятно, грамота лишь констатирует устоявшееся положение, с которым рязанскому князю, наконец, пришлось смириться.

В апреле-мае 1389 г. Дмитрий Донской духовным своим завещанием отдает несколько "отъездных» волостей (бывших рязанских, в числе которых — Гордошевичи, Гремичи и Сушов) сыну своему Андрею вместе с можайскими волостьми[11]. Термин "отъездные» позволяет считать, что до конца XIV столетия названные волости не имели четких границ и не были определенным образом включены в существовавшую в тот период административно-территориальную систему. Также бывшие рязанские земли Заячков и Холхол были завещаны Дмитрием Ивановичем жене — Евдокии. Показательно, что ордынский выход с них княгиня должна была передавать сыну Андрею Можайскому. Вероятно, после смерти Евдокии Заячков и Холхол достались именно ему.

Одним из наиболее интересных документов является духовная грамота князя Верейского и Белозерского Михаила Андреевича (сына Андрея Можайского), завещавшего свои владения великому князю[12]. В грамоте перечисляется множество принадлежавших ему населенных пунктов и пустошей. Очень важно, что и Верею и Ярославец, со всеми землями "что к ним изстари потягло» (т.е. и Заячков) Михаил Андреевич называет своей "отчиной». Это подтверждает и сам великий князь: "...чем благословил тебя отец твой князь Андрей Дмитриевич, по душевной грамоте отца своего, а твоего деда, а моего прадеда, великого князя Дмитрия Ивановича...»[13].

Наименований большинства волостей и станов уезда в духовной нет. Но Заячков упоминается. Вероятно, уточнение именно этого названия неслучайно. Волость Заячков находится на значительном удалении от основной части уезда, являясь анклавом среди других территорий, верейскому княжеству не принадлежащих. Все упомянутые в 3-х вариантах духовной грамоты Верейского князя топонимы на территории Заячкова удалось локализовать и нанести на карту-схему. (См. приложение)

В XVI в. волость Заячков вместе в другими землями центра Русского государства переживала сначала период хозяйственного подъема, а затем — спада, вызванного как экономическими, так и политическими причинами. В конце XVI в. Заячков называется станом Заечковским Ярославецкого уезда Малого[14]. Стан в XVII в. — это территория, принадлежавшая разным владельцам на различном праве и объединенная только в территориальном отношении.

К тому времени край этот был довольно хорошо освоен. Обширные поместья были пожалованы 20 служилым государевым людям, из которых наиболее богатые принадлежали представителям рода Ташлыковых и Тутолминых, князьям Андрею, Ивану и Григорию Вяземским, а также — Чешковым и Стромиловым. Еще большее количество сел и деревень находилось в вотчинных владениях. Прежде всего — потомков бывшего боярина князя Михаила Андреевича Верейского Василия Ромодановского — князей Ивана и Антона Михайловича Ромодановских. Первому принадлежало село Львово и 29 деревень, второму — села Дмитреевское и Тарутино с 16-ю деревнями и починками.

К середине XVI в. в Заечкове насчитывалось 7 сел с храмами, 13 селец с дворами вотчинников и помещиков и более 200 деревень, починков и селищ.

Однако, к 1587 г. хозяйство стана было сильно разорено. Опричнина, войны, но особенно — набег крымского хана Девлет-Гирея 1571 г. привели к запустению большей части территории. В стане не осталось ни одной вотчины. Кое-как вести хозяйство продолжали четверо русских помещиков и столько же пожалованных недавно за службу некрещеных татар. Им, частично, достались бывшие владения Ромодановских — с. Тарутино с 10-ю деревнями, из которых 4 превратились в пустоши.

Всего в "порожжих землях» к этому моменту находилось 221 селение Заечковского стана. Исчезли вместе с храмами села Львово (церковь Николая Чудотворца), Васильевское (церковь Преображения Господня), Винково (церковь Рождества Богородицы), Дмитреевское (церковь Святого Димитрия). В деревню превратилось сельцо Олупово — владение Пафнутьева Боровского монастыря, разорен был погост ему же принадлежавшего храма Преображения Господня.

По приведенным данным можем судить и значительности развития хозяйства стана в середине XVI в. и колоссальных размерах разорения.

Однако в начале XVI в., несмотря на долгие "смутные времена», целую череду крестьянских выступлений, иностранную интервенцию, наблюдается некоторое оживление хозяйственной жизни в регионе[15].

За верную службу во время "московского осадного сидения» царя Василия Шуйского нескольким помещикам в Заечковском стане была пожалована в вотчину часть земель из их же поместий. Среди отличившихся во время этих событий можем назвать Ивана Челищева и Алину Янглычова. За верность во время другого "осадного сидения» — "королевичева приходу» (Владислава) вотчины из своих поместий получили четверо слуг государевых: задворный конюх Фадей Акбирев и новокрещеный его брат Михаил, а также — братья Яков и Моисей Челищевы. Всего в вотчинах в Заечковском стане в тот период находилось: часть села Тарутина, два с половиной сельца, полторы деревни и несколько пустошей. Население вотчин составляло 24 крестьянина и бобыля.

Много порожжих земель было роздано в поместья, в основном, — новокрещеным татарам. Теперь в стане насчитывалось уже 25 помещиков, во владениях которых было 1 село Тарутино, сельцо и пол сельца, пять с половиной деревень и 31 пустошь. Население их составляло 29 человек крестьян и бобылей. Количество поместий увеличивалось не только за счет новых пожалований, но и путем дробления между потомками прежнего владельца, что вело, естественно, к их обнищанию. Но последствия этого сказались много позже.

Таким образом, на примере одного стана подтверждается общее для страны в то время правило: более выгодное вотчинное хозяйство быстрее развивалось. На 4-х вотчинников в 1627-28 г. приходилось столько же почти населенных пунктов и немногим меньше крестьян, чем на 25 помещиков. Причем, основная заслуга здесь принадлежала именно усилиям хозяев, а не размерам пожалованных территорий: они строили дворы для себя и своих "деловых людей», превращая деревни в сельца, а затем — в села, сманивали, а иногда силой увозили крестьян и "сажали» их на своей земле.

Прилежно занимались своим хозяйством насельники Пафнутьева Боровского монастыря: отстроилось ими сельцо Киселево, разрослась деревня Олупово. В них трудилось теперь на благо обители 8 крестьян и бобылей.

Заброшенными были погосты храмов Николая Чудотворца и Рождества Иоанна Предтечи, основанные "на земле царя великого князя». Действовал храм Рождества Христова на погосте, при котором жило и кормилось кроме клирошан четверо нищих.

Таким образом, Заечковский стан был одним из очень сильно пострадавших во времена опричнины и смуты. Несмотря на некоторое оживление начала XVII в. (в основном, — вокруг с. Тарутино и речки Чернички), большинство ранее основанных населенных пунктов пустовали. Из заброшенных в конце XVI в. 221 пустошей в "порожжих» продолжало оставаться 150.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем своеобразие истории бывшего рязанского владения, долгое время продолжавшего оставаться "отъездной» волостью, передававшегося по женской линии в великокняжеской семье, прежде чем оказаться во владении князя Михаила Андреевича Верейского. В к. XVI -

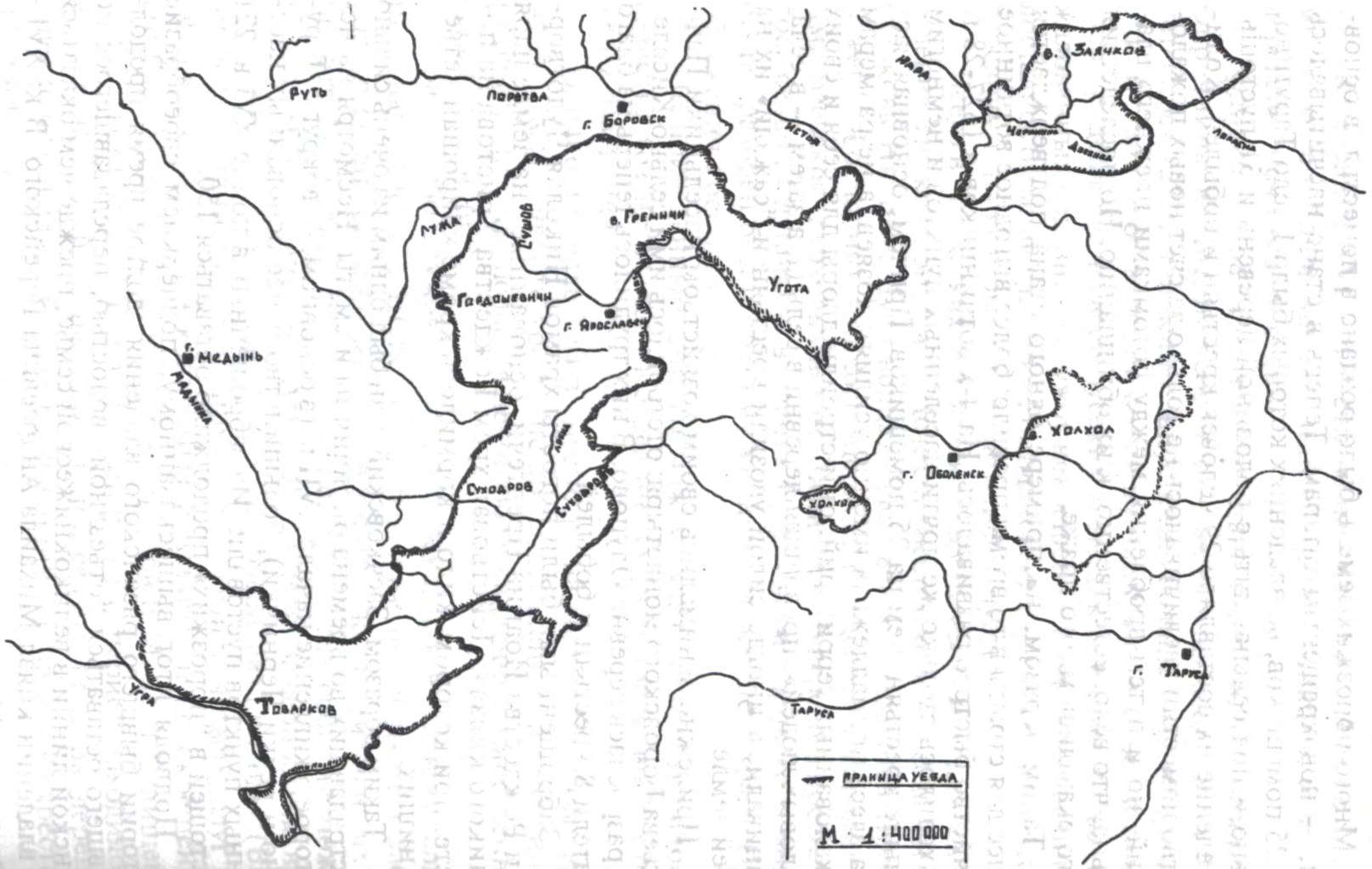


Рис. 1. *Малоярославецкий уезд в середине XVIII в.*

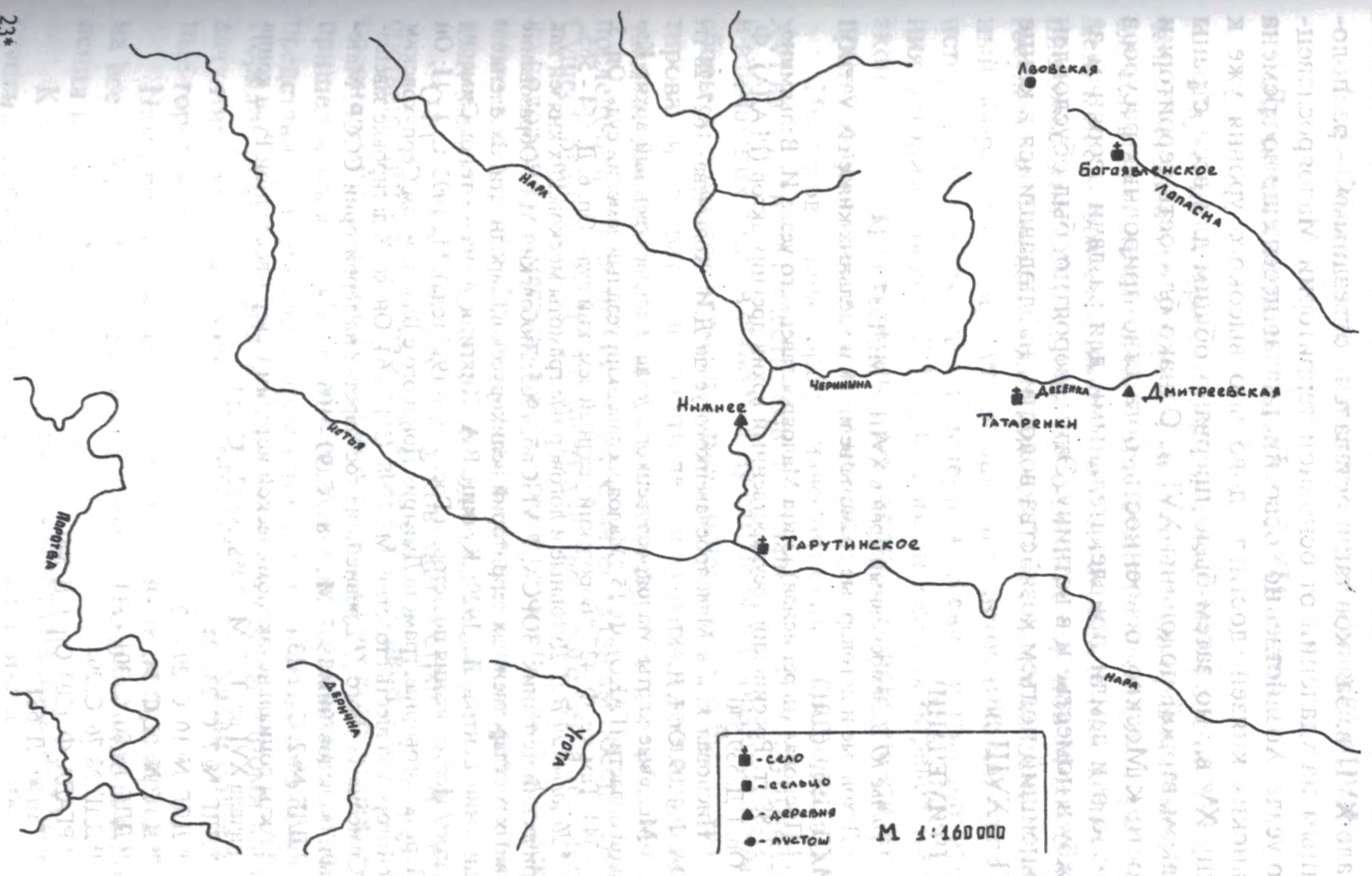


Рис. 2. *Заячков по завещанию Михаила Андреевича Верейского (1486 г.)*

начале XVII в. Заячков так и оставался "отъездным» — расположенным на удалении от основной территории Малоярославецкого уезда. Хозяйственное освоение, начавшееся еще во времена рязанских князей, достигло довольно высокого уровня уже к концу XV в., но затем было прервано общим для всей страны упадком второй половины XVI в. Однако близость территории волости к Москве, освоенность, богатство природных ресурсов сделало эти земли привлекательными для раздачи дворянам за службу в поместье и в вотчину. Этим, вероятно, был обусловлен дальнейший подъем хозяйства волости, наблюдавшийся в конце XVII – XVIII вв.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVIII в. М., 1937. С. 14

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л., 1950. (ДДГ)

[3] Писцовая (переписная) книга Малоярославецкого уезда И. Вельяминова, 1587-88 гг. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 539,540.

[4] Писцовая книга Малоярославецкого уезда Д.И. Колычева, 1627-28 гг. РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Д. 681.

[5] Межевые карты Малоярославецкого уезда. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 15 "Малоярославецкий уездный земский суд». Оп. 5. Д. 31 - 344; Там же. Ф. 437 "Боровский уездный земский суд». Оп. 6. Д. 554 - 565.

[6] *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как исторический источник. ЗОРСА, Т. VI. Спб, 1903; Любавский М.К. Образование основных государственных территорий великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929; Кучкин В.А. Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по истории России (до 1917 года). М., 1993. С. 4 - 11; Он же. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 11 - 64; Он же. К датировке завещаний Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 99 - 106.

[7] ДДГ. № 2. С. 11-13.

[8] Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV - начала XVI вв. Т. 3. М., 1958. № 322. С. 351.

[9] ДДГ. № 7. С. 23 - 24.

[10] ДДГ. № 10. С. 29 - 30.

[11] ДДГ. № 12. С. 34.

[12] ДДГ. № 80. С. 301 - 311.

[13] ДДГ. № 76. С. 294.

[14] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 540.

[15] Там же. Д. 681.

Н. К. Фомин, Государственный архив Тульской области

Лихвинские воеводы XVI–XVII веков

Изучение истории городских поселений России XVI – начала XVII вв. очень затруднено в связи с трудноразрешимой проблемой практически полного отсутствия источников. В распоряжении исследователей имеется весьма ограниченное количество писцовых книг XVI в., дающих описание городов Московского государства. Писцовые же книги XVII в. еще не введены в научный оборот. Поэтому путь расширения источниковой базы для истории XVI в. практически исчерпан. В связи с этим для изучения истории городов XVI в., в особенности для определения их экономического положения, необходимы поиски новой интерпритации уже известных источников.

Исследователям хорошо известен существовавший в XV – XVI вв. институт наместников, получавших города в управление и взимавших с них в свою пользу самые разнообразные кормы и сборы. С течением времени наместнический корм был регламентирован и превратился по сути дела в «заработную плату», получаемую наместником как за эту службу, так и в обеспечение последующей, уже не связанной с материальным обеспечением. Существовавшее до 1682 г. местничество строго регламентировало положение наместника в иерархии служилых людей Московского государства. Поэтому также строго должно различаться и получаемое наместниками с городов жалование.

Один из виднейших историков нашей страны А. А. Зимин, составивший списки наместников XV – первой трети XVI в. и проанализировавший состояние наместнического управления, пришел к выводу: «В крупнейших городах наместниками были представители княжеских фамилий и старомосковского боярства. Порядок раздачи городов в кормление в общем напоминал раздачу городов в удел: более знатные князья получали более крупные города»[1].

Нам представляется, что такой порядок распространяется и на все города Московского государства, раздававшиеся в кормления в XV – XVI вв.

К сожалению А. А. Зимину не удалось на практике показать степень соотношения получаемого наместниками города с их

положением в местническом счете государства. Предпринятая нами попытка рассмотреть экономическое состояние городов Тульского края первой половины XVI в. по положению их наместников в местническом счете служилых людей Московского государства позволила сделать вывод, что получаемые данные не вступают в противоречие с имеющимися сведениями об экономическом развитии городов и тенденциями этого развития[2].

Основным источником определения круга наместников и составления их послужных списков являются разрядные книги[3]. Содержащиеся в них сведения могут быть дополнены различными актами. В идеале может быть привлечен весь корпус сохранившихся источников по истории данного города.

Однако для второй половины XVI – XVII вв. исследователь сталкивается с новой трудностью. Общепринятой является точка зрения, что кормления были повсеместно отменены в 1555/56 г. Однако А. А. Зимин показал, что и во второй половине XVI в. в приграничных районах было сохранено наместническое управление городами: «Сохранение там наместнического управления связано с задачами обороны этих территорий в условиях начавшейся Ливонской войны и постоянных набегов крымских татар»[4]. Очень важен и глубок следующий вывод А. А. Зимина: «Здесь наместники-кормленщики постепенно становились и воеводами ... Воеводская форма наместнического правления окраинными городами родилась в бурные годы длительных войн Ивана Грозного, когда порубежные города передавались в ведение военачальникам и другой высшей гражданской власти там не было»[5]. Эта точка зрения А. А. Зимина разделяется и некоторыми другими исследователями. Поэтому все сказанное нами о наместниках в весьма значительной степени относится и к воеводам. Однако тут необходимо считаться с возможностью изменений в военной ситуации в стране, когда для защиты пограничья в небольшой город направляются значительные вооруженные силы или усиливается гарнизон города, что приводит к назначению в него значительного по местническому счету воеводы. Однако такие случаи, как правило, легко обнаруживаются и объясняются.

О Лихвине в исторических источниках известно чрезвычайно мало. Время возникновения этого города неизвестно. Во всяком случае он существует во второй половине XVI в. В разрядных записях он появляется сравнительно поздно,в 1575/76 г., когда в нем наместничал или был воеводой Темир Федоров сын Жикавинин[6], принадлежавший к рядовому провинциальному дворянству. Разряды не оговаривают конкретно его должность. Однако впереди и ниже указываемые служилые люди названы наместниками. Поэтому можно предполагать, что и он являлся наместником. Это его единственное упоминание в разрядах.

В 1591/92 г. в Лихвине управляет осадный голова Иван Александрович Кашкаров, служивший в 1579/80 г. вторым головой на Усвяте, а в 1596/97 г. значился одним из последних голов «которым сторожи ставить»[7]. Вместе с ним управлял городом Сулеш Щербачев, названный в 1592/93 г. губным старостой. Затем с 1592/93 г. он служил дьяком во Пскове по 1601/02 г., где и умер на службе[8].

В 1592/93 г. в Лихвине находился осадный голова Юрий Субботин с. Пушечников, служивший в 1562/63 г. головой при 1-м воеводе передового полка украинной рати, а в 1576/77 г. головой у наряда[9].

В 1593/94 г. - осадный голова Василий Неугасимов с. Лодыженский по 1598/99 г. и в 1602/03 – 1603/04 гг. Вместе с ним с 1594/95 г. по 1603/04 г. управлял городом губной староста Салтан Щербачев[11], а в 1599/600 г. единолично. Любопытно, что вместе с С. Щербачевым в 1600/01 –1601/02 гг. управляли городом губной староста Алексей Ртищев и городовой приказчик Михаил Савостьянов[12]. Своеобразие заключалось в том, что город отдавался под управление местному дворянству, выбиравшему как губных старост, так и городового приказчика. Губные старосты ведали разбойными делами, а городовые приказчики – разбирали гражданские, в основном земельные споры местных феодалов, вводили их во владение земельными дачами и т.п. Во всяком случае назначение в Лихвин не воевод, а голов показывает его слабое экономическое развитие по сравнению с другими городами польского пограничья. Сам контекст разрядных записей не дает возможностей для соотнесения городов по своей значимости между собой. Для XVI – самого начала XVII в. назначения в польские города указываются с востока на запад. Причем Лихвин называется после Белева. Однако город имел какой-то посад, в то время как многие мелкие городки Тульского края поса-

да не имели. Его заменяли поселения служилых людей по прибору[13]. То, что В. Н. Лодыженский служит первоначально с 1575/76 по 1578/79 г. в Новосиле, а затем ему поручается Лихвин, является основанием полагать, что эти два города находились приблизительно на одной стадии своего развивия, или даже Лихвин был несколько крупнее.

Однако в 1613 г. Лихвин был взят неприятелем и сожжен[14]. Поэтому назначаемые в город воеводы занимались по-всей видимости его восстановлением.

Из 19 известных лихвинских воевод последующего времени для 15 это было единственным назначением на воеводство. (кн. Савва Юрьевич Горчаков 1617/18 – 1618/19 гг., Павел Игнатьевич Кирикрейский – 1624/25 – 1625/26 гг., Петр Лавров – 1625/26 – 1626/27 гг., Иван Меньшой Матвеевич Чичерин февраль 1630 г., Федор Михайлович Комынин – март – август 1634 г., Алексей Федорович Кологривов – август 1634 г., Федор Алексеевич Давыдов –1637 – 1639 гг., Патрикий Акинфиевич Ходырев – 1639 – 1641 гг., Абрам Никитич Лопухин – 1645 – 1647 гг., кн. Иван Петрович Волконский – 1647 – 1648 гг., Федор Петрович Еропкин – 1648 – 1649 гг., Осип Степанович Хитрово – 1651/52 г., Константин Брянчанинов – до 1 сентября 1664 г., Григорий Сомов – 1664/65 г., Захарий Григорьевич Кондырев – 1677/78 г.)[15].

Остальные воеводы: Федор Степанович Стрешнев – 1614/15 – 1616/17 гг. в 1619 г. управлял Калугой, что могло быть связано со сравнительно высоким положением его рода, а с другой успехами по восстановлению Лихвина. В 1615/16 г. он уже возглавлял гарнизон из 30 лихвинских стрельцов и 18 пушкарей и затинщиков[17], который позднее увеличивался чрезвычайно мало. Сомов Иван Иванович – 1618/19 г. Первоначально он служил в Козельске в 1616 – 1617 гг.[18], который был сожжен одновременно с Лихвиным.

Григорий Петрович Чичерин – в 1620/21 г. В 1619/20 г. он служил в Одоеве, 1626 г. в Новосиле, а в 1655 г. в Галиче[19].

Григорий Тимофеевич Оринкин, лихвинец, в 1636/37 г. и 1641 г., а в 1645/46 г. – в Одоеве[20].

Возрождение посада в Лихвине произошло только к 1618/19 г., когда в состав гарнизона были включены из посадских людей 12 с пищалями и 7 с рогатинами[21], а в 1626/27 г. из «посадских и всяких жилецках людей» – 25[22]. Весь же гарнизон состоял из 80 человек, в то время как в Одоеве было 12 чел. посадских, а всего в городе 159 чел., а в Белеве 117 посадских, а в городе проживало 451 чел. , а в Новосиле – 291 чел, в 1637 г.[23]

Как ни скудны прямые данные о сравнительном экономическом соотношении городов Верхнего Окского бассейна для первой половины XVII в., они говорят о переходе воевод в Одоев и Новосиль из Лихвина, а не наоборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV - первой трети XVI в. - // «Исторические записки».Т. 94. М., 1974. С. 290.
2. *Фомин Н. К.* К вопросу об экономическом состоянии городов Тульского края в первой половине XVI века (по местническому счету наместников).-// Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 34 - 39.
3. Разрядные книги 1475 - 1598 гг. М., «Наука», 1966 (Далее - РК), Разрядные книги 1598 - 1638 гг. М., 1974; Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902 (Далее - Барсуков. Списки городовых воевод).
4. *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 435.
5. Там же.
6. РК. С. 268,
7. Там же. С. 313, 471, 523, 529.
8. Там же. С, 471, 485, 491, 502. 511, РК 1598 - 1638 гг. С. 53, 56, 81, 94, 112, 127.
9. Там же. С. 218, 275, 485.
10. Там же. С. 503, 513, 542; РК 1598 - 1638 гг. С. 65, 84, 150.
11. Там же. С. 503. 513; 542; РК 1598 - 1638 гг. С. 65, 84, 96, 115, 131, 150, 174.
12. РК 1598 - 1638 гг. С. 115, 131, 150, 174.
13. *Фомин Н. К.* Епифань в XVI - XVII вв. по местническому счету воевод.- Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, «Тульский полиграфист», 2000. С, 187 - 194, 14. РК 1598 - 1638 гг. С. 251.
14. РК 1598 - 1638 гг. С. 251.
15. *Барсуков*. Списки городовых воевод. С. 127 - 128.
16. Там же. С. 91.
17. Книги разрядныя, по оффициальным оных спискам, изданныя с высочайшаго соизволения II отделением собственной е. и. в. канцелярии. Т. 1. СПб., 1853. С. 189. (Далее - Книги разрядныя).
18. *Барсуков*. Списки городовых воевод. С. 105, 127.
19. Там же. С. 159, 127, 157, 59.
20. Там же. С. 127, 159.
21. Там Книги разрядныя. Столб. 656.
22. Там же. Столб. 1337.
23. *Белоцерковский Г. М.* Населенность городов Тульского края в XVII веке,- Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Тула, 1915. Таблица.

В. Ф. Старков, д.и.н, П. Ю. Черносвитов, к.и.н.
Институт археологии РАН

Василий и Татьяна Прончищевы – герои Второй Камчатской экспедиции

Вторая Камчатская экспедиция (она же – Великая Северная), предпринятая Россией в 1733 – 1743 гг., была крупнейшим научным мероприятием не только нашей страны, но и мира. Ее возглавлял капитан-командор Витус Беринг, как известно, сам трагически погибший в ходе ее проведения на острове, названном в его честь островом Беринга.

За десять лет работы экспедицией был проделан гигантский объем исследований. Впервые были составлены карты всего северного и северо-восточного побережья Евразии от Белого моря до Алеутских и Курильских островов, а также большинства внутренних территорий России от Урала до Камчатки и устья Амура. Были собраны совершенно новые для той эпохи сведения по истории, этнографии и природной среде Сибири, Дальнего Востока и открытых островных территорий. Материалы экспедиции на долгие годы стали основой для дальнейшего освоения и изучения северных и восточных областей Российской империи.

Экспедиция такого масштаба требовала привлечения огромных материальных и людских ресурсов, по тем временам – почти запредельных. Она состояла из нескольких отдельных отрядов, возглавляемых морскими офицерами, перед каждым из которых ставилась определенная, чрезвычайно объемная задача, главным образом – географического характера. Принимая во внимание уровень технического оснащения начала XVIII века, очевидно, что решение этих задач достигалось предельным напряжением физических сил участников экспедиции и умением идти на риск на грани разумного. Поэтому не приходится удивляться, что многим членам экспедиции, как рядовым, так и руководящим, это стоило жизни. К числу тех, кто погиб, исполняя свой профессиональный долг, относятся и супруги Прончищевы.

Василий Васильевич Прончищев, родившийся в 1702 году в Тарусском уезде Калужской провинции в семье мелкопоместного дворянина, возглавлял один из отрядов Второй Камчатской экспедиции. В его задачу входило обследование и описание побережья Северного Ледовитого океана от устья Лены до устья Енисея. Для ее решения отряд Прончищева в июне 1735 г. на дубель-шлюпке «Якутск» отправился из Якутска до устья Лены, а по выходе в море – на запад вдоль побережья, и к августу месяцу добрался до устья реки Оленек, где и зазимовал. Через 11 месяцев отряд продолжил плавание на запад, обследовав побережье вплоть до самой северной точки полуострова Таймыр. Здесь судно наткнулось на тяжелый сплошной лед и вынуждено было повернуть обратно.

На обратном пути В.В.Прончищев тяжело заболел и скончался на борту судна. Через две недели после кончины мужа умерла и его супруга, Татьяна Федоровна Прончищева (1710 – 1736 гг.), неизменно сопровождавшая мужа на протяжении всего его плавания, первая в мире женщина – полярная путешественница. Под командованием штурмана отряда С.И.Челюскина судно «Якутск» вернулось к месту предыдущей зимовки в низовьях реки Оленек, где супруги Прончищевы и были похоронены.

В отличие от многих других погребений членов Второй Камчатской экспедиции, не говоря уже о погребениях погибших на Крайнем Севере путешественников вообще, могила супругов Прончищевых никогда не исчезала надолго из поля зрения российской общественности. Так, в 1875 году ее нашел и описал геолог А.Л.Чекановский. В1893 г. полярный исследователь Э.В.-Толль восстановил на ней упавший крест. В 1921 г. экспедиция под руководством Н.И.Евгенова восстановила саму могилу. С тех пор могила еще несколько раз подновлялась и украшалась оградами, надмогильными памятниками и табличками.

В июле 1999 г. в поселок Усть-Оленек, где находится указанная могила, прибыла совместная экспедиция Института археологии РАН, в которой последний был представлен авторами настоящего сообщения, и клуба «Приключение». Ее целью являлось археолого-антропологическое исследование захоронения В. и Т. Прончищевых для определения истинных причин их гибели и для создания их портретных изображений на основании остеологических останков. Последняя задача входит в одно из целевых направлений деятельности клуба «Приключение», провозглашенных им еще в конце 80-х годов: создать галерею достоверных портретов российских полярных исследователей, в том числе – участников Второй Камчатской экспедиции. Напомним, что на

сегодня известны достоверные портреты лишь троих из них: С.Крашенинникова, И.Гмелина и В.Беринга, причем получением последнего мы обязаны деятельности российско-датской экспедиции 1991 года, инициированной клубом «Приключение». В результате ее работ на о. Беринга (Командорские о-ва) была найдена могила капитан-командора, и его портретное изображение было реконструировано по черепу профессором В.Н.Звягиным и М.Е.Березовским.

Могила, которая традиционно связывается с супругами Прончищевыми, находится на территории поселка Усть-Оленек, на правобережном мысу р. Оленек высотой 8,2 м. Для выяснения стратиграфии памятника и выявления наличия погребений была заложена поперечная траншея, которая затем была развернута в раскоп, охвативший всю площадь надмогильной насыпи. В результате раскопок удалось выявить характерные признаки, на основании которых можно говорить о подлинности изученного объекта, т.е. о том, что погребенными в данной могиле являются В.В. и Т.Ф. Прончищевы.

Во-первых, это парное погребение: в могиле находилось два хорошо сохранившихся костяка.

Во-вторых, один из костяков принадлежит мужчине, второй – женщине, возраст которых совпадает с возрастом В.В. и Т.Ф. Прончищевых. Экспертиза останков и их медико-антропологическое исследование производились на месте сотрудниками Российского Федерального Центра судебной экспертизы профессором В.Н.Звягиным и старшим научным сотрудником М.Е.Березовским. Ими же впоследствии на основании полученных материалов была произведена пластическая реконструкция облика Василия и Татьяны Прончищевых.

В-третьих, погребенные являлись мужем и женой, о чем может свидетельствовать то обстоятельство, что нательный крестик мужчины оказался на костяке женщины. По-видимому, после смерти Василия Васильевича его супруга сняла с него нательный крестик и надела его на себя, а затем после ее кончины с ним же и была похоронена.

В-четвертых, находки, обнаруженные в погребении – мужской нательный крестик и женская кожаная обувь – могут быть датированы первой половиной XVIII века, т.е. временем проведения Второй Камчатской экспедиции.

Медицинская экспертиза останков погребенных не обнаружила на них следов цинготного заболевания. По-видимому, смерть Прончищевых была вызвана другими причинами. Так, для Василия Васильевича ею мог послужить выявленный при исследовании открытый перелом левой голени. На костях голени в месте перелома сохранились крупные фрагменты ткани – бинта, которым была обмотана нога пострадавшего. По-видимому, переломом же и наличием повязки объясняется отсутствие сапог на погребенном, в отличие от его супруги, на костях ног которой сохранились остатки кожаных туфель. По свидетельству экспертов, подобный перелом мог спровоцировать неустранимый в экспедиционных условиях воспалительный процесс, приведший к гибели Василия Васильевича. Сложнее с выявлением причины смерти Татьяны Федоровны: ее костные останки не содержали следов какого-либо, поддающегося выявлению на уровне их исследования, заболевания. Остается предположить, что ее гибель – результат тяжелейшего психологического состояния, вызванного смертью мужа, наложившегося на истощенный суровыми экспедиционными условиями организм.

Необычна конструкция могилы Прончищевых, где отсутствуют гробы в обычном понимании этого слова. Она представляет собой яму прямоугольной формы глубиной 40 – 45 см от современной дневной поверхности. Длина ямы 2 м, ширина – 1,6 м. С боковых ее сторон оставлены грунтовые выступы шириной и глубиной 20 см, на которых лежали бревна, вероятно, предохранявшие заглубленную часть могилы от оплывания. Дно углубленной части покрыто дощатым настилом, непосредственно на котором и располагались костяки погребенных. Между собой их разделяла перегородка из тонкого бруса. Боковые стороны погребения состояли из стоящих на ребре досок. Торцевые концы погребений также были оформлены поставленными на ребро короткими досками, подогнанными под рост каждого из погребенных и укрепленными снаружи крупными камнями. Сверху погребения были перекрыты продольными досками, от которых остался слой тлена и небольшие фрагменты древесины. Таким образом, погребения Прончищевых как бы имитируют два отдельных гроба, хотя фактически являются единой конструкцией, собранной без использования гвоздей. Логично предположить, что и малая глубина могильной ямы, и нетрадиционная

конструкция гробов вызваны крайне суровыми условиями, в которых члены отряда Прончищева были вынуждены хоронить своего начальника и его супругу.

Во время работ в поселке Усть-Оленек экспедицией были предприняты попытки выявить места двух зимовок отряда Прончищева в 1734 – 1736 гг. Шурфовке подверглась обширная площадка поблизости от могилы Прончищевых, свободная от современной застройки. Результаты оказались отрицательными. По-видимому, остатки построенных отрядом Прончищева домов погребены или полностью разрушены современными строениями поселка.

И. И. Ёлкина, Н. Ш. Насырова, А. К. Станюкович
Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей

Предметы из могилы Василия и Татьяны Прончищевых

Исследование и реставрация

В 1999 г. экспедиция Института археологии РАН, клуба «Приключение» и газеты «Московская правда» провела в пос. Усть-Оленек, Республика Саха (Якутия), исследование могилы калужских уроженцев Василия и Татьяны Прончищевых (1736), участников Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции Беринга. На останках был найден ряд предметов из металла, текстиля и кожи.

Из захоронения В. Прончищева происходят фрагменты белой хлопчатобумажной ткани. На останках Т. Прончищевой найден нательный крест из медного сплава с небольшим фрагментом шелковой ленты в канале оглавия, а также остатки кожаных туфель на высоких каблуках. Ввиду несомненного историко-культурного и мемориального интереса, который представляют находки из Усть-Оленька, было решено подвергнуть их тщательной консервации и реставрации для последующего хранения в Калужском государственном объединенном краеведческом музее. Работы выполнялись в Отделе археологии Звенигородского историко-архитектурного музея реставраторами И.И. Ёлкиной (текстиль), Н.Ш. Насыровой (текстиль, кожа) и зав. отделом д.и.н. А.К. Станюковичем (кожа, металл). В ходе работ были проведены детальные исследования и атрибуция находок.

Медицинский бинт Василия Прончищева. С костей стопы левой ноги В. Прончищева в ходе раскопок был снят фрагмент белой хлопчатобумажной ткани, интерпретированный как остатки бинта. До реставрации образец представлял собой скомканный жгут, состоявший из 5–7 слоев белой неокрашенной ткани, которая в большей части сильно деструктировалась и приобрела серый, коричневый и темнокоричневый цвет, став при этом чрезвычайно ломкой и непрочной. На очень сильно поврежденных участках имеются натеки углисто-черного маслянистого вещества, возможно, какого-либо фармацевтического средства. Отдельные части ткани сохранились лучше и местами имеют цвет, близкий к первоначальному. После расслоения и распрямления образца выяснилось, что он представляет собой полосу хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения шириной 12,3–12,5 см, сохранившуюся в виде многочисленных лоскутов и чешуек размерами от десятых долей до десятков кв. см. общей площадью около 380 кв. см. Плотность набивки по основе – 22 н/см при толщине нитей 0,2 мм с круткой Z. Плотность по утку – 25 н/см при толщине нитей 0,25 мм с круткой Z. Ткань высокого качества, нити основы и утка однородны по толщине и скрутке, что свидетельствует о ее мануфактурной выделке. Кромки отсутствуют.

После реставрации ткань действительно приобрела облик бинта – узкой белой полосы, ориентированной вдоль нитей основы.

Известно, что фабричное производство хлопчатобумажных тканей в России ведет свой отсчет лишь с 1745 г. – с времени возникновения Ивановской фабрики. Лишь в 1750-х – 1760-х гг. возникли бумаготкацкие заведения Иконникова, Бабушкина, Мещаниновых в Москве, Чемберлена, Козельса, Леймана в Петербурге и др. [1]. Несмотря на это, еще в конце XVIII в. готовые белые хлопчатобумажные ткани импортировались из Англии [2]. Характерно, что в реестрах Второй Камчатской экспедиции [3] фигурируют разноцветные сукна, холсты и льняные полотна (в

том числе голландские), крашенина и различные китайские цветные шелковые и хлопчатобумажные ткани (до 8 наименований), но белые хлопчатобумажные ткани нигде не упомянуты.

Исследование стеклянной аптекарской посуды из раскопок Командорского лагеря экспедиции Беринга показало, что по химическому составу ее материал близок позднесредневековым стеклам Северной Германии и Северной Франции [4]. В каждом отряде Второй Камчатской экспедиции имелся аптечный ящик («ящик обтешной» [5]), в котором, естественно, должны были содержаться и медицинские бинты. Известно, что в перевязочных материалах у экспедиционных отрядов недостатка не было. Участник плавания Беринга к берегам Северной Америки Г. Стеллер, сетуя на отсутствие противоцинготных средств на пакетботе «Св. Петр», с присущим ему сарказмом замечает, что вместо них судовой медицинский сундук «был полон ... хирургическими припасами, потребными для четырехсот–пятисот человек, раненных в великих сражениях» [6]. К числу «хирургических припасов», произведенных на одной из западноевропейских бумаготкацких мануфактур, по-видимому, и относится медицинский бинт Василия Прончищева.

Нательный крест Татьяны Прончищевой. Изготовлен из медного сплава методом литья в составную глиняную форму, имеет размеры 46□29 мм с оглавием и 39□29 мм без оглавия при толщине до 2 мм. Крест относится к типу простых четырехконечных с прямыми углами в средокрестии и прямыми концами, имеет узкое гладкое оглавие (рис. 1). По классификации Э.П. Винокуровой, соответствует подтипу 1 типа I. От приведенных в публикации схем отличается небольшим расширением всех ветвей к оконечностям [7]. На лицевой стороне изображен восьмиконечный Голгофский крест с вертикально стоящими копием и тростью и Главой Адамовой в пещере. На верхней оконечности – инициалы **ЦРЬ СВЫ** (Царь Славы) под титлами в две строки, на нижней оконечности, под Голгофой, – инициалы **МЛ РБ** (Место Лобное Распят Бысть) в две строки, на боковых оконечностях – инициалы **IC XC** под титлами, под основной перекладиной креста, по обе стороны древа – инициалы **НИ К Т КА** (Ника=Победитель, Копие, трость. Все изображения и инициалы рельефные, рельеф высокий. Периметр лицевой стороны и вся оборотная сторона заполнены строками неразборчивого молитвенного



Рис.1. *Нательный крест Татьяны Прончищевой после реставрации (лицевая и оборотные стороны).*

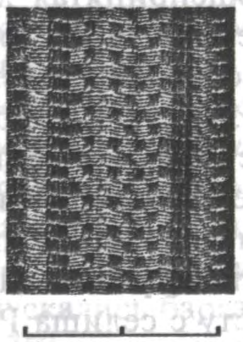


Рис.2. *Компьютерная реконструкция раппорта шелковой ленты от нательного креста Татьяны Прончищевой.*

текста, возможно, кондака «Да воскреснет Бог». Отливка высокого качества, выступающие части лицевой стороны (восьмиконечный крест и др.) имеют следы легкой доводки готового изделия напильником. Следов длительного ношения креста не отмечено: литейный шов на боковых гранях сохранил технологические заусенцы, оборотная сторона не стерта, канал в оглавии не имеет характерной проточенности в верхней половине. На факт ношения креста под одеждой в течение сравнительно недолгого времени может указывать лишь легкая заполированность выступающей части оглавия и верхних частей крайних букв в инициалах, расположенных на перекладине на лицевой стороне.

Иконографические особенности креста позволяют отнести его к кругу широко распространенных произведений русской христианской металлопластики. Судя по несколько более поздним старообрядческим параллелям, крест является мужским [8]. Ближайшие документированные аналогии, в том числе с чуть более упрощенной иконографией, происходят с памятников археологии Москвы (некрополи Свято-Данилова и Моисеевского монастырей), Подмосковья (селище Рыбушкино 2 в Одинцовском районе, с. Комягино Пушкинского района, г. Пушкино, бывшая дер. Горки Подольского района), Калужской области (старообрядческий могильник «Калужский Бор» XVIII–XIX вв., окрестности г. Тарусы) и Белгорода-Днестровского. Из географически удаленных от основного региона распространения крестов этого типа известен Албазинский острог в Приамурье [9].

Общепринятая датировка данного типа крестов, имеющих несложные, упрощенные формы, что является признаком массового производства, – вторая половина XVII–XVIII вв. [10]. Узкую датировку имеют лишь два креста из Албазинского острога, найденные в полуземлянке с останками его непогребенных защитников, погибших при осаде острога манчжурами в 1685 г. По иконографическим и стилистическим особенностям крест Т. Прончищевой наиболее близок нательному кресту с селища Рыбушкино 2, культурный слой которого характеризуется многочисленными находками монет первой половины XVIII в.

Находка креста Т. Прончищевой, помимо его бесспорной художественной и мемориальной ценности, важна также тем, что дает новую опорную дату для произведений русской христианской металлопластики данного типа.

Лента от креста. Т. Прончищева носила крест (или была снабжена им при погребении) на шелковой ленте. У сохранившегося фрагмента уцелели обе кромки, полная ширина ленты составляет 2,5 см. Основной фон соткан из неокрашенного шелка. Нити некрученые, равномерной толщины. Плотность набивки по основе – около 70 н/см при толщине нитей 0,1 мм. Плотность набивки по утку 25–28 н/см при толщине нитей 0,3 мм. Основа имеет полотняное переплетение и заткана восемью рядами декоративных просновок полотняной структуры, которые чередуются попеременно через четыре уточных прокидки. Крайние, идущие вдоль кромок ленты, просновки в четыре нити толщиной 0,2 мм из отбеленного (?) шелка имеют вид сплошных светлых линий. Ближе к середине расположены линейные просновки в шесть зеленовато-голубых нитей толщиной 0,2 мм, окрашенных, предположительно, индиго. И те, и другие прокинуты через четыре уточины в шахматном порядке. Просновки в середине ленты представляют собой квадратики шириной в четыре нити толщиной 0,2 мм цвета фона, прокинутых через четыре уточины, причем соседние квадратики сдвинуты в шахматном порядке друг относительно друга и образуют ячеистую структуру [11].

Эта весьма сложная технология изготовления ленты в первой половине XVIII в. была возможна лишь на специализированном шелкоткацком предприятии. Известно, что начало собственному производству тканей и изделий из привозного шелка-сырца в России было положено еще в 1681 г. на шелковой фабрике Паульсона, которая более семи лет обслуживала Государев двор и Посольский приказ. Быстрое развитие шелкоткацкого производства началось в 1710-х гг., когда на протяжении нескольких лет были устроены Бархатный двор в Москве, мануфактура Милютина, предприятие Апраксина, Шафирова и Толстого, мануфактуры Евреинова, Бабушкина, Колосова, Лазаревых и др. На этих мануфактурах работали до нескольких сот рабочих и использовалось от 40–50 до 120–140 станов, выпускались бархат, парча, штофы, тафты, платки и ленты. Уже в 1759 г. годовая продукция 18 московских фабрик суммарно оценивалась в 280 тыс. руб. По отзыву Мануфактур-коллегии, «русские шелковые ткани бывают по доброте не хуже привозных или их превосходят» [12].

Шелковая лента Т. Прончищевой вполне может быть продукцией одной из первых российских мануфактур. Компьютерная обработка изображения сохранившегося фрагмента позволила полностью реконструировать ее первоначальный раппорт (рис. 2). Не исключено, что в каком-либо музейном собрании удастся разыскать документированную аналогию ленты, а на одном из современных шелкоткацких предприятий изготовить точную копию этого незатейливого, но изящного произведения текстильного искусства.

Туфли Татьяны Прончищевой. Переданы на реставрацию в виде пересохших, деформированных, распавшихся по швам и отчасти истлевших кожаных деталей, сильно загрязненных частицами грунта и гуминами. После очистки и совмещения деталей оказалось, что они составляют пару женских комнатных туфель приблизительно 36 размера на «французских» (расширяющихся вверх и вниз) каблуках. Судя по сохранившимся деталям, туфли имели комбинированные верха (матерчатые головки без боковых берцев и задников на кожаных стельках), кожаные, окрашенные в черный цвет низы (подошвы, подметки, подкладки под пятку и обтяжки деревянных каблуков) и относились к распространенному на протяжении всего XVIII в. фасону «муль». Конструктивные особенности и технология изготовления подобной обуви из собрания ГИМ подробно описаны Т.С. Алешиной [13] и почти полностью соответствуют изученному нами памятнику за единственным исключением: в отличие от известных туфель данного фасона, сшитых без различия на левую и правую ногу, у

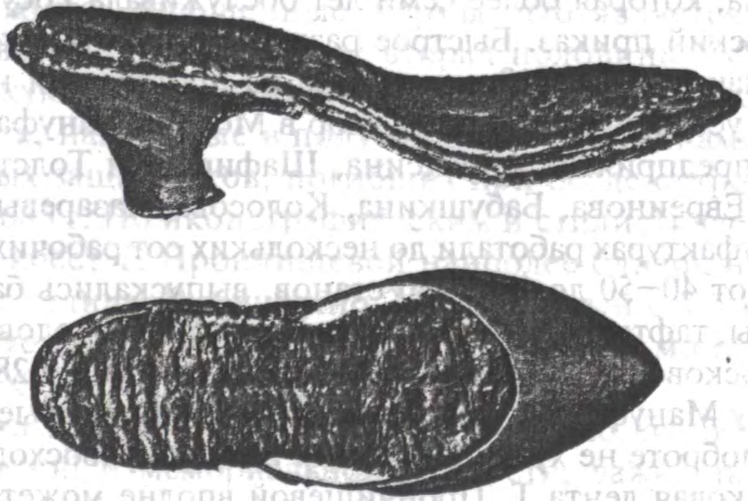


Рис.3. *Комнатные туфли Татьяны Прончищевой фасона «муль» в стадии монтажа сохранившихся и реконструированных деталей.*

туфель Т. Прончищевой это различие выражено достаточно ярко. Не повторяя выводов Т.С. Алешиной, остановимся лишь на консервации и реставрации памятника.

Консервация деталей. Все кожаные детали после первичной очистки были помещены на двенадцать часов в кювету с эмульсией из стружки дегтярного мыла в смеси этилового спирта (30%), дистиллированной воды (60%) и глицерина (10%), что обеспечило удаление из кожи избыточных дубильных веществ, мигрировавших в ее структуру из деревянного гробовища. Тем самым были также достигнуты первичная пластификация кожи, размягчение ее собственных жирующих компонентов и частичный переход в раствор гуминовых загрязнений.

После завершения процесса раздубливания и длительной промывки в дистиллированной воде с параллельной механической очисткой была проведена дополнительная пластификация кожи смесью спирт-вода-глицерин. Затем детали были подвергнуты сушке при комнатной температуре под легким прессом между периодически заменяемыми слоями бумажных полотенец, что позволило распрямить морщины и складки кожи без возникновения дополнительных деформаций из-за неравномерного высыхания отдельных участков.

По завершении сушки детали были троекратно прожирова-

ны эмульсией из жиро- и воскосодержащего крема «Велюр» (60%), взбитого в этиловом спирте (40%). В результате принятых мер все детали получили необходимую эластичность, а их поверхность приобрела первоначальный цвет и легкий глянец.

Монтаж памятника. После восполнения утрат лоскутами натуральной кожи, окрашенной растительными красителями в цвет подлинника, был проведен монтаж деталей. Для придания им первоначальной формы были подобраны обувные колодки подходящего размера и конфигурации, а также изготовлены специальные геленки из двух слоев жесткой канвы, армированных слоем проклеенного пресс-картона, призванные придать низам туфель характерный изгиб и жесткость. Взамен истлевших были изготовлены новые деревянные каблуки. При монтаже вместо первоначального животного клея использовался сополимерный клей А-45К производства АО "»Пигмент'', г. Тамбов. Геленки были вклеены между подошвами и подметками, а на покрытые клеем деревянные каблуки надеты обтяжки, на которых предварительно были восстановлены декоративные швы. Затем по подлинным проколам были восстановлены швы, скреплявшие подошвы с подметками, к последним деревянными гвоздиками были прикреплены каблуки и подкладки под пятку. Затем, с учетом значительной мемориальной и экспозиционной ценности памятника и согласно реставрационному заданию, полученному от автора раскопок, д.и.н. В.Ф. Старкова, было решено реконструировать матерчатые головки туфель. Они были скроены по аналогиям из собрания ГИМ [14] и выполнены из двух слоев окрашенной шелковой ткани на основе из проклеенного холста. На последнем этапе головки были установлены на стельки и вместе с ними по подлинным проколам подшиты к готовым низам туфель (рис. 3). После дополнительных тонировок поверхности видимых кожаных деталей и нанесения на нее восковой защитной пленки туфли прибрели экспозиционный вид.

В настоящее время туфли Т. Прончищевой, по-видимому, являются одним из старейших образцов фасона «муль» в музейных собраниях, но главная их ценность заключается в том, что они являются вещественной памятью о молодой русской женщине, чья самоотверженность превзошла и почти на столетие опередила нравственный подвиг других ставших легендой женщин – жен участников Декабрьского восстания 1825 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фальковский Н.И.* Москва в истории техники. М., 1950. С.293–294; *Газиянц С.М., Мар А.М.* Хлопок через века и страны. Ташкент, 1988. С.47.

2. *Арманд Т.* Орнаментация ткани. М.–Л., 1931. С.96.

3. «Регестр, коликое число и какого звания подарочных вещей надлежит принять от подштюрмана Верещагина» // Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941. С.377; «Реэстр богажу его высокоблагородия господина капитана командора Ивана Ивановича Беринга, который имеется ныне в Охоцку» // РГАВМФ. Ф.216. Оп. 1. Д. 60, Л.170об – 171.

4. *Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К.* Командорский лагерь экспедиции Беринга. М., 1988. С.68–69, 112–114.

5. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого Океана во второй половине XVIIIв. Сборник документов. М., 1989. С.33.

6. *СтеллерГ.В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки. 1741–1742. Пер. с англ. Е.Л. Станюкович. Ред., предисл. и коммент. д.и.н. А.К. Станюковича. М.,1995. С.64.

7. *Винокурова Э.П.* Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М., 1999. С.333, рис.7.

8. *Куколевская О.С.* Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Краеведческие записки. Вып.V. Кострома, 1993. С.84–97.

9. *Беляев Л.А.* Древности Данилова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 102, рис. 21; *Векслер А.Г., Беркович В.А.* Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы XVII в. М., 1999. С. 199, рис. 15, *2*; *Станюкович А.К.* Произведения русской средневековой металлопластики из округи Звенигорода (новые открытия) // Вестник клуба «Раритет». № 1. М., 2000. С.12. Рис. 2, *16*; *Ёлкина И.И., Станюкович А.К.*. Разведки и обследования в округе Звенигорода / Отчет о работе Звенигородской археологической экспедиции в 1999 г. Часть 2. Звенигород. 2000 г. Архив ИА РАН. С.21. Рис. 31, *4*; *Станюкович А.К.* Итоги изучения могильника в Калужском Бору // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. / Тезисы докладов научно-практической конференции. Калуга, 1987. С. 37–39; *Куницкий В.А.* Предметы художественной пластики из Белгорода-Днестровского // Земли Южной Руси в XI–XIV вв. Киев, 1985. С.126, рис. 6; *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. Рис.72, *4*; 76, *10, 13*; сведения авторов.

10. *Куницкий В.А.* Указ. соч.; *Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978гг.) // СА, 1981, № 3. С. 230. Рис. 3, *9*; 6, *1*.

11. Исследование технологии изготовления ленты проведено реставратором высшей категории А.К.Ёлкиной.

12. *Фальковский Н.И.* Указ. соч. С.305–306.

13. *Алешина Т.С.* Обувь, шитая золотом и серебром, из Торжка // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков. Тр. ГИМ. Вып. 75. М., 1990. С. 116–130.

14. Там же. Рис. на с. 120, 121; ГИМ 29302, Ж-57; ГИМ 30017, Ж-38; ГИМ 82135, Ж-36.

А. С. Днепровский, Калужский областной совет ВООПИиК
В. В. Легостаев, г. Калуга

Неопубликованные материалы личного происхождения по истории Калужского края XVIII – XIX вв.

Подлинные записки, воспоминания, дневники XVIII–XIX веков представляют собой ценнейшие памятники истории и культуры, непреходящие свидетельства из прошлого нам, потомкам. Все они являются великолепными примерами правильной, образной народной русской речи, а одновременно с этим – наряду с архивными данными – документами, имеющими историческое и практическое значение: например, без «Записок» знаменитой княгини Е.Р. Дашковой было бы невозможно представить себе и восстановить архитектурный облик ее усадьбы «Троицкое» Жуковского района. Всем памятны воспоминания о А.С. Пушкине А.О. Смирновой (Россет), калужской губернаторши и А.П. Керн (Полторацкой). Многие калужане выступали в прошлом продолжателями подобных эпистолярных традиций.

I. Так, династия калужских купцов Губкиных (три поколения!) с 1703 года вели рукопись-дневник под названием «Драгоценная память», ни разу не изданную полностью, но широко известную краеведам по многочисленным цитатам. «Окончена» рукопись в 1805 году.

Основной рассказ ведет Иван Григорьевич Губкин (1749-1789 гг.), первый Калужский бургомистр. В его рукописи легко выделить разделы:

1) Природные явления
2) Строительство в Калуге
3) Быт и нравы
4) Калужане, упоминаемые в рукописи.

Рукопись содержит 100 страниц, исписанных скорописью XVIII столетия, формат ее удобен для постоянного ношения в кармане.

Губкин держал акциз и много путешествовал по губернии и вне ее; всего в рукописи он упоминает 52 города.

Среди явлений природы обращает на себя внимание акку-

ратное упоминание о ежегодных разливах Оки, о датах её замерзания и вскрытии ото льда. Автор отмечает «плохие» (теплые зимы), болезни, эпидемии, дождливые и холодные лета («хлеба молотили сырые»). Очень интересны упоминания о небесных явлениях, свидетельствующие о регулярных астрономических наблюдениях: «явилась гораздо ясная звезда»..., «а затмение не предписано...» и т.д.

В рукописи «Драгоценная память» автор очень много внимания уделяет строительству крупных объектов в Калуге, церквей и, в первую очередь, «пробивке» новых улиц и площадей регулярного плана города 1778 года, поскольку он руководил этими работами. Теперь возможно уточнить этапы строительства многих памятников истории и культуры, которые И.Г. Губкин педантично фиксировал. Ценны также упоминания имен жертвователей и вкладчиков в построение зданий.

Раздел «Быт и нравы» ценен прежде всего указанием цен на различные товары в Калуге, Москве и других городах. Автор приводит и анекдотические случаи: «1779. В Петрополии знатной некто господин столько был лаком, что покупал зимою и весною вишни свежие по 3 рубля за ягоду и едал иной день по 1000 вишен. Пойдите найдите таких сластолюбивых. А в то время в Петербурге на чёрной работе мог выработать человек 25 к. Итак за одну ягоду работать день должны 12 человек»...(стр.17).

Среди личностей калужан привлекают прежде всего рассказы о свадьбах, обычаях, упоминания о кончинах с ценными комментариями автора. Например, «1774 г. генваря 30 скончался Афанасий Абрамович Гончаров... а был погребен 3 февраля» (стр.8).

Анализируется скорость получения информации 200 лет назад: «1796 г. ноября с 12 на 13 число получено известие что в Санктпетербурге ноября 6 дня государыня императрица Екатерина Алексеевна Вторая премудрая мать отечества скончалась. 13-го в Калуге в Троицком соборе была по её Величеству панихида, а потом присяга Её сыну государю императору Павлу Петровичу I и молебствие... Государыня Императрица Екатерина вторая царствовала 34 года 4 месяца и 9 дней» (стр.67).

Давно назрела необходимость издать «Драгоценную память» полностью. Судьба рукописи трагична: она случайно уцелела в XX веке и находилась в частной коллекции в доме Устряловых. В 1950-х годах она была приобретена краеведом историком К.М.

Ярко. В 1972 г. рукопись была прочитана полностью и переписана («переведена» со скорописи) Г.М. Морозовой. Копия рукописи на машинке хранится в ГАКО в Фонде особого учета с 1975 года. В настоящее время местонахождение рукописи неизвестно!

II. В моем личном архиве сохраняется Дневник боровского священника Иоанна Исидоровича Рождественского, написанный им и его зятем с 1838 по 1911 год! Интерес представляет тот факт, что И.И. Рождественский – потомок Ефима Рождественского, описанного В.Д. Лагутиным в его книге «Краткие очерки истории народного образования Калужского края» (Калуга, 1993, с.12): «Рукописных, а затем печатных букварей было настолько мало, что их мог иметь только учитель...». Так в основном проходило учение в Боровской и в других частных школах, открывшихся позднее. Через 18 лет после открытия школы в частном доме, священником Рождественской церкви для нее было построено специальное помещение.

Об этом в писцовой книге г. Боровска за 1685 год обнаружена следующая запись: «Подле той же богадельни построена школа для учения детям. Строение та школа Рождественского попа Еуфима, а земля под тою школою по мере в длину шесть сажен, а поперёч четыре сажени» (около 12 х 8 метров, ЦГАДА, фонд 1202, опись 1, книга 18, лист 315).

И.И. Рождественский служил в Боровске с 1838 г. в церкви Спаса Преображения, а в 1852 г. переведен в село Введенское. В 1848 году 26 апреля И.И. Рождественский открыл частное приходское училище для девиц в его собственном доме в селе Введенском «безмездно» (бесплатно).

Примечание: зять И.И. Рождественского – Иван Алексеевич Днепровский, мой двоюродный дед. И.И.Рождественский с 1890 г. служил в Калуге в Пестриковской богадельне, и умер 26 февраля 1893 года в Калуге.

III. «Сочинение архимандрита Арсения. Описание в стихах загородного архиерейского дома бывшего Лаврентьевским монастырем в XIX веке».

Автору этого редчайшего стихотворного описания Лаврентьевского монастыря в Калуге было 60 лет, когда он описывал эту достопримечательность. А ведь он был слеп от рождения (очевидно, он перелагал в рифмы то, что ему говорили очевидцы). Умер автор в 1817 году.

В рукописи содержатся восторженные описания природы, окружающей монастырь – калужский Бор, пойма с лучами, реки Ока и Яченка. Далее он воспевает храмы монастыря – церковь Рождества Христова с приделом Вознесенья, а также надвратную Успенскую церковь, стены и башни. Очень важным является описание некрополя монастыря, – это описание уникально, насчитывает более сотни имен калужан. Некрополь предназначался исключительно для известных, богатых и знатных калужан. Другого описания некрополя не сохранилось.

В книге Леонида (Кавелина), изданной в Калуге в 1906 году, содержится перечень 400 фамилий родов, удостоенных почетного погребения за вклады, но без их имён. В поэме ценны и интересны вкрапленные картины быта, например описание косьбы на Яченских лучах.

...«Вот они как на параде,
В лучшем праздничном наряде!
Их рубахи в тороках,
Белые как кипень белы,
С молодцами - поседелы -
Все смешались и рядах,
На двухвёрстном расстояньи
В одинаком одеяньи
С одинаковой косой,
В этот подвиг часовой
Представляют рать собою,
Правиму одной рукою.
Завтрак колокол пробил -
На обитель помолились,
Косы взяв перекрестились,
С тем и след косцов простыл»... (стр.19)

Поэма содержит среди описаний авторские сентенции о необходимости более частых вкладов на помин души усопших, и их назойливое повторение снижает впечатление от художественного произведения. В поэме ощущаются более поздние вставки: например, упомянут генерал Гурко, герой русско-турецкой войны 1877-79 годов, в то время как автор скончался в 1817 году. Думается, эти вставки как раз те, которые говорят о необходимости поминания через церковь.

Рукопись анонимная (список), хранится в ГАКО в Фонде

особого учета, единица хранения № 20. Выявлена она в 1974 году Г.М. Морозовой и ею же положена на машинку с собственными комментариями, помимо авторских. Рукопись о Лаврентьевском монастыре до сих пор не введена в научный оборот, не опубликована и ни разу не упоминалась в краеведческой литературе.

Среди рукописей, известных и хранящихся у калужан, следует также упомянуть Воспоминания Устряловой, урождённой Кожевниковой; «Сагу о Каннингах» (найдена Г.М. Морозовой); среди мемуаров особняком стоят дневники с 1915 г., которые вела Мария Сергеевна Преображенская, воспитанница калужского епархиального училища, ученица К.Э.Циолковского, учительница. Дневники представляют собой две стопки школьных тетрадей, исписанных карандашом. Дневники переданы в ГАКО, и не расшифрованы.

Определенный исторический интерес представляет рукописный журнал «Стрекоза», который выходил в 1920-21 годах в Калуге в 3-х экземплярах ежемесячно. Журнал «издавался» в доме Елизаветы Акимовны Днепровской (ул.Знаменская, д. № 16), авторами его являлись внуки Е.А. – Кира Виноградова, Наталья Токарева, Тамара Барут, Людмила и Евгения Виноградовы, Павел Рыбаков, Володя Барут и Михаил Днепровский. Журнал рассылался в Москву, Киев и Петроград. Отдельные экземпляры сохраняются у родственников.

Все вышеперечисленные калужские рукописи имеют, без сомнения, определенную историко-культурную ценность, особенно в связи с Днями славянской письменности, которые будут проводиться в Калуге 23-24 мая 2001 года.

***В. И. Абакулов, Т. И. Абакулова**, Калужский государственный объединенный краеведческий музей*

Дворянский род Коробьиных на Калужской земле

Выехав с Калужским городским клубом помощи памятникам старины «Добрая воля» для проведения предварительных работ по реставрации Троицкой церкви в село Сергиево Юхновского района Калужской области, возле храма мы об-

наружили два надгробия. На одном из них хорошо читалась надпись, из которой стало ясно, что оно принадлежало Екатерине Ивановне Коробьиной, урожденной Загряжской. Известно, что род Загряжских родственен Гончаровым. Об этих родах есть исследования.

Калужский край связан с именами родовитых аристократов, живших здесь или имевших владения – князей Голицыных, Трубецких, Волконских, Оболенских, Шуйских и других. Исследователи обычно обращаются уже к известным родам, особенно в связи с юбилеями, а история других семейств остается незаслуженно забытой. Нам бы хотелось восполнить этот пробел.

Коробьины - это дворянский род, который происходил от татарина Кичибея (в крещении Василия), выехавшего из Большой Орды к вел. кн. Рязанскому Федору Олеговичу (1402-1427), у которого он был боярином. Его сын, также рязанский боярин, Иван Васильевич, имел прозвание Коробья и стал родоначальником Коробьиных. Коробья – это новгородская хлебная мера, известная с XV в. **(1)**

Сохранилась жалованная грамота князя Ивана Васильевича Рязанского (1483-1500) вдове Ивана Кичибеевича Коробьи и его детям Ивану и Семену. **(2)** По сообщению С. Герберштейна, Семен Иванович Коробьин («Крубин»), подкупленный Василием III, являясь одним из «советников» рязанского князя, предал своего сюзерена и помог Вел. кн. Московскому «поимать его». Впоследствии Василий III в 1523 г. выдал Семену Коробьину жалованную грамоту.

Структура рязанского боярства несколько отличалась от состава бояр Северо-Восточной Руси. Это была замкнутая корпорация, в которой почти не было титулованной знати. Большинство рязанских бояр происходило от ордынских и литовских выходцев, что объясняется порубежным положением Рязанского княжества. Сравнительно позднее присоединение Рязани к Русскому государству в 1521 г. существенных перемен в структуре господствующего класса этого края не вызвало. Вердеревские, Измайловы, Кобяковы, Сунбуловы, Коробьины, оставившие на произвол судьбы своего сюзерена, сохраняли за собой земли в Рязани.

Позднее включение Рязани в состав единого Русского государства повлияло на то, что бывшие рязанские бояре и окольничие так и не смогли пробиться в московскую Боярскую думу. **(3)**

В разъезжей грамоте вел. кн. Ивана III своему сыну Юрию (ок. 16 июня 1504 г.) упоминается деревня Коробьина: « се яз, князь великии Иван Васильевич всея Русии, что есми пожаловал сына своего Юриа городом Дмитровом, да городом Рузою, да городом Звенигородом, и яз, князь великии Иван Васильевич всея Русии посылал князя Василья Ивановича Голеина да с ним диака Максима Горина, а велел есми (я им – В.А.) от Московских станов и волостеи Дмитровским, и Рузским, и Звенигородцким станом и волостем розъезд учинити. Да рекою Похрою вниз под деревню под Короб(ь)ину под Звенигородцкую, что за Сенкою за Варнавиным, направе селище монастырское Пафнутиева монастыря Тимошкино». **(4)**

Дворовая тетрадь 50-х г.г. XVI в. упоминает ряд дворовых детей боярских по Рязани. Среди них: Василий Меньшой и Григорий Ивановичи, Иван Григорьевич, Богдан Семенович (новик, не верстан) и Никита Петрович Коробьины. **(5)**

Коробьины честно служили России. В XVI в. многие представители этого рода были полковыми воеводами в городах. Известно, что Григорий Иванович Коробьин был убит в 1552 г. при взятии Казани. Согласно «Росписи голов «берегового войска» М.И. Воротынского 1572 г.» в Донков были направлены князь Иван Курлятев и Василий Коробьин. **(6)**

Выполняли представители этого рода и посольские службы. Василий Гаврилович (ум. 1635г.) был послом в Крыму (1621-1625 г.г.), Дании (1631-1632 г.г.) и Персии, откуда вывез ризу Господню. **(7)** В 1632 г. он был пожалован в окольничие. Иван Гаврилович Коробьин (ум. 1643 г.) был членом посольства Филарета Никитича в Польшу, и находился с ним в плену (1610-1619 г.г.), позже ездил послом в Турцию. Послом в Австрии в 1662 г. был стольник и воевода Иван Яковлевич Коробьин. В 1643 г. упоминаются Семен и Иван Коробьины. **(8)**

Восстановление засечной черты, проходившей и по территории Калужского края, в 1638 г. было сделано специальной повинностью. С белёвского помещика Ивана Коробьина и его соседей следовало взять крестьян 363 человека деловцов и 72 лошади. Из них 264 человека и 49 лошадей предназначались на Сенецкое звено, а 117 человек и 32 лошади на Кцынское звено Козельских засек. **(9)**

В III части «Общего Гербовника» мы можем найти описание

герба рода Коробьиных: «В щите, имеющем золотое поле изображен воин, скачущий на белом коне в левую сторону, имеющий в руке натянутый лук со стрелою, а за плечами колчан. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите золотой, подложенный голубым.» **(10)**

Род Коробьиных был внесен во II часть дворянской родословной книги Рязанской губернии. Однако, и дворянская родословная книга Калужской губернии сообщает нам: «VI часть. Василий Михайлович с сыном Василием. Василия Васильевича сын Илларион. Иллариона Васильевича сын Василий. Василия Илларионовича сын Павел.» Коллежский советник Павел Васильевич Коробьин (1749-1823 г.г.) **(11)** и его братья Николай и Сергей постановлением Калужского Дворянского Депутатского Собрания (КДДС) 3 декабря 1826 г. были записаны в VI часть дворянской родословной книги Калужской губернии. **(12)** В этой же части значатся такие известные фамилии как Бобрищевы-Пушкины, Кавелины, Кашкаровы, Лопухины, Киреевские, Раевские, Римские-Корсаковы, Унковские, Челищевы, Нарышкины и другие.

В начале XIX в. П.В. Коробьин приобрел село Сергиевское Медынского уезда (ныне Юхновский район). В XVIII в. село называлось Черменское. Принадлежало помещикам Товарковым, Львовым и Чернышевым. В 1711 г. стольник Владимир Евтропиевич Чернышев построил в Медынском уезде в Вежецком стану на пустовой церковной земле деревянную церковь во имя Сергия Радонежского. От названия церкви получило новое наименование и Черменское, став Сергиевским. **(13)** В 1809 г. здесь Павел Васильевич Коробьин построил новую каменную церковь, освященную во имя Троицы. В теплых приделах имелись два престола: во имя преподобного Сергия и во имя Св. Апостолов Петра и Павла. **(14)**

Среди благотворителей Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря в настоятельство архимандрита Макария (1809-1839 г.г.) значится Прасковья Степановна Коробьина. **(15)**

Отечественная война 1812 г. не обошла стороной и село Сергиевское. Согласно «Списку наряженных с помещичьих и владельческих душ конных и пеших воинов во внутреннее ополчение 1812 г.» коллежский советник П.В. Коробьин поставил от села Черменского с деревнями Медынского уезда от 172 душ 1 конного и 7 пеших ратников. **(16)**

О жене Павла Васильевича Екатерине Ивановне (урожденной Загряжской) (1751-1826 г.г.) встречаем упоминание в «Истинных записках о моей жизни» Семена Яковлевича Унковского (1788-1882 г.г.),отца знаменитого адмирала Ивана Семеновича Унковского (1822-1886 г.г.): «Пока готовились для путешествия (на юг — В.А.) наши экипажи мы еще сделали один-два визита к двум старушкам, жившим в Калуге — Елене Алексеевне Муромцевой, крестной матери моей жены, и Катерине Ивановне Карабиной — ее двоюродной тетки. Последняя мне очень понравилась. Приветливая, добродушная и чистоплотная старушка лет 70-ти. Для нашего отъезда назначен был 1 августа (1817 г. — В.А.).» **(17)**

Супруги Коробьины были похоронены возле построенной ими Троицкой церкви в с. Сергиевском. Ныне возле апсиды можно видеть вырытые кладоискателями ямы и два поваленных гранитных памятника. Один из них стоял на могиле помещицы (см. фото). На нем мы читаем:

«Коллежская советница
Екатерина Ивановна
Коробьина
рожденная Загряжская
скончалась 1826 года ноября 8 дня
на 76 году ея жизни.»

Памятник изготовлен из серо-розового гранита в форме факела. Он хорошо сохранился, надпись не сбита, в отличие от второго, на котором лишь можно с трудом прочесть даты и фамилию (Афончиков. 1862-1879 г.г.).

Сын Павла Васильевича Дмитрий Павлович Коробьин в 1807 г. был поручиком артиллерии, имел несколько сыновей. В 1830-40-х годах имение унаследовали братья Николай и Павел Дмитриевичи Коробьины. Причем отцовская усадьба досталась Павлу, а Николаю другая, следы которой находятся ныне в юго-западной части села.

Имение, включавшее в себя часть с. Сергиевского, деревни Паньшина и Перерьина, дошло к Павлу Дмитриевичу по раздельному акту с братом коллежским регистратором Николаем

Дмитриевичем, совершенному в Медынском Уездном Суде 15 января 1848 г., после смерти родителя их артиллерии поручика Дмитрия Павловича Коробьина и брата Сергея. Часть имения досталась по раздельному акту, совершенному в том же суде 8 марта 1840 г., их матери Софье Сергеевне и сестрам Екатерине и Анне Дмитриевнам Коробьиным. **(18)**

Усадьба П.Д. Коробьина в 1850 г. занимала 8 дес. Имение было заложено в Московском Опекунском Совете на сумму 6370 руб. **(19)** Павел Дмитриевич воспитывался в 1-й Московской Гимназии и по окончании ее, в 1836 г., вступил в службу в Канцелярию Калужского Гражданского Губернатора. 20 мая 1837 г. он значится канцеляристом. Произведен коллежским регистратором со старшинством 20 мая 1838 г. По прошению уволен в отставку 20 января 1840 г. П.Д. Коробьин вступил в военную службу унтер-офицером в Уланский Его Королевского Величества Принца Фридриха Виртембергского полк 1 января 1841 г. Переименован юнкером 20 марта того же года. Высочайшим указом 3 января 1843 г. за болезнью по прошению уволен из военной службы с прежним чином коллежского регистратора, о чем было объявлено в указе Правительствующего Сената 18 декабря за № 54558. Определен по распоряжению начальства в Медынский Уездный Суд дворянским заседателем 16 ноября 1843 г. Был утвержден в той же должности 17 января 1845 г.

П.Д. Коробьин произведен в чин губернского секретаря со старшинством с 16 марта 1846 г. Состоя по выборам дворянства кандидатом в должность судьи, по указу Калужского Губернского Правления 17 июля 1849 г., был допущен к исправлению этой должности. Высочайшим приказом 6 августа того же года утвержден судьею. Высочайшим приказом 21 июня 1850 г. по прошению уволен, продолжая службу по день получения приказа в Уездном Суде по 14 августа того же года.

Дворянством П.Д. Коробьин был избран в Медынский Земский Суд исправником, в каковую должность вступил по указу Калужского Губернского Правления 1 января 1851 г. Высочайшим приказом 5 июля 1854 г. произведен в коллежские секретари со старшинством с 16 марта 1850 г. **(20)**

По определению Калужского Губернского Правления, состоявшемуся 25 мая 1854 г. «исправник Медынского Земского Суда губернский секретарь Павел Дмитриевич Коробьин и

непременный заседатель коллежский регистратор Лев Павлович Чемесов за неправильные действия по делу о взыскании коллежским асессором Павлом Васильевым Николаевым с коллежского регистратора Константина Иванова Гулевича по заемному письму денег преданы суду Калужской Палаты Уголовного Суда» **(21)**

Это было совершено указом Калужского Губернского Правления от 10 июня 1855 г. за № 5395 П.Д. Коробьин вновь был предан суду по указу Губернского Правления от 26 июня того же года за № 6331 по делу о взыскании мещанином Бачуриным с купца Церевитинова денег. Решением Калужской Палаты Уголовного Суда, состоявшимся 19 декабря 1856 г. было заключено: «Коробьина за сделанное упущение по взысканию с г-на Гулевича денег от личного взыскания от наказания освободить, взыскав при том с него и прочих членов на удовлетворение Николаева 141 руб. 70 коп. с % и убытками, и от дела по взысканию Бачуриным с Церевитинова по векселю денег от взыскания освободить.» Постановлением Губернского Правления 4 января 1856 г. П.Д. Коробьин был уволен по прошению от службы за болезнью. **(22)**

В метрических книгах с. Сергиевского Медынского уезда родившимися записаны дети коллежского секретаря П.Д. Коробьина : дочь Варвара Павловна (29 августа 1856 г., крещена в церкви того же села 30 августа. Ее воспреемниками были Константин Иванович Полтев и Елизавета Николаевна Коробьина **(23)**) и сын Сергей Павлович (20 октября 1857 г. Крещен был 28 октября. Воспреемниками были отставной подпоручик Николай Александрович Дурнов и Елизавета Николаевна Коробьина **(24)**).

8 декабря 1858 г. был открыт Калужский комитет для улучшения быта помещичьих крестьян. Кандидатом по Медынскому уезду был избран и утвержден коллежский секретарь П.Д. Коробьин. **(25)**

В эти же годы председателем департамента Санкт-Петербургской судной палаты и сенатором был дальний родственник калужских Коробьиных Владимир Григорьевич Коробьин (1826-1895 г.г.). Его старший сын унаследовал фамилию Муравьева-Апостола и именовался Коробьиным-Муравьевым-Апостолом. **(26)** Декабрист Антон Аполлонович Жемчужников (1800-1873 г.г.), член Союза благоденствия, штабс-капитан, тамбовский совестный

судья (1842 г.) был женат еще на одной представительнице этого рода Прасковье Михайловне Коробьиной. **(27)**

17 июня 1859 г. в дворянскую родословную книгу Калужской губернии был внесен сын Николая Дмитриевича и Елизаветы Николаевны Николай Николаевич Коробьин. В мае 1869г. Елизавета Николаевна значится уже вдовою. **(28)** Имение, включавшее часть с. Сергиевское и дер. Перерьина, по решению Калужского Окружного Суда 24 февраля 1869 г. перешло от коллежского регистратора Николая Дмитриевича к его сыну Николаю Николаевичу Коробьину. **(29)**

Гербъ рода Коробьиныхъ.



3 апреля 1863 г. Павел Дмитриевич Коробьин по прошению был определен младшим чиновником особых поручений при начальниках Калужской губернии. Он замещен на должность старшего чиновника особых поручений 10 октября 1863 г. Согласно постановления Калужского Губернского Правления 26 июля 1865 г. он был назначен исправляющим должность помощника мещовского уездного исправника. По предложению губернатора от 10 июля 1866 г. утвержден в этой должности 18 июля. Указом Правительствующего Сената от 28 февраля 1867 г. за № 25, напечатанным в № 20 СПб-их Сенатских ведомостей, был произведен в титулярные советники со старшинством с 16 марта 1854 г. Указом Правительствующего Сената по Департаменту Геральдии от 15 ноября 1867 г. за № 209, пропечатанном в № 93 СПб-их Сенатских ведомостей, П.Д. Коробьин был произведен в коллежские асессоры со старшинством с 15 июня 1864 г. **(30)**

В Государственном архиве Калужской области сохранился формулярный список от 15 мая 1868 г. о службе коллежского асессора мещовского уездного исправника П.Д. Коробьина: «47 лет, вероиспроведания православного, знаков отличия не имеет, получает жалования 500 руб , столовых 500 руб. и на разъезды 200 руб. Происходит из потомственных дворян. У него родового имения Медынского уезда временнообязанных крестьян 87 душ и оставшейся за наделом земли 452 дес. Женат на Софье Ивановой. Имеет детей: Варвару 11 лет, Сергея 10 лет, Елизавету 7 лет и Дмитрия 1,5 лет.» **(31)**

Сын Павла Дмитриевича Сергей был внесен в дворянскую родословную книгу Калужской губернии 3 июня 1868 г. **(32)**

П.Д. Коробьин 30 декабря 1869 г. подал объявление о предоставлении выкупа земельных наделов временнообязанным крестьянам с. Сергиевского, деревень Перерьиной и Паньшиной Медынского уезда. **(33)** Указом Правительствующего Сената он был произведен в надворные советники со старшинством с 15 июля 1868 г. Указом Калужского Губернского Правления от 30 июля 1874 г. за № 4813, согласно прошению Павел Дмитриевич был уволен от службы по болезни. 17 мая 1877 г. назначен и. д. Начальника Калужского исправительного арестантского отделения. Утвержден в этой должности 23 января 1878 г. **(34)**

Имение в Сергиевском в 1877 г. купил коллежский регистратор Сергей Васильевич Можаров. Уже при нем был возведен новый главный усадебный дом. **(35)**

Надворный советник П.Д. Коробьин в декабре 1877 г. подавал в КДДС прошение, в котором жаловался, что медынский уездный предводитель дворянства включил его в список тех дворян, которые могли участвовать только в делах Губернского Собрания дворянства, но не в выборах. Якобы у Коробьина было всего 233 дес. земли. Павел Дмитриевич отмечал, что владел 345 дес. земли и поэтому мог участвовать и в выборах. Просил в списке несоответствия исправить.

14 декабря 1877 г. П.Д. Коробьину было выдано удостоверение из Калужского Нотариального Архива, что в его владении находились:» Медынского уезда :1). При сельце Чернышове-Волынцы тож земли 235 дес. 359 саж. с лесом и строением на ней. 2). При дер. Паньшиной 110 дес. Всего за г-ном Коробьиным 345 дес. 359 саж.» **(36)**

9 января 1878 г. в КДДС слушалось дело о правах вышеупомянутого надворного советника. Председатели и депутаты определили: «признать, что г-н Коробьин имеет право участвовать в делах Собрания и в выборах по Калужской губернии.» **(37)**

По формулярному списку за П.Д. Коробьиным в 1879 г. в Медынском уезде при сельце Чернышовке-Волынцы тож числилось 235 дес. земли. Павел Дмитриевич «16 апреля 1879 г. был уволен от службы согласно прошению по болезни. В походах, сражениях, отпусках не был. Женат на Софье Ивановне, имеет детей: дочь Варвару 20 лет, сына Сергея 19 лет и дочь Елизавету 17 лет.» **(38)**

Варвара Павловна Коробьина упоминается в «Списке землевладельцам Медынского уезда, имеющим право участия в избирательном съезде полноправных владельцев по Медынскому уезду для избрания земских гласных на 3-х летие с 1889 по 1892 г.» **(39)**

В октябре 1895 г. она просила КДДС причислить ее к роду своего отца, выдать паспорт и отослать его по местожительству в г. Москву в Арбатское городское попечительство о бедных. Прошение депутаты дворянства слушали 20 ноября 1895 г. **(40)**

5 января 1896 г. Собрание постановило: «Варвару Павловну Коробьину сопричислить к роду дворян этой фамилии; записать в 6-ю часть дворянской родословной книги и дать ей по жительству безсрочную паспортную книжку.» 6 июля того же года Правительствующий Сенат определил постановление КДДС утвердить. **(41)**

В «Адрес-календаре Калужской губернии» на 1912 г. по г. Малоярославцу и Малоярославецкому уезду полицейским надзирателем значится титулярный советник Владимир Дмитриевич Коробьин. **(42)**

Ныне сохранилась кирпичная Троицкая церковь, расположенная на южной окраине села Сергиево на небольшом возвышении правого берега безымянного ручья притока речки Камен-

ки. Члены клуба «Добрая воля», побывавшие в селе в конце июня 1998 г., срубили поросли деревьев и кустарника с трапезной и четверика храма. Село расположено вдали от городов и шоссейных дорог и добраться туда довольно затруднительно. Усадебный дом восстанавливается. Даст Бог, когда-нибудь вновь увидит свет свечей и Троицкая церковь.

Данная работа написана на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Калужской области, до которых еще не доходили руки исследователей. Коробьины несли службу в Калужской губернии на протяжении XIX в., оставив определенный след в истории этого края. Наша работа – первая попытка осветить историю этой дворянской фамилии в Калужском крае. До сих пор никем из исследователей эта тема не затрагивалась и поэтому это богатый материал для дальнейшего изучения, путем выявления новых архивных документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. – СПб. 1895. Т. XVI. С. 309.

2. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во втор. пол. XV-перв. трети XVI в. – М. 1988. С. 280.

3. Там же, с.269-270.

4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV-XVI в.в.- М.-Л. 1950. С. 378-379.

5. Тысячная книга 1550. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.- М.-Л. 1950. С. 166, 168, 329.

6. *Андреев А.Р.* Неизвестное Бородино. Молодинская битва 1572 г. Документальная хроника XVI в. – М. 1997. С. 219.

7. *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. – М. 1996. С. 364.

8. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Кн. 1. Государев двор, или дворец. – М. 1990. С. 269.

9. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. – М. 1916. С. 138.

10. Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 г. Ч. III. № 16.

11. *Булычов Н.И.* Калужская губерния. Список дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. - Калуга. 1908. С. 219.

12. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 66. Оп. 2. Д. 916. Л. 1.

13. Калужская старина. -Калуга. 1911. Том 6. С. 27.

14. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2206. Л. 464.

15. *Леонид (Кавелин Л.А.)* Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. – М. 1903. С. 141.

16. *Булычов Н.И.* Архивные сведения касающиеся Отечественной войны

1812 г. по Калужской губернии. (Калужское Дворянское Ополчение). – Калуга. 1910. С. 66.
17. Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ) Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 1670. Л. 5.
19. Калужская энциклопедия. Сборник материалов. Вып. 2. - Калуга. 1995. С. 101-102.
20. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2563. Л.Л. 8-8 об.
21. ГАКО.Ф. 66. Оп. 2. Д. 320. Л. 1 об.
22. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2563. Л.Л. 8 об.-9.
23. Там же, л.л. 4, 11.
24. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 916. Л. 15.
25. Калужские Губернские Ведомости. 3 января 1859. № 1. Часть неофиц. С. 7.
26. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. – СПб. 1895. Т. XVI. С. 309.
27. Декабристы. Биографический справочник. – М. 1988. С. 67-68.
28. *Булычов Н.И.* Калужская губерния. Список дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. - Калуга. 1908. С. 219.
29. ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 1423. Л. 271.
30. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2563. Л. 9.
31. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 916. Л.Л. 3 об., 4, 13.
32. *Булычов Н.И.* Калужская губерния. Список дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. - Калуга. 1908. С. 219.
33. ГАКО. Ф. 62. Оп. 3. Д. 1670. Л. 5.
34. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2563. Л.Л. 9-9 об.
35. Калужская энциклопедия. Сборник материалов. Вып. 2. - Калуга. 1995. С. 102
36. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 1470. Л. 2.
37. Там же, л. 7 об.
38. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2563. Л.Л. 8, 9 об.
39. Калужские Губернские Ведомости.18 марта 1889. № 22.
40. ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2563. Л.Л. 4, 6.
41. Там же, л.л. 14-14 об., 23.
42. Адрес-календарь Калужской губернии на 1912 г. С. 93.

***М. В. Кислицына**, Калужский государственный объединенный краеведческий музей*

Предпринимательская и общественная деятельность калужских купцов Фалеевых в XIX веке

Купцы Фалеевы являются представителями одной из известнейших калужских купеческих фамилий.

Впервые род Фалеевых упоминается в Калужской писцовой книге 1617 года «Письма и дозору Ивана Козьмича Бегичева и подьячего Игната Пчелина»[1]. Перепись посадских людей 1617 года,

очевидно, самая древняя по городу Калуге. Книги Бегичева и Пчелина дают нам возможность для изучения некоторых сторон городской жизни, в частности, знакомят с составом населения, отчасти с его занятиями, с размером оброка по тяглу с каждого двора и т.д. В перечне посадских людей фамилия Фалеевых упоминается три раза [1].

Нас же интересует род Фалеевых по линии Лаврентия Михайловича. О нем известно лишь то, что он умер 10 июня 1796 года и был похоронен в тот же день по раскольнически, т.к. был старообрядцем [2].

Сын его, Семен Лаврентьевич, в начале XIX века занимался торговлей. Согласно списку о составе семейств калужских купцов и предмете их торговли за 1822 год следует, что он купец III гильдии, вел торговлю разным пушным товаром, имел пять сыновей [3]. Семен Лаврентьевич, как и его отец, сначала придерживался старообрядческой веры. Однако, в октябре 1802 года, через 10 месяцев после освящения Единоверческой Духосошественской церкви «на старых обрядах» в Калуге, он с семейством из 7 человек перешел в прежний раскол. Что стало причиной его ухода не известно [4]. К концу жизни (умер в 1849 г.) торговые дела у него шли, очевидно, не плохо. Он был записан в I гильдию и уже вел как внутреннюю, так и заграничную торговлю [5]. У Семена Лаврентьевича было желание открыть в Калуге торговый Дом под общей с сыновьями фирмой. Однако, учреждением ее уже после его смерти занялись сыновья Гаврила, Иван, Алексей и Василий. Перед смертью С.Л.Фалеев оставил духовное завещание, в котором говорилось о нераздельном капитале и общей торговле его сыновей. Согласно завещанию сыновья получили наследственный капитал по I-ой гильдии 15 тысяч рублей серебром и родительский дом в Калуге во 2-ой части 2-го квартала [5].

Братья Фалеевы продолжили дело своего отца. В 1849 году они заключили между собой договор об общей торговле. В 1850 году ими был открыт торговый Дом во 2-ой части 2-го квартала под фирмой «Семена Фалеева сыновья – Гаврилы, Ивана, Алексея и Василия Фалеевых» [6].

В 1851 году в Лондоне состоялась Первая Всемирная выставка. На ней была представлена продукция фабрик и заводов России в количестве 365 мест. Калужская губерния представлена 11 местами.

Купцы Фалеевы (Иван, Алексей и Василий) привезли на выставку опушь гагарью, щетину, косицу, заявленные товары получили высокую оценку. Алексей и Василий были награждены медалью. Что же она представляет собой? Медаль бронзовая, диаметр 76мм, на гурте надпись: «Призовая на выставке И. Семенову и А. и В. Фалееву.», автор – Вильм Вийон. Эта медаль хранится в коллекции Калужского государственного объединенного краеведческого музея с 1920г.[7]

Хочется более подробно остановиться на предпринимательской и общественной деятельности Потомственного почетного гражданина, купца II-ой гильдии Алексея Семеновича Фалеева.

В 1861 году Алексей Семенович обратился в Калужский Губернский мануфактурный комитет с просьбой о выдаче ему свидетельства на содержание щетинного и скорняжного заведений [8]. Дом, в котором они располагались, перешел к нему по наследству и находился во 2-ой части 5-го квартала на Московской улице под № 59 г. Калуги [9] (ныне это улица Ленина, дом № 78/66). Это был каменный двухэтажный дом, который стоял совершенно отдельно от жилого дома А.С.Фалеева и его соседей. На предприятии в 1861 году работало 25 человек. В течение года щетины выделывалось на 25 тыс. рублей серебром, скорняжного товара на 35 тыс. рублей серебром. Все изделия изготовлялись ручным способом [10].

Усердие и природные способности Алексея Семеновича и других его братьев способствовали неуклонному расширению и укреплению семейного дела.

Согласно реестру Губернского правления в Мануфактурный комитет Алексей, Гаврила и Василий Фалеевы в 1862 году владели меховыми, щетинными и рогожными заведениями [11].

В 1883 году в Калуге работало 7 рогожных фабрик. На трех из них было занято 585 рабочих с производством на 56 тыс. рублей. Одна из этих фабрик принадлежала Фалеевым [12]. Кроме того они были самыми крупными в губернии владельцами скорняжного производства.

Таким образом, купцы Фалеевы, создавая небольшие промышленные и, главным образом, торговые предприятия комплектовали в Калуге торгово-промышленную среду.

Все это не только не мешало, но и помогало проявлять себя на общественном поприще. Алексей Семенович активно участвовал в деятельности городских общественных учреждений, в частности, в заседаниях городской думы. В декабре 1862 года Городская дума выдвигает его кандидатом на должность городского головы на 1863 – 1866 годы [13]. Алексей Семенович привел несколько причин, по которым он не мог исполнять эту ответственную должность. В прошении он отмечал, что не может читать в связи с большой близорукостью; одержим таким трясением рук, что с величайшим трудом подписывает свое имя; а так же имея двух малолетних сыновей не имеет никакого помощника в торговле. Приведенные им доводы были, очевидно, убедительны, и на этот период на должность городского головы был избран купец М.М.Кожевников [14].

В этом же году в Калуге был открыт «Общественный Михаила и Павла Малютиных банк». Алексей Семенович баллотировался в кандидаты Директора этого банка и был избран им купцами и мещанами города [15]. Однако, первым директором банка был выбран купец II-ой гильдии А.Д.Подкованцев [16]. И все же А.С.Фалеев принимал непосредственное участие в его открытии. Он, наряду с другими калужскими купцами, занимался составлением проекта Устава банка. К его работе были привлечены люди особенно сведущие в коммерческих и торговых делах [16].

Алексей Семенович, как и дед был старообрядцем, а в 1861 году он – староста Единоверческой Духосошественской церкви [17] (ныне пер. Старичкова; в 30-е годы XX века переоборудована под хлебозавод). В его заведовании находилось все церковное имущество, деньги и вещи.

После революции, когда эту церковь закрыли, Фалеевы организовали в одном из своих домов молельный дом старообрядцев. В 1918 году их дом был муниципализирован и в нем разместился Уездный отдел народного образования (УОНО), который и потребовал закрытия молельного дома. В 30 – 80-е годы XX века в нем жили воспитанники детского дома. С 1981 года здесь находится экскурсионно-туристическая станция (ныне ул. Луначарского, 36) [18].

Значительную роль Фалеевы сыграли и в градостроительстве. Возводя для себя дома и усадьбы, они тем самым способствовали созданию архитектурного облика Калуги конца XVIII – начала XX веков.

В это время в Калуге велось усиленное строительство част-

ных строений. Старый тип строительства уже не отвечал возросшим потребностям и изменившемуся образу жизни купечества, игравшего первенствующую роль в городе. Богатые купцы старались перещеголять друг друга, возводя каменные дома и даже целые городские усадьбы. Индивидуальные проекты жилых домов заказывали часто столичным зодчим или губернскому архитектору. Понятно, что эту роскошь могла позволить себе только верхушка богатого купечества.

В 1809 году в Петербурге были выпущены первые две части «образцовых» проектов фасадов жилых домов. Обязательное применение этих проектов сказалось на архитектурном облике Калуги. Показательна в этой связи история сооружения большого дома купца Ивана Семеновича Фалеева (ныне д. № 8 на пл. Старый торг). Дом был выстроен в 1808 г. по проекту 1798 года, но согласно новым требованиям потребовалось внести коррективы в обработку его фасада и в 1811 г. проект был переработан выдающимся архитектором В.П.Стасовым. Дом, отделанный по новому проекту послужил наглядным образцом при постройке ряда калужских жилых домов [19].

Из сказанного следует, род Фалеевых является одной из старейших калужских купеческих фамилий. Фалеевы, обладая деловой сметкой в сочетании с усердием добились больших успехов, расширили и укрепили семейное дело. Весьма преуспели сыновья Семена Лаврентьевича. Алексей, Гаврила, Василий были ведущими производителями рогож на протяжении XIX века, они способствовали комплектованию торгово-промышленной среды в Калуге. Однако это не мешало им проявлять себя и на общественном поприще. Особенно интересна деятельность Почетного гражданина Калуги Алексея Семеновича Фалеева, который баллотировался на должность Городского головы и директора общественного банка, был старостой церкви. Жилые дома и усадьбы, построенные Фалеевыми до сих пор украшают наш город и являются уникальными архитектурными памятниками.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. *П.Симсон*. Калужские книги 1617 года. Письма и дозору Ивана Козьмича Бегичева и подьячего Игната Пчелина. Известия КУАК, № 1, 1891 г.
2. ГАКО, ф. 45, оп. 1, д. 1198. 1849 г.
3. ГАКО, ф. 372, оп. 1, д. 94. 1864 г.

4. *О.Покровский*. О Единоверческой Духосошественской в г. Калуге церкви. КЕВ, № 11, 1863 г.
5. ГАКО, ф. 45, оп. 1, д. 1198, л. 2. 1849 г.
6. ГАКО, ф. 45, оп. 1, д. 1192, л. 2.
7. *Т.В.Морозова*. Экспоненты от Калужской губернии на первой Всемирной выставке. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1991 г.
8. ГАКО, ф. 372, оп. 1, д. 94, л. 14. 1861 г.
9. ГАКО, ф. 62, оп. 3, д. 1440, л. 54. 1862 г.
10. ГАКО, ф. 372, оп. 1, д. 94, л. 55. 1861 г.
11. ГАКО, ф. 62, оп. 3, д. 1440, л. 64.
12. *Д.И.Малинин*. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992.
13. ГАКО, ф. 62, оп. 3, д. 1440, л. 12. 1862 г.
14. Памятная книжка Калужской губернии. 1917 г.
15. ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 670, л. 28-29. 1862 г.
16. *О.О.Кадобнов*. Калужский общественный братьев Михаила и Павла Малютиных банк. Калуга, 1912.
17. ГАКО, ф. 45, оп. 1, д. 2221, л. 5. 1861 г.
18. *Г.М.Морозова*. Прогулки по старой Калуге. 1993 г.
19. *М.В.Фехнер*. Калуга. М., 1971 г.

***Н. И. Кожевникова** (г. Калуга), Калужский областной центр детско-юношеского туризма*

Из истории Кожевенной слободы в Калуге (к вопросу генеалогии)*

Вопрос о перенесении фабричных заведений в санитарно-гигиенических целях за черту города Калуги возник вновь в середине XIX века. Поводом послужил пожар, случившийся в заводе Грибанова по причине отсутствия специального устройства духовых печей для сушки коры. Вот имена и звания владельцев кожевенных заведений, запрещенных к существованию внутри города:

мещанин Борис Алексеевич Вереитинов, купец Александр Иванович Масалитинов, мещанин Александр Рыжов, купец Андрей Алексеевич Слабожанинов, купцы Матвей и Егор Хох-

* Данный материал является логическим продолжением темы, рассматривавшейся автором на предыдущей конференции. См.: Кожевникова Н. И. Кожевенная слобода в Калуге//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья, Калуга, 2001. С. 105-110.

ловы, купец Петр Алексеевич Кожевников, купчиха Анна Егоровна Угрюмова, купец Алексей Галактионович Посников, купец Федор Иванович Малахов, купец Владимир Иванович Малахов, мещанин Иван Иванович Сляднев, мещанин Иван Иванович Тащин, купец Иван Хомутинников, купцы Григорий и Яков Ивановичи Андреевы, мещанин Василий Петрович Вереитинов, мещанин Петр Иванович Волнотепов.[1]

Началась «новая волна» перенесений кожевенных заведений за Тульскую заставу...

Мысленно пройдем от дома к дому в Кожевнях, числившихся в те времена в 4 квартале 2 части города.

В доме № 790 проживали Иван /1790 г.р./ и Петр /1806-1881/ Гавриловичи Грибановы.[2] «Оный дом мерою земли в длину 55 сажен, в ширину – 31 сажен. В смежности состоит с домом Павла Грибанова и мещанки Прасковьи Лавровой. С заводом он оценен в 4000 рублей».[3] В 1857 году производство И.Г. Грибанова составляло: 45 чанов, 5 рабочих, 9985 рублей; производство П.Г. Грибанова: 120 чанов, 16 рабочих, 61500 рублей.[4] Жена Ивана Гавриловича Евдокия Григорьевна /1796 г.р./. Жена Петра Гаврилова Елизавета Ильинична /1813 г. р./; Его дети: Александра, Прасковья, Валентин, Дмитрий /1843-1884/, Петр/1849-1881/, Павел, Зинаида /1857 г.р./.[5] Восприемницей при рождении Зинаиды была Елизавета Петровна Грибанова.[6]

Производство Павла Васильева Грибанова в 1857 году:
30 чанов, 2 рабочих, 12750 рублей.[7]

В доме № 791 проживала вдова Василия Митрофановича Грибанова с сыном Николаем.[8]

Дом № 792 принадлежал Аграфене Ивановне Вереитиновой.[9]

Здание № 800 – завод Николая Васильевича Грибанова.

Здание № 795 – это завод Елизаветы Михайловны и Егора Прокофьевича Кашиных. Их трехэтажный дом № 231 находился во 2 квартале 2 части.[10]

«по описи 1832 года эти владения принадлежали Прокофию Михайлову Кашину. Дом с землей оценен в 5000 рублей, завод - в 1285. Егор Прокофьев, жительствуя в Калуге, делают покупку с сыном Григорием сырых кож,. и выделывая их на том заводе, продают...».

В 1848 году купец Е.П. Кашин был избран кандидатом в ратманы в Думу.[11] К счастью, он не дожил до 1857 года, в котором умерли: жена – 53 лет от антонова огня, сын Григорий – 34 лет, сын Николай – 33 лет.[12]

Дом № 797 – трехэтажный, до 1853 года принадлежал купцу 3 гильдии Исидору Михайлову Кашину, его сыновьям Михаилу и Козьме.[13] Исидор Михайлов Кашин во времена, когда городским Главой был Петр Максимович Золотарев, входил в шестигласную Калужскую Думу вместе с Климом Афончиковым, Иваном и Семеном Хлебниковыми, Владимиром Мешковым.[14] Козьма Исидоров избирался мещанским старшиной. Кашины отстаивали интересы калужан, были людьми, уважаемыми в городе.



Рис. 1. *Улица Салтыкова-Щедрина (бывшая Кожевни).*

Занимаясь краеведческими поисками, я установила, что одним из потомков именитого калужанина Исидора Михайловича Кашина является мой муж – Владимир Ярославович Кожевников. Его прадед, Михаил Семенович Иванов /1860–1916/ – сын Марии Михайловны Ивановой, урожденной Кашиной, дочери Михаила Исидоровича Кашина. В январе 1853 года перед бракосочетанием с православным Семеном Никифоровичем Ивановым, служившим в военном ведомстве, Мария присоединилась из часовенного раскола к православной церкви. Один из их сыновей, Иван, служил в военном ведомстве; другой – Михаил, заведовал клубом дворянского собрания; третий – Александр, работал в железнодорожных мастерских... Таким образом, удалось восстановить прерванную связь поколений калужского рода Ивановых-Кашиных.

Дом № 798 – деревянный, с каменным заводом – это дом Павлы Андреевны Грибановой /1809–1879/. В 1851 году у нее и ее мужа Федора Гавриловича Грибанова /1799–1857/ четверо детей: Юлия, 19 лет, Илия, 13 лет, Николай, 10 лет, Гаврила, 6 лет.[15]

Дом № 802 – двухэтажный, до 1852 года принадлежал вдове Ивана Ивановича Торубаева, Александре Прокофьевне.[16]

На месте дома № 807 пустопорожняя земля наследников Василия Митрофановича Грибанова.

Под № 808 – владение нарвской купчихи Анны Тимофеевны Черновой, урожденной Плаховой, и ее сына Ивана Андреевича Чернова /1822–1860/.[17] Ее муж, Андрей Макарович Чернов – купец 1 гильдии, введенный в дворянство, умер в 1848 году. В 1854 году завод перешел Алексею Галактионовичу Постникову /1793 г.р./. Отцом А.Г. Постникова был купец 3 гильдии Галактион Аниконович, женой – Евдокия Ивановна, урожденная Сикерина /1809 г.р./. У А. Г. Постникова было много детей: Иван, Александра, Иоаким /женился на Александре Петровне Грибановой/, Феоктиста, Серафима, Акулина, Пелагея, Наталья и его братья: Иван /1805 г.р./, Федор /1810 г.р./, Василий /1812 г.р./, Петр /1814–1848/, Лука /1818 г. р./...[18]



Рис. 2. *Михаил Семенович Иванов (правнук Исидора Михайловича Кашина) с семьей. Фото 1900 г.*

В 1834 году вблизи завода А.Т. Черновой строил завод Василий Иванович Торубаев, справа был дом мещанина Лукеева.[19]

Славилась в Калуге молитвенная часовня в Кожевнях:

«Калужские старообрядцы раньше составляли нераздельное общество. Все собирались для общественных молитв в одну часовню, находившуюся за городом, в Кожевнях».[20]

Попечителем часовни был купец 2 гильдии Николай Козьмич Конюхов /1837 г.р./.[21] На эту должность избирали добросовестного человека. Его родители: Козьма Иванович и Прасковья Осиповна, урожденная Вереитинова. Его жена / 2-го брака/ – Александра Михайловна, урожденная Смирнова /1859 г. р./. Его сестра, Юлия, была замужем за Максимом Викуловичем Сидельниковым.[22]

На своем заводе выделывал качественные кожи купец Иван Никитич Вереитинов: «Заготовление вещей для обмундирования нижних чинов полицейской и пожарной команд возложено на гласного /Думы/ Фалеева, который доложил, что при всем его старании о соблюдении экономии городской казны, он не мог купить сапожного товара дешевле, предложенного купцом Иваном Никитиным Вереитиновым... товар белый для 256 пар с подошвами по 1 рублю 5 копеек и черный – для 160 пар с полным прибором по 2 рубля 25 копеек весьма хорошего сорта».[23]

Установлены сведения о семье Бориса Алексеева Вереитинова /1806 г.р./. У него и его жены Натальи Гавриловой /1815 г.р./ в 1851 году трое детей: Иван, 13 лет, Александра, 8 лет. Гавриил, 5 лет.[24]

В поисках потомков Вереитиновых я вышла на Василия Васильевича Вереитинова /1912 г.р./, бывшего рабочего завода МПС, внука Федора Михайловича и Анны Ивановны Вереитиновых, проживавших в Старых Кожевниках. И, хотя пока не восстановлены связи поколений Вереитиновых, считаю его воспоминания интересными для калужан:

Мой дед Федор Михайлович Вереитинов проживал с семьей у Оки у Покровоподгорской церкви. Бабушку звали Анна Ивановна. Дед Федор служил портным в монастыре Тихоно-

вой Пустыни. Сыновья деда: Сергей /1870–1935/, его женой была Анна Ивановна, урожденная Тихонова и Василий /1875–1918/, женившийся на Марии Петровне Долговой. Во время наводнения 1908 года дом деда ушел под воду. После этого пострадавшие переехали на Болдасы, в Александровскую слободу, соседнюю с Кожевенной. В 1914 году родители купили корову. Кормили ее дубовой корой, которую мама брала на кожевенных заводах на Ямах... Другой мой дед, Петр Михайлович Долгов, служил в пароходстве купца Цыпулина, где с осени до весны ставил плашкоутные мосты. Летом – рыбачил. Мечтал о своей рыбной лавке. С гордостью говорил про себя: «Я старый калужский мещанин». Женат был на Евгении Михайловне Чуриковой из слободы Подзавалье... В нашем семейном захоронении на Пятницком кладбище лежит двумя гранями в земле тяжелый, поднять невозможно, памятник, на верхней грани которого высечено:

«...скончался 3 гильдии купец Иван Симеонов сын Вереитинов в 1831 году. Житие его было ... лет. Господи, прими дух их с миром!»...».

По крупицам приходится восстанавливать историю Кожевенной слободы...

Герасим Кушинников /1791 г. р./ родом из семьи Кушинниковых-гончаров. Его отец – Савва Кушинников. Его брат – Александр, родился в 1883 году. В 1851 году все они проживали в приходе Крестовоздвиженской церкви. У Герасима Саввина двое детей от первого брака: Елизавета /1830–1879/ и Владимир. У него и его жены /2-го брака/ Любови Васильевны две дочери: Елизавета меньшая и Мария.[25]

Дом Федора Иванова Сляднева /1816 г. р./ находился в 5 квартале 2 части – № 413.[26] Его родители: Иван Иванович Сляднев и Евдокия Михайловна, урожденная Мельникова /1799–1837/. Его жена – Анна Яковлева, урожденная Кудрявцева. Сестра жены, Евдокия, замужем за Иваном Петровым Олимпиевым.[27]

Завод купца Андрея Алексеева Слабожанинова /1803–1857/ находился в 5-квартале 2 части под № 386. Его жена – Наталия Иванова /1813 г.р./. Их дети: Пелагея, Николай, Василий, Анна.

В 1845 году к братьям Григорию и Якову Андреевым от их сестры Натальи Недомерковой перешли дом и два завода, находившиеся в 6 квартале 2 части.[28]

Семья купца Николая Саввина /1811 г. р./ и Анны Егоровой /1826–1870/ Угрюмовых проживала в 1851 году в приходе Благовещенской церкви. Их дети: Николай, 7 лет, Александр, 5 лет. Варвара, 3 лет, Капитолина, 2 лет.[29]

Купец Матвей Тимофеевич Хохлов /1817 г.р./ с братом Егором Тимофеевичем /его дом № 401 находился в 3 квартале 2 части/ в 1857 году имел производство: 20 чанов, 7 рабочих, 6700 рублей. Торговал кожами их брат Федор Тимофеевич /1802 г.р./, его жена – Прасковья Ивановна /1817 г.р./.

Жена Петра Алексеевича Кожевникова /1798 г.р./ – Прасковья Михайловна /1809 г.р./. Его мать – Агапия Гордеевна /1780 г.р./.[30]

Жена Николая Ивановича Кожевникова - Евдокия Ивановна, урожденная Прыгунова, родом из Полотняного Завода.[31]

Купец Григорий Павлович Кушинников в 1857 году проживал с семьей в доме № 194 2 квартала 1 части города. Его соседями были Анна Яковлевна Бойкова, Александра Васильевна Вагина, Андрей Алексеевич Рыбников, Гаврила Иванович Пономарев.[32]

Купеческий сын Александр Николаевич Перекалин был женат на дочери московского купца Ольге Алексеевне Болотновой.[33]

Братья Иван Иванович Кадмин /1822 г.р./ и Аркадий Иванович Кадмин /1826 г.р./ продолжали кожевенное дело своих родителей: Ивана и Марьи Андреевны Кадминой /1804 г.р./.[34]

Дочь купца И.И. Кадмина Ольга Ивановна вышла замуж за потомственного почетного гражданина Николая Николаевича Фалеева в 1884 году.[35]

Купец Семен Яковлевич Канунов передал свое дело сыну Павлу /1834 – 15 апреля 1912/, женой которого была Варвара Гавриловна, урожденная Печонкина /1842 – 12 апреля 1912/.

Удалось выйти на внучек ремесленника Тихона Афанасьевича Любушкина – Людмилу Петровну Ковалеву и Галину Михайловну Бухтину. Они поведали, что Т.А. и Арина Петровна Любушкины проживали на Ямах, имели кожевенное производство при своем доме. Отцу помогали сыновья: Петр, Василий, Николай, Михаил. Позже П.Т. Любушкин /1890-1983/ самостоятельно выделывал кожи, сдавал их в «Кожсырье». Женился на Клавдии, дочери Дмитрия Афанасьева, красильщика из Лихвина. Василий Тихонович погиб в начале Великой Отечественной

войны. Михаил Тихонович /1908–1948/ прошел войну без единого ранения. После войны работал в «Кожсырье», заготавливал по деревням сырые кожи. В одной из таких поездок был убит, а его лошадь была угнана... Один из потомков Тихона Афанасьевича С.М. Любушкин, капитан-лейтенант 1 ранга – в числе погибших на атомной подводной лодке «Курск» в августе 2000 года... Несколько Любушкиных трудятся на КЭМЗ, который был основан на месте бывших кожевенных заводов...

Улица Кожевни была переименована в проспект Трудового Единения в 1921 году.[36] С 1933 года она является частью улицы Салтыкова-Щедрина.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО, ф. 62, оп. 9, д. 3729, д. 914.
2. ГАКО, ф. 49, оп. 1,д. 468.
3. Там же.
4. *Попроцкий М.* «Материалы для географии и статистики России. Калужская губерния». Т. 1-Спб, 1864.
5. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1331.
6. ГАКО, ф. 33. оп. 4, д.199
7. *Попроцкий М.* «Материалы для географии и статистики России». Т. 1-Спб, 1864.
8. ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 468
9. Там же
10. ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 242
11. ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 351
12. ГАКО, ф. 33, оп. 4, д. 199
13. ГАКО, ф. 45, оп. 1, д. 1489
14. ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 42
15. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1331
16. ГАКО, ф. 45, оп.1, д.1389
17. ГАКО, ф. 43, оп. 2, д.1285
18. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1331
19. ГАКО, ф. 43, оп. 2, д.1285
20. «Епархиальные ведомости», 1869/1,2
21. ГАКО, ф. 62, оп. 17, д. 1716
22. ГАКО, ф. 33, оп. 4, д. 285
23. ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 622
24. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1331
25. Там же
26. «Калужские губернские ведомости». 1879/37
27. ГАКО, ф. 33, оп. 4, д. 76
28. ГАКО, ф. 49, оп.1, д. 318
29. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1331

30. Там же
31. Из воспоминаний Л.А.Кувшинниковой
32. ГАКО, ф. 49, оп. 1, д. 565
33. ГАКО, ф. 33, оп. 4, д. 285
34. ГАКО, ф. 33, оп. 2, д. 1331
35. ГАКО, ф. 33. оп. 4, д. 288
36. ГАКО, РФ491, оп. , д. 33

***В. В. Бубликов**, Музей-квартира К. Э. Циолковского в Боровске*

Ефим Филиппович Филиппов – штатный смотритель Боровского уездного училища

(к истории народного просвещения в г. Боровске в 80-х гг. XIX в.)

Деятельность Филиппова на посту штатного смотрителя Боровского уездного училища имеет немаловажное значение для изучения истории народного просвещения в г.Боровске в 80-х гг. XIX в. Тем более, что именно в эти годы в этом же училище работал учителем арифметики и геометрии великий ученый, основоположник космонавтики К.Э. Циолковский.

К сожалению, многие фрагменты боровского периода жизни Циолковского до сих пор не изучены. В частности, о его знакомых, друзьях, коллегах мы имеем отрывочную и не всегда полную информацию. Это относится и к Филиппову, который на протяжении 5 лет был его непосредственным начальником по работе. Среди ученых, изучающих жизнь и деятельность Циолковского, сложилось отрицательное отношение к Филиппову как к человеку и специалисту. Видимо, в связи с этим, его деятельность никогда не изучалась. Отрицательное отношение к Филиппову основывается на отрывочных, фрагментарных воспоминаниях дочери ученого, Л.К. Циолковской, которая описывает Филиппова как чинопочитателя, самодура, лицемера. Она пишет, что при нем в училище было развито взяточничество среди педагогического состава училища. Циолковский, по воспоминаниям его дочери, пренебрежительно называл Филиппова «Лисицей»[1] . Сам ученый никогда не упоминал его в своих воспоминаниях.

Данная работа написана на основе документов, хранящихся в ГАКО и фондах ГМИК. Это переписка между попечителем народных училищ Московского учебного округа, директором народных училищ Калужской губернии и штатным смотрителем Боровского уездного училища. Автор ставит своей целью на основе имеющихся документов по мере возможности осветить пятилетнюю деятельность Филиппова на должности штатного смотрителя Боровского уездного училища, раскрыв таким образом некоторые моменты из истории образования г.Боровска того времени, что, в свою очередь, поможет более ясно представить, в какой обстановке работал Циолковский.

Филиппов прибыл в Боровск в январе 1881 г. в возрасте 57 лет. К этому времени он имел богатый педагогический опыт. Закончив Московскую земледельческую школу, он был допущен к экзамену на звание домашнего учителя математики, после чего сдает экзамен в С.Петербургском университете на право преподавания арифметики и геометрии в уездных училищах. Его педагогическая карьера в ведомстве Министерства народного просвещения начинается с декабря 1855 г., когда он приступил к преподаванию в Гомельском уездном училище. Затем, по распоряжению начальства, переводится учителем арифметики и геометрии в Могилевское уездное училище. Вместе с тем, ему поручается преподавание физики в Могилевском казенном еврейском училище 2-го разряда. Тогда же он работает на полставки в Могилевской гимназии, где преподает математику. Позже в Могилевской гимназии он преподает топографию и черчение планов в землемерно - таксаторских классах. В декабре 1863 г. Филиппов назначен штатным смотрителем Могилевского уездного училища, одновременно обучая детей математике и географии. В августе 1875 г. перемещен начальством на должность наставника в Новинскую учительскую семинарию. По просьбе Филиппова, в 1877 г. он переводится на должность учителя математики, физики и естественной истории в Рыбинскую женскую гимназию. Педагогический совет женской гимназии избрал Филиппова секретарем этого учреждения. В 1878 г. он назначен наставником математики в Новинскую учительскую семинарию.

3 января 1881 г., предписанием попечителя Московского учебного округа, Филиппов уволен от службы за выслугу 25 лет в ведомстве Министерства народного просвещения.

За всю свою педагогическую деятельность Филиппов зарекомендовал себя как хороший педагог, ответственный работник. С 1856 по 1876 гг. дослужился от губернского секретаря до статского советника. Имел бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853 – 1856 гг., бронзовую медаль в память «умерения в западном крае мятежа 1863 – 1864 гг.», являлся кавалером ордена Св.Анны 3-й степени, орден Св. Станислава. За отличную и усердную службу неоднократно награждался денежными премиями, а также имел благодарность от Министерства народного просвещения. В 1868 г. Филиппову выделяется 334 руб. на издание написанного им «Руководства к начальной геометрии и низшей геодезии для уездных училищ»[2].

В январе 1881 г., после увольнения на пенсию, Филиппов находится в Москве. Там он встречается с попечителем Московского учебного округа графом Капнистом. По просьбе Филиппова граф Капнист назначает его штатным смотрителем в Боровское уездное училище. 20 января 1881 г. граф Капнист пишет директору народных училищ Унковскому распоряжение о назначении на должность «исправляющего обязанности штатного смотрителя Боровского уездного училища бывшего наставника Новинской учительской семинарии, статского советника Е.Ф. Филиппова. Плату ему производить по найму»[3] . 21 января Филиппову выдается билет для проезда из Москвы в Боровск[4] . Именно с этого момента мы попытаемся проследить работу Филиппова на должности штатного смотрителя Боровского уездного училища, исходя из найденных архивных материалов.

После смерти штатного смотрителя Боровского уездного училища А.С. Толмачева (точная дата неизвестна) эту должность временно исполнял учитель истории и географии Боровского уездного училища И.И. Чистяков. 24 января 1881 г. Унковский пишет ему о назначении Филиппова, предписывая, чтобы после прибытия в Боровск Филиппов немедленно отправлялся в Калугу к нему для «личных объяснений по делам службы и представил бы документы о службе его»[5]. Вскоре Филиппов прибывает в Боровск и после встречи с Унковским приступает к своим обязанностям. 7 февраля граф Капнист назначает Филиппова членом от Министерства Народного просвещения в Боровский уездный училищный совет[6].

В Боровске Филиппов не имел своего жилья. Поэтому, при

переезде сюда, видимо он поселился с семьей по адресу: г. Боровск, ул. Спасская, 5 (Урицкого). Этот дом снимался уездным училищем для квартиры смотрителя и библиотеки. Вместе с Филипповым в Боровск прибыли его жена Филицата Тимофеевна, дочь Серафима и сын Петр. Трое других детей жили и работали отдельно от семьи.

Работа в Боровском уездном училище для Филиппова началась с неприятностей. В результате ревизии расходной отчетности за 1880 г., проведенной Калужской контрольной палатой, было обнаружено, что 1 декабря 1880 г. штатным смотрителем Боровского уездного училища заключен договор с крестьянином Степаном Евтеевым на постройку новой и переделку старой мебели для уездного училища. Договор был написан на простой бумаге, хотя его надо было писать на листе рублевого достоинства. Поэтому требовалось взыскать «с кого следует не поступившего гербового сбора» в десятикратном размере [7]. Взыскать требуемую сумму решено было с Филиппова, о чем ему сообщается в письме директора Унковского от 20 февраля. Филиппов же в своем ответе говорит, что во-первых данный договор был заключен до его переезда в Боровск Толмачевьм, во-вторых, все средства, отпущенные на училище в 1880 г., были израсходованы его предшественником. Далее Филиппов пишет: «... находящим себя обидным расплачиваться за погрешности своего предшественника»[8]. Оплата гербового взноса была произведена из специальных средств училища.

Проблемы были и с получением первой зарплаты Филиппова на посту штатного смотрителя. Казначейство отказалось выплачивать ему заработную плату с 20 января по 1 февраля 1881 г. ссылаясь на то, что «в бумаге не ясно выражено» с какого числа он работает. Видимо, это связано с тем, что Филиппов прибыл в Боровск и приступил к работе позже 20 января. Тем не менее, Филиппов настаивает на том, чтобы ему выплатили жалование с вышеозначенного числа на основании того, что Унковский заверил Филиппова в этом при их встрече в Калуге. Требование Филиппова было удовлетворено, о чем свидетельствует пометка на полях документа «Представление попечителя последовало 20 января а по тому удовлетворить с 20 января»[9] .

8 месяцев Филиппов работал на должности штатного смотрителя Боровского уездного училища временно и по найму. Лишь 12 сентября 1881 г., распоряжением попечителя, он был

утвержден в своей должности. А 25 сентября об этом было сообщено Филиппову[10]. С этого момента официально начинается пятилетний срок службы Филиппова на должности штатного смотрителя в Боровском уездном училище. Об этом свидетельствует и запись в формулярном списке Филиппова. В столбце «был ли в отставке» карандашом надпись – «был с 3 января по 15 сентября 1881 г.»[11]

Работая штатным смотрителем, Филиппов одновременно являлся и пенсионером. Так, предложением Департамента государственного казначейства Калужской казенной палаты от 4 июня 1881 г., Филиппову назначена пенсия с 3 января 1881 г. Об этом же свидетельствует и письмо Филиппова, адресованное к Унковскому, где он просит удостоверить его личность для представления в Калужскую казенную палату, где он должен был получить пенсионную книжку для получения пенсии в 1883 г.[12]

Об отношении Филиппова к своим должностным обязанностям в период работы в Боровске можно судить по прошению директора Унковского к графу Капнисту от 5 января 1884 г. Смысл прошения в том, чтобы снять Филиппова с должности члена Боровского уездного училищного совета. Основанием к этому приводится служебная характеристика Филиппова: «Трехлетнее служение г. Филиппова в должности штатного смотрителя Боровского уездного училища сопровождалось рядом нарушений правил как счетоводства, так и делопроизводства, вызывавших за это время неоднократную излишнюю и сложную переписку с местной контрольной палатой и участковым инспектором народных училищ. Малоспособность г. Филиппова и его небрежное отношение к делу особенно ярко выяснилось на канцелярии Боровского уездного училищного совета. При декабрьском осмотре учебных заведений г. Боровска, я лично убедился в крайней запущенности делопроизводства этого учреждения. Обстоятельство это особенно нежелательно именно в Боровском училищном совете, в составе которого нельзя указать ни одного члена, отношения которого к школьному делу выходило бы за рамки простой формальности.

Ввиду вышеизложенного, я почтеннейше прошу Ваше Сиятельство назначить членом Боровского уездного училищного совета, на место штатного смотрителя Филиппова, учителя истории и географии Боровского уездного училища Ивана Чистякова, человека весьма способного и энергичного в исполнении своих

служебных обязанностей»[13]. 14 января 1884 г. ходатайство Унковского было удовлетворено[14]. 18 января членом Боровского уездного училищного совета от народного просвещения назначают Чистякова, в связи с чем ему было предписано немедленно принять все дела от Филиппова[15]. 21 января 1884 г. происходит передача дел по Боровскому училищному совету от Филиппова к Чистякову [16].

15 сентября 1886 г. заканчивался 30-летний срок службы Филиппова в народном просвещении. Предвещая это событие, 13 августа Филиппов пишет письмо к директору о том, что он хотел бы продолжить службу, оставшись еще на 5 лет в просвещении на должности штатного смотрителя, и просит Унковского походатайствовать об этом перед графом Капнистом[17]. Унковский пишет ходатайство графу Капнисту, но напротив, просит уволить Филиппова со службы. В ГАКО сохранился черновик этого письма. В нем говорится: «Удовлетворить просьбу г.Филиппова я нахожу совершенно излишним, ибо в интересах учебного дела пребывание этого лица в должности штатного смотрителя нежелательно». Официально увольнение было произведено с ссылкой на плохое состояние здоровья Филиппова, чья «тридцатилетняя служебная деятельность не могла не отозваться слишком неблагоприятным образом на его здоровье»[18]. В связи со всем этим возникает несколько вопросов. Что послужило причиной того, что Филиппов стал плохо относиться к выполнению своих служебных обязанностей в Боровске? Судя по тому, как Филиппов работал в доборовский период своей жизни, можно сказать, что он был опытным и ответственным работником. Как могла произойти такая перемена? Скорее всего, причиной этому действительно стало плохое состояние его здоровья, не позволившее Филиппову продолжать плодотворно работать на своей должности. С другой стороны, если Филиппов, находясь на должности штатного смотрителя Боровского уездного училища, проявлял себя с отрицательной стороны, то почему директором, как непосредственным начальником, раньше не были приняты к нему другие меры, кроме как отстранения его от должности члена Боровского уездного училищного совета? Объяснение этому можно найти в человеческом факторе. Видимо, Филиппову дали доработать до пенсии несмотря на плохую работу. Когда же пришло время, Филиппова официально отправили на пенсию как заслуженного работника.

27 сентября 1886 г. выходит распоряжение о том, что Филиппов увольняется по выслуге 30 лет в ведомстве Министерства народного просвещения с 15 сентября 1886 г. Все дела предписывалось временно передать по описи, учителю истории и географии Чистякову до определения «особого лица на должность штатного смотрителя»[19] .

9 октября 1886г. к Унковскому приходят 2 письма Чистякова. В одном содержится информация о том, что делопроизводство и казенное имущество Боровского уездного училища от штатного смотрителя Филиппова им принято. В другом Чистяков просит разъяснить, почему бывший штатный смотритель Филиппов, уволенный с 15 сентября, получил жалование по 1 октября. Объяснение было в том, что Филиппов, не зная о своем увольнении, фактически работал до 1 октября.

11 октября 1886г. Филиппов направляет письмо к Унковскому, в котором просит походатайствовать о прибавке ему пенсии и представить его к единовременному пособию 400 руб. на основании того, что он уволен вследствие болезни. В этом же письме Филиппов просит выслать ему аттестат или билет на переезд в связи с тем, что он желает выехать 20 октября из Боровска в Тверь[21]. В Твери Филиппов с семьей живет по адресу: ул.Прогонная, дом Климентьевой. За 30 лет службы Филиппову назначается та же пенсия, которую он получал на службе, в размере оклада – 600 руб. К этой пенсии прибавляется 120 руб. Основная пенсия (600 руб.) выплачивается со дня увольнения от службы – 15 сентября 1886г., а пятилетняя прибавка (120 руб.) – со дня подачи прошения – 13 октября 1886г.[22] 24 февраля 1887г. Филиппов получает это распоряжение, находясь в Твери . В марте 1887 г. Филиппову разрешили носить мундирный полукафтан в отставке.

С 22 ноября 1886г. штатным смотрителем уездного училища в г.Боровске назначается учитель истории и географии Калужского уездного училища Ладожин[24] .

Данная работа является первым шагом в изучении деятельности Филиппова на должности штатного смотрителя Боровского уездного училища. Эта тема требует дальнейшего исследования и ответа на многие, не изученные пока вопросы, связанные с педагогической деятельностью преподавателей в Боровском уездном училище.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] К.Э.Циолковский в воспоминаниях современников // *Л.К.Циолковская.* Рядом с отцом. Стр. 141-143. Тула 1983.
[2] ГМИК. НВФ 1410..
[3] ГАКО. Ф. 165. Оп. 2. Д. 1403. Л. 1.
[4] Там же. Л.7.
[5] Там же. Л.2.
[6] Там же. Л.8.
[7] Там же. Л. 18.
[8] Там же. Л.21.
[9] Там же. Л.11.
[10] Там же. Л. 16.
[11] ГМИК.НВФ 1410.
[12] ГАКО. Ф 165. Оп.2. Д.1403. Л.24.
[13] Там же. Л.35.
[14] Там же. Л.36.
[15] Там же. Л.7,
[16] Там же. Л.39.
[17] ГАКО. Ф.165. Оп.2. Д.1485. Л.1а.
[18] Там же. Л.2-2об.
[19] Там же. Л. 1.
[20] Там же.Л.5.
[21] Там же. Л.8-8об.
[22] Там же.Л.31-31об,43.
[23] Там же. Л.32-32об.
[24] Там же. Л. 7-7об.

***В. А. Иванов**, к.и.н., Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского*

Архивные документы о численности Калужской администрации в дореформенное время
(по материалам ГАКО)*

Среди многих проблем, стоящих перед исследователями государственного строя России периода зрелого абсолютизма, важное место занимает вопрос о состоянии правительственного аппарата, а как часть его о численности российской бюрократии (чиновничества). В исторической литературе на этот счёт имеются отрывочные, подчас противоречивые сводные данные, касающиеся лишь общей численности служащих государственных учреждений. Так, дореволюционный историк и публицист Е. Карнович численность служащих гражданского ведомства в 40-х гг. XIX в. определял в 35 тыс. человек[1]. По подсчётам советского историка П.А. Зайончковского число классных чинов в 1847 г. составляло 61548 человек[2]. По расчётам немецкого историка Г. Торке в 1851 г. было 33460 чиновников[3]. На региональном уровне подобные сведения вовсе отсутствуют. Отсутствие в литературе полной и точной информации о количестве чиновников в России в значительной степени объясняется не разработанностью вопроса, прежде всего не изученностью источниковой базы. Между тем, без определения хотя бы приближённой численности служащих разных звеньев управленческого аппарата невозможно объективное историко-социологическое исследование его состава (социальное происхождение, возраст, образование и т. д.), которое активно ведётся в последнее время отечественными и зарубежными историками.

Сведения о числе служащих местных государственных учреждений содержат разные источники: адрес-календари Российской империи, губернские памятные книжки, различные ведомственные издания, штатные расписания, материалы официального делопроизводства (отчёты, доклады, рапорты и т.п.).

В настоящем сообщении даётся обзор документальных материалов, содержащих сведения о личном составе местных учреждений, образовавшихся в результате деятельности присутственных мест Калужской губернии в дореформенное время (1855 – 1861 гг.), выявленных в фонде губернского правления (№ 62) государственного архива Калужской области (ГАКО) с тем, чтобы выяснить их потенциальные возможности для установления численности калужской администрации. Обращение к данной группе исторических материалов представляется важным прежде всего потому, что упомянутые выше источники справочного характера и штаты учреждений из-за неполноты не могут служить надёжным материалом для выяснения фактической численности местного звена государственного аппарата[4].

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области (проект № 01-01-59009а/Ц)

Корпус выявленных в ГАКО документов, содержащих данные о числе служащих губернских и уездных учреждений можно разделить на две группы. Первую образуют материалы, включающие списки чиновников, выделенные по формальным признакам. Например, Списки чиновников, имеющих знаки отличия за 1854 г.[5] или Списки награждённых чиновников уездных учреждений за 1859 г.[6] или Списки служащих, удостоенных знаком отличия беспорочной службы и орденом Св. Владимира и Св. Анны за 1860 г.[7] и т.п. Эти материалы аккумулируют информацию лишь о незначительной, так сказать, элитной части чиновничества и потому не подходят для решения поставленной задачи. Вторую группу официальных материалов составляют рапорты и доклады начальников местных канцелярий разной ведомственной подчинённости губернскому начальству с приложением именных списков или ведомостей служивших в них чиновников и канцелярских служителей. Эта группа материалов и стала предметом рассмотрения.

В общей сложности выявлено и проанализировано свыше семисот именных списков служащих губернских и уездных присутствий, объединённых делопроизводителями губернского правления в одиннадцать единиц хранения[8] .Списки составлялись по распоряжению губернского начальства с разной целью. Одни – для учёта и контроля за численностью служивших в учреждениях чиновников[9], другие – для обнародования данных о персональном составе местной администрации в губернской памятной книжке[10], наконец, третьи (численно доминирующие в корпусе материалов) для внесения требуемых сведений в адрес-календарь ежегодно издававшийся Российской академией наук с 1765 г.[11] . Несмотря на разные названия («Краткий список», «Именной список», «Ведомость» и т.д.) все учтённые материалы в подавляющем большинстве аккумулируют аналогичную информацию. В них указаны фамилия, имя, отчество чиновника, чин и занимаемая должность. В части списков заключены более подробные сведения, касающиеся прохождения службы, социального происхождения, возраста, наград и т.д.

Обратимся к содержанию документов и ответим на главный вопрос: в какой мере они отражают реальное число служивших в губернии чиновников в дореформенное время ? В 7 из

11 учтённых групп материалов, включены сведения предназначавшиеся для публикации в российском адрес-календаре[12] . Ознакомление с их содержанием показывает, что, несмотря на предписания губернских властей, далеко не все присутствия присылали в губернское правление необходимые сведения о чиновниках своих канцелярий. В 1855 г., 1860 – 1861 гг. сведения сообщили 14 губернских и уездных учреждений, в 1856 –1859 гг. – по 12, в 1860 г. – 10 уездных канцелярий. Регулярно сведения о числе служащих доставляли только уездные присутствия: уездные, земские суды, городнические правления, городские думы, городовые магистраты, дворянские опеки, канцелярии уездных предводителей дворянства, стряпчих и др. Некоторые учреждения крайне редко присылали требуемые сведения. Так, лишь в 1855 г. поступили сведения о числе служащих уездных казначейств, в 1855 г., 1856 г., 1859 г. о чиновниках губернской чертёжной комиссии. Такие учреждения как канцелярия губернатора, губернская строительная и дорожная комиссия, камера губернского прокурора, комиссия народного продовольствия не сообщили никаких сведений.

Согласно представленным для обнародования в адрес-календаре сведениям на службе в Калужской губернии состояло: в первой половине 1855 г. 256 человек, во второй половине 1856 г. – 382, в первой половине 1857 г. – 339, во второй половине 1857 г. – 376, во второй половине 1859 г. – 467, в апреле-мае 1860 г. – 259 и в мае 1860 г. – январе 1861 г.[13] - 497 . Как видим, наибольшее число чиновников и канцелярских служителей зарегистрировано в мае 1860 г. – январе 1861 г. При этом важно подчеркнуть, что в это число включены преимущественно служащие уездных присутствий за исключением чиновников уездных казначейств, данные о которых отсутствуют. Что же касается губернских учреждений, то за этот период приведены лишь данные о служащих приказа общественного презрения (26 человек), казённой палаты (17), врачебной управы (33), полиции (25) и палаты госимуществ (14).

Из всего вышесказанного следует, что анализируемые материалы, содержащие данные о численности управленческого аппарата губернии, собранные для опубликования в адрес-календарях Российской империи не дают полной информации о количестве чиновников и канцелярских служителей губернии.

Помимо приведённых выше документов сведения о числе гражданских чиновников содержат и другие выявленные в ГАКО материалы. Среди них наибольший интерес представляют документы, содержащие данные о численном составе служащих за февраль – март 1859 г.[14] и служащих губернского правления за март – апрель 1859 г.[15] . Сбор этих сведений проводился во исполнение циркуляров гражданского губернатора В.А. Арцимовича от 7 и 26 февраля 1859 г., неоднократно в период своего кратковременного губернаторства в Калуге (1858 – 1862 гг.) выступавшего с инициативой сбора различных статистических сведений, в том числе и о численном составе административных учреждений. Поводом для издания первого циркуляра губернатора губернскому правлению послужила проведённая им в начале 1859 г. ревизия присутственных мест, в ходе которой было выявлено большое число сверхштатных чиновников и лиц не способных к чиновной деятельности, часть из которых к тому же не занималась непосредственным исполнением возложенных по службе обязанностей. Второй губернаторский циркуляр был адресован лично вице-губернатору Н.И. Юркевичу. Своим распоряжением губернатор предлагал представить в губернский статистический комитет разные сведения о числе чиновников и писцов губернского правления. Отметим, что статистические сведения о чиновниках калужский губернатор намеревался использовать в практических целях, например, для наведения должного порядка в сфере комплектования штатов, установления соответствия между числом канцелярских чиновников и фактическим объёмом делопроизводства.

Произведя обработку полученных данных мы установили, что в феврале – апреле 1859 г. в калужской администрации числилось 1107 человек, без учёта данных (по причине их непредставления) о чиновниках служивших во врачебной управе, чертёжной комиссии, комиссии народного продовольствия, канцелярии губернатора, камере губернского прокурора. Если к этой сводной цифре прибавить количество лиц находившихся на службе во врачебной управе и чертёжной комиссии , заимствованные из документов за вторую половину 1859 г., то численность управленческого аппарата увеличится на 84 человека и составит в 1859 г. 1191 человек.

Следует ли из вышеизложенного, что установленная нами цифра – 1191 человек, адекватно отражает число служивших в губернии чиновников и канцеляристов ? Думается, что нет, т.к. в это число не включены лица, состоявшие на службе в канцеляриях начальника губернии, губернского прокурора, строительной и дорожной комиссии, а также в некоторых уездных присутствиях.

Таким образом, краткий обзор выявленных в ГАКО документов, содержащих статистические сведения о персональном составе губернских и уездных присутствий, свидетельствует о том, что эти материалы в виду их неполноты не отражают фактической численности служивших в губернии чиновников в дореформенное время. Однако, они позволяют судить о численности чиновников некоторых учреждений за отдельные годы. Эти документы наряду с другими источниками, аккумулирующими аналогичные сведения, могут послужить известным подспорьем для реконструкции численности калужской администрации. Само собой разумеется, что решение этой проблемы потребует разработки соответствующих приёмов изучения источников и рационального использования заключённых в них данных.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] *Карнович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 124.

[2] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. ,1978. С. 67.

[3] *Torke H.J.* Das russishe Beamtentum in der ersten hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschugen zur osteuzopaischen Geschichte. Berlin, 1967. Band 13. S. 135.

[4] См. об этом: *Иванов В.А.* Губернское чиновничество 50 – 60 гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994. С. 20 – 24.

[5] ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 4148.

[6] Там же. Д. 5181.

[7] Там же. Д. 5228.

[8] Там же. Д. 4300, 4372, 4459, 5171, 5172, 5174, 5175, 5738, 5739, 5748; Оп. 8. Д. 259.

[9] Там же. Д. 5171, 5172, 5174

[10] Там же. Д. 5748.

[11] Там же. 4300, 4372, 4559, 5175, 5738, 5739; Оп. 8. Д. 259.

[12] Там же.

[13] Сведения поступали по 21-е января 1861 г.

[14] Там же. Д. 5174.

[15] Там же Д. 5171.

Т. А. Свиридова, к.и.н., Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского

Общественные неполитические организации г. Калуги (1890–1930). К постановке проблемы*.

Проблема гражданской идентичности в имперской России вызывает заметный интерес у отечественных и западных историков.[1] Одним из важных направлений её изучения в последнее время стало рассмотрение места и роли в процессе социальной идентификации общественных объединений, добровольных ассоциаций дореволюционной России. Характерной тенденцией новейших исследований по этой тематике является внимание к формам общественной самодеятельности, пробудившейся в постреформенный период не только в столичных центрах, но и в российских губерниях.

Освоение широкого круга местных материалов, в том числе неопубликованных архивных источников,[2] приводит к пониманию особенностей пути, пройденного губернскими «обществами», демонстрирует своеобычный характер возникающих здесь добровольных гражданских организаций, участие в их работе ярких личностей - ученых, благотворителей, общественных деятелей, просветителей.

В исторической литературе под общественной организацией понимается «добровольное, самоуправляющееся, надлежащим образом оформленное объединение граждан, регулярно действующее для достижения определенных политических, социально-экономических или культурных целей непроизводственного и некоммерческого характера».[3]

Проблема комплексно-типологического изучения общественных неполитических организаций г. Калуги с 90-х гг. XIX в. до конца 20-х гг. XX в. не была поставлена. Нет и исследований, создающих целостное представление об истории общественных организаций Калуги в интересующий нас период.

Определенное значение для изучения интересующей нас

* Исследования проведены при финансовой поддержке РГНФ и администрации Калужской области (проект № 01-01-59004а/ц)

проблематики имеют работы А.А. Бауэра (Историко-краеведческие организации Калужского края. Библиографический указатель. Калуга, 1982, его же. Калужское общество истории и древностей // Вопросы истории, 1979, № 10, с.177-179, его же. Бессоновский краеведческий кружок в Малоярославце //Обнинский краеведческий сборник. Обнинск, 1996).[4]

Выделение конкретного исторического периода в изучении темы позволит, на наш взгляд, с наибольшей полнотой отразить общее и особенное в функционировании добровольных ассоциаций в Калуге. Именно на 90-е годы XIX в. приходится их бурный рост в масштабах Российской империи [5], как и оживление в создании новых общественных союзов на уровне губернского города. Его заключительной временной гранью может служить, по-видимому, конец 20-х гг. XX в. Этого, как мы полагаем, требует логика изучения темы, так как, во-первых, не все общественные объединения были закрыты в 1918 г., (некоторые были переименованы), во-вторых, на 20-е годы приходится «золотое десятилетие» (С.О. Шмидт) советского краеведения, кооперативного движения.

Достижения общественных организаций этой эпохи, по нашей догадке, были обусловлены тем, что они существовали в «инерционном» поле дореволюционных обществ, постепенно приобретая в организационном и содержательном планах качественно новые черты. Представляется необходимым в подобном исследовании рассмотреть недостаточно изученные по ряду причин (в том числе идеологического характера, а также специфического состояния источников) обстоятельства закрытия общественных организаций на рубеже 1920-х - 1930-х гг.

В литературе отмечается относительная молодость науки об общественных организациях, так как оформление линии «гражданин- ассоциация - государство» происходит лишь на этапе буржуазного государства. Накопление и введение в научный оборот новых источников, в том числе из местных архивов, несомненно послужит обогащению наших представлений о российских добровольных ассоциациях, их эволюции на протяжении длительного исторического отрезка. Изучение региональной специфики взятых в совокупности отчасти независимых от государства форм общественных объединений, в основу деятельности которых были положены начала выборности, гласности и самоуправления,

позволит также глубже понять процесс трансформации общественно-политического строя предреволюционной России.

Достижение этой цели возможно при решении ряда задач: 1. Создания типологии и классификации наиболее жизнеспособных, крупных общественных союзов губернского города, 2. Анализе их правового положения, особенностей уставов, взаимоотношений с губернской администрацией, а также с городским и земским самоуправлением, 3. Изучения специфического рода деятельности отдельных групп гражданских организаций, а также определенного общественного резонанса в связи с их работой, 4. Создания социальнопсихологических характеристик наиболее ярких представителей местной интеллигенции, оставивших заметный след в жизни провинциального общества.

Программа исследования должна также включать разработку следующих вопросов:

1. Количественно-системное выявление всех неполитических общественных объединений, функционировавших в Калуге с 1890 по 1930 гг., и разделение их по группам (в сфере искусства, здравоохранения, научных, технических, взаимопомощи и др.),

2. Углубленное рассмотрение истории возникновения и деятельности крупных общественных объединений. Здесь необходимо уяснить правовое положение общественных организаций, проанализировать их уставы, подвергнуть специальному рассмотрению сферу административного усмотрения в связи с деятельностью обществ. Помимо организационного аспекта уделить внимание интеллектуальному (анализ научно-исследовательской, издательской, просветительской деятельности).

3. Следует также проанализировать, какими объективными потребностями (экономического, культурного характера) населения губернского города вызывались к жизни общественные объединения.

4. В качестве отдельного вопроса выступает такой как - «интеллигент (или профессионал) в добровольной ассоциации», то есть изучение биографий выдающихся участников движения по созданию добровольных ассоциаций, степени их личного вклада, организационного и интеллектуального, в решение задач местных обществ.

Первые в современной отечественной историографии обобщающие работы по истории дореволюционных общественных организаций принадлежат А.Д. Степанскому.

В работах историка охарактеризована и подвергнута классификации вся сеть центральных обществ, история многих из них рассмотрена впервые, показано их правовое положение, проведена работа над дефиницией «общественная организация». Вместе с тем солидная источниковая база этих работ не исчерпывает все имеющиеся в распоряжении исследователей материалы, особенно регионального происхождения.

Уже в 80-е годы обозначился интерес к истории отдельных, в том числе губернских обществ, преимущественно историко-краеведческого характера. Ряд публикаций появился в «Археографическом ежегоднике»(Л.Ф. Писарькова. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // АЕ за 1989. М.,1990.) Правда, материалы местных архивов не использовались автором, не очерчен и заключительный период существования ГУАК. Систематизации источников по теме содействовали статьи в АЕ: В.Ю. Коровайников Историко-краеведческие материалы в фонде Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества (с 1864)// АЕ за 1982. М.,1983. Там же помещена статья С.Б. Филимонова «Документальные материалы Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии». Особо следует отметить большую работу по выявлению изданий ГУАК, осуществленную Л.Ф. Писарьковой - Издания губернских ученых архивных комиссий. 1884-1923 гг. Вып.1-3. Сост. Л.Ф. Писарькова. Отв. ред. С.О.Шмидт.New York, 1994-1995.

Опубликованы отдельные исследования по истории других обществ (Н.Г. Филиппов Научно-технические общества России. 1866-1917.М.,1975 ; Михайлова М.В. Общественные педагогические и просветительные организации в России сер. XIX - нач. XX вв. М.,1993; Н.Л. Зубова. Архивно-просветительные организации в России в к. XIX-нач.XX вв.// Вестник МГУ. Сер.8. История. 1990, № 2,).

В методологии подобных исследований в 1990-е годы наметились некоторые изменения. От изучения общественных организаций преимущественно Москвы и Петербурга в К.XIX-нач.XX вв. историки обратились к более широкому охвату данной темы, к разработке материалов отдельных губерний.

Лишь в 90-е годы стали появляться работы, ставившие своей

целью изучить историю общественных организаций в целом в пределах определенной территории и конкретных временных рамок.

Как и небольшие исследования по истории отдельных губернских обществ они написаны на материалах в основном северных и южных российских губерний.

Представляется насущным накопление и осмысление материалов по истории общественных организаций губерний Центральной России, в частности, Калужской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В западной историографии, преимущественно в американской и немецкой, наблюдается внимание к проблеме формирования черт гражданского общества в пореформенной России. Назовем такие работы, как исследования A. Lindenmeyr. Voluntary Associations and the Russian Autocrasy: The case of Private Charity.Pittsburgh, 1990, А. Линденмайер. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России. 1856-1874. М.,1992, Дж. Бредли. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России// Общественные науки и современность, 1994,№ 5. Проблему социальной идентичности в общественных организациях исследует немецкий историк М. Хильдемайер (Manfred Hildermeier) // VI World Congress for Central and East European Studies. 29 July-3 August 2000, Tampere, Finland.

2. См. в данном сборнике: *Петрова О.М.* Источники по истории общественных неполитических организаций г. Калуги

3. *А. Д. Степанский*. Общественные организации России на рубеже XIX-XX вв. Автореф. д.и.н.М.,1982.С.3

4. Там же. С.2

5. Близкие к этой проблематике аспекты истории различных губернских обществ затрагивались в книге Т.А. Свиридовой «Калужское земство. 1865-1918. Очерки истории» (Калуга,1996), в её статье «Местная элита. Государственная служба и общественная деятельность. 1860-1914./на примере Калужской губернии/ //Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып.1. Калуга, 2000, а также в её статьях, вошедших в «Калужскую энциклопедию». Калуга. 2000

6. Общественные организации России на рубеже XIX-XX вв. Автореф. дис. д.и.н. М.,1982,учебные пособия по спецкурсу: История общественных организаций дореволюционной России. М.,1979, История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М, 1987 и др.).

7. *А.С. Туманова*. Неполитические общественные организации г. Тамбова в нач. XX в.(1900-1917). Автореф. дисс.к.и.н.Воронеж, 1996.

8. *Е.П. Пирогова*. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Автореф. дисс.к.и.н. Свердловск, 1989; Захаров В.В. Курское юридическое общество в к. XIX - нач.XX вв.// Актуальные проблемы юридической науки. Курск,1998; И.Г. Косихина. Кружки любителей музыки и театра в Курской губ.Сер.XIX-нач.XX вв.// Курские тетради. Тетрадь 2. Курск, 1998; Н.Н. Жерве. Новгородское общество любителей древностей.1894-1930 // Вестник ЛГУ,сер.2, история. языкознание, литературоведение, 1990, вып.1.

О. М. Петрова, Государственный архив Калужской области

Источники по истории общественных неполитических организаций г. Калуги (1890–1930)*

Предлагаемое сообщение предпринято с целью предоставления исследователям информации об источниках по истории общественных неполитических организаций г.Калуги к.XIX – 1 трети XX вв. При его подготовке выявление корпуса источников проводилось по неопубликованным документам Государственного архив Калужской области (ГАКО). Задача настоящего сообщения видится в том, чтобы попытаться выделить некоторые категории архивных источников; предложить схему классификации основных архивных комплексов в пределах заявленных хронологических рамок; кратко охарактеризовать источники; выяснить, позволяют ли они (и в какой степени) изучать историю возникновения и деятельность общественных объединений г.Калуги в системном виде.

Ввиду многообразия источников, хранящихся в ГАКО, во многих случаях ещё слабой их изученности, разнообразия схем классификаций, принятых в отечественном источниковедении, в настоящем сообщении мы ограничимся одним аспектом анализа архивных материалов, а именно – выявлением круга субъектов (т.е. организаций, учреждений, частных лиц), с деятельностью которых связано появление документов по истории общественных организаций. Предлагаемый подход, по нашему мнению, в целом вписывается в рамки архивной эвристики, поскольку он позволяет ориентироваться в обилии документов ГАКО, а главное, рассматривать деятельность добровольных гражданских ассоциаций с учётом всей совокупности выявленных источников.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные источники условно можно разделить на несколько групп (в нашем случае 4).

Прежде всего, это документы собственно самих общественных организаций. Специфика данной группы источников состоит в том, что в ГАКО не представлены достаточно широко пол-

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда и администрации Калужской области (проект № 01-01-59004а/Ц)

ноценные архивы общественных организаций г.Калуги. Общее число их невелико, весьма незначителен и внутрифондовый объём сохранившихся документов.[1] На наш взгляд, неполноту рассматриваемых архивных комплексов обусловили ряд обстоятельств.

Во-первых, традиционно сложившийся подход к комплектованию региональных госархивов, согласно которому в первую очередь передаче на «вечное» хранение подлежала документация ***государственных*** учреждений. По этой причине материалы общественных организаций оставались в какой-то мере невостребованными.

Во-вторых, раздробленность хранения архивов общественных организаций в музейных, архивных, библиотечных и частных собраниях[2] как следствие повышенного интереса к ним специалистов и коллекционеров-любителей, как результат осмысления их ценности в качестве исторических источников.

В-третьих, слабая фиксация деятельности и слабая сохранность документов некоторых общественных организаций ещё на стадии делопроизводства.

В-четвёртых, относительно недолгий период существования отдельных общественных объединений.[3]

Таким образом, мы видим, что источники характеризуемой группы не всегда позволяют всесторонне изучать организационно-практическую деятельность общественных организаций. Это обстоятельство отчасти препятствует системному обобщению информации об общественных образованиях и объясняет отсутствие аналитических исследований о них в отношении Калужского региона.

Тем не менее часть документов добровольных общественных организаций г.Калуги всё же сохранилась, причём, что особенно важно для исследователей, в ГАКО она сформирована в автономные архивные фонды, в том числе: Калужское губернское общество сельского хозяйства (ф.215), Калужскую губернскую учёную архивную комиссию – КУАК (ф.47), Калужское городское педагогическое общество (ф.230). Калужское самообразовательно-просветительное общество «Вестник знания» (ф.324), Калужское общество изучения природы и местного края – КОИПМК (ф.Р-319), Калужское окружное общество изучения местного края – КОИМК (ф.Р-320), Калужское районное бюро краеведения (ф.Р-323) и др.

Несмотря на разнообразие в направлениях деятельности перечисленных организаций, их документы в видовом отношении вполне определённо могут быть классифицированы как делопроизводственные. При этом внутривидовой состав источников относительно однороден и устойчив. Это организационные материалы (в т.ч. уставы и инструкции общественных организаций, положения о них); распорядительные материалы (циркуляры, приказы, распоряжения контролирующих органов); протокольная документация (протоколы общих собраний членов обществ, журналы и протоколы заседаний правлений и советов); отчётная документация (отчёты – в основном, годовые – и доклады о деятельности обществ); текущая переписка по самому широкому спектру вопросов; документация, отражающая финансово-хозяйственную сторону деятельности обществ (сметы доходов и расходов, бухгалтерские первичные документы, акты ревизий финхозработы); документы о личном составе (списки членов обществ, личные дела служащих, анкеты и др.).

Вторую группу источников составляют документы местных органов государственной власти и управления, осуществлявших общий постоянный контроль за учреждением и деятельностью общественных объединений. Остановимся на её характеристике несколько подробнее.

Важно отметить, что появление и функционирование гражданских ассоциаций издавна вызывали пристальное внимание к ним со стороны государства. Напомним, что ещё «римское право в эпоху империи выработало принцип, в силу которого никакое общество не могло возникнуть без разрешения государственной власти»[4]. В дополнение к нему в XVI в. в государствах Европы определился особый порядок, согласно которому собрание «даже разрешённого общества могло состояться лишь под условием предварительного разрешения и соответствующего надзора полицейских властей»[5]. В России особое отношение государства к общественным организациям утвердилось в пореформенный период, когда с проведением буржуазных реформ отрылось широкое поприще для общественной самодеятельности. Число обществ стало быстро возрастать.

Изучение российского законодательства к.XIX-н.XX вв. свидетельствует о том, что в указанный период как в центре, так и на местах не было единого органа, централизованно осуществ-

лявшего регистрацию общественных союзов и контролировавших их. Утверждение уставов ряда обществ было предоставлено отдельным министерствам. Так, вопросы устройства благотворительных организаций и обществ вспомоществования находились в компетенции министра внутренних дел; учреждение учёных обществ разрешалось министром народного просвещения. Лишь с изданием в 1897 образцового устава потребительных обществ, взятого за основу при образовании прочих гражданских союзов, их учреждение, как правило, было поставлено в зависимость от местного губернатора.

Поскольку государство регулировало юридическое положение, юридические отношения членов общественных организаций через особые институты – местные органы госвласти и управления, логично включить документы этих институтов в особую классификационную группу. Внутри неё мы выделим следующие наиболее важные административно-полицейские учреждения: Канцелярию губернатора (ф.32) и Калужское губернское правление (ф.62); Исполнительный комитет Калужского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – Губисполком (ф.Р-26) и его отделы: управления (ф.Р-1498) и административный (ф.Р-486); Калужский окружной исполнительный комитет – окрисполком (ф.Р-202); органы полиции – Калужского полицмейстера (ф.783) и Калужское городское полицейское управление (ф.785); Калужское губернское жандармское управление – ГЖУ (ф.784).

Существенной особенностью данной группы является крайняя распылённость в её составе источников по истории общественных организаций, отсутствие компактных по объёму и исчерпывающих по содержанию массивов документов по теме. Это обстоятельство особенно ощутимо при изучении дореволюционного этапа общественного движения. И тут значительную помощь исследователям могли бы оказать документы особого учреждения в системе местных административных органов – Губернского по делам об обществах присутствия.

Подобные учреждения были созданы на местах по указу Сената от 4 марта1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» для осуществления государственного контроля над общественными организациями. В сферу их компетенции входили вопросы рассмотрения, утверждения, изменения, отклонения

уставов общественных организаций, их регистрация, наблюдение за деятельностью и политической направленностью общественных объединений. Анализ некоторых архивных справочников показал, что во многих регионах России документы губернских по делам обществах присутствий сохранились. Как правило, они представлены отдельными фондами. При этом, если хронологические рамки фондообразователей практически везде совпадают, т.е. охватывают период с 1906 по 1917 гг., то в отношении объёмов дел архивных комплексов замечены существенные различия. Так, Пензенское губернское по делам об обществах присутствие имеет в своём составе 289 ед.хр.[6], Московское соответственно 593[7], Нижегородское - 431[8], Симбирское - 102[9], Курское – 17.[10]

С огромным сожалением приходится констатировать отсутствие подобного комплекса источников в ГАКО. По нашим предположениям, отдельные разновидности документов Калужского губернского по делам об обществах присутствия не сохранились (такие, как журналы заседаний присутствия, книги регистрации уставов обществ); большая часть остальных делопроизводственных документов присутствия скорее всего распылена в составе административно-полицейских учреждений дореволюционного периода.

Вместе с тем знакомство с документами местных органов власти и управления 1890-1930 гг. показало, насколько высоки информационные ресурсы источников этой группы для получения фактологических и аналитических данных об общественных объединениях г.Калуги. Так, например, они позволяют представить сеть общественных организаций; выявить основные типы обществ; отразить основные этапы их эволюции; изучить механизм их функционирования; уяснить систему органов управления гражданскими ассоциациями; схему взаимодействия обществ с вышестоящими государственными структурами; раскрыть позицию и политику госвласти в отношении к общественным объединениям; проанализировать степень и формы вмешательства государства в их деятельность; определить уровень автономности общественных организаций, степень их насильственной бюрократизации в 1920-1930-е гг.; рассмотреть ведущие направления в их деятельности; наметить общие и специфические черты их функционирования; дать оценку роли общественных организаций

г.Калуги в российском гражданско-правовом и культурно-образовательном процессе.

Третий комплекс источников в нашей классификации составляют партийные документы, ранее сосредоточенные в Партийном архиве Калужской области, а ныне состоящие в системе ГАКО. При изучении истории общественных организаций советского периода интерес для исследователей будут представлять фонды Калужского губернского бюро РСДРП(б) (ф.П-1034), Калужского губернского комитета ВКП(б) (ф.П-1), Калужского окружного комитета ВКП(б) (ф.П-3),

Выделение партийных документов в самостоятельную группу источников кажется нам достаточно условным, и, делая это, мы скорее следуем традиции советского источниковедения. Как известно, партия большевиков фактически была облечена полномочиями государственной власти, являлась частью госаппарата. В этой связи партийные документы в нашей классификационной схеме следовало бы рассматривать в рамках предыдущей группы источников, т.е. в составе документов местных органов госвласти и управления. Выделив их в особую группу, мы полагаем, что сможем ввести в научный оборот ранее закрытый в силу идеологических причин комплекс архивных источников по истории общественных организаций. Особенно это касается политики свёртывания деятельности общественных организаций к концу 1920-1930-х гг.

И, наконец, в четвёртую группу источников мы включили документы личного происхождения. К большому сожалению отметим, что личных фондов выдающихся калужских краеведов, общественных деятелей, многие из которых являлись организаторами и активными членами общественных организаций, ГАКО на хранении не имеем (здесь мы имеем в виду И.Д.Четыркина, В.И.Ассонова, В.М.Кашкарова, И.Ф.Цветкова, Д.И.Малинина, Д.П.Богданова, Н.Л.Дмитриева, М.Е.Шереметеву, Д.В.Разломалина и др.).

Знакомство с личными фондами краеведов Н.М.Маслова, С.И.Самойловича, семейным архивом Василевских показало, что деятельность общественных объединений к.XIX - 1 трети XX вв., увы, не стала объектом специального изучения и интереса названных исследователей. Исключение, пожалуй, составляет рукописный аннотированный библиографический очерк в личном

фонде краеведа Ю.А.Вусовича (ф.Р-443), посвящённый издательской деятельности Калужского губернского статкомитета. Определённый интерес для исследователей представляют также документы из личного фонда искусствоведа, директора Калужского художественного музея М.М.Днепровского (ф.Р-521), содержащие рукописные статьи и заметки о художественном прошлом Калужского края (особый интерес при этом вызывает Калужский художественный кружок).

Суммируя информацию об общественных организациях г.Калуги 1890-1930-х гг. и документах, хранящихся в ГАКО, можно сделать некоторые выводы.

1. Общая картина общественных организаций и источников о них довольно пёстрая, но всё же она поддаётся структурированию. В связи с этим в настоящем исследовании нами была предложена схема классификации источников и сделана попытка их характеристики внутри классификационных групп.

2. Архивные документы существенно дополняют информацию опубликованных источников, позволяют значительно полнее осветить организационно-практическую деятельность общественных объединений. В этом плане они отчасти обеспечивают изучение обстоятельств возникновения и особенности функционирования гражданских обществ и союзов г.Калуги к. XIX – 1 трети XX вв.

3. В целом архивные источники далеко не реализуют возможностей изучения темы. Для её полного раскрытия необходимо привлечь опубликованные источники. При проведении глубокого исследования и системного обобщения информации об общественных организациях следует использовать весь комплекс источников, а именно: законодательные источники, периодическую печать, справочные издания, источники личного происхождения (мемуары, частную переписку).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Он колеблется от 2 до 42 ед. хр. Исключение, пожалуй, составляет фонд КУАК, содержащий 78 ед.хр.

[2] Отдельные архивы общественных организаций остаются малодоступными для исследователя. К примеру, часть документов Калужского теософического общества (1909-1929) до настоящего времени хранится в УФСБ по Калужской области.

[3] Так, Калужское общество изучения местного края действовало с 1929 по 1930 г., Калужское городское педагогическое общество – с 1914 по 1918 г. и т.д.

[4] Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т.XXI. СПб., 1897. С.607

[5] Там же.

[6] Государственный архив Пензенской области: Путеводитель. Пенза, 1962. С.24, 25

[7] Государственный Исторический архив Московской области: Путеводитель / Под ред. С.О.Шмитда. М., 1961. С.23 (Ныне Центральный государственный Исторический архив г.Москвы – ЦГИАМ)

[8] Путеводитель по фондам Государственного архива Горьковской области и его филиала в Арзамасе. Горький, 1967. С.37, 38

[9] Государственный архив Ульяновской области: Путеводитель. Ульяновск, 1966. С.22

[10] Государственный архив Курской области: Путеводитель / Под ред. Ф.И. Лаппо, П.П.Пятовского. Курск, 1958. С.16

А. А. Бауэр, Кировский историко-краеведческий музей

Песоченская фаянсовая фабрика в «кузнецовский» период (1899-1918)

Песоченская фаянсовая фабрика была перепрофилирована из Нижнего песоченского молотового завода новым владельцем предприятия Сергеем Ивановичем Мальцовым (1810-1893) в 1851-1853 гг. Однако точная дата начала производства нового вида изделий – фаянсовой посуды – в литературе отсутствует, т.к. до сих пор в научный оборот не введены первоисточники, которые точно указывали бы время перепрофилирования предприятия.

«Мальцовский» период в истории фаянсовой фабрики продолжался почти полвека, и за это время были взлеты и падения, достижения и потери. Наряду с чугунолитейным и эмалировочным заводами, фаянсовая фабрика была градообразующим предприятием Песочни (села Песоченский Завод Жиздринского уезда) и худобедно, но кормила значительную часть местного населения. В разное время на фабрике работало от 500 до 700 чел., которые вырабатывали в год столовой и чайной посуды (правда, ее ассортимент был незначителен) на сумму 50-80 тыс. руб. Накануне перехода фабрики к другому владельцу, в 1897 г., при 273 рабочих, фабрика выработала товара на 64939 руб, а в 1898 г. – на 95 тыс. руб. (1)

Вошедшая в 1894 г. вместе с другими предприятиями округа в состав Акционерного общества мальцовских заводов (АОМЗ), Песоченская фабрика была в конце XIX в. в упадке: выпускалось всего полтора десятка наименований изделий из белого фаянса, со сбытом которого были трудности. Необходима была коренная реконструкция , переход на выпуск новых изделий с учетом требований рынка, диктат на котором устанавливали кузнецовские изделия. В этих условиях АОМЗ предложило Товариществу М. С. Кузнецова (2) в марте 1899 г. взять в аренду фабрику в Песочне со всеми постройками, движимым имуществом, готовым товаром. Рассмотрев предложенные условия, Товарищество 9 мая 1899 г. заключило договор с АОМЗ об аренде фабрики на 24 года. Арендная плата выплачивалась по 12 тыс. руб в год (в течение первых четырех лет) равными долями трижды в год. Затем годовая арендная плата увеличивалась до 18 тыс. рублей, причем арендатор обязывался уплачивать все сборы, налоги и повинности (3).

Товарищество Кузнецова обязалось увеличить годовое производство на фабрике через три года в три раза, доведя его до



Рис. 1. *Строительство главной конторы на Песоченской фаянсовой фабрике. 1907 г.*

120 тыс. руб. Арендатор получал право пользоваться залежами глины и песка на землях АОМЗ по 2 коп. за пуд. От мальцовского общества было принято недвижимое имущество фабрики: двухэтажных кирпичных зданий – шесть, одноэтажных кирпичных – два, две кирпичные мельницы, новое здание для механической формовки, всего строений на 60814 руб. Также кузнецовскому товариществу было передано: сырых материалов на 24489 руб, красок различных на 1285 руб, мебели на 73 руб. Дров хвойных пород продано Товариществу 18 тыс. кубических саженей по 8 руб. за сажень. Вместе с фабрикой продавались белая посуда мальцовского фасона в количестве 16 видов изделий (4).

Окончательно Песоченская фабрика была приобретена в собственность Товариществом М. С. Кузнецова в марте 1911 г., уже после смерти Матвея Сидоровича. Купчую крепость оформлял и подписывал его сын и ставший после отца главой фирмы Николай Матвеевич Кузнецов. Земля под фабрикой и строения были куплены за 211 тыс. руб. с уплатой частями в течение трех лет (5).

За период аренды Товарищество осуществляет постоянную модернизацию и реконструкцию производства на фабрике: в 1900-1911 гг. были построены новые кирпичные здания живописной мастерской, главной конторы, магазина готовых изделий. В 1912 г. начато строительство нового четырехэтажного литейно-точильного цеха из железобетона, однако в связи с начавшейся мировой войной он был пущен только в середине 1917 г. (6). Все здания строились из кирпича своего производства, кроме того, фабрика имела свой лесопильный завод близ д. Анновка.

Основные виды сырья (глина, песок) поставлялись с ближних мест – окрестных сел и деревень Жиздринского уезда, качественная глуховская глина, бура, шпат, кварц, мел доставлялись из Украины, Финляндии (7). Фабрика потребляла многие десятки пудов живописных фарфоровых красок, поставлявшихся из-за границы, - Англии, Франции, Германии.

Одновременно обновлялось оборудование, поставлялись электрические механизмы и станки. На 1.09.1918 г. на фабрике действовало: горнов для обжига посуды – 12, для обжига кирпича – 2, муфелей для посуды – 8, печей для варки алебастра и глазури – 2. Все горны и муфеля работали на дровах, поэтому Товарищество постоянно покупало значительные участки земли

с лесом, который шел на дрова и производство деловой древесины. Так, за 1917 г. в печах фабрики было сожжено дров 2274 куб. саженей. У крестьян с. Бережки и д. Зимнички взяты в аренду болотистые участки земли, на которых организована добыча торфа и производство из него брикетов, также применяемых в качестве топлива при изготовлении фаянсовой посуды (8).

Численность рабочих и служащих фабрики колебалась в разное время от 600 до 800 чел. (см. Таблицу 1).За десятилетия работы на фабрике сложилось немало семейных династий, чьи представители трудились здесь из поколения в поколение (многие из этих фамилий и по сей день трудятся в ЗАО «Кировский стройфарфор»): Щербаковы, Саловские, Потаповы, Брынцевы, Обуховы, Гапоновы, Петуховы, Марочкины, Исаковы, Жмакины, Суравцовы, Дынины, Кирютины, Ксенофонтовы, Савиновы, Туркины, Сорокины, Кузнецовы, Пантюховы, Выходцевы, Циркины, Дукины, Егоренковы, Боривановы, Толкачевы, Блохины и др.

На конец 1918 г. рабочие и служащие фабрики распределялись по участкам работы и специальностям: администрация (управляющий, механик, химик, врач, заведующий мастерскими) – 10 чел.; контора (бухгалтера, счетоводы, конторщики) – 38 чел.; точильный отдел (точильщики и подручные, чистильщики, литейщики, подносчики) – 183 чел.; горновой отдел (обжигаль-

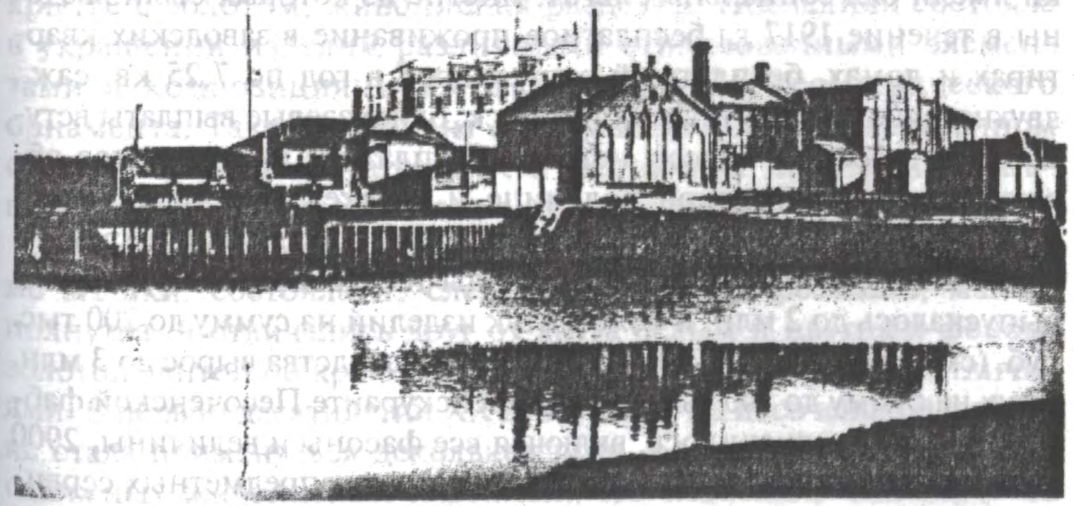


Рис. 2. *Песоченская фаянсовая фабрика. Общий вид. Нач. XX в.*

щики, ставильщики, заборщицы, выборщики, поливальщицы, чистильщицы, сортировщицы) – 152 чел.; живописный отдел (живописцы, отводчики, штемпелевщики, пульверизаторщики, переводчики по деколи) – 85 чел.; машинный отдел (рабочие при барабанах, прессах и др.операциях) – 101 чел.; механический отдел (машинисты, кочегары, слесаря, станочники) – 54 чел.; капсельный и печатный отделы – 12 чел.; работники лесных служб – 19 чел.; при фаянсовом магазине – 47 чел.; поденщиков – 41 чел.; разнорабочих при конторе, больнице, лавках, материальном магазине – 47 чел. Всего же на это время на фабрике работало 797 чел., получавших в месяц зарплаты 372601 руб. (9)

Среднемесячная зарплата рабочих фабрики в последние дореволюционные годы колебалась в пределах 12-25 руб. для взрослых мужчин, 10-20 руб. для женщин и 5-10 руб. для подростков. Наибольший заработок был у живописцев, до 25-30 руб. в месяц. В условиях повышения цен на продукты питания в 1916-1917 гг. Правление Товарищества регулярно увеличивало зарплату служащих, а также сдельные расценки за единицу готовых изделий рабочим. Так, с 1.01.1917 г. прибавка к жалованью составила от 30 до 50 процентов, а в целом за год прибавка к зарплате в связи с инфляцией составляла от 75 до 140 процентов к уровню предшествующего периода (10).

Кроме денежного содержания, рабочие и служащие фабрики имели ряд социальных льгот, многие из которых были введены в течение 1917 г.: бесплатное проживание в заводских квартирах и домах, бесплатный отпуск дров в год по 7,25 кв. саж., двухнедельный оплачиваемый отпуск, одноразовые выплаты вступавшим в брак из «кассы невест», бесплатное медицинское обслуживание в заводской больнице и аптеке, выплата пособий инвалидам и семьям призванных на войну работников и др. (11).

Уже через несколько лет аренды на Песоченской фабрике выпускалось до 2 млн. и более штук изделий на сумму до 200 тыс. руб. (см. Таблицу 1). К 1914 г. объем производства вырос до 3 млн. штук на сумму до 500 тыс. руб. В прейскуранте Песоченской фабрики на 1914 г. значилось, включая все фасоны и величины, 2900 различных изделий (12). Одних только многопредметных сервизов на 12 и 6 персон выпускалось до десятка, а также производилась посуда: кувшины, миски, салатницы, масленки, компотницы, фруктовницы, соусники, горчичницы, сухарницы и корзиночки, блюда круглые, лотки, доски сырные, конфетницы, подстаканники и пр.



Рис. 3. *Товарные клейма изделий Песоченской фаянсовой фабрики нач. XX в.*

Учитывая рыночную конъюнктуру, кузнецовские фабрики, в т.ч. и песоченская, выпускали многообразные керамические предметы для бытовых нужд: рамки фотографические, бутылки, подсвечники 8-ми фасонов, пепельницы, цветники с поддонами, папиросницы, визитницы, коробки, приборы умывальные и туалетные и пр. изделия.

Сильной стороной кузнецовского фарфора и фаянса был обильный и разнообразный декор изделий при их высочайшем качестве. В результате работы сотен мастеров на протяжении десятилетий определились устойчивые виды декора кузнецовских изделий: белый, отводка красками или золотом, ленты с золотом или без него, печать штампом по утельному черепку , пульверизаторская тень по 2-3 краски, трафарет, крытье с золотом, живописная разделка. Последняя состояла в украшении изделий различными стилизованными элементами и композициями из растительного и геометрического орнамента. Такой орнамент в промышленно-художественном обиходе назывался «агашки», а мастерицы назывались «агашечницами», «живописками», «Агафьями».

Ручная живописная разделка по сложности рисунков, кроме агашки, состояла из следующих типов: прозолоть, манер, полнутра, и отличались друг от друга белым и цветным фоном, золотой лентой по краю изделия и др. незначительными отличиями. В первом десятилетии XX в. все шире на песоченской фабрике стала применяться декольком ания, т.е. наклейка на изделия сдвижных живописных картинок, что позволяло имитировать старый художественный фарфор. В деколи механический метод

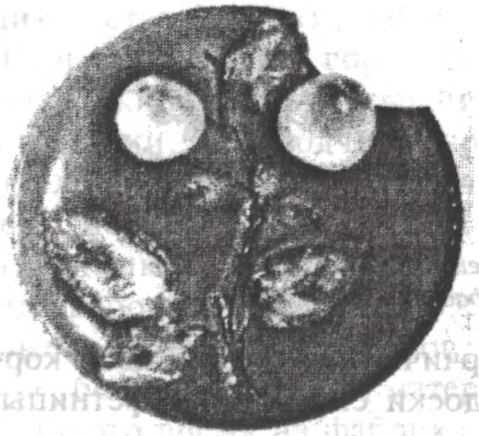


Рис. 4. *Фаянсовый медальон «Яблоки» пр-ва Песоченской фабрики. Нач. XX в.*

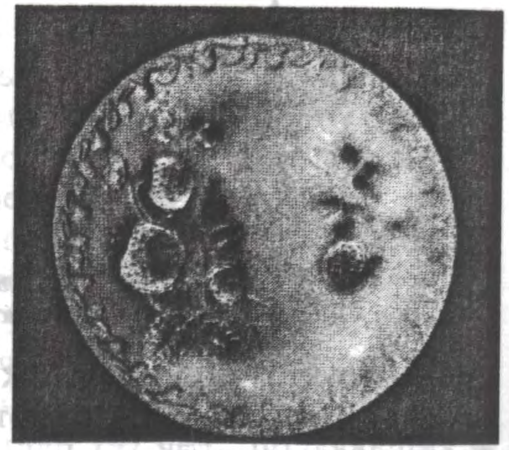


Рис. 5. *Фаянсовый медальон «Клубника» пр-ва Песоченской фабрики. Нач. XX в.*

декорирования сочетался с подражательным характером изображения. Накануне мировой войны в серийное производство были введены изделия так называемой фотокерамики, что, по мнению некоторых искусствоведов, означало полнейшую деградацию художественности в керамической промышленности.

Группа художественного фаянса, выпускавшегося Песоченской фабрикой, была незначительна: медальоны 15 фасонов с лепниной, росписью и деколью, бюсты трех фасонов, камерную настольную скульптуру (фигурки разных фасонов и величин) с изображениями животных, пасхальные яйца и пр. (13).

В 1919 г. на фабрике начато производство санитарно-технических изделий, выпуск которых значительно увеличился в годы мировой войны по заказам государственных ведомств и учреждений. Производилась арматура для электроосвещения, столы умывальные, писсуары, чаши клозетные, ванны ручные и ножные, а также половая и стенная плитка и прочие предметы домоустройства (14).

Согласно Декрета СНК РСФСР от 28.06.1918 г. все предприятия Товарищества М. С. Кузнецова считались национализированными, однако впредь до особого распоряжения ВСНХ признавались в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев, коими были сыновья основателя Николай, Александр и Георгий Кузнецовы (15). Такой порядок управления кузнецовскими предприятиями сохранялся до 4 февраля 1919 г., когда Президиум ВСНХ

постановил: « объявить все капиталы и прочее имущество всех стеклянных и фарфорово-фаянсовых предприятий М. С. Кузнецова, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни состояло, собственностью РСФСР...» (16) Прежние владельцы были отстранены не только от собственности, но и от управления предприятиями. В годы сталинских репрессий все потомки предпринимателя М. С. Кузнецова, вернее те, кто не эмигрировал из страны, были уничтожены. Так завершился «кузнецовский» период в истории Кировского (Песоченского) завода стройфарфора.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Фабрично-заводская промышленность России: Перечень фабрик и заводов. – Спб., 1897. – с. 430-431. Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. – Спб., 1898. – с. 425.
2. Матвей Сидорович Кузнецов (1846-1911) – видный русский промышленник в области производства фарфорово-фаянсовой посуды.
3. Центр.истор.архив г. Москвы (ЦИАМ), ф. 337, оп. 2, д. 14, л. 24-25 об.
4. Там же, лл. 6-7, 14 об, 23, 33 об., 51-58, 71.
5. Там же, д. 32, л. 131 об.
6. Госархив Калужской области (ГАКО), ф. 1065, оп. 1, д. 3, л. 31.
7. Там же, ф. Р – 1799, оп. 1, д. 1, л. 3; 38 об, 48-49.
8. ЦИАМ, ф. 337, оп. 2, д. 325, лл. 64 – 64 об.
9. ГАКО, ф. Р – 1799, оп. 1, д. 2, лл. 243-247.
10. Там же, ф. 1065, оп. 1, д. 2, л. 2; ф. Р – 1799, оп. 1, д. 1, лл. 1-7 об.
11. Там же, ф. Р – 1799, оп. 1, д. 1, лл. 16, 20, 90; ЦИАМ, ф. 337, оп. 2, д. 32, л. 125.
12. ГАКО, ф. 1065, оп. 1, д. 9, лл. 1-79.
13. Там же, ф. 1065, оп. 1, д. 1; ЦИАМ, ф. 337, оп. 1, дд. 269, 284.
14. ГАКО, ф. Р – 1799, оп. 1, д. 37, лл. 154-156.
15. Там же, оп. 1, д. 1, л. 79
16. Там же, оп. 1, д. 2, л. 35.

Л. М. Захарова, Государственный архив Тульской области

Из истории Смоленской церкви с. Бредихино Чернского уезда Тульской губернии

В живописной холмистой местности к югу от г.Черни Тульской области расположилось с.Бредихино. Разделяет его на две части: Бредихино-1 и Бредихино-2 – река Чернь, а соединяет небольшой новый мост, дорога от которого поднимается на

высокий левый берег. На нем находится храм во имя иконы Смоленской Божией Матери, когда-то очень красивый с позолоченными крестами, нарядными куполами и василькового цвета стенами. В 30-годы он был закрыт, потом обезглавлен. В начале 90-х здесь снова возродился приход и начались восстановительные работы, которые с большими препятствиями продолжаются и по нынешний день.

* * *

По документам за конец XVIII и в XIX в. село имело несколько названий: «Бредихино-Никитское», «Никитское-Бредихино тож», «Никитское-Шаталово тож», «Никитское-Шепталово тож». Свое название «Бредихино» местность получила, вероятно, по фамилии одного из ее первых владельцев. В межевых книгах по г.Черни за 1680 г. упоминается имя Агея Карповича Бредихина, как одного из владельцев поместной земли «в урочищах за речкою Чернью на большом долу».[1]

В каком году в честь святого великомученика Никиты построена первая церковь и образовался приход, неизвестно. Но еще одно название – «Никитское» село получило по этой церкви. Можно предположить, что ее построил первый владелец местных земель Бредихин. В пользу этой версии говорит закрепившееся в памяти ряда поколений крестьян и дошедшее до нашего времени название – «Бредихино-Никитское». Возможно, древнее Евангелие, напечатанное в Москве в 1687 г. и находившееся в храме, являлось одной из его первых святынь.[2]

Известная по документам Госархива Тульской области деревянная однопрестольная церковь во имя почитаемого в приходе вмч. Никиты построена в 1780 г. женой генерал-аншефа Натальей Александровной Олицевой. К приходу были приписаны: с. Бредихино, д. Агибалово, сельцо Бунаково и сельцо Коверино.[3]

В конце XVIII – нач. XIX в. у села появился новый владелец – секунд-майор Григорий Иванович Раевский. По переписи 1812 г. здесь ему принадлежало 187 крестьян мужского пола.[4] Проживал он со своей семьей в небольшом сельце Слободки, Пятково тож. Чернского уезда.

От жены Авдотьи Иосифовны, из духовного звания, он имел шесть детей: старшую дочь – Елену и сыновей – Семена, Константина, Ивана, Сергея и Иосифа.[5] Имена трех из них – Константина, родившегося в 1806 г. и близнецов Ивана и Сергея, родившихся в 1809 г., позднее были вписаны в историю прихода с. Бредихина, как храмостроители. Два последних брата со своими семьями поселились здесь в своих поместьях.

Раевские опекали приходский храм. Иван Григорьевич был его старостой и нес все заботы по уходу и поддержанию в нем порядка. От времени церковь так обветшала, что братья решили построить новую каменную. Но, вероятно, семейные обстоятельства и серьезные материальные затруднения стали большой помехой к воплощению их намерения. В течение тридцати лет с 1837 г. трижды они подавали прошения на строительство и каждый раз составлялся новый проект храма.*

По первоначальному проекту церковь должна была быть деревянной во имя вмч. Никиты. По второму – каменная в честь иконы Смоленской Божией Матери с двумя приделами – во имя св. вмч.Никиты и Всех Святых.

20 марта 1856 г. С.Г. Раевский пожертвовал под бут находившиеся рядом с местом, отведенным под храм, принадлежавшие ему скотный двор и конюшню.[6] Но строительство затягивалось. К концу 50-х годов церковь пришла в такую ветхость, что в ветренную погоду стены ее трещали. Крыша дала течь и вся покрылась заплатками. В трапезе сильно подтекал северо-восточный угол потолка, по этой причине он обвис и был подперт столбами. Истлели обшивка и северные углы, да и весь храм поник на южную сторону.

В связи с аварийностью здания, весной 1859 г. в Тульскую строительную и дорожную комиссию поступает на утверждение третий проект.[7] 25 июля консистория выдает разрешение И.Г. Раевскому на устроение нового храма и 10 ноября ему выдана новая храмозданная грамота.[8]

Проблема возникла с созданием строительной комиссии. Предполагалось, что ее членами станут местный благочинный Кодрат Соболев, приходский священник Петр Сахаров, а также Константин и Иван Раевские. Кому, как не церковному старосте и благотворителю быть ее членами. Но братья отказались. И

---

* В Государственном архиве Тульской области не выявлены. По документам установлено, что последний по счету четвертый план находился в архиве при Смоленской церкви. Не исключено, что предыдущие - в семейном архиве храмостроителей Раевских.

причина заключалась в обстановке, которая сложилась в России накануне реформы 1861 г. – освобождения крестьян от крепостной зависимости, и после нее.

Регулярно поступавшие сообщения о волнениях, в том числе и в Чернском уезде, осложнили взаимоотношения между помещиками и крестьянами. В д. Казарино 32 человека выразили свое неповиновение хозяину, отказавшись переселяться в другой уезд. В д. Синегубово, Знаменское тож, предпринята попытка задушить помещицу, а в д. Воронцовка «крестьянин убил помещика за то, что тот хотел отдать его в солдаты.»[9] Во многих селах и деревнях они отказывались платить оброк, выполнять барщину.

Крестьяне с. Бредихина выразили свой протест через святая святых – Дом Божий, отказавшись в «свои дни» возить строительные материалы к церкви. Не помогали ни увещевания Раевских, ни приходского священника.

Староста Иван Григорьевич в объяснительной записке благочинному священнику К.П.Соболеву о создании Комиссии по ускорению строительства от 13 июня 1861 г. пишет: «От предложения строить каменную церковь в селе нашем ни я, ни прочие прихожане из дворян не отказываемся. Медленность же к начатию постройки храма зависит в настоящее время не от меня с прочими дворянами, а от крестьян нашего прихода, на коих лежит обязанность копать и возить камень, песок, известь и воду из наших угодий, а также из города Тулы свезное железо и лещадь для выстелки церковного пола. Каковую работу они отказываются отбывать в свои рабочие дни, а настаивают отбывать оную из наших рабочих дней, каковых и без того недостаточно для произведения сельского занятия.

Мы же, дворяне, взамен рабочих их дней и трудов жертвуем капиталом на сооружение церкви собственно для их душевной пользы и потомства их. А также отказываются они избрать из среды себя двух человек для хождения по сбору с книгою и кружкою, и караула при приготовленном для церкви материала...»[10] В заключении записки Раевский просил заставить крестьян выполнять церковную работу «в свои дни,» обеспечить из них охрану для строительного материала, вернуть самовольно вывезенный для личных целей бут, а также выделить двух человек для сбора пожертвований.

В приходе сложилась тяжелая психологическая обстановка,

противостояние между помещиками и крестьянами. Для разрешения конфликта Тульская духовная консистория обратилась в Тульское губернское по крестьянским делам присутствие, но последняя отказывалась рассматривать спорные вопросы, не относящиеся к ее компетенции. Консистории пришлось самой выступить в роли судьи и объявить 18 сентября 1861 г. суровый приказ: «... в случае отказа их [крестьян] от сего Богоугодного дела, епархиальное начальство поставлено будет в необходимость приходскую их ветхую деревянную церковь упразднить с причислением их самих к другому приходу...»[11]

8 ноября в праздничный день – Собор Архистратига Божия Михаила – собрались крестьяне в Никитской церкви. После выступления благочинного образовалось три группы: первая – наиболее многочисленная, не доверяла живущим в приходе помещикам, опасаясь, что после подписания бумаг с началом строительства все полностью ляжет на их плечи; вторую – меньшую по численности не радовала перспектива упразднения их ветхого храма и они не возражали против решения начальства о немедленном начале работ и в последнюю третью группу вошло несколько «воздержавшихся».

Старшина Бредихинского общества Евсигней Прохоров, выражая волю крестьян, попросил 2 недели срока на обсуждение. По истечении этого времени они дали согласие помогать своему старосте Ивану Раевскому подвозом материала и охраной, но от подписания бумаг наотрез отказались. Неумолимая консистория продолжала настаивать на закрытии храма в случае, если после объявления Раевскому решения общества, строительство не начнется. В жестких условиях оказались сразу две стороны – и помещики, и крестьяне.

Благочинный Кодрат Соболев прибегает к последней, недавно созданной чиновничьей должности – мировому посреднику, призванному мирным путем разрешать конфликты. В результате переговоров обеих сторон в присутствии посредника появился за их совместной подписью «Приговор», в соответствии с которым крестьяне обязались «по требованию храмостроителя доставлять на своих подводах песок не далее деревни Нагаевой, кирпич, известь и камень в селе Бредихине... Работа эта должна быть произведена из наших дней по распоряжению волостного правления, но не менее в расчете одного дня в неделю...»[12]

В свою очередь по просьбе крестьян И.Г. Раевский 31 июля 1862 г. подает прошение Епископу Тульскому и Белевскому Никандру о выдаче нового, уже четвертого по счету проекта на строительство храма, но меньшего по размерам, который крестьяне могли бы поддерживать со временем на свои средства. Так закончилось противостояние. 9 июня 1863 г. произведена закладка храма и началось строительство.[13] За ходом работ по просьбе благочинного наблюдал К.Г. Раевский, который, будучи старостой Георгиевской церкви в с. Георгиевское на Роске Чернского уезда, в 1851 г. вместо старого деревянного выстроил в приходе новый каменный храм.

Летом 1867 г. вчерне строительство церкви было закончено и 28 октября 1869 г. освящен главный престол в честь иконы Смоленской Божией Матери. 10 сентября 1872 г. освящен придельный храм во имя вкч. Никиты, устроенный с южной стороны главного алтаря. Работы по устройству придельного храма во имя Всех Святых с северной стороны продолжались до осени 1878 г. 17 сентября он освящен. В документах Госархива имеются подробные описи всех трех алтарей храма, составленных на период освящения.[14]

* * *

История бредихинских храмов - это жизнь нескольких поколений людей. Внешний облик зданий, их состояние всегда зависели от духовного здоровья прихожан, их падений и подъемов. Менялись они, тянулись к Свету и Благодать находили в стенах церкви. Духовное обнищание, удаление во тьму приводило и к физическому разрушению, обезображиванию святынь. Да будет история тех давних времен в утешение и укрепление духа нынешних подвижников, с большим трудом восстанавливающих разрушенное предшественниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Книга I. Спб., 1869. С. 291.
2. *Зеленецкий А.* О памятниках и древностях г. Черни и Чернского уезда. - Тульские губернские ведомости. 1853, 28 февр., № 9
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 17. Д. 1090. Л. 368, 375.
4. Ревизские сказки по 6 ревизии.- Чернопятов В.И. Дворянское сословие

Тульской губернии. Том X (XIX). Ополчение 1812 г. Материалы. Дополнение к т. V (XIV). Москва, 1912. С. 157.
5. ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1889. Л. 62 об.
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 826. Л. 22 - 22 об.
7. ГАТО. Ф. 84. Оп. 3. Д. 768. Л. 1 - 3 об.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 826. Л. 15 - 15 об.
9. *Крутиков В.И.* Хроника крестьянского движения в Тульской губернии в 1858-1863 г.г. - Из истории Тулы и Тульского края. Тула, 1983. С. 78, 79, 83.
10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 826. Л. 20 - 21 об.
11. Там же. Л. 25 об.
12. Там же. Л. 35 - 35 об.
13. Там же. Л. 41 - 41 об., 47.
14. Там же. Л. 69 - 70, 93 - 94 об., 112 - 113 об.

Н. П. Лошкарева, Боровский историко-краеведческий музей.

История храмов г. Боровска по клировым ведомостям 1916 г.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к истории храмов. Одной из причин такого интереса является активизация процесса передачи многих из них Русской Православной Церкви. Наряду с данным процессом возникла проблема иногда совершенно полного отсутствия каких-либо сведений об интересующем исследователя храме. Частично разрешить ее позволяют клировые ведомости XIX—нач. XX вв., выступающие зачастую единственным источником при сборе материала по истории того или иного православного храма.

В состав клировых ведомостей входили ведомость о церкви, послужные списки священно- и церковнослужителей, ведомость о старосте церкви и ведомость о приходе. Готовый с графами формуляр ежегодно заполнялся и подписывался священником храма, затем подписывался дьяконом, псаломщиком и церковным старостой. В случае отсутствия в церкви готового формуляра священник сам чертил и надписывал таковой по утвержденному образцу. То, как была заполнена клировая ведомость, зависело в первую очередь от личности самого священника.

В ведомости о церкви священник фиксировал время постройки храма, его устроителей, материал, из которого был построен храм, количество престолов в храме и их название,

штатное расписание и жалованье священно- и церковнослужителей, источники содержания храма и клира, место жительства и состояние домов служителей храма, в ведении какого благочинного находился приход храма, сколько приписано церквей, часовен, молитвенных и кладбищенских домов, велись ли и с какого времени книги по описи церковного имущества, приходно-расходные, метрические, обыскные и исповедные росписи, имелась ли библиотека для прихожан и для лиц церковного круга. В ведомости также указывались школы, находившиеся в приходе храма, отмечалось иногда количество учащихся и учащих, а также указывалось имя церковного старосты и время его избрания.

В послужные списки священно- и церковнослужителей, в том числе, и уволенных за штат, записывались биографические данные служителей храмов, отмечались их награды. В том случае, если священник серьезно относился к заполнению послужного списка и владел информацией о предыдущих служителях храма, то он заносил сведения и о тех служителях, которые были уволены за штат или даже об умерших. В послужные списки заносились также близкие родственники священно- и церковнослужителей: жены и дети, — давались их краткие биографические данные.

Ведомость о церковном старосте представляла собой своеобразный отчет о доходах храма: свечном, кружечном, кошельковом сборе и о чистой прибыли. Здесь же указывались даты выборов и назначения церковных старост, их биографические данные, заслуги перед церковью и награды, если таковые были.

В ведомости о приходе священником фиксировалось общее количество домов или хозяйств, численность мужчин и женщин, а также давался подсчет по социальным группам: духовной, дворянской, мещанской, купеческой, крестьянской, — и по вероисповеданию, то есть сколько старообрядцев и какого толка жили в приходе, сколько других иноверцев (католиков, протестантов, иудеев и т.д.) проживало в этом же приходе.

Исходя из вышеизложенного, клировые ведомости были использованы в качестве источника, несущего первичную информацию при сборе материала по истории церквей г. Боровска. Но пока пришлось ограничиться данными только за 1916 г. В это время в г. Боровске насчитывалось 14 церквей, из которых одна

являлась единоверческой (Покрова Пресвятой Богородицы) и три другие — старообрдческими (Покрова Пресвятой Богородицы I-й общины, Покрова Пресвятой Богородицы II-й общины и Всех Святых). Клировые ведомости были выявлены в фонде Калужской духовной консистории (Ф.33) Государственного архива Калужской области на 11 церквей (1), входивших в начале XX в. в ведение Калужской духовной консистории (в это число, конечно же, не входили старообрядческие храмы).

В результате работы с клировыми ведомостями за 1916 г. по каждой из 11 боровских церквей был собран в три таблицы (таблица № 1 «Общие сведения», таблица № 2 «Доходы боровских храмов» и таблица № 3 «Число дворов, располагавшихся в приходах боровских храмов, и число душ в них проживавших») материал, позволяющий сделать следующий вывод. Общие исторические сведения, предоставляемые клировыми ведомостями 1916 г. по боровским храмам, типичны для православных храмов всей России XVIII—нач. XX вв.

Так, большинство боровских церквей было построено в XVIII—XIX вв., судя по всему, на месте ранних деревянных, но обветшавших храмов, или на месте пострадавших от непродолжительной французской оккупации в 1812 г. Большинство из них возводилось на средства прихожан и при активном их участии. Почти при каждом из боровских храмов продолжали располагаться погосты, а на усадебной земле, являвшейся собственностью церкви, стояли дома в которых жили священно- и церковнослужители и члены клира (кроме церкви Спаса Преображения на площади). В 9 из 10 храмов были собраны библиотеки с достаточным количеством богослужебных книг для использования их служителями храмов, а в 5 имелись библиотеки для прихожан (наибольшее количество книг было в библиотеке храма Спаса Преображения на площади — 150 томов). Священно- и церковнослужители боровских храмов преподавали в приходских учебных заведениях Закон Божий. Клировые ведомости показывают также, что боровские храмы владели пашенными и сенокосными землями, торговыми лавками, домами — все это, в основном, сдавалось в аренду. Имели боровские храмы и капиталовложения в кредитных учреждениях, получали проценты с вкладов вечного поминовения, прибыль от кружечных сборов и от продажи свечей, свечных огарков и прочего. Наибольший доход и наибольшую сумму вложенного в банки

капитала, движимого и недвижимого, имел собор Благовещения Пресвятой Богородицы (кружечный доход — 1558 руб. 47 коп.; чистая прибыль от «свечной операции» в церкви — 1011 руб. 12 коп.; банковского капитала, движимого и недвижимого — 57070 руб. 40 коп.). Высокая доходность храма зависела, скорее всего, от места его расположения (например, Благовещенский стоял на центральной городской площади да к тому же имел статус соборного), от того был ли храм приписным и как часто служили в нем священники, и от того, каков был приход храма и кто являлся его старостой по социальному статусу и финансовым возможностям.

В то же время г. Боровск был известен, как один из центров старообрядчества, и служителям синодальных православных храмов приходилось выполнять еще миссионерскую деятельность среди преобладающего числа городских старообрядцев. (Даже, если не утруждать себя подсчетами погрешностей, благодаря данным ведомостей о приходах за 1916 г. наибольшим числом душ выделялись старообрядцы — 1439 против 1233 православных и 8 иноверцев). Именно эта черта служила отличительной в истории развития боровских храмов на протяжении более 200 лет, и 1916 г. также не был исключением.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. ГАКО. Ф.33. Оп.2. Д.2256, 2257, 2264, 2268, 2269а.

а). Там же. Д.2256. Л.13-29 (клировая ведомость соборной церкви Благовещения за 1916 г.).

б). Там же. Л.30-33об. (ведомость о церкви Успения Пресвятой Богородицы за 1916 г.).

в). Там же. Л.34-37 (ведомость о церкви св. равноапостольного кн. Владимира за 1916 г.).

г). Там же. Д.2269а. Л.162-170 (клировая ведомость церкви Воздвижения Креста Господня за 1916 г. с данными о приписной к ней церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Высоком).

д). Там же. Д.2268. Л.47-61 (клировая ведомость церкви Живоначальной Троицы за 1916 г.).

е). Там же. Л.49-62 (ведомость о церкви Бориса и Глеба за 1916 г.).

ж). Там же. Л.26-27об., 36об-46 (клировая ведомость церкви Спаса Преображения на площади за 1916 г.).

з). Там же. Л.24-25об., 28-35 (клировая ведомость церкви Спаса Преображения на взгорье за 1916 г.).

и). Там же. Д.2264. Л.23-33 (клировая ведомость церкви Рождества Христова за 1916 г.).

к). Там же. Д.2257. Л.1-5 (клировая ведомость церкви Покрова Пресвятой Богородицы, единоверческой, за 1916 г.).

Таблица №1

Общие сведения

Название храмов наименование пунктов	Благовещенский собор	Успения Пресвятой Богородицы	Св.кн.Владимира	Воздвижение Креста Господня	Покрова Пресвятой Богородицы на Высоком	Живоначальной Троицы	Бориса и Глеба	Спаса Преображения на площади	Спаса Преображения на взгорье	Рождества Христова	Покрова Пресвятой Богородицы (единовер)
время постройки	неизвестно	1826 г.	1893 г.	1814 г.	сведения отсутств.	1793 г.	1704 г.	1736 г.	1804 г.	1817г.-трапезная, колокольня; 1837г.-храм с алтарем	открыта 1 дек. 1846г.
строит. материал	кирпич	кирпич	кирпич	кирпич	дерево	кирпич	кирпич	кирпич	кирпич	кирпич	кирпич
на чьи средства построены	прихожан	прихожан	коллеж. совет. Ив.Вл. Ададуров	Прихожан и «доброто-любием жертвова-телей»	сведения отсутств.	прихожан	прихожан	прихожан	моск.купец Вас.Ст. Про-свирьин	прихожан и моск.купец Харламп. Ив.Про-топопов	старообряд цами-беглопо-повцами
название приделов	1)Иконы Казанской Божией Матери; 2)Св.Ни-колая Чудо-творца	Пр. Михаила Малеина	—	1)Св.вмч. Иоанна Воина; 2)Пр.Бого-родицы «Всех скорбящих радость»	—	Архист-ратига Михаила	Пр.Паф-нутия	Св.вмчц. Параскевы Пятницы	1)Покрова Пресвятой Богоро-дицы; 2)Алосто-2)Пет-лов Петра и Павла	1)Иконы Казанской Божией Матери; 2)Срете-ния Господня	Зачатия св.Анной Пресвятой Богоро-дицы
наличие приписных храмов и часовен	2 церкви и 1 часовня	приписан к собору	1 деревян. часовня; сам приписан к	1 часовня в с.Кудинове и 1 церковь	приписан к церкви Воздвиже-ния	1 церковь	приписан к церкви Троицы	1 часовня	—	—	—

			собору								
служители храма	протоие-й Вас.Тимоф. Покров-ский; иерей Ник.Евг. Чертков; дьякон Вл.Мих. Симин; псал-ки Мих.Серг. Смирнов и Вас.Павл. Покров-ский	те же	те же	иерей Вас.Парм. Протасов, преподает Закон Божий в Высш.началь.уч-ще с 1905г.; псал-к Ник.Ив. Виноградов	те же	иерей Семен Як. Смирнов, преподает Закон Божий во 2-м прих. город.муж. уч-ще с 1янв. 1882г; псал-к Филим. Кондр. Кузнецов	те же	протоие-й Ив.Мих. Жаров, преподает Закон Божий в 1-м прих. город.муж. уч-ще с 24 сент. 1903г.; псал-к Ермил Макар. Трахочев	старший свящ-к Анд.Ив. Жаров; псал-к Вас.Ив. Сахаров, преподает Закон Божий в Высоков. земск.шк. и в школе для беженцев	иерей Дм.Дм. Зарецкий, преподает Закон Божий в женской гимназии; псал-к Варфол. Поликарп. Космачев	иерей Ник.Макс. Разумов-ский
жалованье священно- и церковно-служи-телей	протоиер.-500р.; иерей-400р.; дьякон-200р.; псал-к-125р.	—	—	иерей-392р.; псал-к-122р.50к.	—	иерей-294р.; псал-к-98р.	—	иерей-300р.; псал-к-100р.	иерей-294р.; псал-к-98р.	иерей-588р.; псалк-196р.	иерей-490р.;псал-к-147р.
церковный староста	кол.сов., врач Алексей Ник.Про-топопов, с 1911г.	бор.купец А.Н.Писа-рев, с 1897г.	губ.сек. Виталий Матв.Ви-ноградов, с 1911г.	бор.мещ-н Петр Фед.Горе-лов, с 1906г.	сведения отсутств.	Прокопий Филип. Масленников, с 1908г.	бор.мещ-н Вас.Егор. Зотов, с 1911г.	крест-н д.Коростелево Никита Андриан. Лукьянов, с 1913г.	бор.купец Петр Як.Коротков, с дек.1914г.	бор.мещ-н Мих.Мих. Михайлов, с 1913 г.	обязанности старосты выполняет иерей
наличие земли: усадебной с погос-м; пахатной; сенокос-й; неудоб-й	1 дес.; 19дес.605к в.саж.; 1дес.554кв .саж.; ---	1дес.120кв .саж.; - 6дес.583кв. саж.; 1дес.962кв. саж.	сведения отсутст-вуют	2 дес.; 3 дес.; 3 дес.; 29 дес.	сведения отсутст-вуют	1дес.654кв. саж.; 1 дес.; - -	1 дес.; 1 дес.; - -	земли нет, т.к. была захвачена Боровской городской думой под Гостиный двор - 53саж. х 27саж.	1029 кв.саж.; 208 кв.саж.; - -	2дес. 1156 кв.саж.; - -	усадебной-970кв.саж.; 625кв.саж.; - -
наличие торг.лавок	8 камен. и 2 деревян.	—	—	—	—	—	—	10 камен.	—	—	—
наличие домов в собствен-ности у церкви	дома церков-е на церк-й земле для свящ.- и церковно-служит.	дом дерев., крыт желм - сдается в аренду в пользу церкви; камен.сто-рожка и дер.сарай	сторожка крыта железом	дома для свящ.- и церковно-служ. на церк.земле деревян.	—	дома для свящ.- и церковно-служ. на церк.земле деревян.	—	1 дом для свящ.- и церковно-служ. на церк.земле деревян. с надвор. постр-ками	1 дом для иерея на церк.земле 1 дом 2-х этаж. — сдается в аренду по годам; в 1915г.- за 380р.	1 дом иерея на церк.земле другой — в пределах города сдается в аренду за 17р.50к.	дома для иерея и псал-ка на церк. земле
наличие биб-теки для прихожан	имеется	сведения отсутст-вуют	сведения отсутст-вуют	—	—	имеется 56 томов	нет	имеется 150 томов	имеется 25 томов	имеется 75 томов	—

Таблица №2.

Доходы боровскнх храмов.

Название храмов наимено-вание пунктов	Благове-щенский собор	Успения Пресвятой Богоро-дицы	Св.кн. Владимира	Воздви-жение Креста Господня	Покрова Пресвятой Богоро-дицы на Высоком	Живона-чальной Троицы	Бориса и Глеба	Спаса Преобра-жения на площади	Спаса Преобра-жения на взгорье	Рождества Христова	Покрова Пресвятой Богоро-дицы (единовер)
Кружеч-ный доход	1558р.47к.	131р.39к.	62р.37к.	315р.	сведения отсутств.	335р.	сведения отсутств.	200р.	315р.20к.	355р.64к.	84р.48к.
чистая	1011р.12к.	148р.	13р.50к.	582р.30к.		253р.94к.	269р.62к.	79р.62к.	293р.41к.	183р.15к.	сведения

прибыль «свечной операции»											отсутств.
доход с земли (средний)	1)вместе с земель-ми доходами ц.Успения 41р.66к.; 2) за сдачу в аренду 125 р.	сдается в аренду за 55р.	—	сдается в аренду за 160р.	—	сдается в аренду за 30р.	сдается в аренду за 20р.	—	28р., из них 10р.- причту, 18р.- церкви	часть сдается в аренду за 132р.25к.	16р.
доход с торг.лавок	1/3 дохода - 147р.66к.	—	—	—	—	—	—	сдаются в аренду за 400р.	—	—	—
наличие капитала	% с кап-ла на вечн. помин. 683р.32к. неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 39204р.; подвиж. суммы 17866р. 40к.; денеж. билетов 36 шт.	% с кап-ла на вечн. помин. (2448р.) 94р.92к.; неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 3756р.; билетов 6 шт.	% с кап-ла на вечн. помин. (1238р. 12к.) 44р.34к.; неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 7498р.13к.	% с кап-ла причта 81р.66к.; неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 750р.; 1 именной билет на 500р., 1 неимен. - на 250р.	—	% с кап-ла для причта - 88р.93к.; неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 4927р.53к.; имеется ден.билет	неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 3979р.12к.; имеется ден.билет	% с кап-ла 81р.85к.; неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 3601р.; имеются билеты имен. на 2857р., неимен. - на 744р.	% с кап-ла на вечн. помин. 340р.; неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 15150р.; имеются ден.билеты	% с причт. Кап-ла 159р.44к.; пособие из Боров-ского обществ. банка 40р.; неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 4100р.;гос. билеты непрерыв-нодоход-ный на 1100р. и комиссии погаш. долгов на 2000р.	% с ден. билетов 127р.58 3/4 к.; неподвиж. суммы в кредит.уч-ниях 5450р.

Таблица №3

Число дворов, располагавшихся в приходах боровских храмов, и душ в них проживавших.

Наименование пунктов		принадлежность к социальным слоям и религиозным группам										итого
название церквей		духов-ного звания	дворяне	мещане	кре-стьяне	иноверцы (маго-метане, иудеи и т.д.)	старообр. бегло-поповцы	старообр. австр. толка, окруж-ники	старообр. проти-воокру-жники	старообр. беспо-повцы	старо-обряд-цы	
Собор Благовещения (с приписными Успенской и Владимирской ц-ми)												
число домов		5	7	15	4	2					60	93
число душ, проживавших в них	муж.	5	11	42	6	2					39	105
	жен.	4	17	63	5						26	115
ц.Воздвижения Креста Господня (с приписной Покровской)												
число домов		3	6	18	52						65	144
число душ, проживавших в них	муж.	8	7	35	131						158	339
	жен.	8	10	36	138						154	346
ц.Троицы												более
число домов		2		27	2		?	?				31
число душ, проживавших в них	муж.	3		75	4		10	73				165
	жен.	3		92	4		9	75				183
ц.Бориса и Глеба												более
число домов				14	2		?	?				16
число душ, проживавших в них	муж.			31	5		4	85				125
	жен.			44	6		6	90				146

ц.Спаса Преображения на площади												
число домов		1	2	13			5	15	13			49
число душ, проживавших в них	муж.	3	1	41			18	107	68			238
	жен.	7	4	49			28	94	68			250
ц.Спаса Преображения на взгорье												
число домов		2	чинов-ников 4	22	5	1	19	20				73
число душ, проживавших в них	муж.	8	10	34	22	3	34	30				141
	жен.	4	8	37	14	3	45	31				142
ц.Рождества Христова												
число домов		4	статских 4	23	10		5	45				91
число душ, проживавших в них	муж.	3	8	53	17		9	74				164
	жен.	7	11	60	22		6	87				193
ц.Покрова (единоверч.)												
число домов		2		6				2		1		11
число душ, проживавших в них	муж.	4		12				3		2		21
	жен.	7		14				4		2		27
ИТОГО												
число домов		19	23	138	75	3	более 29	более 82	13	1	125	
число душ, проживавших в них (по социальн. слоям и религиоз.группам)	муж.	34	37	323	185	5	75	372	68	2	197	
	жен.	40	50	395	189	3	94	381	68	2	180	

Л. А. Овчинцева, к.э.н., Всероссийский институт аграрных проблем РАСХН
Т. А. Свиридова, к.и.н., Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского

Крестьянские сельскохозяйственные общества Калужской губернии в начале XX века*

Продолжающаяся уже более десяти лет «трансформация» экономики в России обострила социальную дифференциацию и отодвинула значительные массы населения за черту бедности. В такую категорию попало и подавляющее большинство сельского населения.Как показывают новейшие исследования, [1] особенности существования крестьянина как хозяйствующего субъекта состоят в том, что он находится в поле одновременного действия по меньшей мере трех экономических укладов: официально «отмененной», но отнюдь не утратившей своей актуальности планово-административной системы, продекларированной, проявляющейся лишь отчасти и отдельными сегментами, рыночной капиталистической системы и долго, но безуспешно истреблявшейся патриархальной крестьянской системы.

В условиях переходного времени актуально осмысление институциональных условий, способствующих адаптации населения к развитию рыночных отношений, а также снижающих социальные издержки трансформации. Последовательное использование принципа сельскохозяйственной кооперации может сыграть свою роль в преодолении нынешнего аграрного кризиса в период, когда в стадии завершения находится разработка новых законодательных основ землевладения и землепользования, еще создаются механизмы реализации законов о собственности, земле, аренде.

Происходящие сегодня в сельском хозяйстве России процессы сходны отчасти с тем, что наблюдалось в начале XX века. Несомненный интерес вызывает отечественный исторический опыт, связанный с институтами, занимавшими про-

* Исследования проведены при финансовой поддержке РГНФ и администрации Калужской области (проект № 01-01-59005а/Ц)

межуточное положение между государством и населением. К ним относятся крестьянские сельскохозяйственные общества «малого района действия», получившие распространение в России на рубеже XIX и XX вв. Не будучи в строгом смысле кооперативами (общества были в административном подчинении и не являлись полностью самостоятельными в финансовом отношении), они тем не менее на основании своих уставов выполняли ряд кооперативных функций. В уставах обществ о цели деятельности сообщалось «...объединение крестьян на почве общих интересов по улучшению своего материального положения. Деятельность сельскохозяйственная, торговая, производственная»[2]

Динамика роста с. х. обществ по всей России (137 - в 1900, 1666 - в 1910,3962 - в 1913, 5000 - в 1915, 6000 - в 1918) [3] говорила о жизнестойкости и привлекательности для крестьян этой формы кооперации. Не случайно деятельности местных сельхозобществ была посвящена работа 3 секции I кооперативного съезда (Москва, 16-21 апр.1908),а также Первого Калужского кооперативного съезда в 1914 г., на открытии которого выразительную речь о значении кооперации для народной жизни произнес кн. Е.Н. Трубецкой.[4]

В современной исследовательской литературе тип крестьянского сельскохозяйственного общества не получил широкого освещения, о нем имеются разрозненные сведения, в связи с чем представляется важным изучение этой формы крестьянских объединений, бытовавшей в губерниях Центральной России. В Калужской губернии к 1912 г. их насчитывалось 72. Первое открылось в 1904 г. в Жиздринском уезде, где будет создана впоследствии треть всех с. х. обществ губернии. Заметное распространение они также получат в Калужском, Козельском, Мещовском, Боровском уездах.

В рассмотрении местных с. х. обществ Калужской губернии мы остановимся на характеристике социального состава кооперативных объединений и их финансовой деятельности (анализ бюджетов).

На основании материалов анкетирования, проведенного в 1911 г. по всей губернии Калужским губернским земством можно заключить, что с. х. общества объединяли представителей разных сословий. При средней численности обществ в 70 чел. (диапазон

разброса был от 14 до 329 чел.) крестьяне составляли 66%, духовенство - 14,7%, землевладельцы - 4%, учителя - 4%, лица прочих профессий - врачи, земские начальники, волостные писари, лесничие, управляющие имениями -11,3% [5]. Показателен пример наиболее передового в «агрокооперативном» развитии Жиздринского уезда:

Т а б л. 1. Социальный состав с. х. обществ Жиздринского уезда (количество/процент)

Наименование с.х.об-ва	Крестьяне	Дворяне	Духовенство	Мещане	др.сосл.	всего 100%
Кленовское	65/61	3/2	4/4	22/21	13/12	107
Маклаковское	37/93	1/2	–	–	2/5	40
Ветмицкое	68/38	31/17	8/5	22/12	50/28	179
Домановское	31/91	–	–	–	3/9	34
Брынское	71/95	2/3	1/1	1/1	–	75
Братчинское	71/95	2/3	1/1	1/1	–	75
Итого:	343/67	30/8	46/9	46/9	68/13	510

(составлено по материалам «Листка Жиздринского сельскохозяйственного общества»)

Характерно, что в кредитной кооперации состав участников был более однороден - около 96-98 % составляли крестьяне. Сельскохозяйственные общества ориентировались на культурно-просветительную деятельность , не давали прямой выгоды, как ссудо-сберегательные, кредитные кооперативы, возможно, поэтому доля крестьян в них ниже. Заметно, что они притягивали к себе местную интеллигенцию. Образованные представители дворянства, духовенства, интеллигенты-разночинцы составляли ядро, вокруг которого объединялись инициативные крестьяне - члены кооперативов. Интеллигенты и духовенство шли в кооперацию, движимые мотивом общественного служения - жалованья председатели кооперативов не получали. Оплачивались только услуги технического персонала (секретарей, рабочих на пунктах проката техники и пр.)

Приведем также данные по Калужскому уезду:

Т а б л. 2. Социальный состав с. х . обществ Калужского уезда (кол-во/процент)

Наименование с.х.об-ва	Крестьяне	Дворяне	Духовенство	Учителя	другие	всего 100%
По анкетным данным 10 с.х. обществ	337/85	20/5	11/3	12/3	16/4	396
Председатели	4/40	1/10	2/20	1/10	2/20	10
Секретари	6/60	–	–	4/40	–	10

(источник: Доклады, обзор и отчеты по экономической деятельности Калужского уездного земства за 1913 г. Калуга,1914)

Первые малорайонные с. х. общества в отдельных уездах Калужской губернии возникали, как правило, благодаря энергии их основателей. В Жиздринском уезде большая роль в этом принадлежала инженеру Г.П. Островершенко и лесничему К.А. Белдовскому (см. наши статьи о них в «Калужской энциклопедии», Калуга. 2000), а также агроному Г.И. Ларионову. В Калужском уезде -»ученым сельским хозяевам» агрономам Ф.П. Саенко и В.В. Михайлову. В Козельском уезде земский агроном Ф.Ф. Василевский «уговорил крестьян ходатайствовать об открытии в с. Уколицы с. х. общества и при нем склада с. х. орудий и машин».

Регулярное субсидирование с. х. обществ уездными земствами (от 100 до 300 руб. ежегодно), затем целевое финансирование со стороны губернского земства и департамента земледелия позволяли объединениям крестьян проводить систематическую деятельность по организации прокатных пунктов техники, выполнять посреднические операции, функции товариществ по совместному пользованию машинами и отдельные функции потребительной кооперации.

Более детальное представление о состоянии финансов с. х. обществ дает изучение их отчетов, из которых видно, какие источники формировали бюджеты обществ, на что расходовались средства. Так, в доходной части бюджетов большое место занимали пособия уездного и губернского земства и департамента земледелия (до 60 %). Использовались также кредиты, так как налаженная хозяйственная деятельность позволяла гарантировать их возврат. Членские взносы в бюджетах играли незначительную

роль. Их размер колебался от 50 коп. до 3 руб. Наиболее распространенным был взнос в 50 коп. или 1 руб. Интересно проследить динамику расходных и доходных статей бюджетов на примере конкретных с. х. обществ отдельного (Жиздринского) уезда.

Т а б л. 3. Доходы и расходы местных с. х. обществ (составлено на основе выписок из отчетов обществ, помещенных в «Листке Жиздринского с. х. Общества», в руб.)

Статьи отчета	Огорское с. х. об-во 1911 г.	Будское с. х. об-во 1911 г.	Бояновичское с. х. об-во 1912 г.	Ветмицкое с. х. об-во 1913 г.	Брынское с. х. об-во 1913 г.
ПРИХОД					
Всего	1170,05	973,20	1322	6500,38	5504,91
В том числе вступит. и членские взносы:	31	49,50	–	136	105
От хоз. деят-ти	109,01	121,02	255,52	1024,98	7,50
От посреднической деят-ти	475,72	–	302,85	2080,14	4023,39
Пособия:					
Жиздринского уездн. земства	385	200	300	400	425
Калужского губ. земства	65	100	100	175	425
Министерства земледелия	45	280	75	604	–
Заем у др. кооперативов	–	–	–	807	–
Кредит земской кассы мелкого кредита	–	–	–	–	478,25
РАСХОД					
Всего	929,82	480,21	1293,64	6163,38	5464,43
В т. ч. текущие расходы	6,30	9,27	39,53	129,40	31
На хоз. деят-ть	374,30	428,30	572,39	1522,85	788,40
На посредническую деят-ть (склад)	481,32	–	252,51	1905,20	4069,84
На устройство с. х. выставки	–	–	396,21	263,94	–
На внешкольное образование	–	–	–	163,89	–
Возврат долга кассе мелкого кредита	–	–	–	–	500

В расходной части бюджетов основную долю составляли расходы, связанные с деятельностью с. х. складов, средства шли и на оборудование молочных, прокатных пунктов. По свидетельству современников, во многих селениях плуги и железные бороны стали распространяться только со времени открытия с. х. обществ [6]

Что могло дать крестьянам с. х. общество, видно, к примеру, из истории первого в губернии Хотьковского общества сельского хозяйства. Еще в 1905 г. оно организовало прокатный пункт, в этом же году, при неурожае трав, заблаговременно купило 6 тыс. пудов сена и раздало его крестьянам в долг с рассрочкой. На первом этапе деятельности общество занималось, главным образом, улучшением обработки почвы, затем обратили внимание на птицеводство и животноводство. Усилиями общества через пять лет у многих его членов имелся скот улучшенных пород. Была организована кооперативная переработка конопли. Действовал молочный пункт по переработке молока в масло, которое не продавалось, а употреблялось в пищу самими крестьянами. По инициативе общества в районе его действия были открыты потребительное общество, кредитное товарищество. Были устроены почта, ткацкая мастерская, библиотека. Членам общества оказывалась юридическая помощь. [7]

Не все общества вели свою деятельность столь успешно. Сусейское с. х. общество, где был безразличный к делу председатель, числилось только на бумаге. Выборы нового председателя, впрочем, оживили работу общества. Нередко крестьяне выбывали из общества из-за неуплаты членских обществ. Средняя численность с. х. обществ Жиздринского уезда в 1914 г. была около 100 чел., в ссудо-сберегательных и кредитных товариществ около 600, так как на первых порах с. х. общества не давали такой очевидной выгоды, как формы кредитной кооперации. Но было бы несправедливо недооценивать роль местных с. х. обществ. Пропагандируя прогрессивные методы ведения сельского хозяйства, проводя в широком смысле слова просветительную деятельность, они давали крестьянам представление о кооперативе вообще. По их инициативе возникали потребительные, молочные, кредитные кооперативы. Вот почему так высоко оценил их роль видный исследователь кооперативного движения в России С.Н. Прокопович, назвавший сельскохозяйственные общества «крестьянскими академиями». [8]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Труд и занятость в России. Статистический сборник. М.,1999; Аграрная реформа: экономика и право, 1999, №4

2. Устав трудового сельскохозяйственного общества. М.,1907

3. Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России. Изд.2-е. Отв.ред. И.Н. Буздалов. Минск-М.,1997. С.58

4. В помощь земледельцу, 1914, №13. С.5

5. Результаты анкетирования, проведенного в 1911 г., опубликованы: Журналы 47 Калужского губернского земского собрания. Калуга,1912. С.552-553.

6. Там же. С. 553

7. Листок Жиздринского с. х. общества. №10,15 янв.1911 г. С.3.

8. *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М.,1913. С.123.

О. Ю. Афанасьева, Н. Н. Никитина, *Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского*

«Калужские помещики» на страницах центральных и местных газет в 1924–1929 гг.

В ходе проводившегося в 1924-29 годах выселения из имений бывших помещиков значительную роль играла периодическая печать. Газеты подробно освещали проведение выселения, как на центральном, так и на местном (губернском и уездном) уровнях. В ряде статей сообщалось о судьбах выселенных бывших калужских помещиков.

Авторами статей и заметок обычно были селькоры, сообщавшие о неправильном (с их точки зрения) оставлении на месте бывших владельцев усадеб. Селькоры неоднократно обращались со своей информацией в местные и центральные газеты и в ряде случаев добивались положительного результата, т.е. вынесения решения о выселении повторно. Примером подобной успешной борьбы селькора за справедливое решение может служить дело о выселении бывших помещиков братьев Николая, Александра и Михаила Четвериковых (с. Иклинское Балабановской волости Малоярославецкого уезда Калужской губернии). Еще в 1924 г. в Калужской губернской газете «Коммуна» появились две статьи в рубрике «Допустимо ли это?», автором которой был

селькор В. Гаврилов («К нам прижился помещик», 30 мая 1924 г. и «Пауки и мухи», 17 июля 1924 г.). В них рассказывалось об эксплуататорской деятельности братьев Четвериковых.

После их публикации появилась статья в газете «Правда» под названием «Ожившие тени», где были изложены основные факты их двух вышеуказанных статей. В ней указывалось, что бывший помещик Николай Четвериков, приспосабливаясь к новым условиям, «пролез» в лесные объездчики, выдав сестру замуж за технического секретаря волисполкома. Две другие его сестры устроились на службу в ВИК, что позволило Четверикову войти в дружеские отношения с председателем ВИКа.

В результате Четвериков получил более 18 дес. Земли, при этом в окладном листе числилось всего 8 десятин. Далее в статье указывалось, что в апреле 1924 г. крестьяне подали ходатайство в УЗУ о предоставлении в общественное пользование парка при бывшем имении Четверикова, но УЗУ ответило, что парк принадлежит Четверикову и не может быть передан гражданам. Бывшему владельцу лесничество разрешило пилить деревья в парке.[1]

На основании изложенного в заметке Губземуправление поручило инспектору Лесотдела Мешкову произвести расследование обстоятельств дела совместно с представителем Малоярославецкого уездного комитета РКП (он же – помощник прокурора по Малоярославецкому уезду) Денисовым. В акте обследования от 30 августа 1924 г. было указано, что «Четвериковы пользуются 28 десятинами земли, из коих под усадьбой и парком 5 дес., пашней 17 дес., суходольного луга 6 дес. Участок выделен в землеустроительном порядке, но окончательно не оформлен ввиду спора с гражданами Парк (состоит из ели, берез и лип в возрасте по 200 лет) требует немедленной очистки».[2]

В тот же день состоялось собрание граждан села Иклинское с участием проверяющих. Оба они, как явствует из протокола общего собрания, выступили на собрании, предварительно прочитав газетные заметки:

«Тов. Денисов хорошо обрисовал картину настоящего помещика и бывшего помещика и сказал, что таких помещиков - волка в овечьей шкуре – как Четвериков, терпеть нельзя.

Тов. Мешков добавил: как волка ни корми, он все в лес смотрит, и опять напомнил сказать гражданам чистый взгляд на форму положения вещей обсуждаемого вопроса.

Тов. Денисовым сказано по имеющемуся материалу о хозяйстве Четверикова, что хозяйство его – приспосабливание и имеет шкурный вопрос. Им был задан вопрос: «Как считаете граждане Четверикова?», ответ с мест – «как помещика».

После обмена мыслей по докладам была предложена резолюция, которая была зачитана два раза и глубоко продумана присутствующими гражданами».[3]

В июле 1924 г. один из жителей с. Иклинское Н.И. Макаров прислал в редакцию Калужской газеты «Коммуна» письмо под названием «К делу селькора т. Гаврилова» (копию которого он послал губернскому прокурору), где говорилось: «Местная власть не идет навстречу крестьянам, а становится на стороне бывшего помещика Четверикова. Прав и Гаврилов, селькор газеты «Коммуна» как все это вынес на страницы газеты «Коммуна». На ликвидацию этого гнойника должен вмешаться не уезд, а другой более сильный и авторитетный в глазах – это прокуратура, которая только одна сумеет разрядить атмосферу и ликвидировать это нездоровое явление».[4]

Осенью 1925 г. Калужским ГЗУ было вынесено постановление о выселении Четвериковых из имения и местная власть приступила к отобранию у них имущества, в результате чего у них были изъяты все (три) лошади, 19 овец, часть инвентаря. Четвериковы жаловались во ВЦИК, в результате рассмотрения их заявления о том, что они «очутились в ужасном положении – без хлеба для семьи и без корма для скота». Президиум ВЦИК 12 июля 1926г. вынес постановление об оставлении Четвериковых на месте, при этом они должны были получить обратно и отобранное у них имущество.

Уже в конце июля 1926 г. автор ранее опубликованных заметок В. Гаврилов посылает письмо в «Крестьянскую газету» под заглавием «Сказание про помещикову премудрость и крестьянскую трудность». В нем он пишет о том, что Четвериковы ходили по окрестным селам, пытались разжалобить крестьян и собрали подписи крестьян в их защиту для протокола собрания сельского общества: «Утопающий за соломинку хватается, так как выплыть старается, ну вот вспомнил он, что есть коммунист знаком, он к нему подсоби горю моему, а потом к советскому адвокату и говорит: «Друг, вот тебе даю я плату, только говори ты везде за меня. Чтобы я остался в старом гнезде, ведь меня высы-

лают, и все от меня отбирают, вот тебе крупную монету, чтобы я остался к лету».[5]

Селькор пишет, что бывший помещик Четвериков собирается в случае необходимости обращаться и к председателю ВЦИК М.И. Калинину. Гаврилов обращается к М.И. Калинину: «И Вы «Калиныч», в центре не будете тверды, если помещики будут подписи и голоса крестьян втихомолку отбирать, а потом уже и Вас начнут свергать».[6]

Можно предположить, что редактор «Крестьянской газеты» не решился опубликовать подобные вольные высказывания в адрес советских адвокатов и М.И. Калинина. Но письмо оказалось в отделе Наркомзема, начата была проверка фактов и в результате ее Президиум Калужского ГИКа 11 января 1928 г. вынес постановление о повторном обращении в Секретариат ВЦИК с просьбой об отмене принятого ранее решения об оставлении Четвериковых на месте и возвращении отобранного у них имущества.

Фамилия Четвериковых мы встречаем статье Михаила Маккавеева «Калужские помещики» («Правда», 12 сентября 1928 г.) среди бывших помещиков, оставшихся проживать в губернии. Но уже в октябре 1928 г. в ответе Калужского ГЗУ на статью Маккавеева, присланную в Наркомзем РСФСР, Четвериков значится среди выселенных.[7]

В статье Маккавеева также указывалось, что в Калужской губернии осталось большое количество бывших помещиков: «сотни их проживают под видом трудовых землепользователей», по утверждению автора, владея большим количеством земли. Устраиваясь на работу в низовой аппарат. Автор считает, что это произошло в результате безобразнейшей волокиты, которую земельные органы губернии создавали почти вокруг каждого выселения.[8]

Как сказано в статье, неоднократно рассматривались дела ряда помещиков о выселении (Китаевский, Жуковский, братья Ефремовы), и каждый раз выносились разные решения: то выселить, то оставить. Так, в июле 1926 г. Губземкомиссия по выселению бывших помещиков отменила постановление уездной комиссии от 18 октября 1925 г. о выселении братьев Ефремовых и решила оставить их на месте, «принимая во внимание незначительность размеров землевладения до революции и приобретение его через поземельный банк».[9]

По мнению Маккавеева, «эти волокита вполне обеспечила

благополучие бывших мелких помещиков. В результате часть крестьян начинала роптать на Советскую власть, которая до сих пор не может выселить из своих гнезд этих эксплуататоров».[10]

В статье подчеркивалось, что многие бывшие помещики пролезли в низовой советский аппарат (на должности председателей сельских Советов, членов волземкомиссий и т.д.), а калужские организации не противодействовали этому. В качестве примера приведена фигура бывшего помещика А.П. Петрова. Он состоял на службе в Гублесотделе (завучлесхозом в Ферзиковской волости Калужского уезда), при этом имел 2 больших дома, 15 дес. Земли, использовал в хозяйстве наемный труд, пользуясь служебным положением, эксплуатировал для пастьбы скота лесную площадь Госфонда.

Местные власти незамедлительно приняли меры после публикации данной статьи.

Была проведена чистка волостных земельных комиссий: из их состава исключены лица некрестьянского происхождения. В ответе на статью в Наркомзем РСФСР в октябре 1928 г. руководство Калужского ГЗУ признало факты волокиты, имевшие место при выселении бывших помещиков в губернии. В качестве причины ее называлось большое количество жалоб от помещиков (более 500), поданных в разные инстанции, вследствие чего дела приходилось рассматривать по многу раз. В ответе были даны конкретные разъяснения по поводу каждого из помещиков, ряд из них уже выселены. Сообщалось в ответе и о принятых мерах по чистке низового аппарата: Зотов И.Н., Зотова М.Н., Евтюхов и Свидерский работавшие в Веинском лесхозе, сняты с работы.[11]

Изложенная в статьях информация о бывших помещиках позволяет говорить о значительной активности печати в антипомещичьей кампании 1924-29 годов. Печатное слово оказывало существенное (часто решающее) влияние на судьбы бывших помещиков, помогая партийно-советскому аппарату лишать их имений, имущества и избирательных прав.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Коммуна, 30 мая 1924 г., Коммуна, 10 августа 1924 г., Правда, 17 июля 1924 г.

[2] ГАРФ. Ф.1235. Оп.71. Д.495. Л.160.

[3] Там же. Л.39.

[4] Там же. Л.48-49.
[5] Там же. Л.48об.
[6] Там же.
[7] ГАКО. Ф.Р-162. Оп.1.Д.375. Л.539.
[8] *Маккавеев М.* Калужские помещики // «Правда», 12 сентября 1928 г.
[9] ГАКО. Ф.Р-162. Оп.3. Д.6. Л.84.
[10] Правда, 12 сентября 1928г.
[11] ГАКО. Ф. Р-162. Оп.1 Д.375. Л.539-540.

***Г. И. Королев**, д.и.н., Российский Государственный Гуманитарный университет*

Документы ЦГАМО о Калужской земле в 1941–1944 гг.

В Центральном государственном архиве Московской области хранятся документы, относящиеся к Боровскому, Высокиничскому, Малоярославецкому и Угодско-Заводскому районам периода Великой Отечественной войны. В 1941–1944 гг. эти районы находились в составе Московской области. Мною были просмотрены документы Исполкома Мособлсовета, учтённые описями №№ 1 и 8, охватывающими постановления и распоряжения соответственно несекретного и быв. секретного делопроизводства.[1] Каждое архивное «дело» состоит из «дел» по тем или иным вопросам. Документы сохранились преимущественно в подлинниках, нередко и с копиями. Ко многим постановлениям имеются подготовительные материалы.

Тексты собственно постановлений касаются области в целом, но в них встречаются и конкретные сведения по отдельным районам и городам. Однако основная масса сведений по калужским районам содержится в приложениях, сопровождающих значительную часть постановлений. Например, 24 июля 1941 г. было решено о закупке семян клевера, тимофеевки и вики в колхозах и сдаче совхозами. В трёх приложениях показано распределение заданий по районам по каждой культуре с указанием заготовителей. Имеются соответствующие строки, касающиеся калужских районов.[2] Конкретные сведения в «районных» строках приложений являются, пожалуй, основной формой подачи информации о районах. Среди подготовительных материалов встречаются документы, присланные с мест. Так, среди документов по нерешённому вопросу о передаче Боровской школе механизации сельского хозяйства участка под подсобное хозяйство /с пометой 29 июля 1941 г./ имеется выписка из решения райисполкома от 14 ноября 1940 г.[3]

Документы первых месяцев войны отражают продолжение ранее начатой повседневной работы – апробации зерновых культур, заготовка продуктов, назначение пособий многодетным матерям и др.

Война определённо сказалась на принятии постановлений о сокращении расходов и об увеличении районных отчислений в областной бюджет от 8 и 15 июля 1941 г.[4] В середине октября 1941 г. сведения о калужских районах обрываются. Исключение составляет постановление от 29 декабря, утвердившее план расхода муки на январь 1942 г.[5]

13 января 1942 г. в Облсовете состоялось совещание председателей советов районов, освобождённых от немецких оккупантов.[6] В стенограмме совещания зафиксированы данные об ущербе, нанесённом этим районам оккупацией, о партизанском движении, в том числе в Боровском и Угодско-Заводском районах, и мерах по восстановлению районов. Тот же круг вопросов обсуждался на январской сессии Совета.[7] В этих документах имеются отдельные сведения о помощи неоккупировавшихся районов Московской области освобождённым районам /например, Мытищинского района Угодско-Заводскому/.

Регулярные сведения об освобождённых районах Калужской земли появляются с марта 1942 г. Часть материалов связана с регулированием бытия в прифронтовой полосе, как например, в постановлении об особом режиме в этой полосе от 31 марта, касающееся и четырёх калужских районов /порядок проживания неместных людей, выезд и т.п./.[8] В постановлении от 26 марта «О приведении в проезжее состояние дорог области, связанных с военными перевозками» упоминается несколько путей на территории калужских районов. По каждой дороге даны сведения о длине и типе и о требующихся работах и материалах.[9] Другие документы касаются состояния и мер по медицинскому обслуживанию детей /26 марта/[10], распределения соцбытовых расходов по районам на 1942 г.[11] и других вопросов.

В более поздних документах решаются вопросы восстановления различных объектов, мобилизации трудоспособного населения на различные работы на железной дороге, торфоразработках и т.п., призыва в школы ФЗО, заготовок продовольственных продуктов, списания недоимок с колхозов и многих иных хозяйственных и социально-бытовых дел. По документам видно, что в первое время по освобождении население пострадавших от оккупации районов не несло некоторых обязанностей, выполнявшихся другими районами.

Наибольшее значение как источник имеют постановления с приложениями к ним. Распоряжения Мособлисполкома, составляющие отдельные дела, не столь многочисленны и касаются мелких вопросов. Однако и в них имеется информация по теме. Например, документы о командировках жителей Боровского района по возврату скота из Ивановской области показывают места, куда скот эвакуировался. Сведений же о самой эвакуации в просмотренных материалах не обнаружено.

Кроме документов Исполкома была изучена небольшая часть материалов Московской областной плановой комиссии.[12] В её «основных показателях» и «заключительных отчётах» содержатся подробные данные по различным направлениям хозяйственной деятельности. Так, разнообразные показатели характеризуют состояние сельского хозяйства /площади под посевами, урожайность, возделываемые культуры и площади под ними, животноводство, состояние машинно-тракторного парка /и т.д. в каждом из четырёх калужских районов.

Рассмотренные выше материалы ЦГАМО составляют часть того, что следовало бы изучить по фондам того же хранилища. Возникает вопрос о ценности представленных документов как источников по истории калужских районов. Наиболее полно ценность этих документов может быть установлена в сопоставлении с тем, что хранят калужские фонды, а также фонды бывшего партархива Московской области, поскольку рассмотренные документы в большой мере носят характер заданий, то было бы небесполезным, конечно, изучение тех источников, которые говорят об их выполнении.

В случае весьма желательного специального издания документов о Калужской области в годы Великой Отечественной войны материалы ЦГАМО могут быть использованы как тексты

/скорее всего в извлечении/. По документам архива можно составить таблицы и подготовить примечания.

1. ЦГАМО. Ф. 2157.
2. Оп. 1. Д. 2216.
3. Там же. Д. 481.
4. Оп. 1. Д. 2212.
5. Оп. 1. Д. 2226. Л. 423 - 424.
6. Од. 1. Д. 2325.
7. Оп. 1. Д. 2259.
8. Оп. 8. Д. 9.
9. Там же. Л. 63 - 64.
10. Оп. 1. Д. 2272.
11. Там же.
12. Ф. 2287. Оп. 4. Д. 141, 142. 143.

***М. А. Добычина**, Государственный архив Калужской области*
***Ю. Н. Шиленков**, ООО «Реставратор-1»*

Еврейское гетто в Калуге (по документам Государственного архива Калужской области)

Более 55-ти лет отделяют нас от 9 мая 1945 года, но тема Великой Отечественной войны продолжает эхом отзываться в сердцах людей. Изучение войны 1941-1945 гг. до сих пор остается одним из ведущих направлений в отечественной исторической науке. Однако на многие вопросы, вплоть до конца 80-х годов, было наложено табу, и только в последнее десятилетие наметилась устойчивая тенденция к исследованию наименее изученных сторон войны.

Одним из них стал вопрос дискриминации евреев, вылившийся у фашистов в форму массового уничтожения и истребления еврейского населения. Яростную антисемитскую компанию гитлеровцы начали проводить с момента выхода нацистской партии на политическую арену. 28 марта 1933 года фашистское руководство издало распоряжение о проведении в масштабе всей страны крупной антисемитской акции, которую предлагалось выдать за «оборонительное мероприятие в целях защиты интере-

сов немецкого труда»[1]. Для руководства всей антисемитской деятельностью в стране был образован специальный орган - комитет обороны. Принятый гитлеровцами закон о профессиональном чиновничестве официально запретил лицам еврейской национальности занимать какие-либо государственные должности.

Новый этап разгула антисемитизма начался осенью 1935 года, когда был принят закон «Об имперском гражданстве». В одном из его пунктов указывалось, что «... еврей не может быть имперским гражданином. Он не имеет права голоса в политических делах и не может занимать общественных должностей»[2]. Венцом расистского мракобесия стал закон «Об охране немецкой крови и немецкой чести», который запретил смешанные браки между немцами и евреями.

Развязав вторую мировую войну, фашисты распространили свою расовую политику и на захваченные территории, создавая на них спецпоселения для евреев - гетто.

На протяжении всего послевоенного периода тема существования еврейских гетто не была официально запрещена, но и затрагивать ее было не принято. Лишь в последние годы, с введением в научный оборот новых, ранее засекреченных документов, стала возможна разработка этого вопроса в истории Отечественной войны 1941-1945 гг.

Документы, хранящиеся в Государственном архиве Калужской области о еврейском населении в период оккупации, немногочисленны. Их можно условно разделить на две группы: непосредственно составленные на момент оккупации и созданные уже после ее окончания.

В последнее десятилетие тема еврейского гетто в Калуге нашла свое отражение на страницах сборника документов «Война глазами детей» и историко-краеведческого издания «Вестник «Доброй воли», в №№ 11-13 которого была помещена документальная публикация «Еврейское гетто в Калуге»[3]. В нее вошли все основные документы по истории существования гетто, находящиеся в Госархиве Калужской области, и рассмотрен спорный вопрос о его месте нахождения.

К большому сожалению, этот материал не был использован при подготовке «Калужской энциклопедии», что, видимо, и явилось причиной допущенных в «КЭ» неточностей.

Этот факт заставил еще раз обратиться к данной теме.

Оккупация г. Калуги началась 12 октября 1941 г[4]. Получилось так, что город к этому моменту практически был брошен советскими властями. Часть населения успела эвакуироваться, часть была вынуждена вернуться с полпути, остальные остались в городе.

Немецкими захватчиками была организована: комендатура, городское управление, земская управа, полицейское управление. Таким образом, Калуга не стала исключением в большом списке городов СССР, где фашисты методично претворяли в жизнь политику антисемитизма и расовой чистки.

Первый документ, касающийся еврейского населения, относится к концу октября 1941г. Это объявление Калужского городского управления о регистрации евреев[5]. В нем все еврейское население обязывалось зарегистрироваться в период с 1 по 10 ноября, нашить на пальто и костюмы отличительные знаки в виде пятиконечной звезды желтого цвета 8 см в диаметре.

Второй распорядительный документ вышел 8 ноября 1941г. Это приказ № 8, касающийся ограничения прав евреев[6]. Следуя этому приказу, жилищный отдел должен был выделить на окраине города несколько домов или один многоквартирный дом для размещения евреев. Еврейскому населению было запрещено выходить за город, появляться в городе в базарные дни, общаться с населением и с представителями германской армии. Также не разрешалось заниматься торговлей, вести прием больных, консультировать по юридическим и другим вопросам. Все евреи обязаны были организовать свой совет во главе со старостой.

Из переписи населения г.Калуги, проведенной городским управлением с 1 по 7 ноября видно, что в городе проживало 155 человек еврейской национальности.

Из них до 9 лет - 22 чел., от 10 до 19 лет - 20 чел., от 20 до 29 лет - 9 чел., от 30 до 39 лет - 29 чел, от 40 до 49 лет - 20 чел., от 50 до 59 лет - 22 чел., от 60 лет - 34 чел[7].

Нельзя сказать, что это - все оставшееся еврейское население в городе. Кому-то удалось эвакуироваться, кому-то скрыться, а кому-то избежать регистрации. Вопрос численности евреев гетто не простой, т.к. в документах приводятся различные сведения. В общем списке евреев в гетто их значится 150 человек, в итоговой записи к этому списку - 151. В сведениях о численности на 28 ноября 1941г. значится 154 челове-

ка, а в списках евреев гетто по возрастным категориям указываются следующие данные: трудоспособного мужского населения в возрасте до 60 лет - 18 человек; трудоспособного женского населения в возрасте до 50 лет - 50; нетрудоспособного мужского населения в возрасте свыше 60 лет - 16; нетрудоспособного женского населения в возрасте свыше 50 лет - 35; детей от 13 до 17 лет 37. Итого 146 человек[8].

Исходя из вышеназванных документов, можно сказать, что самые правдивые сведения заключены в списках евреев по возрастным категориям, т.е. 146 человек, к ним еще надо прибавить троих, доставленных в гетто позже.

Судя по воспоминаниям, старосту еврейского поселка выбрали сами евреи на общем собрании. Им стал Марк Исаевич Френкель. Почему именно выбор пал на него сказать трудно. Вот как об этом говориться в воспоминаниях: ***«Однажды в гетто приехал начальник полиции, созвал всех евреев и сказал: «Выбирайте из своего жидовского кагала жидовского старосту». Евреи выкрикнули фамилию Френкеля М.И. Начальник полиции заявил Френкелю, что он должен на следующий день представить списки всех жидов и жидинят...»***[9]

Разместили гетто в Кооперативном поселке на окраине города. Можно предположить, что поселок не возник на чистом месте, а был создан «на базе» Казанского девичьего монастыря, с размещением в существующих монастырских кельях. Подобное использование церковных построек довольно часто практиковалось Советской властью, имея под собой как идеологическую, так и сугубо хозяйственную целесообразность. Известно, что к 1926 г. официально существовала улица Кооперативный поселок, на которой значилось к 1941 г. не менее 39 домов. Кооперативный поселок для устройства в нем гетто был выбран неслучайно; все его дома принадлежали местному Совету, а в период немецкой оккупации соответственно перешли в распоряжение городского управления. Это позволяло оккупационным властям безболезненно отселить проживавших в поселке людей в другие места, а освободившиеся дома заселить евреями.

С середины ноября началось переселение евреев в Кооперативный поселок.

«13 ноября начались массовые обыски у евреев, причем полицейские, являвшиеся в квартиры евреев, не предъявляли никаких ордеров, без понятых... Брали все носильные вещи, деньги, гитары, патефоны и др. На следующий день на окраине города, на берегу реки, в Кооперативном поселке отвели несколько домов, куда начали переселять всех евреев, создав для них гетто... Переселение продолжалось 7-8 дней, т.к. в тот же период необходимо было переселить жителей из поселка в город, чтобы очистить квартиры для евреев»[10].

Евреи были расселены в домах Кооперативного поселка; территория созданного гетто была обнесена забором и колючей проволокой и охранялась местной полицией.

«Когда нас всех переселили, нас заставили огородить свой поселок высоким забором. Сделали калиточку, и на заборе немцы повесили табличку «гетто», т.е. запретная зона. У калитки поставили двух полицейских, а внутри гетто трех жандармов»[11].

Таким образом, создание еврейского гетто в Калуге заняло у новой власти около трех недель и закончилось к середине 20-х чисел ноября 1941 г..

Согласно документам евреи были расселены в 15 домах Кооперативного поселка с №№ 24-27, 29-39[12]. По всей видимости, это было вызвано только объективными причинами: расселение евреев производилось по тем домам, которые находились рядом друг с другом и занимали компактную территорию. Подобное размещение упрощало фашистам задачу ограждения и, самое главное, последующей охраны территории гетто.

«А нас... согнали всех в гетто, которое находилось на этом месте, где сейчас архив. Немного спустившись вниз под горку, были расположены квартиры, в которые нас вселили...»[13].

«...Вверху, на горке, установлен был немецкий пост, следивший за передвижениями евреев»[14].

Подобное, близкое друг к другу расположение пятнадцати домов, да еще находившихся в зоне обстрела с немецкого поста (у нынешней школы № 9), могло иметь место при условии размещения гетто в юго-восточной части квартала - в месте стыка улиц Красная Гора и Детей Коммунаров, где был относительно ровный рельеф местности, и участок хорошо мог простреливаться сверху, не загораживаясь зданием храма.

К 28 ноября 1941г. были составлены списки евреев. Ежедневно, согласно этим спискам, устраивались утренние и вечерние переклички узников гетто. Каждый день заключенные выходили

на работы: чистку улиц, уборных, сбор трупов людей и животных и т.д. Выход в город строго регламентировался временем, причем снимать желтые нашивки не разрешалось. Голод вынуждал людей идти на хитрость, пробираться в город обходными путями и добывать еду. Здесь нельзя не сказать о русских детях и взрослых, которые, рискуя своей жизнью, пробирались за колючую проволоку, приносили кое-какие теплые вещи и старались морально поддержать своих товарищей.

Регулярно в гетто устраивались обыски, после которых жители поселка недосчитывались своих вещей.

Надо отметить, что массовых расстрелов в гетто не было. Были единичные случаи издевательств и побоев. Это объясняется непродолжительностью существования гетто в Калуге. По воспоминаниям были слухи о готовящемся массовом расстреле, но к счастью этого не произошло. Если период оккупации города составил 2,5 месяца (с 12.10.41 по 30.12.41), то время существования гетто ограничивается приблизительно месяцем (с середины 20-х чисел ноября по 21 декабря).

Самой трагической страницей Калужского еврейского гетто стали дни 21-22 декабря.

Появление на юго-восточной окраине города ударной группы 50-й армии для фашистов в какой-то степени было неожиданностью. Фашисты не ждали такого молниеносного «подарка» от Красной Армии в преддверии своего Рождества, хотя общее контрнаступление под Москвой заставило немецкое командование уже перебросить к Калуге дополнительные силы.

. ***«На рассвете 21 декабря подвижная группа начала бой за Калугу. Первыми на левый берег Оки переправились кавалеристы 111-го и 114-го полков 31-й кавалерийской дивизии. Они атаковали противника с юго-восточной стороны города, форсировав Оку по льду в районе электромеханического завода, 473-й стрелковый полк под командованием полковника М.П.Краснопивцева при поддержке танков ворвался в Калугу с юга.***

...Гитлеровцы стали отходить, но вскоре предприняли ожесточенные контратаки В тот же день они переправились на южный берег Оки и заняли Ромоданово, Пучково, Тинино.

Ворвавшиеся в город наши части оказались отрезанными от остальных войск группы и были вынуждены в течение нескольких суток вести тяжелые бои в окружении»[15].

Из воспоминаний узников ясной картины по уничтожению гетто фашистами представить трудно. Они довольно противоречивы и, подчас, не столько друг друга добавляют, сколько, наоборот, создают путаницу и множат неточности. И, тем не менее, приблизительная картина происшедшего такова:

« ...Немцы, чуя свою гибель, буквально озверели. 22 декабря в 10 ч. утра они пьяные ворвались к нам в гетто и стали стрелять в окна. Народ, кто в чем, схватив детей, выбежали из домов. Часть немцев открыла стрельбу по убегавшим, а другие немцы стали обливать выходы из домов горючей жидкостью и поджигать»[16].

«22 декабря началось отступление немцев из Калуги. И вот они стали жечь близлежащие к нам улицы: Салтыкова-Щедрина, а потом и наш поселок»[17].

«Пожар приближался к гетто... Наконец, 21 декабря загорелся последний дом в гетто, послышались выкрики немцев, евреи бросились, кто куда: кто в подвалы, кто в убежище, кто просто забился в своей квартире...»[18].

«22 декабря немцы пришли в поселок, облили дома бензином и подожгли. Мы уже задыхались в дыму и огне, когда выбежали из подвала, в котором находились 2 дня»[19].

«Но вот пришел тот радостный день, когда мы услыхали первые выстрелы наших орудий. На следующий день наш поселок был зажжен. Под обстрелом немецких бандитов мы бежали из своего поселка»[20].

«21 декабря 1941 г., при отступлении немцев, они без всякого предупреждения подожгли еврейский поселок. В огне сгорели остатки еврейского имущества, спасавшиеся от огня евреи, расстреливались»[21].

Как видно, указываются две даты поджога гетто: официальные документы называют 21 декабря, воспоминания - 22 декабря. Авторы данного исследования склоняются больше ко второй дате, исходя из того, что у фашистов в первые часы боев с Красной Армией не было возможности заниматься уничтожением гетто. За все последующие десять дней оккупационные власти не проявили к евреям присущего им «внимания»: на момент начала боев за Калугу территория гетто не охранялась, само население поселка на принудительные работы не выводилось, евреи, что покинули гетто, не разыскивались, и их новое местонахождение не устанавливалось.

Не исключено, что поджог Кооперативного поселка (а гетто занимало только его юго-восточную часть) являлся тактическим шагом немецкого командования. Огню уже были преданы улицы Салтыкова-Щедрина и Свердлова с одной лишь целью - не дать возможности ударной группе 50-й армии создать плацдарм в этой части города для последующего освобождения его от противника. Кстати, обращение фашистов с населением этих улиц было аналогичным.

«Во время немецких оккупантов я жил с папой, потом нас согнали в поселок... А после, когда подступала наша Красная Армия, моего папу убили немцы. И часа через два нам велели немцы выйти из дома. Кто быстро не выходил, того они убивали или прикладами били, по чему попадет. И когда нас выгнали из дома, то мы пошли к знакомым...»[22].

Из 154 евреев при уничтожении фашистами гетто оказались убитыми и сгорели 11 человек, шестеро из которых были людьми преклонного возраста или инвалидами[23]. Физического уничтожения в отношении всего населения гетто фашисты не предприняли.

И еще один документ, касающийся истории этого места, - прошение настоятельницы Казанского девичьего монастыря игуменьи Ангелины на имя Калужского губернатора от 1898 года, где в частности она писала: ***«...во всем монастыре нет ни одного дома каменного, все келии, начиная с настоятельской, деревянные. ...Келии в монастыре почти все принадлежат лично монахиням - людям очень бедным, и перестраивать келии, когда таковые обветшали на каменные, или строить новые каменные, они положительно не в силах, да и вообще для жизни монахинь, среди которых много старых, больных...- деревянные помещения гораздо удобнее и здоровее»***[24].

Возможно, это косвенно дает ответ на то, что собой представлял Кооперативный поселок и почему фашистам не стоило большого труда сжечь «материальные улики», рассказывающие о существовании еврейского гетто в Калуге.

Сопоставляя архивные документы, воспоминания бывших узников гетто и топографическую съемку города за 1945-1955 гг., с достаточной степенью достоверности можно утверждать, что местонахождение гетто - юго-восточная часть квартала, ограниченного сегодняшними улицами Кутузова, Монастырской, Красная Гора и Детей Коммунаров.

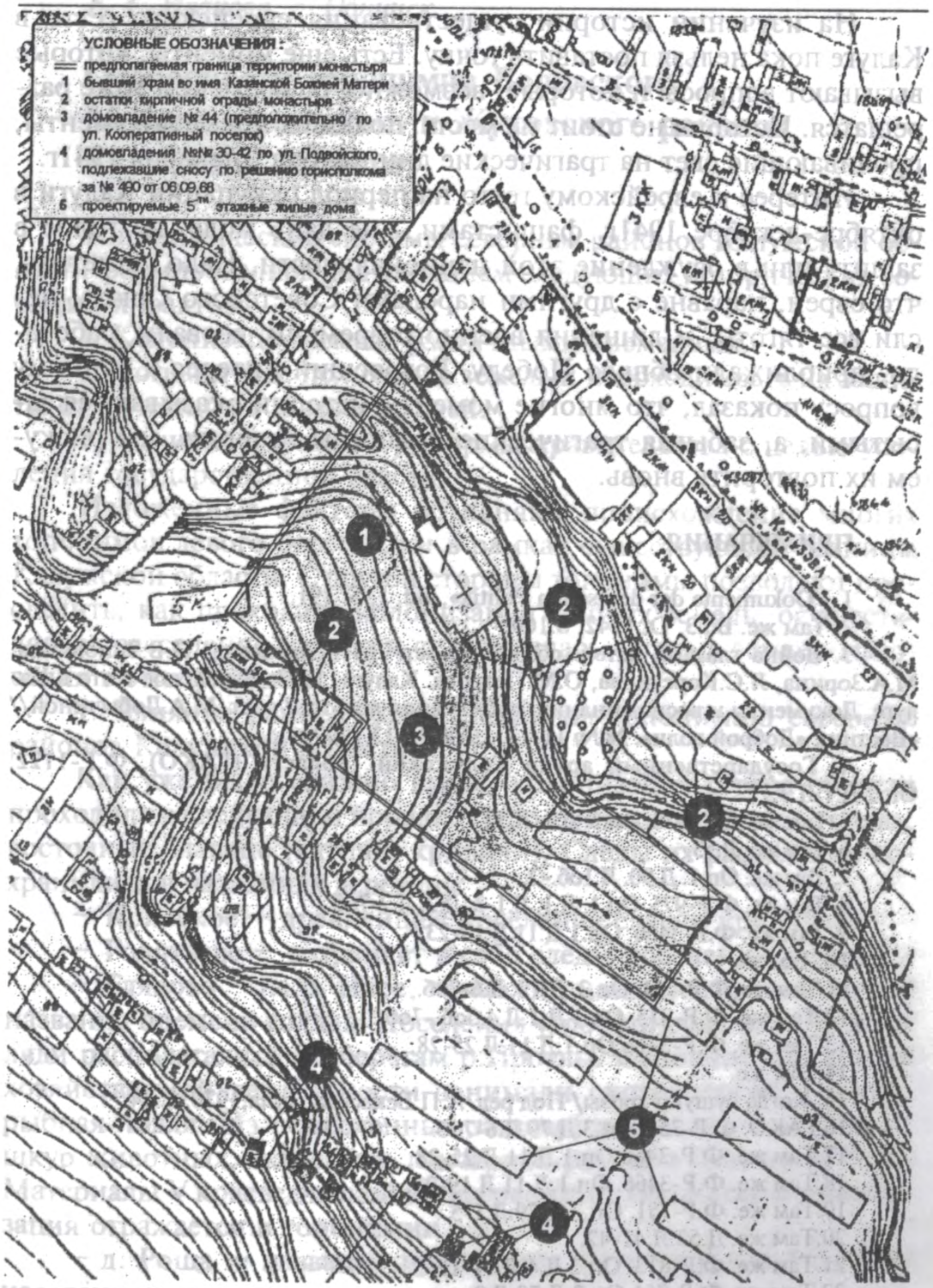


Рис. 1. *Топографическая съемка г. Калуги за 1945-55 гг. (с изменениями по состоянию на 1969 г.). Фрагмент. (ГАКО. Ф.Р-410. Оп.3. Д.1)*

На изучении истории существования еврейского гетто в Калуге пока нельзя поставить точку. Есть еще моменты, которые вызывают вопросы и которые, возможно, со временем тоже разрешатся. История не стоит на месте: появятся новые документы, проливающие свет на трагические дни ноября - декабря 1941г.

Интерес к еврейскому гетто на период оккупации Калуги в октябре-декабре 1941г. фашистами - не дань моде, не голос в защиту или в осуждение этой национальности. Надо заметить, что евреи, наравне с другими народами Советского Союза, несли все тяготы, и лишения военного времени: воевали, работали, приближали общую Победу. Возросший интерес к данному вопросу показал, что многие моменты истории оказываются забытыми, а, забывая трагические страницы истории, мы рискуем их повторить вновь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Dokumente der deutschen Politik», Bd. 1, S. 191.
2. Там же. Bd.3, D.,1942, S.160.
3. Война глазами детей: сб. док./ сост. Л.Г.Белковская, Н.В.Зиновкина, М.А.Зорина, Л.С.Корсунова, О.М.Петрова. Калуга, 1993; Еврейское гетто в Калуге. Документы и воспоминания: публикация док-тов/ сост. М.А.Добычиной// «Вестник «Доброй воли». №№ 11-12. 1998, № 13.1999 гг.
4. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.Р-1122. Оп.2.Д.1.Л.3,7.
5. Там же. Ф.Р-970. Оп.3. Д.1. Л.52.
6. Там же. Л.53.
7. Там же. Оп.1. Д.90. Л.1об.-2.
8. Там же. Ф.Р-975. Оп.1. Д.1. Л.1-3; Д.2. Л.2-7об.
9. Там же. Ф.Р-3466. Оп.1.Д.11.Л.19-23.
10. Там же.
11.Там же. Ф.Р-751. Оп.3. Д.79. Л.6-7об.
12.Там же. Ф.Р-975. Оп.1.Д.1.Л.4,5об.-7об.
13.Там же. Ф.Р-3466.Оп.1.Д.11.Л.25-28.
14.Там же.
15. Когда бушуют грозы/ Под ред. А.П.Бекасова. Тула,1970. С.44.
16.ГАКО. Ф.Р-751. Оп.3.Д.79.Л.6-7об.
17.Там же. Ф.Р-3466.Оп.1.Д.11.Л.25-28.
18.Там же. Ф.Р-3466. Оп.1.Д.11.Л.19-23.
19.Там же. Ф.Р-751. Оп.3.Д.79.Л.1-5.
20.Там же. Д.53.Л.41-42.
21.Там же. Ф.Р-813. Оп.3.Д.4.Л.11-12.
22.Там же. Ф.Р-751.Оп.3.Д.79.Л.8.
23.Там же. Ф.Р-813. Оп.3.Д.4.Л.11-12.
24.Там же. Ф.62. Оп.17.Д.2144.

Е. Г. Иванова, г. Обнинск

Особенности топонимии Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов Калужской области

Топонимические системы северных районов Калужской области формировались под влиянием следующих исторических событий и фактов:

1. Колонизация земель различными племенами.
2. Пограничное положение земель и необходимость их защиты от кочевников и завоевателей.
3. Административные реформы правительства с целью усиления государственной власти.

Изложенные факторы объясняют происхождение многих топонимов левого берега Оки в рамках существующей границы Калужской области. С другой стороны топонимы позволяют проследить, как проходила колонизация данных земель, осуществлялось расселение народа и складывалась система землепользования в этих районах.

1. Влияние ранней колонизации на топонимию северных районов Калужской области.

Как уже было сказано выше, колонизация севера области проходила в следующем порядке: угро-финские племена, голядь, восточные славяне (вятичи, кривичи). Следы их расселения сохранились в названиях деревень:

– Кривское – древнейшее поселение славян кривичей;
– Голятьево – сохраняет в себе следы поселений голяди;
– Глядово – на р. Наре, возможно название происходит от названия племени голядь. Поселения угро-финских племён и голяди располагались по берегам р.Протвы. Основное место в их хозяйственной деятельности занимали скотоводство и охота, рыбная ловля. Из ремесленных занятий развивается обработка шкур животных, ткачество, гончарное ремесло (Нестеров В. С. Материалы V краеведческой конференции). Подобная специализация отражается в топонимии.
– д. Роща – название происходит по месторасположению населённого пункта
– д.Трясь – название говорит о том, что деревня находится

в топком, труднопроходимом месте, очевидно раньше она могла быть временным пристанищем охотников.

– д. Глинищи – из названия видно, что место было богато глиной, использовавшейся для изготовления гончарных изделий.

– д. Бор – название происходит от географического положения деревни. Наиболее ранние топонимы, распространённые на территории Боровского и Жуковского районов свидетельствуют о том, что лес в жизни балтийских племён играл важную роль и обеспечивал их существование.

Племена славян вятичей переселяются в долину р. Протвы из-за Оки в X веке, стараясь избежать покорения Киевскими князьями. Они несут с собой принципиально иную хозяйственную культуру. Одним из основных занятий является земледелие. Поэтому на южной границе Малоярославецкого района встречаются топонимы, свидетельствующие о подсечно-огневой системе земледелия.

– Пожарки – в основе названия лежит основа «жар», что означает «огонь» при помощи которого расчищали участки земли под пашню.

– Ожогино – название свидетельствует о подготовке пашни путём выжигания лесных участков. Возможно, в древнейшие времена название звучало по-иному: Ожоги, Ожог (т.е. не было осложнено суффиксом).

Однако, в топонимии Малоярославецкого района, с территории которого начиналось расселение славян по левому берегу Оки, названия, связанные с подсечной системой земледелия, встречаются редко, в отличие от районов, находящихся за Окой, в Козельском, Мосальском, Жиздринском районах, которые были центром расселения вятичей. Связано это с тем, что вятичи, придя на уже освоенную территорию, не всегда образовывали отдельные посёлки. Часто они подселялись к голяди и начинали вести совместное хозяйство. Заселение происходило мирно. Об этом свидетельствует отсутствие в топонимии районов названий, связанных с военными действиями.

В результате последующего развития земель в составе Киевской Руси, многие из древнейших названий утратили своё первоначальное звучание. Они преобразовались в соответствии с правилами того языка, который господствовал на данной территории, т.е. русского. Однако из топонимов, получивших новое

звучание, можно выделить первоначальные основы. Балтийскую основу несут в себе такие названия:

– Иклинское – происходит от слова «икланис», что значит предгорье, возвышенность;

– Куприно – «купра» – маленькая возвышенность, курган.

На формирование топонимии Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов оказали влияние языки «соседей», переселившихся на земли в более позднее время. Прежде чем рассмотреть вопрос о влиянии «соседей» на топонимию северных районов Калужской области, надо определиться, кого можно считать соседями. Нынешняя территория Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов занимали серединное положение в Киевской Руси, входили в состав Черниговского княжества в период феодальной раздробленности, долгое время имели пограничное положение в период складывания централизованного государства, со второй половины семнадцатого века вновь становятся центральными районами России. Учитывая эти обстоятельства, к непосредственным соседям на западе можно отнести поляков и литовцев, претендовавших на русские земли с XV до середины XVII века, поэтому на территории Малоярославецкого и Боровского районов встречаются характерные названия, относящиеся к этому периоду:

– Паново – «панами» назвали всех поляков, переселившихся вглубь России.

– Панское – этимология та же; территория поселения находится на месте городища XIV века якобы литовского происхождения, которое дало название всему поселению.

– Леташово – «леташами» пренебрежительно называли всех литовцев. Как категорию «соседей» можно выделить добровольных переселенцев. Чаще всего таковыми являлись монголо-татары. Причиной переселения на территорию русских земель становится приход к власти в Орде хана Узбека в 1312 году, который объявил мусульманскую веру единой религией для всех монголо-татар и насильственно попытался привести их к единобожию. Ответом на подобное насилие стало переселение и переход на службу к русским князьям.

– Татарское – (на территории правобережья Оки встречается неоднократно) название происходит от национальности народа, населявшего эту деревню.

– Ерденево – «ерда» – прорубь в древнерусском языке. Однако, в былинах о подвигах Ильи Муромца встречается р. Ердань, что значит Иордан. Очевидно, что в этом населенном пункте поселились татары, которые впоследствии приняли крещение по православному обряду (через погружение в священные воды) и в память об этом событии деревня получила такое название. Известно, что в Ерденеве по сей день проживают потомки татар.

– Башкардово – название происходит от двух тюркских слов: «баш» – голова, «кар» – крепость. Учитывая географическое положение деревни, её название можно истолковать как укреплённый посёлок.

– Азарово – название происходит от тюркского имени, принадлежавшего человеку, который был первопоселенцем или владельцем этой деревни.

– Ахматово – название происходит от имени первопоселенца по имени Ахмат, характерного для тюркских народов.

– Казаново – название происходит от тюркской основы *qaz* - «копать» и аффикса – ан, – то, что выкопано. Некоторые лингвисты (Иванов В.В., Халиков А.Х.) видят в этом слове термин «начало границы».

– Караулово – происходит от слова «караул», пришедшего в русский язык из тюркского «каравул» – стража, передовое охранение. Возможно, в этом населённом пункте, находящемся на берегу р. Протвы, стояли караулы, предохраняющие земли от захватчиков и грабителей.

2. Пограничное положение Боровского и Малоярославецкого районов в период расширения и укрепления Московского государства обусловило появление на их территории населённых пунктов, которые давались воеводам во временное владение для несения пограничной службы. За этими деревнями закреплялись имена воевод, которые несли там службу. Либо представители дворянских родов получали земли в награду за заслуги.

– Белкино – с XV века владельцами усадьбы был дворянский род Белкиных, представители которого участвовали в обороне «украинского» края Калужского края. По родословной Белкиных их родоначальником был Ахманд Бассаваль, выехавший из Пруссии в 1267 году и поступил на службу к Великому князю Данилу Александровичу.

– Козельское – название происходит от имени древнего

рода князей Козельских, которые были внуками Михаила Черниговского. В состав его земель входил Боровск после распада Киевской Руси на отдельные княжества. Род Козельских существовал в истории до XIV века.

– Загрязье – эта деревня представляет особый интерес. На первый взгляд название кажется простым, имеющим физико-географическую этимологию: деревня, находящаяся «за грязью», т.е. чтобы до неё добраться, необходимо было преодолеть какую-либо грязь. Однако при более подробном анализе выясняется следующее: в 1550 году Иван IV создаёт «Государев родословец» – список тысячи лучших дворянских родов, которых «испомещает» на землях вокруг Москвы для охраны столицы и его самого от бояр. «Летопись Калужская» указывает на то, что в «Родословец» был вписан род князей Загряжских, происходящих от татарина Исахара. во крещении Гавриила, который выехал к великому князю Дмитрию Донскому из Орды и был у него «ближним человеком» и пожалован вотчинами за службу. Та же «Летопись» указывает на то, что земля Загряжским в 1550 году была выделена близ Боровска. Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что деревня Загрязье и есть то самое поместье, выделенное дворянскому роду. Очевидно, что изначально название деревни следует произносить – Загряжское. Однако, позднее род Загряжских распадается на более мелкие ветви, жители деревни постепенно забывают о прежних владельцах и начинают произносить название в более понятном «народном» варианте. Так на карте возникает д. Загрязье.

– Оболенское – владение княжеского рода Оболенских, потомков князя – Торусского Юрия Михайловича, участвовавших в защите Калужской земли от нашествия литовского князя Ольгерда в 1368 году. Город Оболенск, который находился недалеко от места впадения р. Лужи в р. Протву. Ниже по течению р. Протвы находится ещё несколько населённых пунктов, которые принадлежали многочисленным потомкам княжеского рода:

– Оболенское – в нижнем течении р. Протвы;

– Лыково – Лыковы – одна из ветвей рода Оболенских;

– Овчинино – Овчинины тоже были потомками рода Оболенских.

Административные реформы на территории нынешней Калужской области также нашли отражение в топонимии её север-

ных районов. Чаще всего эти реформы служили усилению центральной власти или способствовали наведению порядка в хозяйственно-экономической сфере государства.

На территории Боровского района особо можно выделить деревню Скуратово. Известно, что часть земель Иван IV выделяет в опричнину (в том числе Боровск и Малоярославец). Очевидно, земли вокруг Боровска отошли во владение Малюте Скуратову, от имени которого произошло название деревни. В подтверждение этого на территории Московской области можно в нескольких десятках километров увидеть село, которое называется Басманово – названное так по фамилии ещё одного любимца Ивана IV Фёдора Басманова.

Вторым фактором, оказывающим влияние на топонимию севера Калужской области, является хозяйственная деятельность населения. Через исследование топонимического материала можно проследить наиболее важные отрасли:

– ткачество;
– производство верёвки;
– гончарное производство;
– бортничество;
– пашенное земледелие;
– торговля.

Подробное изучение карты Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов позволяет сделать вывод, что ткачество и производство верёвки получило развитие преимущественно в Боровском и Жуковском районах. Земледелие велось более активно на территории Малоярославецкого района, причём обрабатываемая земля иногда становилась предметом длительных споров и многочисленных переделов. Очевидно, это связано с административно-территориальными переделами, проходившими в XVII–XVIII веках. Промысловая деятельность, связанная с добычей мёда и торговля были развиты повсеместно.

А) Ткачество, производство верёвки.

Анализ топонимического материала говорит о том, что обработка льна и пеньки играли ведущую роль в хозяйстве Боровского района. Об этом говорят следующие названия населённых пунктов:

– Атрепьево – от слова «отреп», «отрепать», что значит трепать пеньку или лён для дальнейшей переработки;

– Бердовка – «бердой» называли гребень ткацкого станка, суффикс -овк – наиболее употребительный при образовании названий с XVII века, свидетельствует, что название образуется не ранее XVII века, т.е. во время наибольшего расцвета ткачества на территории района. Очевидно, в этой деревне изготавливали из дерева берды для ткацких станков.

– Ворсино – название происходит от слова «ворса», что значит волос, пушок, волокно на ткани.

– Воробьи – «воробкой» назывался снаряд для размотки пряжи, на нём разматывали сороковушу (40 нитей) для дальнейшей переработки.

– Воробьёве – возможно, в этом населённом пункте изготавливали воробки.

– Красное – название деревни происходит от слова «красна», «кросна» – что значит простой крестьянский холст в куске, либо ткацкий стан с основою.

– Сорокаветь – деревни с таким названием находятся в Боровском и Малоярославецком районах. Название деревни происходит от старого слова «сороковуша», в первоначальном значении «мешок с сорока шкурками» (что-то, в основе чего лежит число сорок). Позднее сороковушей стали называть нить, состоящую из сорока более тонких нитей, которые разматывали на воробке.

– Уткино – название происходит от слова «уток». Утком по сей день называется нить, которой ткут, она идёт поперёк основы.

– Тростье – «тростить», значит, вить верёвку, обрабатывать пряжу.

– Станки – возможно, в этой деревне производились на продажу ткацкие станки.

– Жилинка – «жила» – толстое волокно, нить. Такие волокна изготавливали в деревне, вероятно, для дальнейшей продажи.

Такое количество топонимов, связанных с ткачеством, не случайно. Очевидно, что этот вид ремесленного производства был основным в северных районах нынешней Калужской области на протяжении XVII-XVIII веков, т.е. до тех пор, пока не начинается производство тканей фабричным способом, связанное с началом промышленного переворота в России и его центр перемещается на территории соседних губерний.

Б). О существовании на территории районов в течение долгого времени гончарного ремесла говорят следующие названия:

– Гончаровка – название явно указывает на то, что в деревне преобладало гончарное производство. Однако суффикс -овк – говорит о происхождении этого названия не ранее XVII века.

– Глинищи – название свидетельствует о добыче глины в районе этого населённого пункта, возможно, для изготовления не только посуды, но и кирпича.

– Кувшиново – в деревне изготавливались сосуды; кувшины, кринки и т.д.

– Барановка – встречается неоднократно. «Бараном» в калужских говорах называли глиняный рукомойник.

О том, что гончарное производство не являлось основным на территории районов, говорит относительно малое количество названий, связанных с этим ремеслом.

В). Бортничество.

Добыча мёда всегда считалась самым опасным, но в то же время прибыльным промыслом. Бортничество было развито у славян с древнейших времён. О значимости этого вида хозяйственной деятельности говорит то, что деревни Боровского и Малоярославецкого носят следующие названия:

–Бортники – прямое указание на основное занятие населения. Деревни с таким названием есть в северной части Боровского и в южной части Малоярославецкого районов. Т.е. этот промысел был развит повсеместно.

– Медовики – в Боровском районе.

– Сатино – старое название деревни Сотино, происходит от основы «соты». Очевидно, деревня получает такое название, когда бортничество перестало быть промыслом и началось культурное разведение пчёл.

– Пешково – «пешкой» называли долото на длинной ручке для долбления ульев.

Г). Торговля.

История районов не знает каких-либо крупных ярмарок, проходивших на их территориях. Однако торговля местного значения была развита. Скорее всего, это были небольшие однодневные рынки, которые обеспечивали население необходимыми товарами, производимыми в окрестных деревнях.

– Редькино – деревень с таким названием две: на территории Боровского и Малоярославецкого районов. Название происходит от основы «редь» – «рядь», т.е. торговое место, сделка при покупке.

– Маклино – «маклой», «маклаком» называли посредника при торговой операции либо базарного плута.

– Шопино – название происходит от основы «шопа», что значит навес для торговли хлебом, мясом, овощами.

Однако существовали населённые пункты, которые посещались богатыми купцами, весьма вероятно иностранными.

– Гостешево – «гостями» исстари называли богатых купцов, которые, вероятно, приезжали в деревню для скупки товаров.

– Асеньевское – асеями называли англичан, приезжавших для торговли. Они часто говорили «I say» – послушай-ка.

Безусловно, что занятия жителей не ограничивались только этими видами хозяйственной деятельности. В топонимии прослеживается и другая специализация отдельных населённых пунктов.

– Колесниково – деревня в Боровском районе. В деревне жили мастера, которые изготавливали колёса для телег, а возможно, и сами телеги и сани.

– Пекино – вероятно, деревня славилась выпечкой.

– Лаптево – в деревне занимались плетением лаптей для продажи.

– Мосолово – «мосолом» назывался мелкий торговец хлыстом.

– Пирогово – название деревни не нуждается в дополнительных объяснениях.

– Кожухово – «кожух» – род верхней одежды, изготовляемый в деревне на продажу.

– Чериково – черик – род башмака, вероятно, в деревне изготавливали простую обувь.

– Чулково – чулок – исподняя вязаная обувь.

– Каньшино – «канька» – так называли деревянные кружки, жбаны. Название деревни говорит само за себя.

– Киево – «кий» – деревянная колотушка для работы по дереву. В деревне, скорее всего, изготавливали эти орудия труда, а также изделия с их помощью.

– Чухловка – «чухой» назывался дорогой кафтан синего сукна. Их шили в деревне для дальнейшей продажи.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что ремесло и

промыслы на севере Калужской области были чрезвычайно развиты, однако, до XIX века каких бы то ни было значительных ярмарок на территории этих районов не отмечалось. С чем это может быть связано? Скорее всего, с тем, что деревни, в которых производились товары, существовали на правах ремесленных слобод, подобно ремесленным слободам в городах. Они принадлежали либо монастырям, либо государству, а это значит, что большую часть производимых товаров они вынуждены было отдавать в качестве натурального оброка и для рыночной реализации почти ничего не оставалось.

Особый интерес представляют топонимы, при анализе которых можно составить картину землепользования в Боровском, Малоярославецком и Жуковском районах. Интенсивное развитие земледелия наблюдается на территории Малоярославецкого и Жуковского районов. В топонимии Боровского района подобные названия не присутствуют. Видимо, сказываются особенности исторически сложившихся систем хозяйствования, связанных с ранней колонизацией, о которых говорилось выше. При исследовании топонимического материала напрашиваются следующие выводы:

– на ранних этапах хозяйственного освоения земель славяне вятичи использовали подсечно-огневую систему земледелия;

– в связи с развитием технологий обработки земли происходит значительное расширение пахотных угодий;

– постепенно в систему землепользования включаются новые районы с различными типами почв, в том числе не вполне пригодными для обработки;

– в результате многочисленных административных преобразований, происходит смещение внутренних границ, что также отражается в топонимии районов.

– Серединское – село находилось между двумя земельными участками, принадлежащими разным владельцам.

– Придача – название деревни говорит о том, что она была дана в придачу при сделке купли-продажи.

– Веткино – неоднократно встречается на территории районов. Веткой назывался клин земли, который глубоко вдавался в чужие земли.

– Клины – также встречается неоднократно. Клином называется земельный надел.

– Дурной Клин – очевидно, в топониме отражён неплодородный характер земельного участка.

– Усадье

– Песочня, Болотское, Заболотское – неоднократно встречаются на территории районов. Названия говорят о том , что в систему землепользования включаются даже участки, на которых заниматься земледелием рискованно.

– Бутырки – одинокое, удаленное жилище, строилось, как правило, в лесах. Свидетельствует о включении в систему землепользования не только пашенных угодий, но и лесных участков.

Из приведённых топонимов видно, что на территории северных районов Калужской области была относительно высокая плотность населения. Вызвано это было тем, что в течение XIV–XVII веков движение населения происходило в центральные районы государства, а господствовавшее здесь крепостное право не позволяло этому потоку повернуть в другую сторону.

***В. И. Абакулов**, Калужский государственный объединенный краеведческий музей*

Перспективы комплектования фондов Калужского государственного объединенного краеведческого музея материалами по Агропромышленному комплексу Калужской области современного периода

Важнейшей отраслью экономики Калужской области является агропромышленный комплекс. С конца 1980-х годов проходило реформирование сельского хозяйства нашей страны. Была поставлена задача преобразования коллективных хозяйств, колхозов и совхозов в фермерские хозяйства, превращение их в ассоциации и кооперативы. Реформы не проходили гладко.

За прошедшие годы сотрудниками Калужского областного краеведческого музея был собран большой материал о сельском хозяйстве Калужской области, передовых хозяйствах, руководителях и тружениках 1950-1980-х годов: о председателе колхоза им. Жукова И.М. Ермакове; о председателе колхоза «Россия» Козель-

ского района, Герое Социалистического Труда Г.И. Сонине и о работе этого хозяйства; Героях Социалистического Труда, делегате XXV съезда КПСС А.В. Розмаховой и доярке А.В. Михайловой из совхоза «Ворсино» Боровского района; делегате XXII съезда КПСС кавалере двух орденов Ленина Т.И. Торховой из колхоза им. Орджоникидзе Козельского района; о Госплемзаводе им. В.Н. Цветкова Малоярославецкого района, о его директоре, депутате Верховного Совета СССР Б.П. Оконечникове, о доярке, Герое Социалистического Труда А.И. Разуваевой из этого хозяйства; мастерах колхоза им. Орджоникидзе Козельского района, о совхозе им. К.Э. Циолковского и др. Были созданы личные фонды вышеупомянутых лиц, а также таких передовиков, как М.В. Гущин (ветеран ВОВ, Герой Социалистического Труда, звеньевой картофелеводческого звена Воротынской МТС),Т.Н. Доронина (свинарка колхоза им. Чапаева Дзержинского района, Герой Социалистического Труда), Н.И. Белан (бригадир трактористов колхоза им. Ленина Жуковского района).

Материалы были собраны несомненно интересные. Это фотографии и негативы, документы, удостоверения, пригласительные билеты, брошюры, плакаты, образцы продукции, почетные грамоты, настольные календари, мандаты, медали, значки, личные вещи (халат, книги, ручки, часы и т. д.), автобиографии. Разнообразная по составу тематическая коллекция в основном отражает развитие АПК в период социалистического развития государства. Процесс комплектования материалов о сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности в КОКМ прервался 1990 г. в связи с ликвидацией отдела современной истории. Была нарушена преемственность в осуществлении одной из важнейших социальных функций музея – документировании современного исторического процесса.

За прошедшие после этого годы назрела необходимость продолжения сбора материалов по АПК, отражающих процесс реформирования сельского хозяйства за период 1985 – 2000 г.г., основные тенденции его развития в Калужской области на современном этапе.

Непосредственному комплектованию предшествовал важный этап научной подготовки. Он заключался в изучении материалов периодической печати (была составлена картотека за 1998-2000 г.г.) и Департамента сельского хозяйства Калужской области, документов и законодательных актов, издаваемых правительством РФ, статей в сборниках научных конференций (специалиста ГИМ А.А. Куренышева, который также занимается комплектованием материалов по сельскому хозяйству на современном этапе: «Отражение проблем реформирования сельского хозяйства страны в экспозиционной и собирательской работе музея»/ Музеи в современном обществе. Поиски новых решений. (По материалам конференций музейных работников, состоявшихся в г.г. Москве и Екатеринбурге в 1998 г. С. 174-186.)).

На основе прошедшей аналитической работы был составлен перспективный план научного комплектования фондов музея материалами АПК, состоящий из следующих разделов.

1.Политика государства в области сельского хозяйства.

В этом разделе, как нам кажется, необходимо охарактеризовать политику государства, которое направляет свои силы на развитие этой важной отрасли народного хозяйства в обеспечении населения продуктами питания, постепенно отказываясь от импорта; обсуждение законопроекта о купле-продаже земли, развитие фермерских хозяйств; смену собственности. Для осуществления вышеперечисленных задач за последнее десятилетие изменился политический курс государственной власти.

Эту политику раскрывают законы РФ, положения о реорганизации колхозов, совхозов, приватизации предприятий, указы президента РФ. Политика местного руководства идет в русле общей политики государства. Ее содержание раскрывается в таких источниках как постановления и распоряжения Законодательного Собрания Калужской области, администрации губернатора области и Департамента сельского хозяйства и продовольствия Калужской области. (закон Калужской области «О государственном регулировании производства в Калужской области» от 15.06. 2000 г.)

2. Организация сельскохозяйственного производства в Калужской области.

На протяжении 1990-х годов происходил процесс смены собственности. На это была нацелена реформа сельского хозяйства. Колхозы и совхозы преобразовывались в АО, ТОО, фермерские хозяйства. Этот процесс можно проследить на примере ряда хозяйств Калужской области. Например, колхоз им. Горького (д. Алешково Михеевский сельсовет) был преобразован в АОЗТ

«Воробьево» Малоярославецкого района, Госплемзавод им. В.Н. Цветкова в ТОО им. В.Н. Цветкова. Колхоз им. Ленина Жуковского района, колхоз «Маяк» Перемышльского района продолжают работать в прежней форме собственности. Эти предприятия согласно последним данным Департамента являются абсолютными лидерами среди хозяйств области, поэтому наш выбор при комплектовании остановился именно на них.

После постановления Правительства РФ (1990 г.) стало развиваться фермерское движение. В 1999 г. в Калужской области было всего 2029 фермерских хозяйств. По данным Департамента реально из них действуют 50-60. Процесс развития фермерских хозяйств сопряжен с рядом проблем, в разрешении которых важна позиция государства и местного правительства.

Для комплектования нами были выбраны два фермерских хозяйства: «НИЛ» Козельского района и «ДИК» Бабынинского района. Расскажем подробнее об одном из них, чтобы пояснить наш выбор при комплектовании фондов музея материалами по АПК. Хозяйство «ДИК» (д. Барановка) было создано Андреем Анатольевичем Давыдовым в апреле 1994 г. Начиналось оно с аренды 25 га земли, теперь 600 га. А.А. Давыдов руководитель ассоциации фермерских хозяйств, «Человек года-1999» Бабынинского района, набираясь опыта, побывал в Канаде и США. «ДИК» специализируется на мясном скотоводстве. Им был закуплен скот герефордской и швицкой пород. Хозяйство занимается откормом КРС в весенне-летний период, применяя передовые европейские технологии управления пастбищами, разводом чистопородного мясного КРС.

Фермерское хозяйство «НИЛ» (руководитель Виталий Анатольевич Нилов) расположен в д. Волконское Козельского района, специализируется на производстве молока и молочных продуктов, имеет собственный цех по их переработке.

Указанные нами фермерские хозяйства успешно работают, вполне конкурентноспособны, известны как лучшие среди себе подобных.

В качестве источников, отражающих организацию сельскохозяйственного производства в Калужской области могут выступать: уставы предприятий, фотографии новых вывесок, образцы писем, бланков, личные фонды передовиков и некоторых руководителей.

3. Процесс сельскохозяйственного производства.

В указанный период в Калужской области продолжали развиваться такие отрасли как растениеводство, молочное животноводство, птицеводство. В растениеводстве продолжают высеивать кормовые сорта, в последние годы увеличили посадки льна и гречихи. Появились МТС, где объединена техника сразу нескольких хозяйств (в помощь при распашке земель и уборке урожая). Поля обрабатывают по очереди. Все это происходит из-за изношенности техники, ведет к сокращению посевных площадей и поголовья скота. Это может быть отражено через такие источники как фотографии зарастающих полей, разбитые здания ферм и т.п. Процесс производства можно представить в последующих выставках путем сбора фотографий по работе в различных хозяйствах, которые входят в план комплектования.

4. Переработка сельскохозяйственной продукции.

Происходит как на крупных предприятиях (например, ЗАО «Калужский хлебокомбинат»), так и в цехах переработки, находящихся непосредственно в хозяйствах области (фермерское хозяйство «НИЛ»). Многие хозяйства заинтересованы в переработке своей сельскохозяйственной продукции на месте, т. к. это экономически эффективнее. Немаловажное место в АПК области всегда уделялось деятельности перерабатывающей промышленности. Наш выбор остановился на наиболее успешно действующих предприятиях таких как: ЗАО «Калужский хлебокомбинат» (получивший в этом году золотую медаль), Обнинский молочный завод, народное предприятие «Мясокомбинат Калужский», фермерское хозяйство «НИЛ» и др. Источниками об этих предприятий являются уставы, рекламная продукция, дипломы, упаковки, фотографии и т.д.

5. Реализация сельскохозяйственной продукции.

Одним из важных направлений в развитии АПК является реализация сельскохозяйственной продукции, которая направлена на потребителя, как местного, так и находящегося вне пределов области. . Многие хозяйства сбывают свою продукцию либо через рынок, либо в специализированных магазинах. С апреля 1998 г. в Калуге открылось ОАО «Калужский межрегиональный оптовый продовольственный рынок» (МОПР). Задачи, стоящие перед МОПР: а) обеспечение населения областного центра высококачественными продуктами питания по ценам производи-

теля; б) предоставление поставщикам сельхозпродукции возможности выхода на конкурентный рынок; в) организация и проведение аукционов, ярмарок, выставок, деловых встреч, бизнес-туров.

В целом политика областного правительства направлена на расширение оптового рынка. Заключаются договора с другими областями, республиками на поставку сельскохозяйственной продукции. Реализация продукции может быть отражена через фотографии торговых мест, фирменных магазинов, свидетельства о создании МОПР, каталоги расценок на сельскохозяйственную технику, продовольственные товары, рекламные проспекты, буклеты, фотографии сельскохозяйственных ярмарок и выставок проводимых осенью в п. Анненки.

6. Подготовка сельскохозяйственных кадров.

В Калужской области всегда уделялось внимание подготовке сельскохозяйственных кадров. Действовала широкая сеть среднеспециальных учебных заведений и СПТУ, где готовили кадры среднего и низшего звена. Область сама обеспечивает себя сельскохозяйственными кадрами. Важным событием стало открытие филиала МСХА им. К.А. Тимирязева в 1986 г., в связи с потребностью специалистов новых профессий (не только агрономов, зоотехников, бухгалтеров как раньше, а менеджеров и экономистов).Это позволило оперативно решать вопросы обеспечения сельскохозяйственных предприятий квалифицированными кадрами. Необходим сбор постановления об открытии филиала, учебных программ, пособий; фото преподавателей, комплекса зданий,.аудиторий; научные труды. Кроме того прежние сельскохозяйственные учебные заведения перестраивают свои учебные планы с учетом новых требований дня и потребностей сельскохозяйственного производства в новых профессиях. Произошел процесс преобразования ПТУ в лицеи, техникумов в колледжи.

7. Сельскохозяйственная наука.

В указанный период в Калужской области продолжали работать ВНИИ физиологии, биохимии и питания сельскохозяйственных животных, Воротынское опытное поле (сельскохозяйственная станция). Появились и новые научные учреждения: АОЗТ «КЛОН» (лаборатория по по селекции и первичному семеноводству картофеля). Сокращение финансирования отрицательно сказалось на обеспечении материальной базы сельскохозяйствен-

ной науки Калужской области. Тем не менее наука работала. Можно показать этот раздел через фотографии лабораторий, патенты на изобретения, новые сорта, рекламные проспекты, договоры на поставку новых сортов.

Перспективный план комплектования по АПК прошел рецензирование в Департаменте сельского хозяйства и продовольствия Калужской области, по итогам которого был переработан.

После составления плана комплектования и рецензирования его в Департаменте, началась реализация этого плана. Практика выявила следующие проблемы. На первый план встает вопрос: каким образом проводить комплектование ? Отсутствует законодательная база, помогающая работникам музеев проводить комплектование. Мы можем ссылаться лишь на Федеральный закон «О музейном фонде РФ и музеях в РФ» № 54-ФЗ от 26 мая 1996 г., в котором нет статьи, обязывающей предприятия передавать в музеи материалы о своей деятельности, образцы своей продукции (в том числе по сельскому хозяйству и перерабатывающей промышленности) для постоянного хранения.

В связи с этим, приходится делать акцент на личностном подходе к руководителям предприятий, объяснять директорам и председателям необходимость сохранения в фондах музея и отражения в последующих экспозициях и выставках событий переходного этапа в АПК, создания личных фондов передовиков производства. Причем, отражение не только успехов и заслуг, но и возникающих проблем, которых тоже немало.

Другое затруднение, возникающее в процессе комплектования — это относительная дороговизна частых поездок в хозяйства нашей области, порой находящихся на значительном расстоянии от Калуги. Пока мы пошли по пути составления и рассылки писем руководителям предприятий с просьбой оказать содействие в сборе материалов о своих хозяйствах. Затем идет неоднократный обмен телефонными звонками и как результат — выезд непосредственно в хозяйство.

Как нам кажется, необходимо принятие закона о музеях на местном уровне власти, в котором была бы статья, обязующая руководителей предприятий Калужской области помогать музеям вести комплектование своих фондов материалами по современной истории, отражающими деятельность и историю этих предприятий.

Посредством собранного материала появится возможность сохранить для потомков вещественную информацию о нелегких процессах, происходивших в сельском хозяйстве переходного этапа, а затем можно будет устраивать выставки и экспозиции. Важно также, что собираемые материалы - это специфические исторические источники, которые одновременно являются и музейными предметами. Первые шаги по комплектованию АПК Калужской области сделаны, выявлена источниковая база.

Таким образом, перспективы комплектования фондов музея определяются качеством научной подготовки собирательской работы, заключающейся в определении круга музейных источников, способных отразить современное развитие АПК. Практика собирательской работы нуждается в современном правовом обеспечении.

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

Массалитина Г. А., Модин И. Н. Изучение памятников археологии Калужской области с привлечением методов естественных наук 5

Болдин И. В., Модин И. Н., Калишева М. В. , Еременко А. В. Исследование оборонительных сооружений летописного Любутска археологическими и геофизическими методами 14

Ворожейкина М. Е. Русский средневековый соляной промысел на территории лесной зоны и возможности его археологического изучения 24

Ткаченко В. А. Находки медных пул в окрестностях Калуги 29

Прошкин О. Л. Хронология древнерусских поселений Верхнего Поочья 34

Гурьянов В. Н. О юго-восточной границе смоленских кривичей в бассейне р. Десны 42

Кулаков В. И. Козельский микрорегион в среднем железном веке 47

Гусаков М. Г. К вопросу роли подсечного земледелия в эпоху раннего железного века в лесной зоне Восточной Европы 55

Красницкий Л. Н. Ранняя этническая история Орловского края 58

Смирнов А. С. О границах археологических культур 72

Чубур А. А. Неолит Окско-Сеймского водораздела 77

Неклюдов А. Н. Поселение «Льялово-3» связующее звено единого круга памятников каменного века Верхней Волги и Поочья 81

Сорокин А. Н. О мезолите Жиздринского полесья 84

Грудинкин Б. В. Проблемы и перспективы в изучении палеолита Верхней Оки 90

Прошкин О. Л., Нигматуллин Р. А. Археологические исследования в зонах новостроек Калужской области в 1999-2000 гг. 103

Павлишак А. А. Древнее поселение Ждамирово в бассейне реки Калужки 111

Краснощекова С. Д. История археологических исследований в Орловской области 121

История

Лопатин Н. В. Пафнутий Львович Чебышёв и версии происхождения его рода 127
Бессонов В. А. Материалы к биографии Льва Павловича Чебышева (по документам Государственного архива Калужской области) 132
Филимонов В. Я. История поселений Калужской области: итоги и задачи изучения 143
Паршин С. Н., Савосичев А. Ю. Древние Ливны в свете письменных источников 148
Савосичев А. Ю. Пискаревский летописец как источник по истории древних Ливен 155
Аверьянов К. А. Из ранней истории Боровска 160
Митрошенкова Л. В. Волость Заячков в XIV – XVII вв. 172
Фомин Н. К. Лихвинские воеводы XVI-XVII веков 181
Старков В. Ф., Черносвитов П. Ю. Василий и Татьяна Прончищевы – герои Второй Камчатской экспедиции 186
Ёлкина И. И., Насырова Н. Ш., Станюкович А. К. Предметы из могилы Василия и Татьяны Прончищевых 190
Днепровский А. С., Легостаев В. В. Неопубликованные материалы личного происхождения по истории Калужского края XVIII – XIX вв. 199
Абакулов В. И., Абакулова Т. И. Дворянский род Коробьиных на Калужской земле 203
Кислицына М. В. Предпринимательская и общественная деятельность калужских купцов Фалеевых в XIX веке 214
Кожевникова Н. И. Из истории Кожевенной слободы (к вопросу генеалогии) 219
Бубликов В. В. Ефим Филиппович Филиппов - штатный смотритель Боровского уездного училища (к истории народного просвещения в г. Боровске в 80-х гг. XIX в.) 227
Иванов В. А. Архивные документы о численности калужской администрации в дореформенное время (по материалам ГАКО) 234
Свиридова Т. А. Общественные неполитические организации г. Калуги (1890 -1930). К постановке проблемы. 240
Петрова О. М. Источники по истории общественных неполитических организаций г. Калуги (1890-1930). 245
Бауэр А. А. Песоченская фаянсовая фабрика в «Кузнецовский» период (1899-1918) 252
Захарова Л. М. Из истории Смоленской церкви с. Бредихино Чернского уезда Тульской губернии 259
Лошкарева Н. П. История храмов г. Боровска по клировым ведомостям 1916 г. 265

Овчинцева Л. А., Свиридова Т. А. Крестьянские сельскохозяйственные общества Калужской губернии в начале XX века 275
Афанасьева О. Ю., Никитина Н. Н. «Калужские помещики» на страницах центральных и местных газет в 1924-1929 гг. 281
Королев Г. И. Документы ЦГАМО о Калужской земле в 1941 - 1944 гг. 286
Добычина М. А., Шиленков Ю. Н. Еврейское гетто в Калуге (по документам Государственного архива Калужской области) 289
Иванова Е. Г. Особенности топонимии Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов Калужской области 299
Абакулов В. И. Перспективы комплектования фондов Калужского государственного объединенного краеведческого музея материалами по Агропромышленному комплексу Калужской области современного периода 309

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ,
КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы IX конференции 21—23 марта 2001 г.

I часть

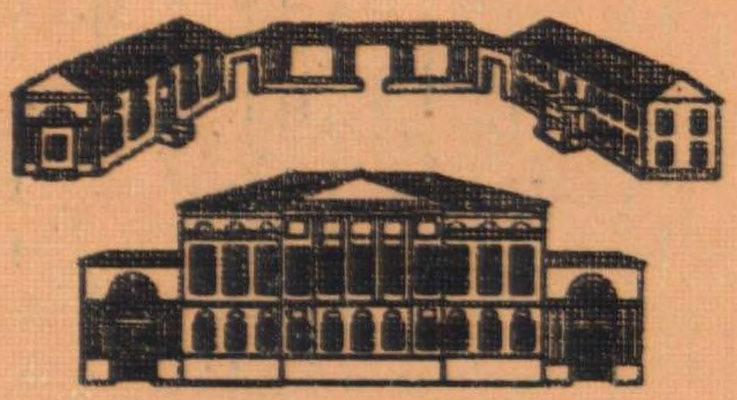
Ответственный редактор *Шмытова И.В.*
Технический редактор *Добровольская Т.В.*
Корректор *Качанова Р.А.*
Компьютерная верстка *Литвинов В.В.*

В офомлении обложки использованы материалы
художника *Е. Смирнова*

Сдано в набор 16.04.2001 г. Подписано в печать 18.06.2001 г.
Формат 60 x 84$^{1}/_{16}$. Объем 20 п.л. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ 1113.

Отпечатано в типографии ООО «Полиграф-Информ»
ПЛД № 42-17 от 16.09.98 г.
248023, г. Калуга, ул. Тульская, 78. Тел. 53-63-42

1897



**Калужский государственный объединенный
краеведческий музей**

248600, Калуга, ул. Пушкина, 14